

ИСТОРИЯ
СМУТНАГО ВРЕМЕНИ
ВЪ РОССІИ.

І.

Сканирование и обработка

Bewerr

ИСТОРИЯ
СМУТНАГО ВРЕМЕНИ
ВЪ РОССІИ
ВЪ НАЧАЛѢ XVII ВѢКА.

СЕНАТОРА Д. БУТУРЛИНА.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ АЛЕКСАНДРА СМИРДИНА.

=
1839.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, Октября 25-го дня 1838 года.

Ценсоръ *П. Корсаковъ.*

ПОСВЯЩАЕТСЯ ОТЪ СОЧИНТЕЛЯ

Г Р А Ф У

И Л А Р І О Н У В А С И Л Ь Е В И Ч У

В А С И Л Ь Ч И К О В У ,

ВЪ ЗНАКЪ ДУШЕВНАГО ПОЧТЕНІЯ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

=

(1584—1605 ГОДЫ.)

=

Начало XVII-го вѣка въ Россіи ознаменовано событіями чрезвычайными, кои шѣмъ болѣе изумляютъ насъ, что Исторія предшеспвующаго полувѣка нисколько не пригоповмяешъ къ онымъ. Русскій народъ, двадцать чепыре года сряду безропотно покоряющійся всѣмъ неисповствамъ Царя Іоанна Васильевича Грознаго, вдругъ самъ разрываетъ всѣ узы законной подчиненности, и съ неимовѣрнымъ оспервененіемъ вдаешся въ ужасы самовольства и безначалія. Духъ буйства и раздора, предавая всѣ сословія изспупленію гнуснѣйшихъ

страстей, потрясаетъ самую начала государственнаго образованія и очевидно влечетъ Россію къ конечному разрушенію ея самобытности. Но самая безмѣрность зла ужасаетъ спроптивѣвшихъ. На краю бездны Русскіе внемлютъ гласу погибающаго опечеснва. Сильный, единодушный порывъ уничтожаетъ вѣроломные замыслы внѣшнихъ враговъ и внутреннихъ крамольниковъ, и спасенная Россія успокоивается на обновленныхъ основаніяхъ своихъ. Только внимательный разборъ подробностей происшествій того времени можетъ объяснить намъ причины сихъ дивныхъ переворотовъ, важнымъ слѣдствіемъ коихъ было измѣненіе въ общественномъ устройствѣ самаго многочислнѣйшаго сословія въ Россіи.

18-го Марта 1584 года, смерть прекратила ужасные дни Грознаго. Казалось, Русскимъ оставалось только съ восторгомъ благодарить Всевышняго за избавленіе свое отъ мучительствъ его. Но люди искренно преданные опечеснву не безъ препета встрѣчали новое царствованіе. Извѣстное всѣмъ слабоуміе Феодора, сына и преемника Иоаннова, давало поводъ опасаться, чтобы чрезъ безупречство не помрачилось величіе государства. Нельзя было не признаваться, что свирѣпая, но мощная рука Царя Иоанна, не безъ пользы дѣйствовала къ довершенію великихъ начинаній глубо-

комысленнаго дѣда его, Великаго Князя Іоанна III-го, наспорящаго основателя Россійской Монархіи. Но чрезъ безсиліе недужнаго Θεодора, Россія могла снова утратить споль дорогою цѣною ею пріобрѣтенныя блага.

Впрочемъ событія, казалось, не оправдали сихъ опасеній. Θεодоръ, равнодушный ко всѣмъ почестямъ и обязанностямъ своего высокаго сана, любилъ только на семъ свѣтѣ колокольный звонъ и достойную супругу свою, Царицу Ирину, родной брать которой, Борисъ Θεодоровичъ Годуновъ, находился уже въ боярскомъ званіи еще при жизни покойнаго Царя. Сему хитрому, честолюбивому вельможѣ, одаренному опъ природы необыкновенными способностями, не трудно было, чрезъ посредство нѣжно привязанной къ нему сестры, овладѣть совершенно Царемъ, и его именемъ управлять государствомъ. Ему обязана Россія, что четырнадцатилѣтнее Θεодорово царствованіе справедливо почитается одною изъ счастливейшихъ эпохъ въ ея исторіи. Внутреннее благоденствіе народа, укрощеніе опаснаго Черемискаго бунта, озабочивавшаго послѣдніе годы правленія Іоаннова, возвращеніе силою оружія опъ Шведовъ Ивангорода, Ямы, Копорья и Кексгольма, упроченіе и распространеніе завосаній въ Сибири и, наконецъ, уничтоженіе зависимости Россійской церкви опъ

Цареградской, посредствомъ установленія самобышнаго Паптріаршества въ Москвѣ, оказали правительственную мудрость Годунова и, казалось, служили вѣрнымъ залогомъ прочности Россійскаго могущества. Однако среди сихъ славныхъ подвиговъ, два дѣйствія воли Годунова, одно преступное, другое можетъ быть по тогдашнимъ обстоятельствамъ необходимо, посвятали уже сѣмена будущихъ золъ. Говоримъ о убіеніи Царевича Димитрія и о законѣ касательно укрѣпленія гресѣянь.

Смерть Царевича была нужна Годунову для исполненія дерзкихъ замысловъ его. Правитель, (самъ Паптріархъ такъ называлъ Годунова), упоенный властію безмѣрною, съ ужасомъ разсчитывалъ, что мгновеніе могло лишить его оной. Все зависѣло отъ жизни Царя, которому слабое сложеніе тѣла не обѣщало ни многолѣтія, ни попомства. Единственнымъ наследникомъ его былъ осьмилѣтній братъ его, Царевичъ Димитрій, жившій съ матерью своею, изъ фамиліи Нагихъ, въ данномъ ему въ удѣлъ городъ Угличъ. При воцареніи Димитрія Годуновъ неминуемо содѣлался бы жертвою закоренѣлой ненависти къ нему Нагихъ. Къ естественному желанію отвратить грозящую ему опасность, соединились еще въ сердцѣ Годунова и обольщенія верховнаго сана. Уже Царь на дѣлѣ,

онъ хотѣлъ бытъ и Царемъ по имени. Одинъ Димитрій заграждаеъ ему пушь къ преспоу: участь Царевича была рѣшена!

Замышляя погибель его, Годуновъ искалъ сперва обезславить его въ общемъ мнѣнїи. Приверженцы Правителя разсѣвали повсюду, что царственный опрокъ, оказываемою имъ въ играхъ и Паллицъ и Флетчеръ. разговорахъ лютостїю, уже подобился звѣрскому опцу свосму. Съ другой стороны, основываясь на происхожденїи его опъ седьмага брака, православною Церковью запрещаемаго, Годуновъ выспавлялъ его незаконнорожденнымъ, и запренилъ поминашь его имя на Литургїи. Позволишельно предполагать, что Правитель нѣкошорое время думалъ симъ средствомъ опспранить опаснаго соперника и безъ совершения преспуленїя, коему еще прошивуборспвовала его совѣспь. Но дальновидность его скоро указала ему ненадежность приняныхъ мѣрь. Не шрудно было угадать, что со смертїю Феодора исчезнетъ всякое сомнѣнїе на счетъ законности рожденїя Димитрія въ глазахъ народа, искренно привязаннаго къ поколѣнїю спаринныхъ Государей своихъ. Опавалось или отказаться опъ очаровательной мечпы, или содѣлаться злодѣемъ. Годуновъ избралъ послѣднее.

Хопя Правителю удалось закупить Царевиче-Никоновская
Льтовсь. ву мамку, боярыню Волохову, однако бдишельность

нѣжной матери и вѣрной кормилицы не дозволила исполнить первопріятого намѣренія, тайно извѣсть Димитрія. Прибѣгнули къ злодѣйству опкрытому. Посланные опъ Годунова въ Угличъ убійцы, Данило Бишяговскій и Никиша Качаловъ, съ помощію мамкина сына Осипа Волохова, зарѣзали Царевича, 15-го Мая 1591 года около полудня, на крыльцѣ занимаемаго имъ дворца. Встревоженный спрашною вѣстію, Углицкій народъ толпами бросился ко дворцу, и въ изступленіи горести, при видѣ бездушнаго трупa, убилъ прехъ злодѣевъ и съ ними опца Бишяговскаго и еще прехъ чловѣкъ и одну женщину, подозрѣваемыхъ въ участіи пресупленія. Если взять въ соображеніе, сколь нужно было Годунову прервать всѣ пути, по коимъ можно было бы добратся до настоящаго зачипщника, то не легко оградить себя опъ подозрѣнія, что онъ же былъ тайнымъ орудіемъ гибели своихъ гнусныхъ сообщниковъ, и что по наущенію его же приверженцевъ городскіе жители самоуправно опмстили за смерть Царевича.

Успокоенный касательно явныхъ прошивъ себя уликъ, Правитель еще превожился слухомъ о народной молвѣ, грозно указывающей на него, какъ на перваго виновника пресупленія, которое никому иному и полезно бытъ не могло.

Дабы избавить опъ спрашнаго нареканія,

ему не предспавлялось другаго средспва, какъ спарашься доказашь, что самое преспуленіе было вымышленное. Хотя шруднымъ казалось въ ложномъ видѣ выспавишь происшествіе, коему свидѣшелемъ былъ, такъ сказашь, цѣлый городъ, однако Годуновъ опважился на сіе предпріятіе, и лукавство его и шуть увѣнчалось успѣхомъ, почти немовѣрнымъ.

По повелѣнію его опсправлены немедленно изъ Москвы въ Угличъ при слѣдовашеля, а именно: бояринъ Князь Василій Ивановичъ Шуйскій, Окольниковичей и Царскій дядька Андрей Васильевичъ Клешнинъ и дьякъ Вылузгинъ. Клешнинъ былъ извѣстнымъ угодникомъ Правителя. Ничтожность Вылузгина сокрыла опъ попомспва его образъ мыслей; нѣшть сомнѣнія, однако жъ, что онъ избранъ былъ изъ числа предантѣйшихъ слугъ Годунова. Но все покрывалось громкимъ именемъ Шуйскихъ. Никому безизвѣшно не было, что сіи горделивые попомки Государей Суздальскихъ явно враждовали Годунову, кошорый, плапя злобою за злобу, въ недавнемъ времени еще приказалъ удавишь двухъ бояръ Шуйскихъ, Князя Андрея Ивановича, и племянника его, знаменитаго защитника Пскова, Князя Ивана Петровича. За тѣмъ назначеніе Князя Василія Ивановича казалось дѣйшвиемъ смѣлымъ, являющимъ безпристрастіе Правителя. Но онъ

уже успѣлъ преклонить на свою сторону Князя Василя Ивановича. Сей вельможа, самъ, едва ли успулавшій Годунову въ лукавствѣ и честолобїи, убѣдился, что, въ неравной борьбѣ съ обладаемъ государства, онъ только изгоповилъ бы себѣ неминуемую гибель, и потому рѣшился опказаться отъ семейной ненависти и сблизиться съ убійцею своихъ сродниковъ, въ ожиданїи отъ него важныхъ для себя выгодъ и почестей. Годуновъ, желая упрочить примиреніе съ нимъ, выдалъ свояченицу свою, дѣвицу Екаперину Скурапову, за меньшаго его брата, Князя Димитрія.

Легко себѣ вообразить, что таковыя слѣдователи дѣйствовали по направленію Годунова. Единодушное свидѣтельство Углицкихъ жителей было усранено, а основаніемъ розыска приняты показанія нѣкопорокихъ лицъ, закупленныхъ или заспраченныхъ. Царю донесли, столицѣ объявили, что Царевичъ самъ закололся въ припадкѣ падучей болѣзни. Сей изворотъ шѣмъ прїятнѣе былъ для Годунова, что давалъ ему поводъ дать возчувствовать гнѣвъ свой шѣмъ, кои искренно оплакивали Димитрія. Наказуя будто бы небреженіе о Царевичѣ, Нагихъ разослали въ опдаленные города, а вдовспвующую Царицу, посприженную по неволѣ и нареченную Марѳою, заключили въ монастырь. Угличане также не укрылись отъ злобы Прави-

Собраніе Государственныхъ грамотъ

Морозовская
Летопись.

шея: Ихъ укоряли въ пролипіи мнимо-невинной крови убійць Царевичевыхъ. До двухъ сощъ изъ нихъ были казнены, другіе разсажсны по темницамъ, а большую часпъ вывели въ Сибирь и населили ими городъ Пелымъ. Запустѣніе древняго Углича оспалось для потомства печальнымъ памятникомъ меспи и пресупленія Годунова.

Сибирскія
Лѣтописи.

Выказывая свое могущество погубленіемъ прошивниковъ своихъ, вмѣстѣ съ тѣмъ Правитель убѣждался въ необходимости воспользоваться первымъ случаемъ, дабы умножить во всѣхъ сословіяхъ число своихъ приверженцевъ благодареніями, щедрою рукою изліянными. Сей случай не замедлилъ представиться, и споль для него благовременно, что современники не усумнились приписать оной его же тайнымъ побужденіямъ. Москва загорѣлась 22-го Мая, не случайно, а по злоумышленію и, утверждають, по повелѣнію Годунова. Пожаръ былъ ужасный. Уцѣляли только Кремль и Кишай. Сіе бѣдствіе уже тѣмъ было полезно для Годунова, что отвлекало умы отъ полковъ о смерти Царевича. Но Правитель симъ не удовольствовался. Онъ явился среди опечаленныхъ Москвитянъ въ видѣ ангела утѣшителя, сыпалъ деньгами, давалъ льготныя грамоты, однимъ словомъ, не только всякій получилъ нужное пособіе, но даже для многихъ вознагражденіе превышало убытки. Не-

Никоновская
Лѣтопись,
Палицынъ и
Маржереть.

минуемымъ слѣдствіемъ сей расчепливой распочительности было, что всѣ нареканія противъ Годунова умолкли, и имя его громко славилось въ

Никоновская сполицѣ.
Лѣтопись.

Такимъ образомъ Правитель приближался къ своей цѣли, какъ вдругъ нечаянное событіе едва не испровергло всѣ его замыслы. Царица Ирина оказалась беременною, и 14-го Іюня 1592 года родила дочь Θεодосію. Но сія неожиданная соперница не долго безпокоила Годунова: она скончалась въ слѣдующемъ году, и преждевременная смерть ея навлекла новое подозрѣніе на Правителя.

Другое дѣйствіе воли Годунова, не менѣе смерти Царевича Димитрія пагубное для Россіи по послѣдствіямъ своимъ, было, какъ уже сказано, укрѣпленіе крестьянъ.

Изстари въ Россіи люди низшаго сословія раздѣлялись на два сословія: *холопей*, находившихся въ домашней службѣ не только у чиновныхъ людей, но и у купцевъ и *крестьянъ*, упражнявшихся въ сельскихъ занятіяхъ. Холопя также были двухъ родовъ: полные и кабальные. Полными назывались тѣ, копорые находились, и съ попомствомъ своимъ, въ вѣчномъ и попомешвенномъ владѣніи у господъ своихъ. Кабальные же, также съ происшедшими отъ нихъ, были крѣпки пому господину, кому давали на себя кабалу только на

время его жизни; по смерти же его опять получали свободу. Всякій вольный человекъ, не исключая и крестьянъ, имѣлъ право не одного себя, но даже и дѣшей своихъ, записывашь въ полные или кабальные холоны къ какому бы то ни было господину. Что касается до крестьянъ, то они всегда были людьми вольными, не имѣвшими впрочемъ собственности недвижимой. Они пользовались важнымъ правомъ, произвольно переходить ежегодно изъ одного селенія въ другое, разсчитавшись предварительно съ прежнимъ владѣльцемъ. Дабы не дѣлать помѣшательства въ сельскихъ работахъ, срокъ перехода положенъ былъ по окончаніи оныхъ, и ограничивался двумя недѣлями, а именно за недѣлю до осенняго Юрьева дня, и черезъ недѣлю послѣ онаго. Крестьяне, въ вознагражденіе за предоспавляемые имъ участки земли, работали на владѣльца, и вмѣстѣ съ тѣмъ платили въ казну подать, которая обезпечивалась посѣянными на ихъ участкахъ хлѣбомъ.

Въ семь, такъ сказать, кочевомъ состояніи хотя крестьяне никогда благоденствовать не могли, ибо владѣльцы, не радя о временныхъ работникахъ своихъ, обременяли ихъ трудами непомерными; а сироты, увѣчные, преспарѣлые оспавались безъ приюта и призрѣнія, основывая всю надежду свою пропиташься на приходящихъ по-

бужденіяхъ соспрананія чужихъ людей; однако жъ важныхъ государспвенныхъ неудобспвъ не предспавлялось, пока Россія пребывала въ спъспенныхъ границахъ, и въ особенспси пока удѣльная сиспема разрѣзывала ее на мелкія владѣнія. Но когда съ водвореніемъ единодержавія и разширеніемъ предѣловъ государспва, кругъ перехода креспьянъ чрезъвычайно увеличился, бродяжничеспво ихъ со дня на день спановилось вреднѣе. Зло сіе дошло до высочайшей спепени съ покореніемъ Казани и Аспрахани, обезопасившимъ все проспранспво земли, между Цною и Волгою лежащее. Сія обширная, плодородная спрана, рѣдко населенная Мордвою, Чувашами и Ташарами, предспавляла важныя выгоды для новыхъ переселеній. Не спрудно было сильнымъ вельможамъ и богаспому духовенспву пріобрѣспть спамъ пустопорозжія земли, и переманивать на оныя поселанъ изъ внуспреннихъ областей Россіи къ крайнему раззоренію бѣдныхъ мелкопомѣспныхъ владѣльцевъ, не имѣвшихъ возмспности доспавлять креспьянамъ своимъ льгосп и выгосп, предлагаемыхъ выходцамъ заживочными людьми. Первымъ слѣдспвіемъ сего было запуспѣніе сель и деревень въ окреспноспяхъ самой сполицы, какъ свидѣспельспвуешъ о томъ очевидецъ, Англійскій посланникъ, докспоръ Флешчеръ, бывшій въ Москвѣ въ 1589 году. Годуновъ, съ

одной спороны предусматривая ослабленіе государства опѣ могущаго произойти въ самыхъ нѣдрахъ онаго безлюдства, а съ другой желая угодишь мелкопомѣстнымъ владѣльцамъ, составлявшимъ въ погдашнее время главную военную силу Россіи, прибѣгнувъ къ мѣрамъ рѣшительнымъ. Увлкаясь примѣромъ сосѣдственныхъ земель: Липвы, Лифляндіи и Эспляндіи, гдѣ съ давняго времени крѣпостное право владѣльцевъ селеній распространялось и на жищелей оныхъ, онъ запрешилъ переходъ крѣстьянъ, а велѣлъ имъ оспаваться навсегда въ шѣхъ мѣстахъ, гдѣ они значились по переписнымъ книгамъ, составленнымъ въ 1593 году. Впрочемъ и шущъ законъ не предоставлялъ ихъ еще въ полное распоряженіе владѣльцевъ, такъ что никто не могъ своего крѣстьянина, прошивъ воли его, обратишь въ полное или кабальное холопство *.

Симъ важнымъ постановленіемъ не ограничился Правитель въ преслѣдованіи бродяжничества. Въ 1597 году повелѣно все крѣпости на полныхъ холопей, и все кабалы на кабальныхъ записывашь въ книги въ Холопьемъ Приказѣ, и запрещено холопамъ выкупашья опѣ кабалы взносомъ шой

---

* *Примчаніе.* Самый текстъ сего перваго закона до насъ не дошелъ, а только дополненіе онаго, изданное въ 1597 году, и устанавливающее пятилѣтнюю давность на возвращеніе владѣльцамъ бѣглыхъ ихъ крѣстьянъ. Смотри Приложение № I.

суммы, за которую они закатались. При семъ случаѣ сдѣланъ разборъ вольнымъ людямъ, служащимъ у господъ безъ кабалъ. Тѣмъ изъ нихъ, которые у кого служили менѣе полугода, предоспавлено было на волю или закатались пому же господину, или искашь другаго; но что касается до людей, служившихъ полгода или болѣе непрерывно у одного господина, по шаковому выдавалась на нихъ кабала, даже и безъ ихъ согласія, по той причинѣ, что онъ ихъ кормилъ, одѣвалъ и обувалъ *.

Сіи распоряженія, споль спѣснительныя для личной свободы людей низшихъ сословій, неминуемо должны были породить въ нихъ сильное негодованіе. Сожалѣніе ихъ о упраченныхъ правахъ сохранилось даже до нашихъ временъ въ слѣдующей народной пословицѣ: *Вотъ тебѣ бабушка Юрьевъ день!* Годунову не лзя было не знать о всеобщемъ ропотѣ, но онъ полагалъ, что можетъ пренебречь неудовольствіемъ народнаго класса, хотя и самаго многочуднаго, но бѣднаго, безоружнаго и слѣдственно беззащитнаго. Увидимъ, что онъ обманулся въ своемъ расчетѣ, и что онъ самъ и Россія дорого заплатили за сію ошибку.

Теодоръ тихо приближался ко гробу, не оставляя по себѣ наследника, котораго, по тогдашнему образу мыслей, можно было бы назвать закон-

---

* Смотри Приложение № II.

нымъ. Московскій Великокняжескій домъ гибнулъ подъ ударами собственннхъ чадъ своихъ. Такъ какъ всѣ помышленія глубокомысленныхъ Государей сего дома успрямлялись къ водворенію единодержавія, и къ учрежденію престолонаслѣдованія по праву представленія первородства, а не по старѣйшинству въ родѣ *, по для достиженія сей важной двойкой цѣли, они даже не дорожили связями семейными. Самые ближніе кровные ихъ содѣлались жертвою мрачной полиптики. Иныхъ умерщвляли, другихъ предавали вѣчному започенію. Такъ стубили: Василій Темный двухъ двоюродныхъ братьевъ, Василя Косаго и Димитрія Шемяку, и шретьяго правнучапнаго, Василя Боровскаго съ тремя сыновьями его; Іоаннъ III роднаго внука своего, Димитрія Ивановича, и роднаго брата Андрея Углицкаго съ двумя сыновьями его; Василій Ивановичъ, правнучапнаго брата Василя Шемяку Рымьскаго; Правительница Елена деверей

---

* *Примѣчаніе.* Въ старину въ Россіи, при открытіи наслѣдства Великокняжескаго престола, дядья, какъ старѣйшіе въ родѣ, предпочитались племянникамъ, такъ что послѣ умершаго Великаго Князя наслѣдовалъ не сынъ, а братъ покойнаго. Храбрый сподвижникъ героя Донскаго, Князь Владиміръ Андреевичъ Серпуховскій, первый торжественно отказался отъ сего преимущества въ 1389 году въ пользу сына Донскаго; но 36 лѣтъ спустя, второй сынъ Донскаго, Князь Юрій Дмитріевичъ, оспаривалъ еще престоль у племянника своего Василя Василіевича Темнаго.

своихъ, Князей Юрія и Андрея Ивановичей, и наконецъ самъ Царь Грозный двоюроднаго брата, Князя Владиміра Андреевича и двухъ сыновей его. Кромѣ того Великіе Князья не охотно позволяли брагьямъ своимъ вступать въ бракъ, отъ чего нѣкопорые изъ нихъ умирали холостыми. При такихъ противныхъ расположенію дѣйствіяхъ, не удивительно, что царскій корень, хотя отъ природы одаренный довольно замѣчательною плодотворностію, изсякалъ, и что одинокій Феодоръ оставался безъ сродниковъ, даже дальнихъ, по мужескому поколѣнію.

Впрочемъ, хотя племя Московскихъ Государей рѣшительно пресѣкалось, однако много еще было въ Россіи Князей, имѣвшихъ въ Рюрикъ и Мономахъ общихъ съ ними родоначальниковъ, но никто и не мыслялъ, чтобы въ сихъ боковыхъ отрасляхъ, униженныхъ мѣспинчествомъ, могло еще сохраниться право на наследованіе престола Царскаго.

Въ наше время мало повимають мѣспинчество. Ишпорики, не исключая и самого Карамзина, приписываютъ изобрѣшеніе сего чуднаго учрежденія единственно сумазбродному пицеславию старинной нашей аристократіи, а вкорененіе онаго безпечному послабленію Московскихъ Государей. Но кто же были сіи Государи? Лѣпописи указы-

вають намъ, что мѣстничество, начало свое воспріавшее при Іоаннѣ III *, размножилось при сынѣ его Василіѣ Ивановичѣ, а ушвердилось и содѣлалось насполящимъ государственнымъ учрежденіемъ при Васильевомъ сынѣ, Іоаннѣ Грозномъ, который письменнымъ закономъ указалъ оному правила и предѣлы. Можно ли съ правдоподобіемъ осуждать въ безопасности и послабленіи Государей, опличившихся необыкновенною дальновидностію и чрезвычайною пвердстію, часпо доходившею даже до люпости, и не должно ли, напрошивъ того, полагать, что Государи сіи сами желали введенія мѣстничества, не безъ важныхъ на шо политическихъ причинъ, которыя даже и угадашь не трудно! Споишь только вспомнишь, что главнѣйшимъ государственнымъ дѣломъ того времени было водвореніе и упроченіе единодержавія. Покореніе Князей удѣльныхъ водворяло уже единодержавіе, но еще для упроченія онаго нужно было уничтоженіе ихъ попомковъ. Для достиженія

---

* *Примѣчаніе.* Замѣчательно, что первый примѣръ мѣстничества, о комъ упоминается въ нашихъ летописяхъ, данъ въ 1500 году, бояриномъ Юріемъ Захарьевичемъ, прапрадѣдомъ Царя Михаила Феодоровича Романова. Сей бояринъ отказывался отъ начальства въ сторожевомъ полку, потому что не полагалъ себя меньше начальствовавшего большимъ полкомъ, Князя Данила Щени, хотя сей происходилъ отъ Великихъ Князей Литовскихъ, а по бабкѣ своей былъ двоюроднымъ племянникомъ Государя.

сей цѣли Московскіе Государи, съ свойственною имъ проницательностію, избрали орудіемъ мѣстничество. Такъ какъ служба въ Московскомъ войскѣ была первою обязанностію покореннаго удѣльнаго Князя, по неминуюемо онъ долженъ былъ находиться подъ начальствомъ боярина, коему ввѣрено было войско. Сію случайную подчиненность старались обратить въ постоянную. Есть врожденное чувство, даже и въ наше время въ сердцахъ не совсѣмъ угасшее, по коему сынъ знатнаго сановника считаесть себя выше сына чиновника, подъ начальствомъ отца его служившаго. Основываясь на семъ, мѣстничество постановило правиломъ, что когда кто начальствовалъ надъ кѣмъ, по сынъ начальствовавшаго не можетъ безъ позора находиться на службѣ ниже сына того, кто былъ подчиненъ отцу его *. Такимъ образомъ въ

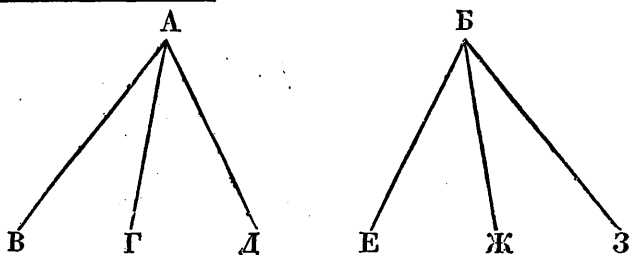
---

* *Примѣчаніе.* Мѣстничество было учрежденіе довольно многосложное. Военскія и придворныя должности раздѣлялись на разные степени достоинства. Такъ на примѣръ первый воевода большаго полка, то есть главнокомандующій, почитался степенью выше перваго воеводы правой руки, а сей степенью выше перваго воеводы передоваго полка, и слѣдственно первый воевода большаго полка былъ уже двумя степенями выше перваго воеводы передоваго полка, и такъ далѣе. Также не всѣ сыновья одного отца пользовались одинакимъ старшинствомъ. Напротивъ того, если взять въ примѣръ двухъ отцевъ А и Б, изъ коихъ у А было три сына В, Г и Д, а у Б также три сына Е, Ж и З

новоучреждаемой въ XVI вѣкѣ аристокраціи для подавленія прежнихъ значнѣйшихъ родовъ, Квашнины, Бупурины, Воронцовы, Шереметевы и многія другія дворянскія фамиліи, вступили на высшую степень достоинства передъ Князьями Долгорукими, Лобановыми, Гагариными и прочими попомками Рюрика. Въ семъ положеніи могли ли сіи еще мечтать о правахъ своихъ на престолъ Великокняжескій?

Однако не лѣзя пройти въ молчаніи, что родъ Князей Шуйскихъ, происходящій опъ Великаго

1-й сынъ. 2-й сынъ. 3-й сынъ. 1-й сынъ. 2-й сынъ. 3-й сынъ, и положить, что А былъ выше Б одною степенью, то В будетъ имѣть преимущество одной же степени надъ В, двухъ степеней надъ Ж и трехъ надъ З; Г будетъ равенъ Е и одною степенью выше Ж, и двумя степенями выше З; наконецъ Д будетъ одною степенью ниже Е, равенъ Ж и одною степенью выше З. Легко себѣ вообразить, что въ многочисленныхъ семьяхъ расчеты сіи производили довольно запутанности, и часто лишали правительство возможности употреблять людей по мѣрѣ ихъ дарованій. Но сіи неудобства, хотя и дѣйствительныя, были преувеличены писателями, всегда и безъ всякой разборчивости охулявшими мѣстничество. Въ важныхъ случаяхъ, гдѣ государственная польза требовала болѣе имѣть въ виду настоящее достоинство лицъ, чѣмъ воспоминаніе о заслугахъ предъ-

Князя Андрея Ярославича, втораго брата Александра Невского, и слѣдственно составляющей опрасть, ближайшую всѣхъ прочихъ, опть Московской вѣтви, не утратилъ еще своей знаменитости и мало кому уступалъ въ первенствѣ. Представителемъ правъ сего рода по первородству былъ Князь Михайло Васильевичъ Шуйскій-Скопинъ, ко-его природа какъ бы пріугоповляла къ высокому назначенію, одаривъ его свойствами необыкновенными, достойно развившимися къ чести и славѣ отечества. Но будущій герой былъ еще двѣнад-

---

ковъ, Царь останавливалъ дѣйствіе мѣстничества, приказывая служить *безъ мести*. Тогда никто не могъ отказаться поступить подъ начальство къ тому, надъ кѣмъ имѣлъ старшинство, но за то такого рода случаи записывались въ разрядахъ съ отмѣтою, чтобы оными никогда не руководствоваться, а считать ихъ дѣйствіями небывальными и слѣдственно оставлявшими всѣхъ чиновниковъ при прежнемъ ихъ старшинствѣ. Хитро-сплетенный механизмъ сего глубокообдуманнаго учрежденія дѣйствовалъ такъ удачно, что одного вѣка достаточно было для довершенія униженія Княжескихъ родовъ безъ всякихъ самопроизвольныхъ и угнетательныхъ мѣръ. Въ началѣ XVII столѣтія мѣстничество, будучи уже безъ цѣли и выказывая одни неудобства свои, вѣроятно было бы уничтожено, если бы Царскій домъ не пресѣкся. Но даже помраченный блескъ фамилій, происходящихъ отъ Рюрика, могъ еще казаться опаснымъ для первыхъ Государей новой династїи Романовыхъ, и они долго не касались мѣстничества. Существованіе учрежденія, пережившаго свой вѣкъ, продолжалось до 1682 года, въ коемъ Царь Θεодоръ Алексѣевичъ отмѣнилъ оно, съ согласія собранной для того Земской Думы.

цапи-лѣпнымъ сиротою , и имѣлъ только дальнихъ родспвенниковъ, изъ коихъ ближайшій, правнучашный дядя его, Князь Василій Ивановичъ Шуйскій, уже предавшійся Прависелю, не легко бы рѣшился опказать опъ ожидаемыхъ опъ него милостей для поддержанія правъ опрока , коего пользы мало касались до него.

Если обратитесь къ женскому поколѣнню Царскаго дома, по и въ ономъ Годуновъ не опасался уже соперничества. Ближайшею сродницею Царю Феодору въ семь поколѣннй была его внучашная сесипра, вдовспвующая Королева Ливонская, Марія Владиміровна, дочь Князя Владиміра Андреевича Серпуховскаго. Послѣ смерти супруга ея, мнимаго Короля Магнуса, она съ малолѣпною дочерью своею, Евдокією, смиренно жила въ Курляндскомъ городѣ Пильпенѣ, купленномъ Магнусу опцемъ его, Королемъ Данскимъ. Но Годуновъ, еще въ 1587 году, успѣлъ и мать и дочь зазвать въ Москву, общая матери богато устроилъ участь ея и приискалъ ей достойнаго жениха. По прибытіи же ихъ въ столицу, объявили несчастной матери, что она должна постричься, если не хочеть бытъ разлучена съ своею дочерью и окончить дни свои въ пемницѣ. Марія избрала монастырь, утѣшаясь Флетчеръ. мыслею, что удержитъ при себѣ милое дитя. Но Евдокія могла ли избѣжать участи, ожидавшей

пѣхъ, коихъ существованіе превозжило Годунова? Она скончалась въ 1589 году и, если вѣрится преданіямъ, то смерть ея была неспешивенна. Гореспная мать, еще провела нѣсколько лѣтъ въ глубокой печали и наконецъ сама скончалась въ 1597 году. Послѣ нея оспался ближайшимъ сродникомъ Θεодору, по царскому женскому поколѣнію, его внушашный племянникъ, Князь Θεодоръ Ивановичъ Мспиславскій, котораго бабка, Княгиня Наспасья, была дочь Царевича Казанскаго, Пепра, и Царевны Евдокіи, дочери Великаго Князя Іоанна III. Но Правитель не опасался Князя Мспиславскаго. Сей слабодушный вельможа, совершенно чуждый обольщеніямъ власполюбія, искренно спрашился тяжкаго бремени вѣнценосцевъ, и пвердо хошѣлъ всегда оспаваться первымъ подданнымъ. Къ тому же онъ спошь боялся Годунова, что даже далъ ему обѣщаніе не вспунать въ бракъ. Хопя сестра Мспиславскаго, Наспасья, при братѣ своемъ не могла имѣть ни малѣйшаго права на престоль, но она была въ замужствѣ за Симеономъ Бекбулатовичемъ, Царевичемъ Тапарскимъ, котораго Царь Иванъ Васильевичъ, при учрежденіи Опричины, объявилъ Царемъ и Великимъ Княземъ всея Россіи, а потомъ когда уничтожилъ Опричину, то велѣлъ управлять ему Тверью съ наименованіемъ Царя и Великаго Князя Тверскаго. Сіи

Надгробныя
надписи въ
Троицкой
Лаврѣ.

чрезвычайныя почести, подкрѣпляемыя свойствомъ съ Царскимъ домомъ, придавали такую знаменитость Симеону, что, не смотря на довольно ограниченныя способности его, многіе помышляли о возведеніи его на царство по ожидаемой кончинѣ Θεодора. Сія мысль, сообразная духу мѣспничества, въ особенности должна была нравиться великимъ боярамъ, которые охотнѣе подчинились бы по-
му, кпо, нося хотя только имя Царя, споялъ уже на высшей передъ ними степеніи достоинства, чемъ кому либо изъ среды ихъ же самихъ избранному и слѣдственно до полѣ имъ равному. Сіе расположеніе умовъ не могло укрыться отъ Годунова. По повелѣнію его, Симеонъ былъ изгнанъ изъ Твери и сосланъ въ одну изъ своихъ деревень; но и путь казался еще опаснымъ Правителю, который будпо бы въ знакъ доброжелательства прислалъ ему на именины Испанскаго вина. Симеонъ выпилъ онаго и ослѣпъ, какъ самъ полагалъ, отъ Маржереть и Никоновская Лѣтопись. смѣшаннаго съ виномъ ядовитаго зелія.

Сими злодѣяніями очиспивъ себѣ путь, Годуновъ спарался поселить въ умахъ понятіе, что по пресѣченіи царскаго корня, вѣнецъ никому личнѣ поднесенъ бытъ не можетъ, какъ ближайшему родственнику послѣдняго Государя, безъ разбора о происхожденіи сего родственника. Многіе, вѣроятно, полагали дѣйствіе сего правила обра-

пишь въ пользу дома Романовыхъ, вообще любимого въ народѣ по воспоминанію о добродѣтельной матери Царя Θεодора Іоанновича, Царицѣ Анаспасіи Романовой, изъ сего дома происшедшей. Ближайшимъ родственникомъ Царя былъ двоюродный его братъ, а Царицы Наспасіи родной племянникъ, бояринъ Θεодоръ Никипичъ Романовъ. Не такъ расчипывалъ Годуновъ! По назначенію его, Царь духовнымъ завѣщаніемъ опказывалъ пресполъ супругъ своей, Царицѣ Иринѣ. Честполоубецъ зналъ, что смиренная Ирина не пожелаешъ царствовать, но для исполненія замысловъ своихъ ему нужно было положить державу въ руку ея хотя на нѣсколько дней. Такимъ образомъ послѣднимъ Государемъ былъ бы уже не Θεодоръ, а Ирина, а у ней могъ ли бытъ родственникъ ближе брата ея роднаго?

Избиратель-
ная грамоты
на царство
Бориса Го-
дунова и Ми-
ханла Рома-
нова.

Все совершилось по желанію Правителя. 7-го Января 1598 года Θεодоръ скончался и съ нимъ пресъклося на пресполъ царское поколѣніе, 735 лѣтъ сряду дававшее повеліиелсей Россіи! Θεодоръ, умирая, оспавилъ, по словамъ важнаго современнаго акпа, *на скипетродержаніи Россійскаго Царствія* Царицу Ирину. Въ сей рѣшительный часъ Годуновъ бодрствовалъ. Онъ немедленно напомнилъ боярамъ, что должно присягнушь Царицѣ. Никто не только не противился, но даже всѣ съ радо-

спію видѣли въ воцареніи Ирины удобнѣйшее средство къ удаленію роковой минушы, гдѣ должно будетъ заняты опаснымъ и запруднипельнымъ выборомъ новаго Государя. Чиновники и граждане, одинаковыми чувствами одушевленные, съ усердіемъ послѣдовали примѣру знашнихъ сановниковъ.

Не на долго успокоилась Москва. 15-го Января Царица объявила, что, желая принять монашескій чинъ, отрекается отъ престола и ввѣряетъ правленіе боярамъ и Папріарху до тѣхъ поръ, пока успѣютъ собраться въ Москвѣ все чины Московскаго Государства для избранія новаго Царя. Напрасно духовенство, сановники и граждане заклинали Ирину именемъ сиропспвующаго опечесства не оставлять державы: она пребыла непреклонною и удалилась въ Ново-дѣвичій монастырь, гдѣ и посприглась подъ именемъ Александры.

Годуновъ послѣдовалъ за ней, по видимому оставляя бразды правленія на произволь судьбы, какъ бы самъ ища успокоенія послѣ упоминельныхъ прудовъ. Но многочисленные приверженцы его не дремали! Они повсемѣстно внушали гражданамъ, что одна, на опытъ доказанная, государственная мудрость Бориса можетъ въ сихъ прудныхъ обспояшельствахъ сохранить величіе и спокойствіе Россіи. Подспрекаемый сими ухищреніями, народъ толпился въ Кремль вокругъ палаты, гдѣ

Донесеніе
Австрійскаго
гошца Шнля.

засѣдали Патріархъ и бояре. Вышедшій изъ оной Государственнѣйшій Дьякъ и Печатникъ Щелкаловъ предложилъ, чѣмъбы всѣ цѣловали крестъ на имя думы Боярской. Ему отвѣчали, что не хопяшъ и знашь боярь, и что присягали уже Царицѣ, копорую и въ черницахъ почитаютъ Государынею своею. Щелкаловъ доложилъ о семъ думѣ, и снова вышелъ къ народу объявляя, что Царица рѣшительно не хочетъ заниматься дѣлами свѣтскими, и что если не присягнутъ боярамъ, то должно спрашиться смуть, опъ безначалія происходящихъ. Тогда всѣ возопили: *«И такъ да царствуетъ братъ ея!»* Патріархъ Іовъ, обязанный высокимъ своимъ саномъ Годунову, былъ ему совершенно преданъ. Бояре же, легко угадывая, что все уже угоповлено самимъ Борисомъ для исполненія давнишнихъ замысловъ, не смѣли пропнворѣчить. Положили немедленно итти всѣмъ соборомъ въ монастырь, дабы просить Царицу, благословить на царство брата своего. Но сіе избраніе не казалось довольно торжественнымъ Борису. Желая получить державу не опъ одной Москвы, но опъ цѣлой Россіи, онъ лицемѣрилъ, клялся, что никогда не смѣлъ и помышлять о вѣнцѣ Мономаховомъ, говорилъ, что въ Россіи много вельможъ, превышающихъ его знапностію и мудросію, и наконецъ рѣшительно опрѣкся опъ престола, присовоку-

пивъ впрочемъ, что не жалѣешь себя для службы
опечесству и съ *Бояры радѣти и промышляти* Избратель-
радѣ не токмо по прежнему, но и свѣше перваго. ныя грамоты
на царство
Бориса Го-
дунова.

Бояре поняли значеніе сихъ словъ: Борисъ, оставляя за ними призракъ власпи, не хопѣлъ ни выпускашь изъ рукъ своихъ сущность оной, ни дашь породиться мысли, что и безъ него Государство обойшиться можетъ. Рѣшили, что въ ожиданіи поспановленій сзываемаго великаго Земскаго собора, Боярская дума будетъ управлять именемъ Царицы инокини Александры. Само собою разумѣется, что въ самомъ дѣлѣ ничего не пворилось безъ соизволенія Годунова.

Между пѣмъ клеветы его дѣйствовали усердно не только въ столицѣ, но даже и во всей Россіи; ихъ стараніемъ разнеслась молва о впаденіи Хана Крымскаго, и они внушали, что для защиты опечесива отъ угрожаемой опасности непре- Маржереть.
мѣнно нужно ускорить избраніемъ въ Цари мужа опышнаго!

Государственный Земскій соборъ открылся въ Кремль 17-го Февраля. Онъ состоялъ изъ значнѣйшаго духовенства, бояръ, дворянъ и выборныхъ людей изъ всѣхъ городовъ Россійскихъ, всего около пяти сотъ особъ *. Првній не было.

---

* *Примчаніе.* Соборъ составляли: Патріархъ, 4 Митрополита, 6 Архіепископовъ, 3 Епископа, 23 Архимандри-

Папріархъ первый предложилъ избрать на царство Бориса Θεодоровича Годунова. Согласіе многочисленнаго собранія было громогласное и единодушное. Долго раздавалось одно имя Бориса. Многіе искренно видѣли въ его воцареніи залогъ будущаго благоденствія Россіи. Другіе можетъ быть въ сердцѣ своемъ пипали ненависть къ счастливому честолюбцу, и не безъ внушрнннго омерзенія содѣйствовали успѣху замысла, на злодѣяннн основанному; но какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, опасаясь обнаружить наслощія чувства свои, болѣе всѣхъ предавались воспоргу.

Дабы опшврапнть въ народѣ всякое подозрѣніе на счетъ искренности опказа Годунова опъ престола, Папріархъ посвнщпль слѣдующіе два дня на моленія въ Успенскомъ Соборѣ, чтобы Всевышнему угодно было смягчпть сердце Борисово, и склонпть его не опказываться опъ бремени, опшщесствомъ на него налагаемаго. Только 20-го

та, 31 Игумень, 21 Старецъ, соборныхъ съ разныхъ монастырей, 11 Протопоповъ, 22 Боярина, 17 Окольныхъ, Печатникъ, Думной дворяннн, Постельничей, Намѣстничей, стряпчій съ ключемъ, Боярннн Земскаго дворца, Сокольничій, Ясельничей, 4 думныхъ дяка, 42 стольника, 26 приказныхъ дяковъ, 95 дворянъ, 21 стряпчій съ платьемъ, 34 выборныхъ изъ городовъ, 7 головъ стрѣльцкихъ, 4 бараша, 11 дворцовыхъ ключниковъ, 40 жильцевъ, 22 гостя, 5 гостинныхъ сотенъ старость и 16 черныхъ сотенъ сотниковъ; всего 474 особы. Смотри Приложенія № III.

числа Свяшипель съ главнымъ духовенствомъ и боярами отправился въ Дѣвичій монастырь, объявить Годунову о рѣшеніи Земскаго собора. Но Борисъ еще не переспавалъ хиприпъ. Онъ не только впорично опвергнулъ подносимую державу, но и клялся, что никогда не приметъ ее, и съ притворнымъ гнѣвомъ выслалъ изъ монастыря духовенство и вельможъ.

Наконецъ 21-го Февраля насталъ послѣдній день сего игрища. На разсвѣтѣ духовенство съ креспами и хоругвями вышло изъ Кремля и, при колокольномъ звонѣ и гнѣни, церковнымъ ходомъ отправилось въ Дѣвичій монастырь. Попомъ шли бояре, дворяне, боярскіе дѣти, приказные и выборные люди. За ними поднялась вся Москва. Всѣ пали передъ Царицею инокинею, прося ее, чтобъ повелѣла Борису не пропивипься вольтъ Божіей и народной. Патріархъ объявилъ даже, что если желаніе народное не будетъ выполнено, то онъ не только Годунова оплучипъ опъ Церкви, но что даже онъ самъ и всѣ Епископы сложупъ съ себя свяшипельскій санъ, оставяпъ креспы и хоругви въ Дѣвичьемъ монастырѣ и запрешяпъ во всѣхъ церквахъ всякое священнодѣйствіе. Царица долго колебалась; наконецъ благословила брата на царство. Годуновъ еще упорсповалъ. Но Царица уже рѣшипельно пребоала опъ него повиновенія,

и онъ съ припворнымъ смиреніемъ и какъ бы не смѣя проптившись шой, которую еще почиталъ своею Государынею, объявилъ наконецъ, что исполнилъ желаніе народное. Радость была неописанная. Всѣ плакали, обнимали другъ друга. Казалось, что новое царство прочно основывалось на порже-спвенномъ единомысліи всѣхъ сословій. Но горе тому, кто безусловно полагается на любовь народную, споль прихопливую и споль перемѣнчивую!

Еще при года продолжалось счастье Бориса и благоденствіе Россіи. Въ дѣлахъ внѣшнихъ, Царь, не обнажая меча, умѣлъ сохранить достоинство своей державы и внушилъ всѣмъ сосѣдямъ своимъ должное къ себѣ уваженіе: Царь Иверійскій искалъ его покровительства опъ упѣсненій Султана Турецкаго и Шаха Персидскаго, Крымскіе Татары оставались въ улусахъ своихъ, не смѣя превозжитъ набѣгами южные предѣлы Россіи. Шведы тщательнo спарались не даватъ повода къ новому разрыву. Одинъ Король Польскій медлилъ продолжитъ перемиріе, заключенное 15-го Августа 1587 года на 15 лѣтъ между Россією и Польшею, но когда срокъ перемирія сблизился, и онъ оказался подапливѣе. Присланные опъ него въ Москву послы подписали 11-го Марта 1601 договоръ, по силѣ коего перемиріе продолжено еще на двадцать лѣтъ, считая съ испеченія прежнихъ пятнадцати.

Внутреннее управленіе Государства опличалось также счастливымъ сляніемъ твердости и кропости. Трепетали одни злодѣи! Умѣренность въ налогахъ, свобода въ торговлѣ и общая безопасность, повсюду открывали новые источники промышленности и богатства. Казалось, что сіе цвѣтущее положеніе опечества должно было усугубить любовь народную къ Борису. Явилось пропивное!

Для людей, одаренныхъ необыкновенными способностями, часно бываетъ камнемъ преткунія нескромное желаніе опереживать свой вѣкъ. Рѣдко сіе удается и не много Петровъ Великихъ въ Историі. Самому мудрому Борису суждено было испытать на себѣ, что истинно государственный человекъ не долженъ замышлять новизнъ, къ коимъ соопечественники его еще доспапочно не пригоповлены. Вообще въ Россіи гнушались иностранцами и ихъ обычаями, а всякое иновѣрческое богослуженіе было даже предметомъ набожнаго омерзенія. Не смотря на то Царь, умѣвшій цѣнить Европейское просвѣщеніе, прельспился онымъ. Онъ не только ласкалъ иноземцевъ, но даже для удержанія ихъ въ Москвѣ, честилъ и награждалъ Беръ. ихъ болѣе чѣмъ вѣрнѣйшихъ своихъ Русскихъ слугъ, и наконецъ, въ угожденіе имъ, позволилъ выстроитъ въ Яузской слободѣ Люшеранскую церковь съ коло-

Налицышъ.

кольнею. Онъ пакже имѣлъ намѣреніе завести Университетъ, а между тѣмъ, дабы пріохотить Русскихъ къ наукамъ, послалъ 18 молодыхъ дѣшей боярскихъ учиться въ Любекъ, въ Лондонъ и во Францію. Не ограничиваясь симъ, онъ коснулся и спаринныхъ обычаевъ, и видѣлъ съ удовольствіемъ, какъ при самомъ Дворѣ его пожилые люди, желавшіе ему подслужиться, подспригали себѣ бороды. Спо лишь спуся, Петръ I-й, Царскій сынъ и внукъ, едва могъ себѣ позволить шаковыя дѣйствія. Но для новой династіи Годуновыхъ не было другаго средства укорениться, какъ тщателью спаравшись всѣми возможными нишми связаться съ прошедшимъ, безъ всякихъ помышлений о небываломъ. Борисъ, въ упоеніи самонадеянности, дополъ чуднымъ успѣхомъ оправдываемой, не достигъ наспоющаго своего положенія и безъ нужды подалъ поводъ недоброжелателямъ своимъ возбуждать негодование въ народъ. Не должно забыватьъ при семъ случаѣ, что не смотря на блестящее соспоаніе Государства, было много недовольныхъ. Истинно преданнымъ Царю можно было только почитать средній классъ народа, соспоащій изъ купечества, обогащавшагося подѣстнію его твердаго и умнаго управленія, и мелкопомѣстныхъ помѣщиковъ, коихъ благососпоаніе обезпечивалось запрещеніемъ перехода креспьянъ.

Но самое запрещеніе сіе оставляло въ сильномъ неудовольствіи какъ земледѣльцевъ, оплакивавшихъ утраченную свободу, такъ и большихъ владѣльцевъ, видѣвшихъ въ новомъ постановленіи ограниченіе выгодъ своихъ. Вольные слуги, прошивъ воли въ холопство обращенные, также не могли доброжелательствовать Борису. Къ тому же и гордымъ вельможамъ неспешивенно было бы безъ досады преклонять колѣна передъ бывшимъ товарищемъ, коего большая часть изъ нихъ превосходили знатностію породы.

Извѣстившись о всеобщемъ ропотѣ, Царь изумился. Но вмѣсто изысканія надежнѣйшихъ средствъ къ прекращенію неудовольствій, онъ обратился къ мѣрамъ, долженствовавшимъ усугубить оныя. Не доверяя никому, онъ спалъ поощряя наушниковъ и доносчиковъ. Язва доносовъ, едва ли не болѣе всѣхъ прочихъ золъ опягчающихъ человѣческія общества, кажется имъ неслучайною, пошому что охлаждая гражданскія и семейственныя связи, она лишаетъ каждого спешивѣйшаго пріюта отъ кручинъ, съ жизнію сопряженныхъ. Легко себя вообразить, что ненависть къ Борису усилилась.

Знаменистѣйшею жертвою подозрѣній Царя содѣлалось семейство Романовыхъ. Борисъ уже и на

прешолъ превозился еще мыслию, что по смерти его, молодой Θεодоръ, сынъ его, можетъ найтти опасныхъ соперниковъ въ Романовыхъ, оплывавшихся собеспвенною знапнсноію, сильно подкрѣпленною родспвенными связями съ первѣйшими фамиліями въ государспвѣ. Сначала онъ искалъ сблизиться съ ними. Θεодоръ Никипичъ былъ уже бояриномъ. Борисъ далъ еще боярспво впорому его брату Александру, а меньшую сеспру ихъ, Ирину выдалъ замужъ за свойспвенника своего Ивана Ивановича Годунова. Но когда говоръ общаго негодованія дошелъ до него, то возмечпавъ, что шайными виновниками онаго были Романовы, онъ спалъ искашь случая погубить ихъ. Подкупленный свойспвенникомъ Царя, Семеномъ Годуновымъ, слуга Романовыхъ, Барспневъ, донесъ, что господа его умышляють извести Царя, и въ доказапельспво предспавилъ найденные въ кладовой у Александра Никипича мѣшки съ кореньями, пригопвленными какъ увѣрлялъ онъ, для оправленія Бориса. Какъ будпо бы злодѣйскіе припасы храняпся въ кладовыхъ? Не смотря на нелѣпосп обвиненія, дума боярская, въ угожденіе Царю, осудила Романовыхъ. Θεодора Никипича и супругу его, Ксенію Ивановну, поспригли прошивъ воли, нарекли Филареспомъ и Мареою, и сослали въ дальніе монаспыри. Опала распроспранилась и на всѣхъ

Дѣло о ссылкѣ Романовыхъ.

ближнихъ ихъ. Также были разосланы по сѣвернымъ городамъ и монастырямъ: Θεодора Никишича сынъ и дочь, пеща, чепыре брапа, сестра двѣица и двѣ сеспры замужня съ супругами ихъ, Князьями Сицкимъ и Черкасскимъ, и съ сыномъ послѣдняго. Сродники Романовыхъ, Князья Сицкіе, Шестуновы, Карповы и Репнины подверглись такой же участи. Всѣхъ сихъ несчастныхъ вопчины и помѣспья роздали другимъ, а дома и движимое имѣніе ихъ взяли въ казну. Не коснулись только одной изъ сесперь Романовыхъ, Ирины Годуновой, уважая въ ней имя супруга ея.

Гибель сихъ знапныхъ вельможъ, очевидно невинныхъ, усилила раздраженіе умовъ пропивъ Царя. Впрочемъ, еще зло могло называться часпнымъ; общее спокойствіе государства оставалось ненарушимымъ, подъ сѣнію твердаго управленія Бориса, и сіе обстоятельство, казалось, упрочивало державу въ сильной рукѣ его. Но часъ суда Божія уже наступалъ для вѣнценосца, злодѣйствомъ достигшаго верховнаго сана! Вся государственная мудрость его должна была сокрушиться передъ готовившимся для цѣлой Россіи, однимъ изъ ужаснѣйшихъ бѣдспвій, коими Провидѣніе въ неисповѣдимыхъ совѣпахъ своихъ казнишь народы, и коихъ ни какаа предусмотрительность человѣческая отвращишь не можешъ!

Весною 1601 года, начались проливные дожди и продолжались непрестанно в теченіи десяти недѣль. Посѣянный хлѣбъ не созрѣвалъ. Устрашенные земледѣльцы всю надежду свою возлагали на поздніе жары; вмѣсто того, 15-го Августа сдѣлался сильный морозъ, побившій не только не дозрѣвшіе колосья въ поляхъ, но и всякаго рода плоды и овощи въ садахъ и лѣсахъ. Сжадный послѣ споль преждевременной спужн хлѣбъ, оказался не только въ маломъ количествѣ, но и безъ надлежащей питательности. Хотя еще много было запасовъ стараго хлѣба, но цѣна на жизненные припасы чрезмѣрно возвысилась. Для бѣдныхъ пропитаніе сдѣлалось затруднительнымъ. Общая бѣда разорвала въ народѣ послѣднія узы преданности къ Борису, уже не могущему славиться счастливымъ царствіемъ. Волненіе и ропотъ споль усилились, что Царь почелъ нужнымъ нѣсколько упѣшить земледѣльцевъ. Онъ зналъ, сколь ненавистнымъ для нихъ казалось запрещеніе вольнаго перехода отъ одного земледѣльца къ другому, но не хотѣлъ отмѣнить постановленія, основаннаго на важныхъ государственныхъ причинахъ, и привлекающаго къ нему сердца мелкопомѣстныхъ военныхъ людей. Дабы не лишиться своей державы сей послѣдней опоры, онъ рѣшился допустить только нѣкоторыя исключенія, ласкныя для земле-

дѣльцевъ, но безобидныя для цѣлаго класса мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ. Въ Ноябрѣ 1601 года, Царь объявилъ, что позволяеть переходъ крестьянъ въ Юрьевъ день и двѣ недѣли спустя онаго, но только отъ одного мелкопомѣстнаго помѣщика къ другому шаковому жъ, и съ пѣмъ еще ограниченіемъ, что одинъ владѣлецъ, изъ-за одного, могъ переманивать въ одинъ срокъ не болѣе двухъ крестьянъ. Впрочемъ сія льгота не касалась Московскаго уѣзда, гдѣ запрещеніе перехода оспавалось во всей силѣ, такъ какъ и для крестьянъ Царскихъ и владѣльцевъ духовныхъ и великопомѣстныхъ во всемъ государствѣ. Не трудно угадать причину сей разности въ послѣднемъ отношеніи. У богатыхъ владѣльцевъ крестьяне были счастливы и спокойны; въ угнетеніи находились только земледѣльцы у мелкихъ помѣщиковъ, слѣдственно не было нужды измѣнять положенія первыхъ. Не такъ легко объяснить, почему льгота не распространялась на весь Московскій уѣздъ; Впрочемъ, съ нѣкоторою вѣроятностію можно предположить, что тамошніе мелкопомѣстные владѣльцы не смѣли, такъ сказать, подъ глазами правительсва, во зло употреблять свою власць, и что съ другой спороны, народонаселеніе сего уѣзда находилось въ такомъ цвѣтущемъ положеніи, что пра-

випельство не желало ни уменьшенія, ни умноженія онаго *.

Можесть бысть Борисъ успѣлъ бы возстановить спокойствіе въ государствѣ, если бы Небо переспало карать Россію. Но, къ сокрушенію ея, за первымъ неурожайнымъ годомъ послѣдовали два пакіе же. Наши лѣтописцы приписываютъ вину неурожая 1602 года легкомыслію самихъ земледѣльцевъ. Въ Россіи всегда стараются засѣвать поля новымъ хлѣбомъ, считая, что оный способнѣе спараго для произращенія. Крестьяне, всегда руководимые слѣпымъ обычаемъ, не усумнились и пусть послѣдовать оному, и употребили въ посѣвъ новый хлѣбъ, поцій и совершенно лишенный распительной силы. Ни гдѣ не было всходовъ. Что касается до неурожая 1603 года, то современники не объясняютъ намъ причину онаго. Изъ сего можно заключить, что насполящаго неурожая не было, но что мало собрали хлѣба единственно отъ того, что большая часть полей осталась не засѣяною, какъ отъ недостатка зеренъ, такъ и отъ изнуренія пѣлесныхъ силъ пахарей.

Голодъ свирѣпствовалъ съ необычайною лютостію. Современники, къ ужасу позднѣйшаго потомства, передали намъ спрашное описаніе по-

---

* Смотри Приложенія № IV.

слѣдствій онаго. Дороговизна на хлѣбъ сдѣлалась непомѣрною. Чисвертъ ржи, обыкновенно продаваемая ошъ 12 до 15 копѣекъ, возвысилась до ^{Маржереть, Беръ, Петрей и Палицынъ.} прехъ рублей, соспавляющихъ десятъ нынѣшнихъ серебряныхъ. Люди, нуждою доведенные до отчаянiя, явно попирали не только священнѣйшія правила нравственности, но даже самыя законы природы и въ оспервененіи своемъ уподобясь злѣйшимъ изъ звѣрей, пожирали другъ друга. Въ связи общественныя и семейныя распоргалась. Господа изгоняли слугъ своихъ, мужья покидали женъ и дѣтсей, чпобы не дѣлились съ ними скуднымъ пропитаніемъ. Дошло до того, чпо чловѣческое мясо продавалось въ пирогахъ на Московскихъ рынкахъ. Но что всего ужаснѣе, и чего безъ содроганiя написать нельзя: маперы бди собственныхъ младенцевъ своихъ!

Правительственные мѣры для отвращенiя сихъ бѣдствій оказались не только недостаточными, но даже въ нѣкоторыхъ отношенiяхъ и вредными. Напрасно сраженный горестію Борисъ являлъ себя царемъ сердобольнымъ и заботливымъ; Россія уже не видала въ немъ ни прежняго благоумiя, ни прежней твердости. Онъ не щадилъ сокровищъ своихъ, но упопроблялъ ихъ не всегда съ должною осмотрительностію. Такъ напри мѣръ, по повелѣнію сго были учреждены въ Мо-

сквѣ, близъ деревянной городской стѣны, чепыре ограды, въ конхъ каждое утро раздавалось бѣднымъ каждому по одной московкѣ, а въ воскресные и праздничные дни по деньгѣ *. Сколь ни пыгоспна была сія раздача для казны, пособіе для неимущихъ было почти ничтожно, потому что на московку едва ли можно было купить и полфунта хлѣба. Не смотря на то народъ, всегда жадный къ деньгамъ, добываемымъ безъ работы, кинулся толпами къ столицѣ, сперва изъ окрестныхъ, а потомъ даже изъ дальнихъ мѣстъ. Туда спѣшили даже и такіе, которые на родинѣ своей могли бы кое-какъ прокормиться. Неминуемымъ слѣдствіемъ такого спеченія было для Москвы умноженіе дороговизны, и нераздѣльных съ оною бѣдствій. Наконецъ Царь нашелся вынужденнымъ прекратить раздачу денегъ. Тогда несчастные пришельцы, возвращаясь безъ малѣйшаго пособія, успиали прупами своими всѣ пути, отъ столицы вѣдущіе.

Впрочемъ если взять въ соображеніе какъ изобиліе прежнихъ лѣтъ, такъ и то обстоятельство, что кажешся неурожай не распространился на восточныя области государства, то не остается сомнѣнія, что было еще много спа-

---

* *Примѣчаніе.* Тогдашній рубль дѣлился на 100 копѣекъ или денегъ, на 200 московокъ и на 400 полушекъ.

рыхъ запасовъ въ Россіи; но съ одной стороны корысполубіе шанло ихъ, а съ другой, трудность подвоза предспавляла важныя препяшствія. Однако Борисъ успѣлъ, хопя опчасти, преодолѣшь оныя. Онъ приказалъ освидѣтельспивовашъ царскія гумны, гдѣ нашлись давнишнихъ лѣпъ огромныя скирды, копорые обмолотили и хлѣбъ доспавили въ Москву. Тамъ ежедневно продавалось бѣднымъ изъ царскихъ жипницъ по нѣсколькы тысячъ четвершей за половинную цѣну. Вдовамъ же и сиротамъ, и въ особенноти Нѣмцамъ, Царь велѣлъ оппуститъ значительное количество даже безденежно. Такое приспращіе къ иноземцамъ, во всякомъ случаѣ по крайней мѣрѣ пропивное опсторожной полиникъ въ сихъ плачевныхъ обспояшельспвахъ, оказывалось еще болѣе оскорбительнымъ и ненавистнымъ. Не одни царскія гумны изобиловали еще хлѣбомъ; многіе помѣщики также не нуждались въ ономъ, и поощренныя высокою цѣною, вѣроятно изыскали бы средспва къ перевозкѣ, если бы правительсптво не вмѣшивалось неумѣспно въ ихъ дѣйспвія. Царь не разсудивъ, что благопвореніе можетъ бышь внушаемо, а не предписываемо, вздумалъ принудитъ продавцевъ, изъ уваженія къ общему бѣдспвію, опказашъ опъ ожидаемыхъ ими выгодъ, и приказалъ опобрашъ у нихъ хлѣбъ за такую низкую цѣну, что

можесть бытъ иные не получили должнаго вознагражденія и за понесенныя ими самими издержки. Случилось, чего ожидать было должно: никто не только не смѣлъ выказывать болѣе своего хлѣбнаго имущества, но даже всѣ спаранія приложены къ сокрытію онаго.

Только нѣкоторые доспойные вельможи, сжалившись надъ общею нищетою, спали еще продавать хранящійся въ ихъ житницахъ хлѣбъ дешевле существующей цѣны. Но какъ ихъ, такъ и царскія щедроты не принесли всей возможной пользы опть неблагоразумія раздачи. Въмѣсто того, чшобы изъ анбаровъ продавать неимущимъ семействамъ только нужное количество хлѣба для ихъ дневнаго пропитанія, отпускали имъ оный безъ разбора. Сребролюбіе воспользовалось сею оплошностію, и Московскіе барышники, посредствомъ бѣдныхъ людей, накупили нѣсколько тысячъ бочекъ муки, которую попомъ перепродавали цѣною непомѣрною.

Никоновская
Летопись. Гораздо разсудительнѣе Борисъ поступилъ, приказавъ начать огромное каменное строеніе въ въ Кремль, дабы посредствомъ работы доставить пропитаніе нуждающимся. Милость царская изливалась не на однихъ живыхъ. Москва наполнялась мертвыми тѣлами, коихъ хоронить было нѣкому. Учрежденные присавы подбирали ихъ, омывали,

завертывали въ бѣлыя саваны, обували въ красныя Бѣры. копы, и опвозили на при за городомъ успроенныя кладбища, гдѣ въ два года и чепыре мѣсяца, такимъ образомъ похоронено 127,000 тру- Палицынъ. повъ. Если къ сему присовокупить, что множе- ство еще тѣмъ было погребваемо богобоязливыми людьми при приходскихъ церквахъ, коихъ въ спо- лицѣ тогда считалось болѣе 400, то смѣло ка- жется можно положить, что въ одной Москвѣ до 200,000 человекъ сдѣлались жертвою голода.

Но не одна столица бѣдствовала. Царь не оставилъ безъ призрѣнія и прочія мѣста своего государства. Ивангородъ, Новгородъ, Псковъ, Смо- Маржереть и Розрядныя ленскъ и другіе нуждавшіеся города получили важ- книги. ныя денежныя пособія. Казна царская, богато на- копленная въ семнадцатилѣтнее благоденствіе Россіи, являлась неиспощимою.

Обыкновеннымъ слѣдствіемъ голода бывающіе повальныя болѣзни. И сего бѣдствія не избѣжала Россія: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, а въ особенно- сти въ Смоленскомъ уѣздѣ, явилась слишкомъ для нашего времени извѣстная холера (cholera morbus). Правительствомъ вынужденнымъ нашлось учредитьъ Николовская Лытопль. заставы для пресѣченія сообщеній съ заражен- нымъ краемъ.

Наконецъ благословенный урожай 1604 года возстановилъ прежне изобиліе, такъ что цѣна

Карамзинъ. чепверпи ржи опъ прехъ рублей упала до 10 копѣекъ *. Но памятникомъ голода оспалась на всегда нововведенная мѣра хлѣба. Прежде продавали оный только бочками, и чепверпиями и осьминами оныхъ. Съ голодныхъ же лѣтъ бочки вышли изъ употребленія, а вмѣсто того извѣспны-

---

* *Примѣчаніе.* Не извѣстно, почему Н. М. Карамзинъ полагаетъ, что голодъ прекратился еще въ 1603 году. Лѣтописи единогласно утверждаютъ, что оный продолжался не два, а три года, и ни одинъ современный писатель не противорѣчитъ сему. Беръ именно говоритъ, что бѣдствіе сіе продолжалось до 1604 года, и описывая прїездъ въ Россію въ Іюнь мѣсяць того года Императорскаго посланника, барона фонъ Логау, упоминаетъ объ усиліяхъ Царя, чтобы скрыть дороговизну отъ новопрїзжихъ; слѣдственно дороговизна сія еще существовала. Сходно сему и Палицынъ пишетъ, что въ теченіи двухъ лѣтъ и четырехъ мѣсяцевъ похоронено въ Москвѣ 127,000 жертвъ голода. Карамзинъ самъ принимаетъ сей расчетъ за неоспоримый, но какимъ же образомъ двадцать восемь мѣсяцевъ мерли отъ голода, когда оный продолжался только два года? Напротивъ того все объясняется, если взять въ соображеніе, что обыкновенно новый хлѣбъ въ Россіи собирается въ Августъ мѣсяць. Но отнюдь не лзя предполагать, чтобы въ ожиданіи новаго урожая, вслкой оставался при послѣднемъ кускѣ своемъ, и чтобы смертность тотъ часъ же началась. Напротивъ того въроятно, что первую зиму еще люди находили средство пропитаться кое-какъ, тѣмъ паче, что и дороговизна могла сдѣлаться чрезмѣрною только тогда, когда по открытіи весны исчезла всякая надежда на новый урожай. Такимъ образомъ смертность должна была начаться въ Апрель 1602, и продолжаться до Августа 1604, что именно составляетъ двадцать восемь мѣсяцевъ.

ми стали четверики, то есть четвертая часть осьмины.

Несчастливая Россія долго еще не должна была наслаждаться спокойствіемъ. Самымъ пагубнѣйшимъ слѣдствіемъ прерывающаго ея бѣдствія было ослабленіе всѣхъ нравственныхъ понятій. Развратъ распроспранился на всѣ сословія. Господа до того столь тщательно старавшіеся умно- Паллицыгъ.
жать число своихъ холопей, распустили ихъ во время голода, иные по дѣйствительной невозможности прокормить ихъ, другіе изъ корыстолюбія, чтобы обогатиться продажей хлѣба, который, по долгу своему, обязаны были употребить на ихъ пропитаніе. Нѣкоторые изъ нихъ по крайней мѣрѣ снабжали холопей формальными оппускными, но многіе, не столь совѣспливые, изгоняли ихъ отъ себя безъ всякаго вида съ пресупною мыслию, возвращить ихъ опять къ себѣ въ подданство по минованіи дороговизны. Такимъ образомъ государство наполнилось бродягами, изъ коихъ многіе, забывъ страхъ Божій, обратились къ разбойничеству. Въ разныхъ мѣстахъ образовались большія шайки, изъ коихъ важнѣйшая, подъ предводительствомъ нѣкоего Хлопка, свирѣпствовала Никоновская
въ окрестностяхъ самой Москвы, и неоднократно разбивала посылаемые противъ нея сыскные отряды. Царь наконецъ нашелся вынужденнымъ
Лютонсь.

прошивупоспавишь симъ презрипельнымъ врагамъ цѣлое войско, подѣ начальспивомъ окольнічаго Ивана Ѳеодоровича Басманова. Хлопко не успрашился вступишь съ нимъ въ бой близъ Москвы. Съ обѣихъ споронѣ сражались упорно, и Басмановѣ былъ убишь; но сія удача злодѣевѣ обрапилась имъ на пагубу. Царскіе воины, ожеспоченные смертію начальника, бросились на нихъ съ новымъ спременіемъ и наконецъ сломили ихъ. Самъ Хлопко Маржеретъ. защищался храбро, но въ изнеможеніи опѣ многихъ ранъ былъ взашъ и съ 500 поварищами своими, опправленъ въ Москву, гдѣ всѣ они были казнены; многіе оспались на мѣстѣ сраженія. Прочіе же ушли на Украину, гдѣ умножили число, и безъ того уже значипельное, памощныхъ негодѣевѣ.

Еще Царь Иванъ Васильевичъ, желая для Палицынъ. укрьпленія границы Россіи опѣ Польши и Тапаръ, населишь какъ можно болѣе Украинскіе города людьми къ рашному дѣлу способными, предписывалъ памощнымъ воеводамъ не превожипшь ихъ, кои будущъ укрьвашься въ сихъ городахъ, избѣгая заслуженнаго ими въ Россіи наказанія. Борисъ Ѳеодоровичъ послѣдовалъ шой же полипикъ, и наводненная опважными злодѣями Украина, содѣлалась опаснымъ вершепомъ, гдѣ самая власпъ правипельства не всегда находила должное послу-

шаніе. Такъ напрімѣръ, напрасно Царь приказывалъ сыскивать и вѣшать удалившихся шуда сообщниковъ Хлопка. Воеводамъ шрудно было исполнить повелѣніе сіе надъ преступниками, покровительствуемыми состраштіемъ подобныхъ имъ разбойниковъ. Безчиніе уже пошвало въ сей справнѣ сѣмена новыхъ и пагубнѣйшихъ бѣдспвій для Россіи.

Всѣ ужасы, уже прешерпѣнные государствомъ, были, шакъ сказашь, шолько преддверіемъ гошоващейся для него настоящей бѣды. Около 1600 Маржерсть. года, пронеслась въ Москвѣ молва, что Царевичъ Димитрій, кошораго полагали убіеннымъ въ Угличѣ, находился въ живыхъ. Хошя одно имя невинной жертвы должно было казаться грознымъ для ея убійцы, но смерть Царевича была дѣйствіемъ шполь явнымъ, шполь достовернымъ, что Борисъ мало превожился слухомъ, коего неосновательность была очевидна. Однако онъ спарался узнать, что могло подашь поводъ къ нелѣпой баснѣ, и еще болѣе успокоился, когда добрался до презрительнаго испочника оной. Все казалось шолько дѣломъ безсмысленнаго суесловія молодаго монаха, жившаго у Патріарха.

Сей юноша, предназначенный изумляшь попомство дивными пошожденіями своими, и служилъ орудіемъ Провидѣнія для казни преступнаго Бо-

Никоновская
Летопись. рриса, былъ сынъ бѣднаго сына боярскаго города

Галича, и назывался Юріемъ Опрепьевымъ. Оспавшись послѣ смерти отца своего почти безъ всякаго пріюта, онъ поспригся на 15-мъ году возраста, и принялъ имя Григорія. Но иноческій клобукъ не предохранилъ буйной головы его отъ порыва пламенныхъ спрасней свѣтскихъ. Нѣскольکو времени скипался онъ по разнымъ обипелямъ, и наконецъ основался въ Чудовъ монастырь, въ кельѣ у дѣда своего Замяни Опрепьева, копорый давно уже шамъ монашествовалъ. Будучи одаренъ природою способностями необыкновенными, умомъ пылкимъ и предпримчивымъ, и опважностію болѣе свойственною воину, чѣмъ монаху, онъ вмѣстѣ съ пѣмъ оказывался легкомысленнымъ, и заносчивымъ до безразсудности. Съ самаго младенчества своего съ успѣхомъ занимаясь книжнымъ дѣломъ, онъ выучился не только чипать и чисто писать; но даже сочинялъ каноны Святымъ, лучше старыхъ грамошѣевъ. Такія, по погдашнему времени чрезвычайныя, познанія обратили на него вниманіе Паптріарха, копорый посвятилъ его въ дьяконы и взялъ къ себѣ для списыванія книгъ. Тупъ имѣлъ онъ случай познакомиться съ людьми, хорошо знавшими всѣ обспояшельства, до царскаго дома опносащіяся. Черезъ нихъ могъ узнать, что по довольно обыкновенной игрѣ при-

роды, Царевичъ Димитрій носилъ на пѣхъ нѣкопорые одинакіе съ нимъ признаки, а именно, что у Царевича, какъ и у него, были бородавки на лицѣ и одна рука короче другой *. Мысль дерзкая, по первому взгляду вовсе сумазбродная, породилась въ душѣ его. Онъ возмечпалъ, что можетъ выдать себя за убіеннаго Царевича и, съ помощію одного самозванства, низложитъ Бориса, располагшаго еще всѣми силами обширнаго государствва. Въ упоеніи непоспижимой самонадѣянности, онъ началъ оглашать съ свойственною ему вѣтренностию свои запѣи, и часто въ разговорахъ своихъ съ Чудовскими монахами увѣрлялъ ихъ, что будетъ Царемъ на Москвѣ. Ивоки, не воображая, чпобы значеніе сихъ дерзкихъ словъ заключало въ

---

* *Примѣчаніе.* Н. М. Карамзинъ, кажется, сомнѣвается, чтобы Царевичъ дѣйствительно имѣлъ на себя такіа примѣты. Правда, ни одинъ изъ нашихъ летописцевъ не упоминаетъ объ оныхъ. Но рѣдко летописцы сіи занимались описаніемъ наружнаго вида, не только Царскихъ дѣтей, но даже и самихъ Царей, а съ другой стороны нельзя не взять въ соображеніе, что если бы сіи признаки на Царевичѣ были выдумкою Самозванца, или его приверженцевъ, то по смерти Отрепьева бояре не преминули бы противорѣчить воеводѣ Мнишку, который ссымался именно на сіи примѣты, какъ на одну изъ главнѣйшихъ причинъ, приведшихъ его въ заблужденіе на счетъ подлинности мнимаго Димитрія. Напротивъ того, увидимъ, что сіе важное обстоятельство оставлено ими безъ всякаго возраженія, и что во всѣхъ манифестахъ, выдаваемыхъ на изобличеніе Самозванца, даже о семъ вовсе умалчивалось.

себѣ что либо важнѣе шушки, впрочемъ весьма непристойной, довольствовались тѣмъ, что смѣялись надъ хвастуномъ и плевали ему въ глаза. Но Ростовскій Митрополитъ Іона, коему сіи рѣчи переданы были, судилъ о нихъ иначе. Онъ спалъ примѣчашъ за поспулками наглаго дьякона и убѣдился, что въ душѣ его кроются опасные для общаго спокойствія замыслы. Сперва Митрополитъ счелъ долгомъ своимъ предупредить о семъ Патріарха; но Первосвященствѣ, коему Григорій нравился, не хотѣлъ вѣривъ, чтобы онъ могъ зазнаться до такой степени, и въ самой неслѣпости взводимаго на него преспуленія находилъ доказательство неосновательности извѣста. Тогда Іона рѣшился о всѣхъ замѣченныхъ имъ обстоятельствахъ донести самому Царю, который, соображая оныя съ носившимися уже слухами, хотя также не почелъ ихъ дѣломъ, заслуживавшимъ большое вниманіе, однако приказалъ дьяку Смирному Васильеву послать вралъ дьякона въ Соловецкую пустынь подъ крѣпкое начало. Васильевъ открылся о семъ повелѣніи дьяку же Семену Ефимьеву, который былъ родственникомъ Опреньевыхъ, и поному просилъ Васильева не спѣшить исполненіемъ Царской воли, дабы дать Григорію время пригошовиться къ дальнему пути. Васильевъ, не воображая, чтобы молодой монахъ могъ быть

важнымъ пресупникомъ, не только согласился удовлетворить желанію поварища своего, но даже въ послѣдствіи, среди другихъ заботъ, и совершенно забылъ о данномъ ему приказаніи. Пользуясь его безпечностію, Григорій ушелъ изъ Москвы и укрылся сперва въ монастырь Николы на Хронографъ. Угреши; но не посмѣлъ оспаться въ столь близкомъ разстояніи отъ столицы, и удалился въ городъ Галичъ, въ Желѣзнодорожскій монастырь, откуда перешелъ въ Муромъ въ Борисоглебскую обитель. Принимать такимъ образомъ въ монастыряхъ странствующихъ монаховъ ни сколько Никоновская Автопись. прошивно не было господствующимъ обычаемъ того времени. Къ тому же Григорій болѣе другихъ еще могъ снискивать благосклонность незнакомыхъ ему людей, потому что былъ дѣйствительно краснорѣчивъ и имѣлъ наружность хотя не красивую, но довольно привлекательную. Борисоглебскій спроставъ далъ ему лошадь и отпустилъ его обратно въ Москву.

Проходя такимъ образомъ по разнымъ областямъ государства, Опреньевъ могъ убѣдиться въ общей ненависти къ Борису, и шѣмъ болѣе Хронографъ. укрѣпился въ мысли, отъискивая престола подъ именемъ Царевича. Но разсудивъ, что въ столицѣ оспаваться ему не безопасно, и что только приговорившись исподволь и дѣйствуя сна-

*

чала изъ-далека, онъ могъ ожидать успѣха въ дерзновенномъ предпріятіи, попому рѣшился не-капъ убѣжища въ Польшу, дабы тамъ подъ покровительствомъ всегда непріязненнаго для Россіи правительсва надежнѣе успроить ковы свои.

25-го Февраля 1602 года, онъ оныпъ выѣхалъ изъ Москвы, въ сопровожденіи подговоренныхъ имъ двухъ Чудовскихъ, пьянству преданныхъ монаховъ: священника Варлаама Яцкаго и крылошанина Мисаила Повадина. На наняпыхъ ими подводяхъ они черезъ Болховъ и Карачевъ достигли Новгород-

Сверскаго, гдѣ въ Спасскомъ монастырѣ приняты были такъ милоспиво, что Опрепьева Архимандритъ помѣспилъ въ собственной своей кельѣ.

Челобитная
черисца Вар-
лаама Царю
Василью
Ивановичу и
Никоновска
Литопись.

Поживя шупъ нѣсколькo недѣль, Григорій спалъ просипсь у Архимандрита ѣхатъ съ товарищамн свонми въ Пушнвль, гдѣ, говорилъ онъ, будпо имѣешъ еродннковъ. Архимандритъ не только оппустилъ ихъ, но даже далъ имъ лошадь и провожапаго. Но не Пушнвль былъ цѣлю Оспрепьева: его намѣреніе было пройти въ Польшу, и для того онъ взялъ еще съ собою Днѣпровскаго Кіевскаго монастыря монаха, Пимена, находившагося случайно въ Новгородѣ-Сверскомъ, и обѣщавшаго провесъ его за границу. По выѣздѣ свосемъ изъ города, монахи опогнали онъ себя провожапаго, копорый хопѣлъ ихъ направипъ на Пушнвльскую

дорогу, и вмѣсто того поѣхали по Кіевской. Провожаемый, возвращаясь къ Архимандриту, донесъ ему объ обманѣ. Негодованіе Архимандрита было велико, но его ожидало еще бѣльшее огорченіе. Когда онъ ложился спать, то нашелъ въ изголовьѣ постели своей записку, оспавленную памъ Опреньевымъ, слѣдующаго содержанія: *«Азъ есмь Царевичъ Дмитрій, сынъ Царя Іоанна, и какъ буду на престолѣ на Москвѣ отца своего, и я тебя пошлалую за то, что меня покоилъ у себя въ обители. Архимандритъ ужаснулся, но недоумѣвая какъ поступить въ сполъ неожиданномъ случаѣ, рѣшился никому не объявлять объ ономъ.»*

Между тѣмъ бродячіе монахи не смѣли прямою дорогою ѣхать въ Кіевъ, опасаясь пограничныхъ засады, и поворопили сперва на Спародубъ, откуда Пимень провелъ ихъ лѣсными пропинами за Польскій рубежъ до села Слободки. Продолжая уже безопасно путь свой, черезъ замокъ Лоевъ и городъ Любечъ, они прибыли въ Кіевъ. Печерскій Архимандритъ Елисей принялъ ихъ въ свою обитель, гдѣ и прожили они три недѣли, по испеченіи коихъ отправились въ Оспрогъ къ Кіевскому воеводѣ, Князю Константину Оспрожекому, знаменитому поборнику православія Греческой Церкви противъ нововведенной Уніи, копорую Польское правительствово силлось распространить въ при-

надлежавшихъ ему Русскихъ обласпяхъ. Опрепьевъ не смѣлъ открыть почтенному вельможѣ своихъ тайныхъ замысловъ, и ограничился только просьбою принять его съ поварищами подъ свое покровительство. Набожный Князь не отказался призрѣть бѣдныхъ монаховъ; дьяконъ Григорій служилъ при немъ на обѣднѣ, и голосъ его понравился ему. Бѣглые монахи все льпо провели въ Оспрогѣ, а при наступленіи осени, Князь послалъ ихъ въ Дерманскій монастырь. Но Опрепьевъ не для того бѣжалъ въ Польшу, чтобы тамъ монашествовать. Онъ, покинувъ своихъ поварищей,

Письмо Кн. перешелъ въ городъ Гашу и приспалъ къ Ана-
Василья Ост-
рожскаго къ баптистамъ. Тупъ въ первый разъ свергнувъ съ
Королю Си-
гизмунду Ш. себя иноческій клобукъ, онъ ходилъ въ школу, при-

Рукопись То-
ляцкаго. лезно занялся науками, зашвердилъ довольно хоро-

шо испорію, и усовершенствовался въ Польскомъ языкѣ. Онъ даже обучался и по Лапынѣ, но не съ большимъ успѣхомъ. Впрочемъ, мирные пруды сіи не долго занимали его. Въ бытность его въ Кіевѣ, онъ познакомился съ пріѣзжавшими сюда Запорожскими Казаками. Жизнь беззаботная и безнравственная ихъ удалой вольницы нравилась ему. Съ другой стороны онъ чувствовалъ, что готовя себя къ важному назначенію, ему непременно нужно приучиться къ военному ремеслу. И такъ рѣшился, по веснѣ 1603 года, ѣхать къ Запорож-

цамъ, и разбойничалъ съ ними въ шайкѣ спар- Грамота Па-
 шины Герасима Евангелика. Воинспвенныя наклон- триарха къ
 ности его скоро получили надлежащее развитіе: Архимандриту
 онъ выучился масперски владѣть оружіемъ и сдѣ- Сольвыче-
 лался опважнымъ наѣздникомъ. годскому и
 рукописное
 сказаніе ежо
 содѣяся въ
 Москвѣ и о.
 Разстригъ.

Однако, не смотря на все усилія его, чтобы сдѣлаться достойнымъ высокаго имени, какое желалъ онъ присвоить, нѣтъ сомнѣній, что все про- спранные замыслы его ограничились бы смѣха достойнымъ нуспословіемъ, и что онъ ничего важ- наго предпринять никогда не былъ бы въ состоя- ннн, если бы не нашелъ себѣ сильной опоры въ Езуипахъ, копорые, къ счаспію его и къ несча- снію Россіи, узнали о его пайной думѣ, и возна- мѣрились воспользоваться имъ, какъ орудіемъ для исполненія собспвенныхъ своихъ видовъ.

Кому не извѣстны духъ любоначалія и рев- ность къ обращенію въ папешство сего, впрочемъ ученостію и глубокомысліемъ знаменитаго, собрап- сшва? Тогда находилось оно въ самомъ цвѣтущемъ положеніи, и Езуипы вліяніе и происки свои распространяли почти на все государство обо- ихъ земныхъ полушарій. Не спѣняясь правилами спрогой нравспвенности, они для достиженія цѣ- ли своей избирали средспва надежнѣйшія, безъ за- рвння прибѣгая, судя по обеспояшельствамъ, по къ высочайшей добродѣтели, по къ злѣйшему

преспуленію, по къ достохвальнѣйшему праводушію, по къ гнуснѣйшему ухищренію. Могущество ихъ въ Польшѣ сдѣлалось неограниченнымъ со вспуленіемъ на пресполь Шведскаго Королевича Сигизмунда III-го, Государя преисполненнаго ханжества. Слѣдствія слѣпаго довѣрія Короля къ нимъ оказались пагубными для Малороссіи.

Болѣе двухъ спольсій полуденная Россія находилась подъ державою Государей Липовскихъ или Польскихъ; но Русскіе жили оной и подъ чужимъ ярмомъ сохраняли свою народность, управлялись своими соотчичами, судились своими законами и на собственномъ языкѣ, и что всего важнѣе, безвозбранно исповѣдывали правовѣріе. Когда совершилось конечное соединеніе Липвы съ Польшею, при Королѣ Сигизмундѣ Августѣ, Русская земля и княженіе Кіевское были опдѣлены опъ Липвы и присовокуплены къ Польшѣ. При семъ случаѣ прежнія права Русскихъ были подптверждены данною Королемъ привилегіею, въ коей, вопоряя слова прежнихъ привилегій, *что Русскіе присоединяются къ Полякамъ, какъ равные къ равнымъ и свободные къ свободнымъ*, торжественно обѣщалось сохраненіе равенства между Церквами Римскою и Греческою, и одинакое производство въ Сенаторскія и прочія достоинства людямъ обонхъ исповѣданій. Самъ Сигизмундъ III-й при

восшествіи своемъ на престолъ не смѣлъ опусту-
пить ошъ прежнихъ правилъ, и въ 1588 году на
сеймѣ коронаціи подтвердилъ всѣ старинныя пра-
ва православнаго Русскаго духовенства. Но Езуи-
ты, успѣвшіе овладѣть умомъ сего Государя, не
долго дозволили ему оспаваться при сей благора-
зумной вѣроперимоспи. По несчастію они на-
шли сообщниковъ въ самыхъ главнѣйшихъ санов-
никахъ Малороссійской церкви. Прельщенные объ-
щаніями милостей Королевскихъ, Епископы: Луц-
кій, Владимірскій, Хельмскій и Пинскій, Архіепи-
скопъ Полоцкій и самъ Митрополисъ Кіевскій
Михайло Рагоза, уговорились между собою присо-
единиться къ Римской Церкви на правилахъ давно
забытаго Флорентійскаго собора, и отправили въ
Римъ съ покорностію своею Епископовъ Влади-
мірскаго и Луцкаго. Чрезвѣрно обрадованный Па-
па Климентъ VIII-й милоспивно принялъ ихъ, и
объщаль исходапайспвовань у Короля право за-
сѣдатель въ Польскомъ Сенатѣ всѣмъ Епископамъ,
кошорые соглашпся опспать ошъ православія и
признашь его власть. Но опспупники-свпшпспели
много ошиблись, если полагали, чпшо не трудно
имъ будетъ соврапшть съ пупш испины едино-
вѣрцевъ своихъ. Предлагаемая ими *Уніа* (такъ на-
зывается соединеніе Греческой церкви съ Рим-
скою) была принята съ омерзеніемъ какъ духовен-

Исторія Рус-
совъ.

спвомъ, шакъ и мірянами. Въ особенності, возспали прошивъ нея: Гедеонъ Балабанъ, Епископъ Львовскій, Михайло Копыспенскій, Епископъ Премьшльскій и Князь Конспаншинъ Оспрожскій, Воевода Кіевскій. Напрасно клятвопреспуный Мипрополишь надѣлся на созванномъ имъ въ Бреспѣ соборѣ, подѣ надзоромъ Польскихъ Пословъ, склонипъ или принудипъ всѣ Малороссійскія Епархіи къ принятію Уніи: вѣрные сыны Церкви не поколебались. Епископъ Львовскій доказаль, что Унія принимала безусловно всѣ догматы Римскіе, оспавляя только одни обряды Греческіе, для обмана просподушныхъ. Соборъ раздѣлился на два, предающихъ проклятію одинъ другаго. Но не смотря на явное покровительствво Польскаго сейма, къ споронъ приверженцевъ Уніи пришло весьма мало людей. Напрощивъ шого, православіе удержало при себѣ несравненно большее число какъ духовныхъ, шакъ и вельможъ и проспыхъ мірянъ. Тогда Сигизмундъ, разгнѣванный неудачею и подспрекаемый Езуишами, рѣшился прибѣгнушь къ принудительнымъ мѣрамъ. По повелѣнію его опнимали у православныхъ храмы ихъ и опдавали уніятямъ, насильно выгоняли народъ на уніятское богослуженіе, и во время онаго Польскіе Жолнеры, съ обнаженными саблями, вынуждали православныхъ при чпеніи Символа вѣры гро-

могласно произносить Римское прибавление исхожденіе Духа Святаго: *и отъ Сына*. Наконецъ пертъніе Малороссіянь испощилось. Тамошніе Казаки принялись за оружіе подъ знаменами избраннаго ими Гепмана Наливайки. Сначала дѣйствія его ознаменованы были важными успѣхами; но наконецъ Коронный напоольный Гепманъ Жолкѣвскій разбилъ Казаковъ совершенно. Самъ Наливайко былъ взятъ въ плѣнъ и въ Варшавѣ живой сожженъ въ мѣдномъ быкѣ. По смерти сего мученика православія Поляки съ лютоспію поржеспивовали надъ несчастною Малороссією. На сеймѣ 1597 года, народъ Русскій объявленъ *отступнымъ, вѣроломнымъ, бунтливымъ*. Старинныя права его всѣ были уничтожены. Православное шляхетство оплучили опъ всѣхъ должностей военныхъ и судебныхъ, и назвали холопами. Также опобрали опъ православныхъ спароспва и ранговыя имѣнія ихъ. Малороссія наводнилась Польскими воинами, копорые подъ предлогомъ поданія нужной помощи унипшамъ, свободно безчинспвовали. Одно корысплюбіе опсавило еще нѣсколько храмовъ для Греческаго исповѣданія. Они были опданы на опкупъ Жидамъ, копорые только за деньги позволяли православнымъ исправлять прѣбы свои, и брали съ нихъ опъ одного до пяши палеровъ за каждое служеніе, и опъ одного до пяши злоповъ за кре-

щеніе и похороны. Впрочемъ гоненія сіи не ослабили пвердоспи вѣры простаго народа, копорый по большей части не измѣнилъ своему долгу. Но честолюбивое шлххешество показало болѣе малодушія. Дабы не преграждать себѣ пути къ полученію спаросивъ и высшихъ государственныхъ доспонствъ, господа рѣшились принять не только Унію; но даже и самую Римскую вѣру. Не согласуясь съ соопечественниками своими въ спашьѣ споль важной, какова естѣ религія, имъ неминуемо предспояло уже совершенно опчуждился опъ родины, чпо они и исполнили, замѣнивъ въ общеспіи своемъ Русской языкъ Польскимъ. Такимъ образомъ коренные Русскіе вельможи, изъ коихъ многіе происходили опъ племени Рюрика, къ спыду своему, содѣлались настоящими Поляками, и способствовали имъ въ угнѣшеніи своихъ единокровныхъ.

Езуиты не одну Малороссію гоповились одарить своимъ лжевѣріемъ. Они хорошо чувствовали, чпо нельзя было Воспочной Церкви нанести сильнѣйшаго удара, какъ оппорженіемъ опъ нея Великороссійскихъ епархій. Съ нѣкоторыхъ лѣтъ помышленія ихъ были устремлены на сей предметъ, и одно время они питались надеждою успѣшь въ семъ важномъ предпріятіи. Въ 1581 году Царь Иванъ Васильевичъ Грозный, желая окончанія па-

губной для него войны съ Стефаномъ Бапориємъ, Королемъ Польскимъ, прибѣгнувъ къ посредничеству Папы Григорія XIII-го, кошорый послалъ Езуипа Антонія Поссевина, для примиренія воюющихъ Государей. Поссевинъ возмечталъ, что можетъ воспользоваться симъ случаемъ для присоединенія Россіи къ Римской Церкви. Къ живѣйшему удовольствію его, намеки его на сей счетъ были принимаемы Іоанномъ безъ гнѣва, и даже съ нѣкошорымъ доброхотствомъ. Но Грозный Царь перехитрилъ самаго лукаваго Езуипа. Пока имѣлъ нужду въ Поссевинѣ, то Іоаниъ оказывалъ податливость къ его ученію; но когда, опть-частни спараніями его, миръ подписанъ былъ между Россією и Польшею, то Царь съ презрѣніемъ опвергнувъ дальнѣйшія домогательства его о вѣрѣ. Оскорбленные Езуипы выжидали съ неперпѣніемъ удобнаго времени для возобновленія спараній своихъ съ лучшимъ успѣхомъ. Когда же они извѣстились о замыслахъ мнимаго Димитрія, то съ свойспвенною имъ смѣлливостію, исчисливъ всѣ выгоды, кошорыя изъ оныхъ извлечь могли, вознамѣрились всѣми силами помогать ему. Самое самозванство его было для нихъ полезнымъ обспоятельствомъ. Имѣвъ дѣло съ природнымъ Русскимъ Царевичемъ, не такъ бы легко было имъ уговорить его пожертвоватъ правотрїемъ въ уваженіи обѣщанныхъ

ими пособій; но нельзя было ожидать такой совѣспливости опть пщеславнаго бродяги, уже покушавшагося на злое дѣло.

Всѣ свѣденія, получаемыя Езуитами изъ Россіи, согласовались въ помѣ, что Государство находилось въ большомъ волненіи опть преперпѣнныхъ бѣдспвій, и что множество людей изъ ненависти къ Царю Борису ожидали только удобнаго случая къ возспанію пропивъ него. Имѣя въ виду не упускавъ споль благопріятныхъ обспояпельствъ, Езуиты положили приспунишь къ дѣлу безъ дальнѣйшаго опмагапельства. Броріанно по наущенію ихъ, Опрепьевъ вошелъ въ услуженіе къ Князю Адаму Вишневецкому, вельможѣ знапному, но слабоумному и легковѣрному. Въ быпность его у Князя въ домѣ, въ Брагинѣ, онъ припворился опасно больнымъ, и призвавъ духовника, сказалъ ему:

Никоновская
Лѣтопись.

по смерти моей погреби меня честно, яко же Царскихъ дѣтей погребаютъ; а сея тебѣ тайны не скажу, а есть тому всему у меня письмо вскрытъ подъ моего постелею, и какъ отыду къ Богу, и ты сіе письмо возьми и прочти его себѣ тайнть, никому же о томъ не возвѣсти. Богъ уже мнѣ такъ судилъ. Священникъ немедленно передалъ слова сіи Князю, который самъ пришелъ къ слугѣ своему, и не смощря на припворное сопривленіе его, вынулъ изъ-подъ постели положен-

ную Опрепьевымъ бумагу, въ коей онъ, называя себя Царевичемъ Димитріемъ, рассказывалъ нелѣпосплетенную имъ басню о спасеніи своемъ въ Угличѣ, гдѣ спараніемъ жившаго при немъ иностраннаго медика, по имени Симеона, убитъ вмѣсто его, равесникъ его, мальчикъ поповскій сынъ, какъ будто цѣлый городъ Угличъ, гдѣ всѣ хорошо знали Царевича, могъ бытъ приведенъ въ заблужденіе въ опношеніи къ шѣлу, чешыре дня лежавшему въ церкви, куда допускали всякаго званія людей! Далѣе Опрепьевъ утверждалъ, что медикъ, скривъ его, отдалъ на воспитаніе боярскому сыну, котораго не называлъ и который присовѣщивалъ ему искашь убѣжища между иноками, а что попомъ его выпроводили въ Польшу нѣкоторые вѣрные бояре и дѣяки Щелкаловы. Вишневецкій слѣпо повѣрилъ нескладной бреднѣ. Тогда Опрепьевъ, какъ будто убѣжденный въ невозможности долѣе скрывать свое происхожденіе, показалъ Князю носимый имъ на груди золопой крестъ, драгоценными камнями украшенный, который, какъ увѣрялъ, былъ данъ ему опцемъ его крестнымъ, Княземъ Ивановомъ Федоровичемъ Мспиславскимъ. Крестъ сей, вѣроятно гдѣ либо украденный или полученный опъ Езуиповъ, довершилъ ослѣпленіе Вишневецкаго, который спалъ чеспить прежняго слугу своего, какъ истиннаго Царевича.

Выписка изъ Архива Иностранныхъ Дѣлъ.

Рукопись Тольянского.

Князь Адамъ познакомилъ его съ брапомъ своимъ роднымъ, Княземъ Констанпиномъ, который зазвалъ его въ имѣніе свое Жалосць. Туда же явился первый лжесвидѣтель подлинности Царевича: то былъ слуга сына Боярскаго Михнова, и назывался Пепрушю. Въ 1601 году, Михновъ опъѣзжая въ Вильну при посольствѣ боярина Самшыкова, взялъ его съ собою; но онъ обокравъ его, бѣжалъ и нашелъ убѣжище въ домѣ Канцлера Липовскаго, Льва Сапѣги, гдѣ исправлялъ самыя низкія должности, называя себя Юрьемъ Пепровскимъ. Сей негодяй увѣрялъ, что служба прежде въ Угличѣ, (гдѣ въ самомъ дѣлѣ никогда не бывалъ), знаетъ хорошо Царевича и просилъ, чтобы ему показали его. Когда же исполнили желаніе его, то онъ указавъ на одинакія примѣты, которыя Опрепьевъ имѣлъ съ Царевичемъ, объявилъ, что видипъ въ немъ истиннаго Димитрія.

Дѣла Польскія въ Архивѣ.

Такого же рода смѣходоспойное предсавленіе гоповилось еще въ другомъ мѣстѣ. Князь Констанпинъ повезъ Опрепьева въ Самборъ, къ пещю своему, Юрію Мнишку, Воеводѣ Сендомирскому, между холопами коего находился слуга, взанный Русскими подѣ Псковомъ, и жившій нѣскольکو лѣтъ въ пѣну въ Москвѣ. Сей человекъ увѣрялъ, что видалъ тогда Царевича въ младенчествѣ, и что онъ точно походилъ на того, который пе-

перь назывался его именемъ. Какъ будто можно было распознать черпты двухъ или трехъ-лѣтняго ребенка, на лицѣ юноши двадцати одного года?

Не смотря на нелѣпость сихъ свидѣтельствъ, данныхъ впрочемъ лицами ни малѣйшаго вѣроятія не заслуживающими, Князь Конспаншинъ Вишневецкій и Юрій Мнишекъ не успыдились выдавать ихъ за несомнѣнные доказательства подлинности мнимаго Димитрія. Въ особенности спарець Мнишекъ горячо заступался за самозванца, будучи привлеченъ къ нему ожиданіемъ важныхъ выгодъ и почестей для собственнаго семейства своего. У него была дочь Марина, юная, прелестная дѣвица. Опрепьевъ, или дѣйствительно влюбился въ нее, или почелъ нужнымъ показываться страстнымъ, дабы привязать къ судьбѣ своей одну изъ знаменѣйшихъ Польскихъ фамилій. Мнишекъ съ живѣйшимъ удовольствіемъ мечпалъ о возможности видѣть дочь свою на Московскомъ престолѣ, а Марина, не менѣе отца своего преданная гордости и честолюбію, старалась также выказывать склонность къ мнимому Димитрію.

Между тѣмъ Езуиты ревностно дѣйствовали въ пользу Опрепьева, въ Краковѣ при дворѣ послушника своего, Короля Сигизмунда. Первымъ спараніемъ ихъ было доставить Самозванцу покровительство Папскаго Нунція Рангони, копо-

Alessandro
Cilli Historie
di Moscovia.

рый сначала хопя и показывалъ видъ, что не желаетъ мѣшаться въ такое темное дѣло, но наконецъ будио убѣжденный сильными доводами, рѣшился принять участие въ несчастномъ жребіи царственнаго изгнанника. Тогда Езуиты спали за одно съ Нунціемъ внушаютъ Королю, сколь славно, выгодно и даже душеспасительно будетъ для него видѣть на Московскомъ престола Государя, который, обязанный ему своимъ величіемъ, доставитъ Польшѣ прочный союзъ съ Россією и который, оказывая готовность къ принятию Римской вѣры, подаетъ великую надежду къ обращенію въ папешство многочисленныхъ подданныхъ своихъ. Сигизмундъ, съ свойственнымъ узкоумію упрямствомъ, не преспавалъ преклоняя ухо, къ совѣтамъ Езуитовъ, хопя шаковые уже споили ему наследственнаго его государства, Швеціи, которал, вспрѣвоженная имъ по предмету исповѣдаемой ею Люперанской вѣры, опложилась опъ него и признала Королемъ своимъ дядіо его роднаго Карла IX-го. Король Польскій позволилъ утвердить себя, что воцареніе мнимаго Димитрія подасъ ему способъ общими силами Польши и Россіи снова возложитъ на главу свою управленный вѣнецъ Вазы. Подъ вліяніемъ сихъ лестныхъ мечпаній, Сигизмундъ приказалъ Мнишку и Вишневецкому представитъ предъ себя Самозванца.

Въ началѣ 1604 года, Опрепьевъ прибылъ въ Краковъ, гдѣ Нунцій посѣтивъ его, объявилъ ему, что если желаетъ Королевской помощи въ опысканіи справедливыхъ правъ своихъ, то предваритель-но долженъ опречься опъ Греческой вѣры, принявъ Римскую и вручить себя покровительству Папскаго преспола. Самозванецъ съ умиленіемъ обѣщаль все сіе исполнить, что чрезъ нѣсколько дней въ домѣ у Нунція не только подтвердилъ на словахъ въ присуствіи многихъ знапныхъ особъ, но даже далъ въ помѣ письменное обязательство. Послѣ сего, Рангони угощаль его пышнымъ обѣдомъ, по окончаніи коего опвезъ къ Королю на аудіенцію. Сигизмундъ принялъ Лжедимипрія спол опершись на сполікъ, и съ обыкновенною своею величавостію подалъ ему руку. Опрепьевъ, поцѣловавъ оную, рассказалъ ему вымышленную испорію свою и просилъ у него защиты и помощи. Тогда Коронный Оберъ-Камергеръ далъ знакъ ему и всѣмъ присуствующимъ на аудіенціи выйти въ другую комнапу. Только Нунцій оспался на единѣ съ Королемъ, копорый совѣповался съ нимъ, какъ опвѣчалъ. Попомъ снова призвали Самозванца. Сей вошелъ съ смиреннымъ видомъ, и положивъ руку на сердце болѣе вздохами, чѣмъ словами спарался снискапъ королевскую милоспъ. Сигизмундъ съ веселымъ видомъ приподнявъ шляпу, сказалъ ему:

*

*Да спасетъ васъ Богъ, Дмитрій Князь Московскій! мы признаемъ васъ въ семь високомъ званіи, убѣжда-
ясь встѣмъ слышаннымъ нами и представленными
намъ письменными доводами, и въ знакъ нашего доб-
рожелательства назначаемъ вамъ на ваши потребности
ежегодно 40,000 злотыхъ (поже нынѣшнихъ се-
ребряныхъ рублей); кромѣ того, какъ пріятелю,
принятому подѣ наше покровительство позволяемъ
вамъ сноситься съ панами нашими и получать отъ
нихъ все вспоможеніе и заступленіе, какое только мо-
жете желать. Смущенный радостію, Опрепевъ
не нашелъ словъ, чпобы выразить свою призна-
пельность. Нунцій за него благодарилъ Короля, и
опвезъ его обратно въ домъ къ Сендомирскому
Воеводѣ, гдѣ обнимая его совѣшывалъ ему при-
няпсья за дѣло какъ можно скорѣе, и въ особен-
ности напоминалъ ему, чпо изъ благодарности
за оказанныя ему милости, онъ долженъ спѣшитъ
приняпсь Римскую вѣру и водворитъ какъ оную,
пакъ и Езуитовъ не только въ Государствѣ сво-
емъ, но даже сколь возможно будетъ въ дальнѣй-
шихъ спранахъ Воспока.*

Такимъ образомъ совершилось публичное при-
знаніе Самозванца за истиннаго Царевича при дво-
рѣ Польскомъ; событіе важное для наглаго бро-
дги, ибо подавало ему неожиданныя средства къ
достиженію своихъ до поль несбыточныхъ пред-

начертаній. Въ пылу своей признапельности къ Езуипамъ, онъ рѣшился безъ дальнѣйшаго опла- Annæ Litteræ Societatis Je- nu, an. 1604. гательства принять ихъ вѣру; но условились не оглашать сего до удобнѣйшаго случая, дабы преждевременно не вооружить противъ него Русскаго народа, свято привязаннаго къ старинному исповѣдованію своему. Ошрельевъ, закрывая лицо, и переодѣвшись въ нищенское платье, пришелъ въ сопровожденіи одного Польскаго вельможи въ домъ Краковскихъ Езуитовъ. Тамъ онъ отрекся отъ Восточной Церкви, исповѣдывался Езуиту и принялъ причастіе изъ рукъ Папскаго Нунція, который также совершилъ надъ нимъ миропомазаніе. Потомъ Самозванецъ, не преспававъ слѣдовать совѣщанъ Нунція, собственноручнымъ письмомъ Гревенбрухъ. просилъ покровительства Папы Климента VIII, который не замедлилъ ему отвѣчать весьма милосивно.

Король Сигизмундъ хопя на публичной аудіенціи и не обѣщавъ разспригъ самъ помогать ему силою оружія, но подспрекаемый Езуипами, онъ питалъ тайное желаніе принять дѣятельное участіе въ замышляемомъ Ошрельевымъ походѣ противъ Бориса. Къ исполненію сего предспавлялись большія препятствія. Государь Польскій, не будучи самодержавнымъ, не могъ безъ одобренія народнаго сейма открытъ войну съ сосѣдомъ, не

подавшимъ къ тому важнаго повода. Съ другой стороны Сигизмундъ опасался, что сеймъ не согласится на разорваніе недавно заключеннаго двадцатиплѣтняго перемирія съ Россією, и не захочетъ возстановить пропивъ Польши новаго сильнаго врага, когда Поляки не могли еще управиться со Шведами, сившимися опиятъ у нихъ Лифляндію. Въ сихъ обстоятельстввахъ Король вознамѣрился попытаться убѣдить главнѣйшихъ вельможъ своихъ въ томъ, что важныя государственныйя причины не дозволяютъ предложить на разрѣшеніе сейма восвать или нѣтъ съ Россією, и что несомнѣнныя выгоды Республики Польской, пребудутъ выпустить немедленно въ походъ пропивъ Царя Бориса.

Исцвнчъ. Знаменипѣйшимъ вельможею въ Польшѣ былъ тогда спарець Замоискій, Канцлеръ и великій Гешманъ Коронный: Король написалъ ему, что если Республика доставитъ царскій вѣнецъ Димитрію, то найдетъ въ немъ надежнаго союзника, на случай войны съ Турками; что съ другой стороны предспавитъ возможность не только очистить Лифляндію, но даже возстановить власпъ Королевскую въ Швеціи, потому что тѣ же войска, которыя будутъ употреблены для препровожденія Димитрія до Москвы, могутъ быть опшуда успремлены на Лифляндію и Финляндію;

что кроме того откроется для Польши обширный торгъ не только съ Россією, но чрезъ нее и съ Грузією и Персією, и что во всякомъ случаѣ нельзя было доставить лучшей рыцарской забавы пылкой, безпокойной молодежи Польской. Впрочемъ, Сигизмундъ изъявлялъ желаніе, чтобы совѣщанія о великомъ дѣлѣ семъ производились въ тайнѣ, между Замойскимъ и Архіепископомъ Гнѣзнимскимъ Тарновскимъ, безъ доклада сейму, потому что слишкомъ часто на сихъ народныхъ сѣздахъ выгоднѣйшія для рѣчи Посполитой предложенія бывали опвергнуты единственно по недоброжелательству частныхъ лицъ, и что такъ какъ рѣшѣнія на сеймѣ не могутъ быть производимы безъ огласки, то Царь Борисъ будетъ предупрежденъ о замыслахъ противъ него дѣлѣ и такимъ образомъ получитъ возможность, сильно приговорившись къ борьбѣ призваніемъ на помощь къ себѣ Татаръ и другихъ варварскихъ народовъ. Сигизмундъ худо зналъ Замойскаго, если надѣялся оказываемою ему довѣренностію выманить у него одобреніе своихъ замысловъ. Старый поборникъ Шляхетскихъ вольностей не измѣнилъ своимъ правиламъ. Онъ отвѣчалъ Королю, что не совѣщаетъ ему вступать въ ненадежный бой, и что во всякомъ случаѣ нельзя ничего предпринять безъ соизволенія сейма пѣтъ паце, что если дѣйстви-

шельно дойдець до войны съ Россією, по усилія ограниченныя и скороспѣшныя окажутся недоспащочными, а должно будетъ прибѣгнуць къ мѣрамъ, соотвѣтствующимъ важности цѣли, и выставить въ поле огромное войско.

Другіе вельможи Польскіе, и между прочими Напольный Коронный Генералъ Жолкъвскій и Князь Василій Конспанпинновичъ Оспрожскій были одного мнѣнія съ Замойскимъ. Всѣ они представляли Королю, что имѣя уже дѣло со Шведами неосмотрительно было бы вдаваться безъ всякой нужды въ новую войну.

Езуиты видя неудачу съ сей стороны, спали иногда внушаютъ Сигизмунду, что если вельможи не хопящъ открыто воевать противъ Бориса, то можно будетъ изъ-подъ руки вредить ему, и что Король имѣлъ на сіе все право, потому что самъ Борисъ дѣйствовалъ не иначе. Въ доказаніе сего Нарушевичъ. шельство тому представляли, что не смотря на существующее перемиріе Царь пропустилъ черезъ Ингрію Шведскія войска, посланныя Карломъ изъ Финляндіи въ Лифляндію, и что кромѣ того Русскіе градоначальники во Псковѣ и другихъ мѣстахъ имѣли приказаніе снабжать Шведовъ нужными для нихъ жизненными припасами. Не трудно было склонить Сигизмунда на оплату Царю тою же монетою. Король рѣшился, не оглашая

дѣйствія правительсва, воспользовавшись оказываемою охотою къ войнѣ нѣкопорыхъ Пановъ Липовскихъ и многихъ Жолнеровъ, оспававшихся на Украинѣ безъ службы, для составленія рапи изъ вольницы, которую сначала намѣрвался подчинить Князю Збаражскому, воеводѣ Брацлавскому. Но такъ какъ Князь сей не скрывалъ убѣжденія своего въ томъ, что мнимый Димитрій былъ Самозванецъ, то Король поручилъ все дѣло Мнишку, позволивъ ему употребить на оное доходы Сендомирскаго воеводства. Тогда Мнишекъ Карамзинъ. отвезъ обратно разспригу въ Самборъ, гдѣ такъ какъ и въ окрестностяхъ Львова, начинались уже наборы войска для похода въ Россію.

По возвращеніи своемъ въ Самборъ, Отрепьевъ сталъ открыто домогаться руки Марины. Предложенія его были приняты съ восторгомъ; однако гордый вельможа не намѣренъ былъ жертвовать дочерью своею на удачу. Свадьба была отложена до утвержденія Лжедмитрія на Московскомъ престоѣ, но между тѣмъ воевода Сендомирскій взялъ съ него запись, ¹⁵/₂₅-го Мая собственною рукою его подписанную, по силѣ коей Самозванецъ съ щедростію, свойственною челоуку, располагающему чужимъ добромъ, обѣщался пошчасъ послѣ своего воцаренія жениться на Маринѣ, и заплашитъ отцу ея Мнишку 1,000,000

злыхъ (поже нынѣшнихъ серебряныхъ рублей), кромѣ того онъ обязывался отдасть въ удѣлъ будущей супругѣ своей Государства Новгородское и Псковское, съ свободою вводить въ оныя исповѣдую ея Римскую вѣру, которую и самъ признавалъ за свою съ увѣреніемъ, что ничего не упустишь для водворенія оной и во всей Россіи.

Но Мнишекъ не довольствовался успроеніемъ участи своей дочери. Встрѣчая неожиданную подапливось въ нарѣченномъ зяпѣ своемъ, онъ, нѣсколько дней спустя, выманилъ у него, уже собственно въ пользу свою и въ пользу Государства Польскаго, новыя уступки, весьма разорительныя для Россіи. Второю записью, писанною также въ Самборѣ, $\frac{2}{12}$ -го Іюня, Самозванецъ отдавалъ будущему шестипю своему Княжеству Сѣверское и половину Смоленскаго съ городомъ, а другую половину Смоленскаго Княжества (вѣроятно лежащую по правой сторонѣ Днѣпра) и шесть городовъ изъ Сѣверскаго уступалъ Польшѣ. Кромѣ того Самозванецъ обѣщался еще по вспушеніи своемъ на пресполь, придасть Мнишку столько городовъ и земель изъ прилегающихъ къ Смоленскому Княжеству областей, сколько нужно будетъ для вознагражденія за убавленіе въ доходахъ Княжествъ Сѣверскаго и Смоленскаго, произшедшихъ отъ дѣлаемыхъ Польшѣ уступокъ. Исполненіе сихъ су-

мазбродныхъ обязапельствъ вовлекло бы Россію въ такія пожертвованія, къ копорымъ самая несчастная война едва ли могла бы ее вынудить *.

Мнишекъ, разлакомленный выговоренною имъ богатою наградою, хопя и не щадилъ имѣнія своего, однако собирающаяся подъ знаменами его шляхша не соспавляла довольно значительнаго войска, чшобы съ одною сею помощію самозванецъ могъ поколебать пресполь Бориса. Главнѣйшія надежды его въ семъ предпріятіи основывались на сподвижникахъ, коихъ ожидалъ найпи въ нѣдрахъ самой Россіи. Но и въ семъ случаѣ, Польки много благопріятствовали ему. Пограничныя Польскіе начальники всемѣрно спарались разсѣ- Дѣла Польскія и Нѣмцевичъ. вапъ по Сѣверской землѣ подметныя письма разсприги, въ коихъ онъ, объявляя себя Царевичемъ Димитріемъ, призывалъ народъ къ возстанію прошивъ Бориса. Въ особенноти такимъ образомъ ревностно дѣйствовалъ въ его пользу Михайло Рапомскій, спароста Осперскій, копорый не только мушилъ жипелей Чернигова и окрестностей, но еще послалъ шляхтича Щаснаго Свирскаго къ Донскимъ Козакамъ, коихъ наклонность къ самозванцу была уже извѣстна.

Донскіе Козаки не соспавляли еще сего спрой-

---

* Смотри Приложение № V и № VI.

наго и воинственнаго общесства, въ наши времена споль усердно и храбро подвизавшагося за Россію. Тогда они шолько были сволочью людей безпріюпныхъ, ненавидящихъ всякую подчиненность и однимъ удальспвомъ подобившихся знаменипымъ потомкамъ своимъ. Промышляя единственно разбоємъ, они много вредили Россійской торговлѣ съ Грузією и Персією, и даже самовольными нападеніями своими на Турецкія владѣнія весьма затрудняли мирныя сношенія, копорыя Россійское правительсство желало сохранить съ Порпою. Царь Борисъ, разгнѣванный ихъ неистовствами, принялся укрощать ихъ, и шѣмъ ожесточилъ ихъ прошивъ себя. Они явно опказались опъ всякаго повиновенія и съ радостію встрѣтили пронесшуюся между ими молву, что Царевичъ Димитрій находится въ живыхъ. Дерзоспъ ихъ возрасла до шакой степени, что еще въ Январь 1604 года они осмѣлились напасть на Околыничаго Степана Степановича Годунова, проюроднаго брата Царя, посланнаго съ порученіемъ въ Аспрахань. Козаки разбили провожавшій его конвой; Годуновъ самъ едва успѣлъ спасиспъ бѣгспвомъ. Многіе изъ его людей были убиты, а другіе взяты въ плѣнъ, изъ коихъ нѣкопорыхъ Козаки послали къ Царю съ вѣстію, что они скоро придупъ въ Москву съ Царевичемъ Димитріемъ.

Въ сихъ обшюпельствахъ весьма еспеспвенно, что шляхтичь Свирскій получилъ добрый приемъ опть Козаковъ. Они приговорили отпра-
вить пошчасъ въ Польшу къ Лжедимитрію ашамановъ своихъ Андрея Корелу и Михайлу Нѣ-
жакожа. Сіи посланные застали еще Самозванца Архивскія
бумаги. въ Краковъ, и видѣвъ, что при самомъ Королев-
скомъ дворѣ онъ принимася за истиннаго Ца-
ревича, не усумнились признашь его за своего за-
коннаго Государя. Возвратившись же на Донъ, они
убѣдили товарищей своихъ гошовишься къ похо-
ду за Димитрія.

Уже нѣкопорые изъ Русскихъ бѣглецовъ, въ
Польшѣ находящихся, приспали къ Самозванцу и
образовали первую его дружину Русскую, которая
была ему весьма нужна, дабы опвратишь опть
себя нарѣканіе, что онъ съ одними иноплемenni-
ми силами намѣреася вспуишь въ Россію. Но
дружина сія была не многочисленна, и спаранія
разсприги, чшобы умножишь ряды оной не всегда
были успѣшны. Многіе изъ Русскихъ выходцевъ,
гнушаясь обманомъ, не хотѣли приняшь учаспія
въ зломъ дѣлѣ. Между сими опличился въ особен-
ности сынъ боярской Яковъ Пыхачевъ и старый
разспригичъ товарищъ монахъ Варлаамъ Яцкій,
которые прибыли въ Краковъ для изобличенія Челобитная
Варлаама. Самозванца передъ Польскими вельможами. Но на-

прасно Варлаамъ увѣрялъ, что мнимый Димитрій есть монахъ Григорій Опрепьевъ, съ коимъ вмѣстѣ онъ самъ бѣжалъ изъ Москвы въ Кіевъ. Король не хотѣлъ слушать истины, проотивной его желаніямъ, и приказалъ отправить обоихъ обвинителей къ Самозванцу въ Самборъ. Тамъ Варлаама заключили въ пемницу, какъ непочтительнаго клеветника, а Пыхачева казнили подъ предлогомъ, что онъ подосланъ Борисомъ для умерщвленія Царевича.

Избавивъ себя такимъ образомъ отъ опаснаго свидѣтельства, разсприга не менѣ того весьма превозвился мыслію, что наслощее имя его содѣлалось извѣстнымъ. Для отвращенія худыхъ для него слѣдствій, могущихъ произойти отъ сего открытія, онъ прибѣгнулъ къ новому обману. При немъ находился вышедшій изъ Крыпецкаго Монастыря безродный монахъ Леонидъ, человекъ пьяный, но весьма преданный Самозванцу, который велѣлъ ему называться Григоріемъ Опрепьевымъ. Такимъ образомъ онъ надѣялся отвести отъ себя подозрѣніе, что самъ онъ былъ симъ Опрепьевымъ.

Повѣсть о
Борисѣ Году-
новѣ и раз-
стригѣ и Мо-
розовская ль-
топись.

Не возможно, чтобы Царь Борисъ скоро не извѣстился о дерзкихъ проискахъ Самозванца, какъ въ Россіи такъ и въ Польшѣ. Въ первомъ смущеніи своемъ, онъ началъ самъ нѣсколько сомнѣваться

въ убіеніи истиннаго Димитрія. Мать Димитріе-Беръ.
ву, Царицу Марѳу, привезли въ Дѣвичій монастырь ^{Показанія}
подъ Москвою; Царь ѣздилъ къ ней съ Паптіар- ^{Хрущева.}
хомъ, допрашивалъ ея, дѣлалъ по всюду почтѣй-
шіе розыски, и убѣдился, что несчастная жертва
его властолюбія дѣйствительно пала за при-
даныи лѣтъ предъ тѣмъ подъ нанесенными ей въ
Угличѣ ударами. Между тѣмъ посланные въ Поль-
шу лазутчики донесли, что опьяненный обман-
щикъ, дерзнувшій принять на себя имя Царевича,
былъ ни кто иной, какъ Чудовскій дьяконъ
Григорій Опрельевъ, который избѣжалъ ссылки
въ Соловецкій монастырь, единственно по небре-
женію дьяка Смирнаго, не исполнившаго Царскаго
о немъ указа. Борисъ не хотѣлъ однако наказати
дьяка за сіе ослушаніе, дабы не придали важно-
сти случаю, который старался еще представ-
ляти ничтожнымъ. Но злоба Царская пропивиъ
въпренаго чиновника не угасала. Съ лицемѣріемъ, ^{Никоновская}
пропивнымъ достоинству Государя, не смѣя ка- ^{Лѣтопись.}
рапати его за настоящее преступленіе, онъ спалъ
подыскиваясь подъ него. Смирнаго, обвиненнаго
въ расхищеніи дворцовой казны, засѣкли до смерти.
Положеніе Бориса было затруднительно. Если
благоразуміе предписывало гововишься къ отвра-
щенію угрожающей опасности, то съ другой спо-
роны также полезнымъ казалось не выказывати

никакого безпокойства, дабы не возвысиль въ глазахъ вепревоженного народа соперника, коего дополъ можно было еще полагать достпойнымъ одного презрѣнiя. Въ семъ недоумѣнiи, Царь рѣшился ограничиться мѣрами двуличными. Хотя зараза въ Смоленскомъ уѣздѣ слабѣла, но учрежденныя между Москвою и Смоленскомъ заставы, были пропаянупы до Брянска, дабы затруднить сообщенiя съ Липвою. Кромѣ того Царь приказалъ Окольничимъ Пепру Шереметьеву и Михайлѣ Салпыкову собрать войско подѣ Ливнами, подѣ предлогомъ полученныхъ извѣстiй изъ Крыма о замышляемомъ нападении Татарѣ на Русскiе предѣлы. Выборъ Ливенѣ для сборнаго мѣста войска былъ дѣйствительнѣо удаченѣ, ибо опшуда легко было обратиць оное или на Донѣ пропивѣ Козаковѣ, или къ Днѣпру пропивѣ Польши.

Но Царь еще надѣялся, не обнажая меча одною силою истины побѣдити разспригу, разувѣривѣ его приверженцевѣ. Для сего онѣ опправиль къ Донскимъ Козакамъ дворянина Хрущева, а боярамъ своимъ приказалъ послаць къ Польскимъ вельможамъ разспригина дяю роднаго, Смирнаго Опрепьева, для изобличенiя племянника въ при-

Показанiя
Хрущева.

Дѣла Польскихъ и показанiя Хрущева. сущевiи ихъ. Посылки сiи не имѣли и не могли имѣть успѣха, попому что ополчающiеся на Россiю злодѣи искали не истины, а одной собщвен-

ной выгоды. Польскіе вельможи не хотѣли показати Смирному Опрепьеву Самозванца, опзываясь, что имъ до него не было ни какого дѣла и что они ему ни въ чемъ помогать не намѣрены. Хрущева порученіе кончилось еще хуже. Козаки схватили его и окованнаго опправили къ Самозванцу. Успрашенный Хрущевъ измѣнилъ своему долгу. Представленный Лжедимитрію, онъ повергся къ стопамъ его увѣряя, что по сходству его съ Царемъ Іоанномъ Васильевичемъ узнаеть въ немъ истиннаго Государя своего. Разсприга съ любопытствомъ распрашивалъ его о расположеніи умовъ въ Россіи и о намѣреніяхъ Царя Бориса. Хрущевъ въ опвѣсахъ своихъ старался единственно угодишь Самозванцу, и говорилъ много долженствующихъ ему нравиться небылицъ.

Король Сигизмундъ, самъ не смѣя воевать прошивъ Царя Бориса, не менѣе того возбуждалъ прошивъ него новыхъ враговъ. Посылая въ Крымъ гонца Черкашенина, онъ писалъ съ нимъ къ Хану Казы-Гирею, что Царевичъ Димитрій готовится вступитъ въ Россію, для поддержанія законныхъ правъ своихъ, и что Полякамъ пріятно будетъ, если Татары спануть помогать ему въ семъ предпріятіи.

Между тѣмъ жителя окрестностей Львова и Самбора терпѣли большія притѣсненія и обиды

Рукопись
Жолкев-
скаго.

опть развратной шляхты, собравшейся подъ хоругвию Лжедимитрія. Всѣ желали какъ можно скорѣе избавишься опть ней. Но наборъ производился медленно, хопя Мнишекъ и не щадилъ денегъ. Самозванецъ, въ неперпѣтнѣи своемъ, рѣшился не дожидаться, чшобы все ополченіе было готово, и 15-го Августа 1604 года выѣхалъ изъ Самбора въ сопровожденіи двухъ Езуитовъ, Николая Черни-Гревелбрухъ. ковскаго и Андрея Лавицкаго. Разсприга, 30-го того жъ мѣсяца, прибылъ въ Глинныяны, гдѣ назначень былъ смопрѣ войску. Оное состояло полько изъ 500 человекъ пѣхоты и 1,100 всадниковъ, раздѣленныхъ на пять хоругвей, а имен-Паерле. но: Царскую, Пана Мнишка Спароспы Саноцкаго *, Пана Дворжицкаго, Пана Фредро и Пана Неборскаго. Хопя Король и поручилъ все дѣло спарому Мнишку, но необузданная вольность гордой шляхты требовала ея согласія на избраніе начальника. На собранномъ въ Глинныяхъ Коля (сходкѣ), Воевода Сендомирскій провозглашень Гешманомъ войска, а подъ нимъ назначены два Полковника Паны Жулицкой и Дворжицкой.

Рукопись
Ротмистра
Борша изъ
Пулавской
библіотеки.

3-го Сенпября войско двинулось изъ Глиннѣ по направленію къ Кіеву. Много другихъ шляхетскихъ хоругвей, не dokonчившихъ еще своего обра-

---

* *Примѣчаніе.* Сей былъ сынъ Юрія Мнишка, Воеводы Сендомирскаго.

зованія, получили приказаніе, по совершенномъ изгоповленіи, слѣдовать шѣмъ же путемъ и спѣшишь соединеніемъ съ прочими поварищами своими. Приближаясь къ Кіеву, Самозванецъ и Мнишекъ были въспревожены появленіемъ войска Князя Оспрожскаго, изъ нѣсколькихъ тысячъ чловѣкъ соспоящаго. Зная, сколь Князь сей желалъ сохраненія мира между Польшею и Россією, они опасались нападенія его, и почли пужнымъ принять мѣры чрезвычайной оспорожности. Воины ихъ проводили ночи безъ огня и держали лошадей своихъ осѣданными. Но Оспрожскій не имѣлъ намѣренія вооруженною рукою дѣйствовать противъ людей, коихъ предпріятіе хотя имъ не одобряемос, было тайно покровительствуемо самимъ Государемъ его. Онъ имѣлъ только въ виду охраненіе жителей Кіевскаго воеводства отъ грабительствъ Самозванцевыхъ сподвижниковъ, и для того приказалъ войску своему довольствоваться наблюденіемъ за ними во время слѣдованія ихъ до Днѣпра.

Разсприга, прибывшій въ Кіевъ 7-го Октябръ, въспрѣшилъ путь неспожданное препяпствіе. По повелѣнію Оспрожскаго всѣ перевозы на Днѣпръ были сняты. Нѣсколькo дней прошло въ опыскиваніи паромовъ, и только 15-го числа совершилась переправа въ чепырнадцати верспахъ выше

Паерле. Кіева, близь устья Десны. Уже Самозванецъ былъ обрадованъ прибытіемъ перваго подкрѣпленія изъ Россіи, состоящаго изъ 2,000 Козаковъ, приведенныхъ съ Дону Свирскимъ. Такимъ образомъ въ войскѣ, съ коимъ онъ готовился пересупить за границу, считалось до 4,000 человекъ.

Дневникъ по-хода Мнишка въ Россію. Переправляясь за Днѣпръ, разсприга началъ дѣйствовать рѣшительно. 16-го Октября онъ перешелъ за Русскій рубежъ и спалъ лагеремъ за Сваромьемъ, а 17-го за Жукинымъ. Вспуленіе его въ предѣлы Россіи несказанно возмутило спротививый народъ Сѣверской земли. Вездѣ чернь, ненавидѣвшая Бориса, радостно принимала Самозванца съ хлѣбомъ и солью. Первымъ Русскимъ укрѣпленнымъ мѣстомъ былъ въ сей споронѣ замокъ Муромскъ. Еще Опреньевъ споялъ въ придцати верспахъ опъ онаго, какъ уже тамошніе жипели прислали ему сказапъ, что покоряюпся его власпи. Разсприга спѣшилъ воспользоваться ихъ добрымъ расположеніемъ и 19-го числа, выступя изъ-подъ Жукина, оспановился при Полчовѣ, десять верспъ не доходя замка. Тупъ Муромляне представили ему связанныхъ воеводъ своихъ, Бориса Лодыгина и Елизарея Безобразова. Самозванецъ почелъ нужнымъ ознаменовашъ милосердіемъ первыя царскія дѣйствія свои. Не вмѣняя въ вину воеводамъ вѣрносъ ихъ къ Борису, онъ

единственно жалѣлъ объ ихъ заблужденіи и приказалъ освободить ихъ. 21-го числа Опрепьевъ впустилъ въ Муромскъ.

Вѣсть о вторженіи врага въ Россію изумила Бориса. Хипришь было уже не время. Предстояла необходимостъ противопоставить силу силъ. Царь приказалъ собрать войско въ Брянскъ, но и путь еще или дѣйствительно не постигая важности обѣспояпелъспивъ, или припворяясь не вѣрующимъ оной, онъ не хотѣлъ прибѣгнуть къ усиліямъ чрезвычайнымъ. Въ погдашнее время въ Россіи ополченія были двухъ родовъ: большія, состоящія изъ пяти или иногда и шестии полковъ, и впороспепенныя, раздѣлявшіяся на три полка. Собиравшееся въ Брянскъ войско было прехъ полкное, и состояло подъ главнымъ начальствомъ боярина Князя Димитрія Ивановича Шуйскаго, Разрядныя книги. кошорый имѣлъ при себѣ во впорыхъ въ большомъ полку Князя Михайлу Феодоровича Кашина, въ передовомъ были Иванъ Ивановичъ Годуновъ и Князь Михайло Самсоновичъ Туренинъ, а въ спорожевомъ бояринъ Михайло Глѣбовичъ Салпыковъ и Князь Феодоръ Звенигородскій. Кроме того посланы знапные чиновники въ пограничные города; въ Пупивль: Михайло Михайловичъ Салпыковъ, да съ нимъ осадный воевода Князь Василій Михайловичъ Мосальскій-Рубецъ, а въ Черниговъ: Бояринъ

Князь Никита Романовичъ Трубецкой, Окольничей Пешръ Осодоровичъ Басмановъ и Голова Андрей Восйковъ; но сіи при чиновника уже не могли достигнуть своего назначенія.

Самозванецъ не перялъ времени. Оспая въ Муромскѣ малой опрядь для охраненія замка, онъ, 22 Октября, двинулся вдоль праваго берега Десны, и 25-го споялъ уже лагерь въ семи верстахъ отъ Чернигова, а двухъ тысячный Козацкій опрядь, составлявшій его передовую дружину подспунилъ подъ самый городъ, достапочно снабженный пушками и имѣвшій крѣпкій замокъ. Жипели сначала хопѣли защищаться и убили многихъ Козаковъ, пытавшихся войпи силою. Но когда узнали что Муромскъ сдался добровольно, то и они положили не противиться Царевичу. Напрасно начальствующій въ городъ, Князь Иванъ Андреевичъ Ташевъ, надѣялся еще удержаться въ замкѣ, съ бывшими при немъ 300 спръльцами и 20 орудіями. Чернь, пригласивъ на помощь Козаковъ, соединенными силами хлынула къ замку. Тогда спръльцы, увлеченные общимъ примѣромъ, отворили ворота и выдали воеводу своего. Ташевъ оказался спольже малодушнымъ, сколь и Хрущевъ; онъ вошелъ въ службу къ Самозванцу, и сдѣлался вѣрнѣйшимъ изъ его клеверповъ. Впрочемъ Черниговцы получили достойное наказаніе за свою шап-

Боршь и
Паерде.

кось. Впущенные ими Козаки грабили городъ, какъ будто взяли оный приступомъ. Извѣщенный о томъ разсприга, немедленно послалъ къ Козакамъ двухъ Польскихъ Пановъ для прекращенія безпорядковъ, могущихъ охладить наклонность къ нему обывателей другихъ городовъ. Но Паны сии уже нашли все ограбленнымъ. Самозванецъ, самъ прибывшій на другой день въ Черниговъ, приказалъ возвращить похищенное, однакожь Козаки успѣли скрыть часть своей добычи, и хозяева не все утраченное получили обратно.

Разсприга оспановился въ Черниговъ, чтобы дать отдохновеніе своему войску, въ коемъ оказывался нѣкоторый ропотъ. Въ особенності шляхта жаловалась, что за неимѣніемъ денегъ, обносилась и нуждается въ продовольствіи. Къ счастью Самозванца въ замкѣ нашлось въ сборѣ 3,000 рублей (10,000 нынѣшнихъ серебряныхъ). Онъ роздалъ ихъ Полякамъ.

По осмидневному отдыхѣ, Опретъевъ выступилъ опять въ походъ по направленію къ Новгороду-Сѣверскому. Передовые Козаки подъ начальствомъ Поляка Бучинскаго, явились подъ симъ городомъ 9-го Ноября. Но путь встрѣтили мяшешники первое важное сопротивленіе. Князь Трубецкой, Басмановъ и Воейковъ, отправленные Царемъ въ Черниговъ, не могли опередить шамъ

Самозванца, и рѣшились защищать Новгородъ-Сѣверскій. Хотя Болринъ Трубецкій былъ гораздо чиновнѣе Околыничаго Басманова, но послѣдній заправлялъ всѣмъ. Въ смутное время часпо истинное достоинство беретъ верхъ, и обыкновенные люди охотно уступаютъ искуснѣйшимъ власть и отвѣтственность. Басмановъ отличался сколько же честлюбіемъ, сколько и храбростію, твердоспіню и знаніемъ рапнаго дѣла. Онъ предупреждая измѣну обывателей, ввелъ ихъ всѣхъ въ замокъ, самъ заперся въ ономъ съ бывшими при немъ 600 спрѣльцовъ, а городъ велѣлъ выжечь.

Козаки, принятые пальбою изъ замка, оспанивились, а Бучинскій съ малою свипою подѣхалъ къ стѣнѣ для начатія переговоровъ, къ которымъ Русскіе, кидая шапки свои въ верхъ, казалось приглашали его. Басмановъ самъ находился на стѣнѣ и спросилъ его, чего онъ требуетъ? Полякъ объяснился пакимъ образомъ: *я присланъ моимъ всемилостивѣйшимъ Государемъ, сыномъ блаженной памяти Великаго Князя Иоанна Васильевича, Димитріемъ Иоанновичемъ. Небесный промыслъ сохранилъ его отъ смерти, приготовленной въ Угличѣ измѣнникомъ Борисомъ: онъ здравствуетъ и чрезъ меня, слугу своего, объявляетъ, что если вы, подобно жителямъ Чернигова и Муромска, покоритесь ему и ударите челомъ, какъ законному Госу-*

дарю, то будете помилованы; если же не согласитесь на сіе, то знайте, что встѣхъ васъ предасть онъ смерти, и мужей и женъ, и старыхъ и молодыхъ; самымъ младенцамъ въ матерней утробѣ не будетъ пощады. Басмановъ отвѣчалъ: Государь нашъ и Великій Князь Борисъ, теперь въ Москвѣ: онъ повелитель всей Россіи! Тотъ же, о комъ говоришь ты, есть измѣнникъ и негодилъ; скоро онъ будетъ на колѣ со встѣми его клеветами! Сплѣши удалиться туда, откуда пришелъ ты, если хочешь остаться въ живыхъ. Сія рѣчь мало понравилась Бучинскому, копорый расположивъ опрядъ свой на горѣ, куда Русскіе пули не доспигали, спѣшилъ самъ извѣспить Самозванца, что шупъ одною лестію успѣть не можно.

Разсприга самъ подспунилъ подъ замокъ 11-го числа, и расположившись, на пепелище города послалъ нѣсколькихъ Польскихъ Пановъ и Муромскихъ Русскихъ уговаривать къ сдачѣ осажденныхъ, но Басмановъ не хотѣлъ вспупать въ дальнѣйшіе переговоры и приказалъ спрѣлять по посланнымъ.

Видя его упорство, Самозванецъ приспунилъ къ формальной осадѣ, хопя не имѣлъ при себѣ доспащочнаго снаряда для сего предпріяшя. Спали копать праншей и плесъ шуры, за конми выспали 8 небольшихъ полевыхъ пушекъ и 6 фалконетовъ. Поляки, подъ покровипельспвомъ

почти ничтожной пальбы изъ сихъ бапарей, вздумали 14 числа итти на приступъ. Гусары ихъ * подспунили къ замку и охотники изъ нихъ слезши съ лошадей, двукратно бросались къ спѣнѣ. Осажденные опспрѣливались такъ удачно, что непріятель оба раза былъ опраженъ съ урономъ. Не смѣя болѣе дѣйствовать опкрыто, Поляки подѣлали деревянные срубы, копорые поставя на сани, въ ночи съ 17 на 18, двинули къ замку, а сами тихо шли позади, заслоняясь, оными. За гусарами слѣдовали еще 300 человекъ съ соломою и хвороспомъ, чемъ должны они были завалишь ровъ замка, и попомъ поджечь сіи припасы въ надеждѣ пожаромъ одолѣшь осажденныхъ. Такимъ образомъ Поляки безвредно подошли ко рву, но шущъ встрѣшили споль мужественное сопротивленіе со спороны вѣрныхъ воиновъ, Басмановымъ одушевленныхъ, что предпріятіе ихъ не имѣло успѣха. Тщепно въ ярости своей продолжали они иштурмъ во всю ночь. Рѣшишельно опбишые, они вынуждены были наконецъ опспупись съ немалою поперею.

Неудача сія, повергла Лжедимитрія въ чрезмѣрную горестъ. Сопротивленіе ничтожной крѣ-

---

* *Примыаніе.* Польская конница была двухъ родовъ: *Гусарам* назывались латники или нынѣшніе кирасиры, а легкая конница означалась подъ именемъ *Пятгорцевъ*.

поспи, каковою былъ Новгородъ-Сѣверской, казалось ему разрушеніемъ всѣхъ мечтаній его. Въ порывѣ досады своей, онъ укорялъ Поляковъ, и говорилъ, что не находилъ въ нихъ ожидаемаго имъ удальства. Обидившіеся Поляки опвѣчали, что штурмовать городъ, не сдѣлавши прежде пролома въ стѣнѣ, было дѣломъ сумазброднымъ. Обоюдныя неудовольствія возрасли до пакой степени, что шляхта хотѣла уже возвратиться въ Польшу. Къ счастью разсприги, чрезвычайно благопріятныя для него извѣстія, полученныя имъ въ то самое время, когда онъ самъ началъ предаваться опчаянію, ободрили всѣхъ приверженцевъ его и побудили ихъ не оспалять начатаго предпріятія.

Пламень бунта быстро распостранялся по всей полуденной Россіи. Самозванцевы лазутчики, коимъ способствовала очевидная склонность къ нему простаго народа, проникали по всюду и раз-Хронографы. сѣвали манифесты его, въ коихъ онъ оглашая себя Царевичемъ Димитріемъ, чудеснымъ промысломъ Всевышняго спасеннымъ опъ удара, изгопяемаго ему Годуновымъ, напоминалъ присягу, данную опцу его Царю Іоанну, и увѣщевалъ всѣхъ опспать опъ злѣтя Бориса и покориться его законной власпи. Чернь съ умиленіемъ слушала сіи манифесты и съ радостію опказывалась опъ

послушанія ненавистнаго ей Бориса. Одни чиновные люди сохраняли еще нѣкоторую приспоспобность. Правда многіе изъ нихъ, выданные Самозванцу, служили уже ему, но вину ихъ можно еще было приписать страху и принужденію. Первымъ добровольнымъ измѣнникомъ оказался одинъ изъ попомковъ Рюриковыхъ, Князь Василій Михайловичъ, Мосальскій-Рубецъ. Начальствуя во вторыхъ въ Пушिवль, онъ вмѣсто того, чпобы обуздывашь жипелей и воиновъ, самъ возмутилъ ихъ, связалъ главнаго начальника Окольничаго Михайлу Михайловича Салпыкова и присягнулъ разспригъ со всѣми людьми своими, кромъ 200 Московскихъ спрѣльцевъ, пребывшихъ вѣрными, копорыхъ обезоружили, а голову и сошниковъ ихъ послали къ Самозванцу. Пушивль, многолюдный и обнесенный каменною оградю, (чпю означало важность мѣста, попому чпю тогдашнія укрѣпленія городовъ Россійскихъ были почти вездѣ деревянныя), считался главнымъ городомъ въ Сѣверской землѣ. Молва о покореніи онаго Самозванцу разнеслась съ немовѣрною скороспію, и подала поводъ къ новымъ измѣнамъ. Пагубному примѣру послѣдовали Рымскъ, Сѣвскъ, Комарицкая волость, Борисъ-городъ, Бѣлгородъ, Осколь, Валуйки, Курскъ, Кромь, Ливны, Елецъ и Воронежъ, такъ чпю въ Южной полосѣ Россіи, на проптяженіи 600 верспъ опъ

Никоповская
Лѣтопись и
Гревенбрухъ.

Дневникъ
Марины.

Запада къ Воспоку, всё признавали разспригу за законнаго своего Государя.

Обрадованный симъ неожиданнымъ успѣхомъ, Самозванецъ приложилъ новыя старанія къ овладѣнію Новгородомъ-Сѣверскимъ. По повелѣнію его привезли изъ Пушिवля пяць орудій осадныхъ и 8 полевыхъ, кои 4-го Декабря открыли огонь по замку. Почпи цѣлую недѣлю, спрѣлба сія продолжалась непрерывно денно и ночью. Деревяныя стѣны замка часпо были пробиваемы, но Басмановъ не унывалъ, хопя въ одинъ день выбѣжало опъ него 80 человекъ, и хопя собранное подъ Брянскомъ Царское войско ничего не предпринимало для его избавленія. Начальникъ сего войска, Князь Димитрій Шуйскій, въ извиненіе своего бездѣйствія писалъ въ Москву, что ненадежно сразиться съ Лжедимитріемъ безъ важнаго надъ нимъ превосходства силъ, и что попому онъ въ необходимости просилъ подкрѣпленія.

Борисъ и дьявникъ Марьяны.

Никоновская Лѣтопись.

Оплженіе обширныхъ обласпей, робоспъ высланнаго пропивъ враговъ войска и болѣе всего не поняшное ослѣпленіе народа, вездѣ и даже въ самой Москвѣ оказывающаго несомнѣнную склонность къ Самозванцу наконецъ убѣдили Бориса въ дѣйствительности угрожающей ему бѣды. Видя неумѣстность дальнѣйшаго выказыванія припворной самонадѣянности, онъ рѣшился употребить

на уничтоженіе злодѣя всѣ еще весьма сильныя средства, коими могъ располагать самодержецъ Россійскій. Князь Федоръ Ивановичъ Мстиславской получилъ приказаніе собрать новое войско въ Калугѣ и вмѣстѣ съ нѣмъ обнародовано общее земское ополченіе, оцѣ коего не избавлялись даже имѣнія духовенства, какъ и прочія, по мѣрѣ владѣемой земли. Сими разными пригопвленіями не ограничилось правительство. Царь и Паптріархъ во всѣхъ храмахъ и на всѣхъ погкахъ приказывали провозглашать церковное проклятіе надъ Опрельевымъ, какъ надъ злымъ ерешикомъ, шщившимся похипипъ Царство Московское, испребипъ православную Христіанскую вѣру и внеспи прокляпую Папеежскую. Въ Москвѣ Князь Василій Ивановичъ Шуйскій на лобномъ мѣстѣ поржеспвенно увѣрялъ народъ, что будучи главнымъ лицомъ слѣдспвеннаго наряда о убіеніи Димитрія, онъ самъ хоронилъ его шѣло, и пошому лучше всѣхъ можешъ свидѣпельствовапъ, что дѣйспвипельно въ Углицѣ убипъ былъ никпо иной, какъ самъ Царевичъ. Но рѣчи сіи и подобныя Паптріарха и другихъ Бояръ дѣлали мало впечатлѣнія надъ предубѣжденными слушапелями, которые промежъ себя полковали, что пакъ говорили имъ по наущенію Бориса, которому нечего инаго и дѣлапъ было, какъ скривапъ испинну.

Хропографы
и грамоты
Патріарха къ
Сольвычегод-
скому Архи-
мандриту.

Царь среди всѣхъ окружающихъ его опасностей, сохранялъ еще приспойную величавость въ опношеніи иноспранныхъ державъ. Карлъ IX Король Шведской, еспественный врагъ Польши, вызвался прислать ему вспомогапельное войско, но Борисъ опвѣчалъ, что Россія при Царѣ Иоаннѣ въ одно время воевавшая съ Турками, Татарами, Поляками и Шведами, сама управилса съ своимъ злодѣемъ. Впрочемъ Царь самъ не желая помощи опъ иноспранцевъ, шакже искалъ опнять оную и у Самозванца. Въ семъ намѣреніи онъ послалъ къ Королю Сигизмунду дворянина Огарева съ грамопою, въ коей описывая все происхождение Оп-репьева, доказывалъ его самозванство прибавляя что если бы даже и дѣйспвительсно онъ былъ Димиприемъ, то и шупъ не имѣлъ бы ни какого права на пресполь, ибо Царевичъ, рожденный опъ седьмага брака, церковью не признаваемого, не могъ почипашься законнымъ наслѣдникомъ. Огаревъ имѣлъ порученіе жаловашься на помощь, даваемую Поляками разспригъ, на побужденіе Татаръ пропшиъ Россіи, на возмущеніе Козаковъ Липвиномъ Свирскимъ и на заняпіе Княземъ Вишневецкимъ, вопреки перемирія, городища Прилуки, который Россія считала своею собственностію. Въ заклю-ченіе, онъ долженъ былъ шребовашь рѣшипельна-го опвѣпа: чего желаетъ Польша, войны или

Нарушевичъ
и отвѣты Си-
гизмундо-
выхъ пословъ
въ 1608 году.

мира съ Россією? Вспрѣвоженный сею наспойчивоспїю, Сигизмундъ прибѣгнулъ къ лицемѣрнымъ увѣренїямъ, что хочеть свято наблюдашь перемїріе, и что если нѣкоторые Поляки, во зло упопреляя дарованныя имъ законами вольности, въ чемъ либо нарушили поспановленїя сего перемїрія, то будущъ строго наказаны.

Дѣла Польскїя.

Духовенство Россійское съ своей стороны, всячески, спаралось предостеречь опъ обмана духовенство Польское. Патріархъ, Митрополишь и всѣ Архіепископы и Епископы, послали къ оному гонца Бунакова съ грамошою, гдѣ всѣ они священнымъ словомъ своимъ, избличали Опрепьева въ самозванствѣ. Кромѣ того Патріархъ послалъ опъ себя въ Кїевъ гонца Пальчикова съ письмомъ къ Князю Оспрожскому, коего онъ увѣщевалъ, приказашъ поймашъ разспригу и прислашь его въ Москву. Но совершившіяся событія упредили опвѣшы на оба сїи посланїя. Учасшь государспва уже зависѣла опъ успѣха войны.

Князь Мспиславскїй, собравъ на скоро нѣсколько войска въ Калугѣ, повелъ оное въ Брянскъ на соединенїе съ войскомъ Князя Димїтрія Шуйскаго; совокупныя силы сїи соспавили сороко-тысячное ополченїе, раздѣленное на пять полковъ. Мспиславскїй принялъ главное начальство, имѣя при себѣ во впорыхъ въ большомъ полку Князя Ан-

дря Андреевича Теляпевскаго; въ другихъ полкахъ начальствовали: въ правой рукѣ Князь Димитрій Ивановичъ Шуйскій и Князь Михайло Феодоровичъ Кашинъ; въ лѣвой рукѣ Василій Петровичъ Морозовъ и Князь Лука Осиповичъ Щербатовъ; въ передовомъ Князь Василій Васильевичъ Голицынъ и Михайло Глѣбовичъ Салпыковъ; наконецъ въ спорожевомъ Иванъ Ивановичъ Годуновъ и Князь Михайло Самсоновичъ Туренинъ. Мстиславскій выступилъ немедленно на выручку Новгорода-Сѣверскаго, и на пути, достигнувъ Трубчевска, писалъ воеводѣ Сендомирскому пребуя, чшобы онъ немедленно оставилъ Самозванца и вышелъ съ Поляками своими изъ Россіи, не имѣющей брани съ Польшею. Но Мнишекъ не отвѣчалъ, ибо еще надѣялся на счастье нареченнаго зятя своего.

Дѣла Польскія.

18-го Декабря Россійское войско достигло рѣки Узруя, въ восьми верстахъ отъ Новгорода-Сѣверска, и переправилось чрезъ сію рѣку не смотря на сопротивленіе Самозванцевой передовой стражи, которая вынужденною нашлась отступить до его лагеря.

Хотя Лжедимитрій и былъ уже подкрѣпленъ прибытіемъ изъ Польши послѣднихъ шамъ образующихся шляхетскихъ ротъ, и вспугнутіемъ къ нему въ службу многихъ бродягъ Сѣверскихъ, однако со всѣмъ тѣмъ нельзя полагать, чшобы онъ

имѣлъ при себѣ болѣе 15,000 человекъ, изъ коихъ шрещя часть Поляковъ, и слѣдственно силы его казались весьма недоспапочными, чтобы прошивишься наступающему на него сорокоштысячному непріятелю. Но онъ хорошо успигъ, что опъ одной слѣпой опваги долженъ былъ ожидать удачи въ чудномъ предпріятіи своемъ, и пошому вознамѣрился, не смотря на чрезвычайное неравенство силъ, вступишь въ сраженіе, надѣясь впрочемъ, что измѣна поддавшихся ему городовъ будетъ имѣть вліяніе и на самихъ воиновъ Мещиславскаго, и что они не охотно подымутъ оружіе прошивъ того, котораго обширная часть Россіи признавала уже за истиннаго Государя своего.

Въ слѣдствіе сей рѣшимости 20-го Декабря онъ вывелъ войско свое изъ лагеря на обширную равнину, гдѣ споялъ Мещиславскій. День проведенъ въ маловажныхъ спычкахъ и бесполезныхъ переговорахъ. Только Басмановъ частыми вылазками превожилъ пылъ Самозванца, копорый для удержанія его вынужденъ былъ опрядишь нѣсколько сотъ Козаковъ.

Мещиславскій 21-го числа подшупилъ къ непріятельскому лагерю. Лжедимитрій опять смѣло вышелъ ему на встрѣчу и готоваясь къ бою, почель пужнымъ воспламенишь усердіе своихъ спо-

движниковъ, плодовиною рѣчью, въ коей дерзаль Царле. призывають Царя Бориса къ суду Божию. Хопя измѣны, на копорую считаль Самозванецъ, и не оказалось, однако недоумѣніе разливалось въ рядахъ Царскихъ воиновъ и приводило ихъ въ такое оцѣпенѣніе, что сраженіе продолжалось не долго. Правда Москвитяне отразили первое нападеніе Польской конницы, но сія искра храбрости скоро угасла. Правое Царское крыло не выдержало новаго написка свѣжихъ Польскихъ хоругвей и опрокинулась на Большой полкъ; сей также дрогнувъ, не смотря на благородныя усилія главнаго вождя, Князя Мспиславскаго, копорый не щадилъ себя, и ошягченный многими ранами, палъ съ коня; подоспѣвшая къ нему на помощь дружина спрѣльцовъ едва успѣла спасти его опъ плѣна. Въ тоже время, Польская пѣхопа выписнула другихъ Царскихъ спрѣльцовъ изъ занимаемой ими лоцины. По свидѣтельству очевидца, казалось, что у Россіянъ не было рукъ для стѣны, и Лжедимитрій вѣроятно одержалъ бы побѣду совершенную, если бы въ рѣшишельную минушу пустилъ въ дѣло запасныя войска свои, но по неопытности онъ не сдѣлалъ сего, и такимъ образомъ далъ возможность Царскимъ воеводамъ, послѣ двухъ или трехъ-часнаго боя, опспунишь хопя не безъ урона, но по крайней мѣрѣ съ сохраненіемъ

Борисъ и
Маржеретъ.

Дневникъ
Мнишка и
Боршъ.

емъ состава войска. Самозванецъ преслѣдовалъ ихъ на проспранствѣ девяти верспъ. Сіе постыдное дѣло стоило Русскимъ до 4,000 человекъ убитыхъ; Поляковъ пало только 120.

Впрочемъ одержанная Самозванцемъ побѣда ни сколько не была рѣшительною, а полууспѣха не доспапочно было, чпобы улучшить его положеніе. Царская армія опошла не далеко, и оспановилась въ чепырнадцати верспахъ опъ мѣспа сраженія въ лѣсу, гдѣ прикрылась окопами и засѣками. Лжедимишрій не смѣлъ, пакъ сказапъ подъ ея глазами, продолжашъ осаду Новгорода-Сѣверска, не смотря на ожидаемое имъ сильное подкрѣпленіе. Старые поварищи его, Запорожцы, привлеченные надеждоу богатой добычи, шли къ нему на помощь въ числѣ 12,000 человекъ, изъ коихъ 4,000 пѣшихъ прибыли въ спанъ его на другой день сраженія. Прочіе 8,000 конныхъ, съ 14 пушками, также находились уже въ близкомъ разспояніи. Но если такимъ образомъ, число разспригина войска значительно увеличивалось, съ другой спороны наспоящая сила онаго, ослабѣвала, потому чпво Поляки, составлявшіе лучшую его дружину, опказывались долѣ служить ему. Иноземцы сіи, изъ одной корыспи принявшіе его спорону, роппали на предспоящіе имъ шруды и неопспунио спребовали обѣщаннаго имъ жало-

ванья. Лжедимитріева казна не достапочно была для удовлетворенія ихъ. Въ сихъ шрудныхъ обшпошельствахъ, Самозванецъ рѣшился дать опдохновеніе войску своему на зимнихъ кварширахъ, въ изобильной сѣспными припасами Комарицкой волости. Въ семь намѣреніи, 2-го Января 1605 года, онъ оставилъ Новгородъ-Сѣверскій и переправясь черезъ Десну, направился на Сѣвскъ.

Между тѣмъ неудовольспвіе Поляковъ возраспало ежедневно, и уже на впоромъ переходѣ опъ Новгорода-Сѣверска они оказывали мало охотпы углубляпсь далѣе въ Россію. Тогда поварищп хоругви Пана Фредро, кричавшіе болѣе всѣхъ прочихъ, велѣли тайно сказапъ Самозванцу, чпо если онъ однимъ имъ дастъ жалованье, то они остануспся въ его службѣ, а чпо глядя на нихъ и другія хоругви не покинупъ его. Разсприга къ несчастію своему повѣрилъ имъ, но хопя раздача имъ денегъ была сдѣлана не гласно и въ ночное время, другія хоругви узнали объ оной, и погда возмущеніе сдѣчалось всеобщимъ. Напрасно Самозванецъ скакалъ изъ хоругви въ хоругвь, увѣщевая недовольныхъ повременипъ еще возвращеніемъ въ Польшу. Его не слушали и буйспво дошло до шапкой спепени, чпо Поляки сорвали съ него соболью шубу и чпо одинъ изъ нихъ осмѣлился даже сказапъ ему: *Ей, ей быть тебѣ на столбѣ.*

Разгнѣванный Лжедимитрій наказалъ его пощечиною, но шубу свою не иначе получилъ обратно, какъ послѣ пого, когда Русскіе его приверженцы выкупили оную за 300 злотыхъ (поже нынѣшнихъ серебряныхъ рублей). Бунтъ окончился шѣмъ, что спарый Мнишекъ, который былъ погда болѣнъ, вынужденнымъ нашелся обѣщать самъ всепъ обратно въ Польшу соопечественниковъ своихъ. Такимъ образомъ большая часть Шляхшы 4 Января оставила Лжедимитрія и направилась мимо Путивля на Пыряпинъ. При Самозванцѣ оставлось всего на всего не болѣе 1,500 Поляковъ. Мало упѣшенный прибытіемъ оспальныхъ Запорожцевъ, онъ зашлъ въ Чемлинскомъ оспрогѣ, ошкуда попомъ перешелъ въ Сѣвскъ.

Разряды
1605 года.

Царскіе воеводы споль поражены были претерпѣнною ими неудачою подъ Новгородомъ - Сѣверскимъ, что опъ спыда даже не смѣли донестъ Борису о происшедшемъ. Когда же Самозванецъ снялъ осаду Новгорода - Сѣверска, то они сами опспушили къ Спародубу. Царь, извѣщенный спороной о подробностяхъ несчастной бипвы, въ справедливомъ гнѣвѣ своемъ, послалъ чашника Вельяминова - Зернова, укоряпъ Князя Димитрія Шуйскаго и поварищей его въ непроспительномъ молчаніи. Но вмѣспѣ съ шѣмъ Борисъ почелъ благоразумнымъ не умножать увынія въ рашныхъ

людяхъ, и для того не только удержался опть за- служенныхъ ими упрековъ, но даже припворяясь, будшо неизвѣстенъ о малодушныхъ ихъ дѣйстви- яхъ, поручилъ Вельяминову сказашь милосливое слово всему войску и засвидѣтельспвовашъ при- знапельность свою почпенному Князю Мспи- славскому, для излѣченія коего послалъ изъ Мо- сквы докшора и аптекаря.

Храбрые защитники Новгорода-Съверска так- же не оспались безъ награжденія. Князь Трубец- кой и Басмановъ, призванные въ Москву были весьма честпмы, а въ особеннспи Басмановъ, ко- порому Царь изъ своихъ рукъ далъ золотое блю- Беръ и Ни- коповская Лѣтопись. до, въсомъ въ 6 фуншовъ, насыпанное червонцами и сверхъ того 2,000 рублей (6,666 нынѣшнихъ серебряныхъ) и много серебра изъ Царской казны. Но первѣйшимъ заняпиемъ Царя было поставишь военныя силы свои въ такое положеніе, чшобы Разряды 1605 года. успѣхъ былъ несомнѣннымъ. Для сего, онъ отпра- вилъ еще подкрѣпленія къ главному войску, а вмѣспѣ съ шѣмъ приказалъ Ѳедору Ивановичу Шеремешеву собирашь новый запасный корпусъ въ окреспнспяхъ Кромъ. Мѣры сіи казались до- спашочными, но Борисъ беспокоился мыслию, что до выздоровленія Князя Мспиславскаго верховное начальспво въ главномъ войскѣ находилось въ ру- кахъ Князя Дмитрїя Шуйскаго, уже на опынѣ

оказавшаго свою ничпожность. Впрочемъ Царь не хотѣлъ обидишь вельможу сего, который былъ ему своякомъ, и попому рѣшился назначишь спаршаго брата его роднаго, Князя Василя Ивановича, прибыльнымъ воеводою въ большомъ полку, что давало ему въ войскѣ первое мѣсто послѣ Мспиславскаго.

Князь Василю Ивановичу, въ сопровожденіи многихъ спольниковъ и спряпчихъ, отправился изъ Москвы и нашелъ войско близъ Стародуба. Хотя оное уже проспиралось до 70,000 человекъ, однако воеводы не сполько ничего не предпринимали, но даже какъ бы сами скрывались среди лѣсовъ. Новый вождь объявилъ имъ волю Царскую, немедленно ишпи на непріятеля, и всѣ двинулись къ Сѣвску. Узнавъ о приближеніи ихъ, Лжедимитрій совѣповался съ Польскими и Козацкими спарщинами. Поляки представляли, что спакъ какъ было еще болѣе несоразмѣрности въ силахъ, чѣмъ подъ Новгородомъ-Сѣверскимъ *, по

Боршъ и
Маржереть.

---

* *Примѣчаніе.* Отрепьевъ не имѣлъ при себѣ болѣе 23,000 человекъ подъ ружьемъ. Н. М. Карамзинъ даетъ ему только 15,000, но онъ основываетъ сей расчетъ на показанія Бера и Паерле, которые очевидно вездѣ увеличиваютъ число Царскихъ войскъ и убавляютъ таковое жъ Самозванцевыхъ. Достоверно то, что въ Сѣвскѣ было при Лжедимитріѣ 12,000 Запорожцевъ и 1,500 Поляковъ, какъ показываетъ очевидецъ, служившій тогда въ числѣ Польскихъ Полковниковъ, Панъ Боршъ. Кроме того другой

казалось благоразумнѣе уклоняясь опъ столь неравнаго боя, и сколь возможно медливъ дѣйствіями въ ожиданіи удобнѣйшаго случая. Но Запорожскіе Апаманъ и Полковники были прошивнаго мнѣнія, и предлагали смѣло итти на встрѣчу Царскимъ войнамъ, въ надеждѣ смушншь ихъ самою опвагою предпріятія. Такъ какъ Запорожцы соспавляли значнѣйшую часпъ войска Лжедимитрія, то онъ почелъ необходимымъ послушаться ихъ, къ чему еще былъ побуждаемъ воспоминаніемъ Новгородъ-Сѣверской удачи.

Въ слѣдствіе сего Самозванецъ двинулся 20-го Января изъ Сѣвска вдоль лѣваго берега рѣки Сѣвы, и подъ вечеръ встрѣпилъ Царское войско, шѣсно расположенное въ селѣ Добрунѣ. Разстрига, хопя рѣшившійся на бой, искалъ однако нападеніемъ въ распахъ нѣсколько вознаградишь неравенство силъ; въ семь намѣреніи онъ приказалъ преданнымъ ему Добрунскимъ жипелямъ ночью зажечь село, а самъ готовился внезапно ударить на разспроенныя шревогою Царскія войска. Но Борисо-

---

очевидецъ, Маржереть, пишетъ, что разстрига въ бытность свою въ Комарицкой волости собралъ, сколько могъ Русскихъ воиновъ, и присоединилъ къ нимъ довольно земледѣльцевъ, коихъ приучилъ владѣть оружіемъ. Не безъ вѣроятія полагать можно, что онъ имѣлъ въ сборѣ до 10,000 Русскихъ воиновъ.

вы воеводы оспереглись , и зажигатели не могли совершивъ своего предпріяпія.

Оспавалось сразипсья въ опкрыпомъ полѣ. На разсвѣтѣ 21-го Января Царская конница выспроилась по обвймъ споронамъ селенія, сильно заняпаго пѣхопоу: Князь Мспиславскій, можетъ бытъ не совершенно еще изцѣлившійся опъ полученныхъ ранъ, но не желавшій уступипъ одному Князю Василью Шуйскому честь побѣды, довольно вѣрояпной, сѣлъ на коня и распоряжалъ войскомъ. Джедимипрій съ своей спороны предполагая нанесъ главные удары правому крылу Царскаго войска, самъ съ палашемъ въ рукахъ повелъ на оное Польскія хоругви и свои Русскія дружины. Вмѣспѣ съ пѣмъ онъ опрядилъ конныхъ Запорожцевъ въ право, для удержанія лѣваго Царскаго крыла, а пѣшимъ Запорожцамъ приказалъ съ тяжелыми орудіями оспановипсья за гороу, въ нѣкопоромъ распояніи позади дѣйспвующихъ войскъ, коимъ они должны были служипъ резервомъ; распоряженія довольно замѣчательныя, опкрывающія замысловатое намѣреніе, въ случаѣ успѣха опбросипъ Царское войско на рѣку Сѣву. Разсприга, съ обыкновенною своєю словоохопливостію, говорилъ войску рѣчь почти одинаковаго содержанія съ произнесенною имъ подъ Новгород-

домъ - Сѣверскимъ , по не всегда нечестивая наглость оспашається безъ заслуженнаго наказанія.

Послѣ небольшой спычки между передовыми отрядами, опкрылась пушечная пальба, въ слѣдъ за коей Самозванецъ приказалъ Полякамъ спустипнсь въ ложину, прикрывающую правое Царское крыло, и спарашься отрѣзать оное опъ селенія, Боршь. въ центрѣ находящагося. Семь Польскихъ хоругвей, подѣ предводипельспвомъ Гепмана Дворжицкаго *, выпроились въ одинъ рядъ и бросились впередъ спремглавъ, будучи поддерживаемы послѣднею осьмою хоругвью Польскихъ гусаръ и всею Русскою коницею, копорой приказано было надѣшь сверхъ лашъ бѣлыя рубахи, для различія опъ Пасрле. Царскихъ всадниковъ. Князь Мспиславскій, не выждавъ нападенія, самъ двинулъ на вспрѣчу непріа- Маржереть и Боршь. шелю правое крыло свое, въ головѣ коего находились двѣ дружины иноземцевъ, подѣ начальспвомъ Лифляндца Фонъ Розена и Француза Маржереша. Поляки неслись съ такою ярспію, что иноземцы послѣ кратковременнаго сопропивленія были опрокинуты, а глядя на нихъ и вся Царская конница праваго крыла обрапилась въ бѣгство. Тогда Дворжицкой , повернувъ въ право, направился

---

* *Примыпаніе.* Послѣ отъезда Мпишка, Дворжицкой былъ назначень главнымъ начальникомъ оставшихся при Отрепьевѣ Польскихъ войскъ.

на селеніе, занимаемое Царскою пѣхопою, копорая допусшивъ непріятеля на весьма близкое разстояніе, сдѣлала по немъ залпъ изъ 10 или 12 тысячъ ружей. Спрѣльба сія хошь не довольно мѣшкая, чшобы много вредить Полякамъ, привела однако ихъ въ большое замѣшательство, копорое обрапилось въ совершенное распрройство, когда одинъ изъ соотчественниковъ ихъ прискакалъ съ извѣстіемъ, что конные Запорожцы, встревоженные прескомъ и дымомъ ружейной пальбы, оставили мѣсто сраженія и не бывъ ни къмъ пѣсними, опромешью побѣжали по Рыльской дорогѣ. Смущенная сею неожиданно робостію Днѣпровскихъ удалцевъ, конница Польская и Русскихъ злодѣевъ также обрапила шылъ и понеслась въ слѣдъ за Козаками, оставивъ на жершву Запорожскую пѣхопу, копорая немедленно была окружена и совершенно испреблена, послѣ мужественнаго сопротивленія. Бѣглецы безоглядно промчались до города Рыльска, находящагося въ 80-ти версахъ отъ мѣста сраженія. Ихъ преслѣдовалъ шестипысячный опрядъ Царской конницы, но только на пространствѣ 8 верспѣ. Впрочемъ блисательная побѣда сія стоила не дорого; уронъ Царскаго войска состоялъ только изъ 500 Россіянъ и 25 иностранцевъ. Непріятель потерялъ 15 знаменъ и щпандаршовъ, 13 орудій и

Петрей.

до 6,000 человекъ убитыми, кромѣ попавшихся въ плѣнъ. Самъ Димитрій находился въ величайшей опасности. Раненый въ ногу конь его уже отказывался нести его; спасеніемъ своимъ онъ былъ одолженъ Князю Ташеву, который выпроводилъ его до Рыльска. Никоновская Лѣтопись.

Запорожскіе Козаки также искали убѣжища въ Рыльскѣ, но тамошніе жители, упрекая ихъ въ изменѣ Димитрію и въ прусоспн, не только не согласились впустить ихъ къ себѣ, но даже спрѣяли по нимъ. Не лучше имъ сдѣланъ былъ пріемъ и въ Путивль, почему и рѣшились они оставить Россійскіе предѣлы и возвратиться въ Запорожье.

Царскіе воеводы отправили къ Борису съ доносеніемъ объ одержанной побѣдѣ Чашника Михайлу Борисовича Шеина, и также послали въ Москву плѣнныхъ Поляковъ и Запорожцевъ. Русскіе же изменники, попавшіеся въ плѣнъ, были повѣшаны передъ войскомъ. Никоновская Лѣтопись.

Самозванецъ отдохнувъ два дня въ Рыльскѣ перѣхалъ въ Путивль. Не смотря на легкомысленную его самонадѣянность, положеніе, въ которомъ онъ находился, казалось ему самому опчаяннымъ. Послѣ претерпѣннаго пораженія, оставались при немъ только горсть людей, съ коими не лзя было ему надѣяться еще продолжать вой-

ну. Правда Сѣверскій народъ не опспавалъ опъ него и гоповъ былъ еще служилъ ему, но за недоспашкомъ денегъ, новые набранцы опспавались бы безъ оружія и безъ прописанія. Въ сей крайности, Опрепьевъ замышлялъ уже опказавшись опъ предпріянія неудачнаго, тайно уйши въ Польшу. Но Русскіе приверженцы его не позволили ему исполнить сего намѣренія. Учаспъ Добруньскихъ плѣнниковъ показывала имъ, что нельзя было имъ ожидать пощады опъ Бориса, и они рѣшились до конца опыскивать успѣха, хотя почти вовсе неимовѣрнаго, но въ коемъ находили для себя единственнѣй залогъ безнаказанности. Они объявили Лжедимипрію, что не выпустятъ его изъ Пупивля, и что ему предспоитъ лишь одинакую чашу съ ними и спасится или погибнетъ всемъ вмѣстѣ. Даже грозили ему, если онъ не ободрился, выдасть его Царю и шѣмъ еще попытаться выслужить себѣ помилованіе. Разсприга, такимъ образомъ вынужденнѣй продолжатъ свое самозванство, снова ревностно принялся за дѣло. Первымъ спараніемъ его было удержатъ при себѣ опспашки разбипаго войска. Поляки гоповились уже разойтишься по домамъ. Онъ уговорилъ большую часть изъ нихъ еще не покидатъ его, и шакъ какъ они въ несчастной бышвѣ переломали или побросали все копыя, то онъ приказалъ имъ

Хронографы
и отвѣты
Польскихъ
Пословъ въ
1606 году.

сдѣлашь новыя. Между тѣмъ онъ не упустилъ также изыскивать средства къ возстановленію силъ своихъ, какъ извнѣ такъ и внутри Россіи. Въ семъ намѣреніи, онъ послалъ Князя Ташева просить у Короля Сигизмунда немедленнаго вспоможенія. Для умноженія же числа своихъ приверженцевъ въ Россіи, онъ издалъ новыя манифесны, гдѣ нѣсколько пространнѣе прежняго рассказывалъ вымышленную исторію свою, но новыхъ доказательствъ въ подлинности оной ни какихъ не представилъ, а ссылаясь, какъ и прежде, на свидѣтельство людей все умершихъ, какъ по, Князя Ивана Мстиславскаго, дьяка Андрея Щелкалова и Липовскаго Канцлера Сапѣгу. Впрочемъ нашлось много людей легковѣрныхъ, которые, слѣпо вѣря нравящейся имъ баснѣ, спѣшили въ Пушивль, дабы предложивъ услуги свои тому, кого считали несчастною жертвою власполобія ненавистнаго имъ Бориса. Въ особенності разсприга утѣшенъ былъ возвращеніемъ къ нему въ Пушивль 4,000 Донскихъ Козаковъ. Неизвѣстно куда они ходили изъ подъ Новгорода - Сѣверска, но достоверно только то, что ихъ не было при Самозванцѣ подъ Добрыничами. Что же касается до посылки Князя Ташева, то она не имѣла успѣха. Король Сигизмундъ, видя худой оборотъ дѣлъ Опрепьева,

Отвѣты
Польскихъ
Пословъ въ
1606 году.

не хотѣлъ податься повода Россіи негодовать на Польшу, и отказался принять Ташева.

Разрядныя
книги и Беръ.

Между пѣмъ Шейнъ нашелъ Бориса на богомольѣ въ Троицко-Сергіевомъ Монастырѣ. Извѣстія, привезенныя имъ, чрезмѣрно обрадовали Царя, который пожаловалъ вѣспника въ Окольнічи и немедленно послалъ чрезъ любимаго спольника своего, Князя Мезецкаго золопья * воеводамъ и 10,000 рублей (33,333 нынѣшнихъ серебряныхъ) для раздачи войску. Можетъ быть здравая полиника прѣбывала бы, чпобы при семъ случаѣ Государь обуздалъ спрогоспѣ, по крайней мѣрѣ прѣждевременную, оказываемую воеводами надъ Русскими плѣнными. Должно было предвидѣшь, что не минуемымъ слѣдспвіемъ оной будешъ опдалишь всякую мысль покорносши въ сподвижникахъ Самозванца, и принудишь ихъ къ

---

* *Примчаніе.* Присылка золотыхъ сихъ поселила раздоръ между воеводами. Начальникъ лѣвой руки, Василій Петровичъ Морозовъ, не принялъ Царскаго дара потому что второй воевода большаго полка Князь Андрей Андреевичъ Телятевскій, котораго онъ считалъ моложе себя, получилъ золотой одинаковаго достоинства съ присланнымъ ему. Онъ былъ отозванъ, но на мѣсто его назначенный Замятня-Сабуровъ, также обижался быть только начальникомъ полка лѣвой руки, когда Князь Василій Васильевичъ Голицынъ, коему онъ не уступалъ въ старѣйшинствѣ, начальствовалъ надъ болѣе почетнымъ передовымъ полкомъ.

опчаянному сопротивленію. Но Борисъ былъ зло-
памятенъ и жестокосердъ. Въ упряміи давно не-
перпѣливо ожидаемой имъ побѣды, онъ не только
далъ волю воеводамъ, но даже требовалъ отъ нихъ
большей суровости, полагая дѣло уже совершенно
конченнымъ и что оставалось ему только пѣ-
шиться казнями шѣхъ, которые осмѣлились споль-
нагло потревожить его спокойствіе.

Житіе Ди-
митрія Царе-
вича, св. Ди-
митрія Рос-
товскаго.

Нѣтъ сомнѣнія, что все могло бы быть кон-
ченнымъ, если бы воеводы живо воспользовались
пораженіемъ врага, но они дѣйствовали вяло и
какъ будто нехотя. Царское войско подступило
подъ Рыльскъ на другой день выѣзда Самозванца
изъ сего города. Жители, воспламененные началь-
никами своими, Княземъ Григоріемъ Рощею-Долго-
рукимъ и Яковомъ Зміевымъ, злыми привержен-
цами разсприги, не хотѣли сдаваться. Воеводы
рѣшившись добывать городъ формальною осадю,
приказали плесать шуры, копать траншеи и спа-
вить бапарей, изъ коихъ открыли огонь. Ры-
ляне также сильно опспрѣливались и просили
помощи у Самозванца, который послалъ имъ 500
Поляковъ и 2,000 Русскихъ. Отрядъ сей, поль-
зуясь безопасностію Царскихъ воеводъ, успѣлъ
ночью тайно пробраться въ городъ и значитель-
но усилилъ упорство осажденныхъ. Наконецъ
Царскіе воеводы, послалъ пашнадцати - дневнаго

Никоновская
Лѣтопись и
Борисъ.

споянія, сняли осаду Рыльска и ополедь въ Комарицкую волость, расположились тамъ близъ Рагодепскаго острога, дабы до весны дать отдохновеніе войску, весьма упомянутому зимнимъ **Маржерестъ.** походомъ. Оспавался еще въ полѣ полько Шереметевъ, который пошчасъ по полученіи имъ извѣстія о Добруньской побѣдѣ, собралъ предводительствуемый имъ запасный корпусъ и съ онымъ обложилъ городъ Кромы, коего жители, послѣдую примѣру Рылянъ, изгошвились къ оборонѣ.

Обыватели Комарицкой волости изъявляли большую преданность Самозванцу, когда онъ съ войскомъ своимъ споялъ у нихъ, и сею измѣною безъ сомнѣнія заслужили наказаніе. Но благомыслящее правительство, исполняя печальный долгъ, — караю преступниковъ, умѣетъ быть суровымъ безъ люлости. Не такъ поступили Царскіе воеводы. Ожесточенные претерпѣнною ими подѣ

Св. Дмитрій
Ростовскій,
Беръ и Паер-
ле.

Рыльскомъ неудачею, они звѣрски вымѣщали за оную надъ несчастными Комарицкими жителями.

Вся волость была немилосердо опустошена; жителей мучили и убивали. Не только крестьянъ, но женъ ихъ и дѣтей вѣшали за ноги на деревьяхъ и пошомъ спрѣляли въ нихъ изъ ружей, какъ въ цѣль. Пишущъ, что такимъ образомъ погибло до нѣсколькихъ тысячъ душъ.

Сими неисповествами можеть бысть воеводы желали еще выслужиться у злобнаго Царя. Но Борисъ, горестно удивленный опесупленіемъ войска опъ Рыльска, былъ внѣ себя опъ досады. Опложивъ благоразуміе, оказанное имъ послѣ несчастной Новгородъ-Сѣверской битвы, онъ послалъ въ Рагодетской оспрогъ Окольничаго Петра Никипича Шеремешева и думнаго дьяка Афанасья Власьева, объявивъ свой гнѣвъ не только воево-^{Никоновская} дамъ, но и всему войску, оспавляя на ихъ опвѣспивенности бѣдствія, могущія пронзойти опъ ихъ нерадѣнія, коему обязанъ былъ разсприга своимъ спасеніемъ. Между нѣмъ шребовалъ, чпобы вмѣсто опдохновенія, или немедленно подѣ Кромы на соединеніе съ опрядомъ Шеремешева, и совокупными силами непремѣнно взяли сей городъ. Ослушавъ еще не смѣли, но лѣтописцы наши замѣчаютъ, чпо вся рапъ оскорбилась укорнымъ словомъ Царя, и чпо съ нѣхъ поръ многіе, до полѣ вѣрныс, спрашася жестокой опалы, спали помышляль, какъ бы избыль Бориса и поддашься Самозванцу.

Сосредопоченіе всѣхъ силъ Царскихъ подѣ Кромами составяло ополченіе болѣе чѣмъ во сто тысячъ человекъ, пропивъ усилій коихъ казалось вовсе невозможнымъ успоалъ ничпожному городу. Но защитники оаго, въ испуленіи

спраспей, обыкновенно междуособными раздорами возжигаемыхъ, и не помышляли о сдачѣ, а готовились къ опчаянному отпору. Впрочемъ, судя по малолюдству ихъ, ошважная рѣшимость едва ли бы служила имъ спасеніемъ, если бы Самозванецъ не успѣшилъ прислать къ нимъ на помощь 4,000 Донскихъ Козаковъ и Русскихъ. Въ семъ случаѣ Царскіе воеводы оказали такую же оплошность, какъ подъ Рыльскомъ. вспомогаельный отрядъ, спаравшійся ночью пробраться въ Кромь, былъ замѣченъ когда уже находился подъ стѣнами осажденнаго мѣста, и Царскія войска могли только пѣснить хвостъ неприятели, и не воспреняпспвовали ему войти въ городъ.

Огорченные сею неудачею, воеводы рѣшились нещадить городъ, и выставили сильныя бапарси изъ пушекъ и морпирь. Осажденные не робѣли и съ усердіемъ подвергались трудамъ и опасностямъ, слѣдуя примѣру начальниковъ своихъ, Григорья Акинфіева и Донскаго Апамана Корелы. Въ особенности доблестью и искусствомъ отличался Корела, такъ что между современниками онъ прослылъ чародѣемъ. Не надѣясь на деревянную стѣну, составляющую единственнае укрѣпленіе города, онъ приказалъ обвести оный валомъ со рвомъ, а подъ валомъ подѣлать землянки, гдѣ осажденные находили вѣрное убѣжище отъ навѣсныхъ ударовъ. Сими оборонитель-

Боршъ.

Петрей.

Веръ.

ными мѣрами не довольствовались Козаки: они изорва, прокопали нѣсколько конуръ-апрошь, откуда часто выползали и превозжили багшарен и шраншен осаждающихъ. Когда же Царскія дружины собирались для нанесенія имъ сильнаго удара, то они уходили въ норы свои, куда не смѣли за ними слѣдовать Царскіе воины.

Князь Мстиславскій съ поварищами, спыдясь наконецъ шеряшь бесполезно людей и время подъ спѣнами маловажнаго города, приступили къ рѣшительному дѣйствію. Подсланные ими воины Николовская
Лѣтопись. ночью зажгли деревянную городскую спѣну. Пожаръ сдѣлался ужасный; спѣна сгорѣла, а осажденные, гонимые пламенемъ, покинули городъ и искали убѣжища въ острогѣ. Царскія войска безпрепятственно зашѣли на валу, такъ что городъ можно было почеснь взятьымъ; оставалось только покоришь острогъ, гдѣ непріятель за шѣсною мѣспа не долго бы въ сосполніи былъ держаться. По несчастію, одинъ изъ воеводъ, Михайло Глѣбовичъ Салпыковъ, уже выступалъ на позорное поприще измѣны, на коемъ долженъ былъ доставишь печальную извѣстность имени своему, и навлечь на себя проклятіе опечества. Безъ приказа главныхъ вождей и безъ совѣта поварищѣй своихъ, онъ свелъ съ вала засѣвшихъ шамъ воиновъ, и велѣлъ имъ опешупишь въ шраншен,

какъ говорящъ льпописцы *нароя тому окольно-*
му Гришкѣ. Такимъ образомъ осажденные, по упу-
щеніи пожара, получили возможность выпти изъ
оспрога и снова занявъ городской валъ.

Узы подчиненности до такой степени нахо-
дились ослабленными въ Царскомъ войскѣ, что
Мстиславскій и Шуйскій, не подумали, или не
посмѣли наказать Салтыкова. Они даже не удали-
ли его опъ себя, и злодѣй сохранилъ важное мѣ-
сто, предоставляющее ему способы замышлять
новыя измѣны.

Послѣ сего неудачнаго покушенія, воеводы
не предпринимали болѣе ничего важнаго. Впро-
чемъ нѣсколько времени спустя войско находи-
лось въ такомъ печальномъ состояніи, что не-
справедливо было бы осуждать вождей въ бездѣй-
Хропографъ. ствіи. Необыкновенная суровость поздней зимы
имѣла пагубное вліяніе на здоровье Царскихъ во-
иновъ. Жестокій поносъ свирѣпствовалъ въ ихъ
спанѣ и причинилъ большую смертность. Царь
съ свойственной ему заботливостію, прислалъ
изъ Москвы нужныя лекарства, коихъ спаситель-
ное дѣйствіе прекратило болѣзнь.

Никоновская
Летопись.

Безплодное спяніе Борисовыхъ воеводъ подъ
Кромами умножало въ народѣ недовѣріе къ прави-
тельству и склонность къ Самозванцу. Даже въ
Москвѣ громко полковали, что само Провидѣніе

видимо покровительствуетъ Димитрію, котораго
одолеши не могутъ несмысленныя силы, выславлен-
ныя пропивъ него. Ожесточенный Царь люто
наказывалъ болтливыхъ : многимъ рѣзали языки, Хронографъ.
другихъ даже предавали смерти. Суровость сія
могла воздержатъ нескромныхъ, но не перемѣняла
расположенія сердець, съ непонятнымъ ослѣпле-
ніемъ влекомыхъ къ Лжедимитрію. Особенно въ
Сѣверской землѣ всѣ единодушно признавали раз-
спригу за истиннаго Царевича. Напрасно Борисъ
пытался еще разъ вразумитъ памомшій народъ.
По повелѣнію его при монаха, знавшіе Опрельва,
когда онъ былъ діакономъ, оправились въ Пу-
шивъ съ грамопами опъ Царя и Папріарха къ Пасрле.
духовенству и обывателямъ, въ коихъ увѣщевали
схватили Самозванца и съ приверженцами его оп-
правили въ Москву. Иноки, прочитавъ грамопы,
сами съ своей стороны заклинали народъ не въ-
риши гнусному обману, и говорили, что Лжедими-
тріи никто иной, какъ спарый ихъ повариць
Опрельвъ. Разсприга велѣлъ немедленно поймать
ихъ, и подвергнувъ пытку. Двое, которые были
помоложе, выдержали муку, но прелій, уже спа-
рикъ, оказалъ малодушіе. При самомъ началѣ испя-
занія, онъ обѣщавъ повишиться во всемъ, и про-
силъ переговоритъ съ Самозванцемъ на единѣ.
Разсприга согласился допустить его до себя, и

слѣдствіемъ ихъ свиданія было то, что двое изъ окружающихъ Лжедимирія сановниковъ, оговоренные спарымъ монахомъ, были выданы народу и разспрѣяны на площади, подъ предлогомъ, что вели тайную переписку съ Борисомъ и обѣщали ему отправить Лжедимирія. Доноситель былъ щедро награжденъ, а его непреклонныхъ товарищей заключили въ темницу.

Третій мѣсяць уже пропекалъ послѣ Добруньской битвы, а важнаго перевѣса не было ни на той ни на другой сторонѣ. Правда, дѣла Самозванца, оправившагося послѣ страшнаго пораженія, видимо улучшились, и онъ не утратилъ ни одного изъ передавшихся ему городовъ, но всеѣмъ нѣтъ, онъ не былъ еще въ состояніи снова выступить въ поле и вынужденнымъ находился оставаться въ Пустынь, въ оборонительномъ положеніи. Казалось, что междоусобию суждено было длиться, какъ вдругъ внезапное событіе, произвело нечаянный переломъ. Ничто не предвѣщало близкой кончины Царю Борису. Онъ имѣлъ еще роду только 53 года, былъ бодръ, и здоровье его казалось надежнымъ; хотя онъ съ давнихъ лѣтъ и спрадалъ подагрой, но всеѣмъ извѣстно, что сей недугъ не проливаетъ долголѣтію. Не смотря на то, могила уже готовилась для него. По утру, 15-го Апрѣля, онъ еще зани-

мався дѣлами, попомъ обѣдалъ, но когда вспалъ Никоновская
Лѣтопись. изъ-за спола, то вдругъ почувствовалъ сильную немощь. Едва успѣли причастить его и поспричь подъ именемъ Богомѣла. Послѣ двухъ - часовыхъ страданій онъ скончался. Скоропостижная смерть сія, породила разные толки. Многіе полагали, что Царя отправили Самозванцевы приверженцы; другіе думали, что самъ Борисъ, опчаяваясь осилить Лжедимирия, принялъ ядъ. Но можно ли допустить, чтобы Борисъ, нѣжно любившій дѣтей своихъ, рѣшился прекратитъ жизнь свою, не принявъ никакихъ мѣръ къ ихъ спасенію? Нельзя также не замѣтить, что когда по низверженіи разсприги, всенародно обвиняли его не только въ дѣйствительныхъ, но даже и въ вымышленныхъ злодѣяніяхъ, никогда однако не упрекали смертью Бориса, что не преминули бы сдѣлать, если бы оспавалось малѣйшее сомнѣніе на счетъ соучастія его въ оправленіи Царя. По симъ причинамъ долгъ безпристрастнаго Историка сестъ держаться разказу Маржерета, кошорый смерть Бориса приписывалъ апоплексіи.

Память Царя Годунова сохранилась въ народѣ, какъ злоснаго и коварнаго хищника престола. Только въ наше время нѣкоторые писатели стараются оправдать его въ приписываемыхъ ему преступленіяхъ, намѣкая, что лѣтописцы неспра-

ведливо очернили его въ угодность враждебной Годуновымъ фамилии Романовыхъ. Но не одни льтописцы наши описываютъ злодѣянiя Борисовы. Самые имъ нѣжно честимые иноземцы, какъ на примѣръ Беръ, Маржеретъ и другiе одинакимъ образомъ съ Русскими изъясняются объ немъ. Послѣ столь единогласнаго свидѣтельства современниковъ, прошивуръчипь оному двѣспи льпъ спуспя было бы гоняпсь за бездоказанною новизною.

Впрочемъ каковъ ни былъ Борисъ, смерть его была бѣдою для Россiи, ибо предвѣщала торжество гнуснаго самозванства. Если Борису, при всей государственнoй опытности его, не удалось сокрушить Лжедимипрiя, по можно ли было ожидать лучшаго успѣха опъ юношеской руки шестнадцатилѣтняго сына и пресмника его, Феодора Борисовича? Напрасно новый Царь, прекрасный плѣомъ и душой, опычался умомъ и познанiями чрезвычайными. Качества сiи не замѣняли зрѣлости и твердости, необходимыхъ правителямъ въ смупное время, для обузданiя волнующихся спрасней. Мать Феодорова, вдовспвующая Царнца Марья Григорьевна, коей предспояло руководспвовапъ любезнаго ей сына, сама споль же мало, какъ и онъ, имѣла навыка въ дѣлахъ.

Лѣтопись
Кубасова.

Однако въ столицѣ вспупленiе на престолъ

Θеодора совершилось спокойно. Спроптивость умовъ еще воздерживалась невольнымъ уваженіемъ къ успановленному правительству, повиноваться коему не легко разучиться. При семъ случаѣ съ большою пользою дѣйствовалъ Паптіархъ, искренно преданный дому Годуновыхъ. Примѣру и увѣщаніямъ его ни кто еще не смѣлъ проповѣяться. Москва присягнула юному Царю, хопя не единодушно, по крайней мѣрѣ, единогласно.

Но утверженіе Θеодора на престолѣ зависѣло не сполько отъ согласія столицы, сколько отъ покорности войска, собраннаго подъ Кромами. По несчастію Царица и сынъ ея не довѣряли знатнымъ боярамъ, начальствующимъ надъ онымъ, и опасались, чшобы они не вздумали, воспользовавшись удобнымъ случаемъ, опложиться отъ ненависнаго для ихъ гордости повиновенія, къ коему покойный Царь привелъ ихъ единымъ спрахомъ своего могущества. Положили опозвать Князя Мспиславскаго и обонхъ Шуйскихъ, подъ благовиднымъ предлогомъ, чшо юному Царю необходимо окружить себя совѣтниками мудрыми. На мѣсто Мспиславскаго назначили главнымъ начальникомъ Боярина Князя Михайла Петровича Каптырева-Росповскаго, мужа честнаго, но не дальновиднаго, коему для совѣта и руководства придали, въ качествѣ впораго воеводы большого пол-

Миконовская
Автопись.

ка, Басманова, уже на дѣлѣ оказавшаго себя вождемъ смѣлымъ и вѣрнымъ *. Самое обстоятельство, что Басмановъ не былъ вельможею родовитымъ, казалось залогомъ его преданности въ помѣ предположеніи, что онъ, возчувствуя цѣну неожиданной имъ милости, будетъ всецѣло спараться заслужить оную. При опускѣ его къ войску Царица и Царь говорили ему, что на него полагаютъ всю надежду свою, и просили его служить имъ, какъ служилъ Царю Борису. Басмановъ обѣщаль, клялся, что не пощадитъ усилий, дабы направитъ всѣхъ на путь истинный, и увѣреніями своими успокоилъ царспивеннаго юношу. Но вскорѣ несчастный Θεодоръ и горестная мать его должны были испытать, что часто правители ошибаются, полагаясь на непоколебимую признательность выведенныхъ ими временщиковъ.

Съ Капыревымъ и Басмановымъ посланъ былъ также подъ Кромь Митрополитъ Новгородскій Исидоръ, для приведенія къ присягѣ всего войска.

---

* *Примѣчаніе.* Слѣдствіемъ сего назначенія было также перемѣщеніе другихъ воеводъ. Бывшій второй воевода большаго полка, Князь Телятевскій, принялъ начальство надъ сторожевымъ полкомъ, а командовавшій снмъ послѣднимъ, Окольничей Годуновъ, поступилъ въ первые воеводы передоваго полка вмѣсто Князя Василья Голицына, которому передали, оставшееся за отозваніемъ Князя Дмитрія Шуйскаго празднымъ, начальство надъ полкомъ правой руки.

Они уже не нашли въ спанѣ Мстиславскаго и Шуйскихъ. Опозваніе сихъ первыхъ вельможъ въ Государствѣ было совершено съ такою оскорбительною для нихъ недовѣрчивостію, что предписывая имъ немедленно ѣхать въ Москву, папши Маржеретъ. еще опъ нихъ смерть Борису. Войско извѣстилось объ оной только 17 Апрѣля, по прибытіи новыхъ вождей и Митрополита, которые имъ-немъ Θεодора обѣщали всѣмъ богатыя милоспн по отправленіи сорочинъ Борисовыхъ. Сдѣлалось большое волненіе. Благомыслящихъ людей печалило предчувствіе опасностей, угрожающихъ опечеству; многіе напрошивъ того не скрывали пресупной радости, внушаемой имъ надеждою на Никоновская Автопись. исполненіе коварныхъ замысловъ. Однако всѣ цѣловали крестъ Θεодору, иные искренно, другіе вѣхотя и единственнно опъ того, что не успѣли условиться въ дѣйствіяхъ съ своими единомышленниками.

Шаткое расположеніе умовъ не только въ Государствѣ, но даже въ самомъ войскѣ, не могло укрыться опъ пронцапельности Басманова, и погружало его въ глубокую думу. Сей мнимый поборникъ правды, былъ только низкимъ честолубцемъ. Въ Новгородѣ - Свверскомъ онъ вѣренъ былъ не долгу своему, а еще неприкосновенному могуществу Борису. Теперь же предусма-

привая неминуемую гибель для Теодора, онъ не имѣлъ ни какой охоты жертвовать собою для поддержанія колеблющагося престола своихъ благоприворичелей. Съ другой стороны онъ съ точностию, безчувственностию свойственной, исчислялъ все выгоды, которыя могъ себѣ доставить посредствомъ измѣны. Передавъ порученное его бдительности войско тому, въ самозванствѣ коего не сомнѣвался, онъ дѣйствительно налагалъ на главу его Царскій вѣнецъ, и сія столь важная услуга открывала ему надежду, что Самозванецъ его наградитъ, какъ бывають награждаемы сообщники похищителей чужаго достоянія, по естеству безмѣрностию, копорой ожидать не лзя отъ законныхъ владѣтелей. Сими побужденіемъ могли проивуборствовать только правила чести и добросовѣстности, но они были чужды Басманову, и онъ рѣшился обезславить себя на вѣки.

Нѣсколько времени Басмановъ не приступалъ еще къ исполненію коварнаго намѣренія своего. Прежде всего ему нужно было, посредствомъ тайныхъ происковъ, уговориться съ пѣтми, на сообщество коихъ онъ полагался. Во всехъ сословіяхъ нашлись измѣнники, даже между главными вождами. Неудивительно, что уже осрамившійся Михайло Глѣбовичъ Салтыковъ вошелъ въ заговоръ; но чего ожидать не такъ легко было, тоже

сдѣлалъ одинъ изъ первѣйшихъ вельможъ въ Государствѣ, Князь Василій Васильевичъ Голицынъ, и его посмѣдному примѣру послѣдовалъ братъ его родной, Князь Иванъ. Сии попомки Димитрія Донскаго и Гедимина, въ безумномъ порывѣ гордости, считали большимъ униженіемъ для себя повиноваться роду Годуновыхъ, чѣмъ лобызать руку бродяги, копорый по крайней мѣрѣ господство свое основывалъ на высокомъ имени. Къ симъ знапнымъ крамольникамъ приспали дѣшн болрскіе городовъ: Рязани, Тулы, Каширы и Алексина, гдѣ по смерти Борисовой уже признавали за Государя мнимаго Димитрія. Еще начальники заговора превожились мыслию, что при войскѣ находился чепырехтысячный опрядъ иноземцевъ, по большей часпни Нѣмцевъ, копорые будучи облагодѣшельствованы Царемъ Борисомъ, казалось должны были спояпть за его сына. Но иноземцы, служа единспвенно изъ личной выгоды, легко забываютъ долгъ свой, когда опъ измѣны могутъ ожидать болѣе пользы, чѣмъ опъ вѣрности. Убѣжденные въ сей испиннѣ Басмановъ и Голицынъ рѣшили въ пайной бесѣдѣ съ начальникомъ иностранцевъ, Лифляндцемъ Фонъ Розеномъ, опкрыпть ему свои замыслы и показавъ, что при общемъ расположеніи умовъ въ пользу Самозванца, для Θεодора не оспавалось никакой

Парле.

возможности удержаться на пресполь, и что ему Розену безумно было бы, гонясь за призракомъ чести, обрекать себя на гибель споль же бесполезную, сколь и неминуемую. Если Розень еще нѣсколько колебался, по единственно опть того что думалъ, что воеводы ищупишь полько испитать его преданность къ Θεодору; но удостовѣрясь наконецъ въ дѣйствительности намѣренія ихъ предаться Лжедимирию, онъ пошчасъ же общалъ имъ дѣйствовашь съ своею дружиною съ ними заодно.

Между тѣмъ какъ сн ковы соплетались подъ Кромами, въ Пушивѣ разсприга ждалъ съ неперпвнѣмъ, какія слѣдствія будешъ имѣшь смерть Борисова, о коей первое извѣснѣе онъ получилъ 27 Апрелья опть выбѣжавшаго къ нему изъ Царскаго спана дворянина Бахметьева. Сперва онъ не вѣрилъ споль для него радостному событню, но въ скоромъ времени со всѣхъ споронъ получаемаья вѣспи подтвердили показаніе Бахметьева. Также приверженцы его доносили ему, что вездѣ низкаго соспоанія люди, изъ ненависти къ памяти Борисовой, гнушались повиновашься его сыну и что даже въ спанѣ подъ Кромами многіе не шани своей склонности опложись опть Годуновыхъ. Въ сихъ обстоятельствяхъ онъ чувствовалъ, что для ускоренія перелома въ свою пользу,

Письмо Самозванца къ Мкишку отъ 11 Мая 1605.

полезно было бы ему снова выступить въ поле. Но хопя Рапомскій, староспа Островскій, и привелъ ему новое подкрѣпленіе изъ Польши, всего на всего было при немъ только 2000 Поляковъ и 10,000 Русскихъ воиновъ. Силы сіи для наспу- Боршъ. пашельныхъ дѣйсвій казались недоспапочными Самозванцу, ушрапившему послѣ Добруньской неудачи прежнюю самонадѣянность свою. Самъ не смѣя еще выступить изъ Пупивля, онъ рѣшился выдвинуть полько по направленію къ Кромамъ опрядъ, состоящій изъ шрехъ хоругвій Польскихъ и 3,000 Русскихъ воиновъ, подѣ начальствомъ Поляка Запорскаго.

Городъ Кромы лежишь на лѣвомъ берегу рѣки того жъ имени; на томъ же берегу находил- Паерло. ся и главный станъ осаждающихъ войскъ. На прошивуположной же споронѣ рѣки стоялъ полько опрядъ для наблюденія дорогъ, изъ Пупивля ведущихъ. Тапарская конница, высланная опъ сего опряда для разѣзда, донесла о приближеніи Запорскаго. Сіе извѣстіе произвело въ станѣ нѣкоторое смященіе, копорымъ Басмановъ не преминулъ воспользовашься для приведенія въ исполненіе своего постыднаго намѣренія. По повелѣнію его, 7 Мая Розень съ иноспранною дружиною переправился за рѣку Крому и выстроился

Часть I. 9

на обширной равнинѣ, прилегающей къ правому берегу сей рѣки. За нимъ слѣдовали Русскіе полки, уже приготовленные къ измѣнѣ своими начальниками. Когда и они окончили переправу, по Басмановъ явился на мосту, громогласно провозгласилъ Государемъ Царя Димитрія, и обращаясь къ воннамъ, еще не подговореннымъ, звалъ шѣхъ изъ нихъ, которые желаютъ служить сыну Царя Иоанна, соединиться съ вѣрными его дружинами, уже переправившимися за рѣку. Почти всѣ бросились къ мосту. Напрасно Окольнічій Годуновъ спарался проповѣсть сему спремленію; его схватили и связали. Еще вѣрные своему долгу, просподушный Князь Капыревъ-Росповскій и Князь Теляшевскій, видя малое число оставшихся при нихъ воиновъ, спѣшили опспунить съ ними до самой Москвы. Жители Кромскіе, съ удивительною пвердоспїю выдержавшіе прехъ - мѣсячную осаду, съ радоспїю опворили воропа новымъ друзьямъ своимъ.

Посягнувъ на дѣло проповное долгу и чеспи, Басмановъ дѣйспвовалъ смѣло и опкрыто; онъ понималъ, что впредь учаспъ его дѣлалась нераздѣльною съ учаспїю Самозванца, и попому рѣшился предатпся ему шѣломъ и душею. Но робкій Голицынъ еще лжавспвовалъ. Онъ самъ ве-

лъль связать себя, дабы въ случаѣ неудачи Лжедимитрія, еще можно было бы ему приписать принужденію признаніе его за своего Государя. Но лживымъ поспушкомъ симъ онъ не успѣлъ обмануть ни попомство, ни современниковъ, а только подалъ поводъ Басманову опередить себя въ милости у Самозванца.

Первымъ спараніемъ измѣнниковъ было посласть въ Пупивль къ Лжедимитрію съ повинною, опъ имени войска и Государства, Князя Ивана Васильевича Голицына съ выборными людьми опъ всѣхъ уѣздовъ. Легко себѣ вообразилъ воспоргъ Самозванца. Дополъ называясь только Царевичемъ, онъ не усумнился болѣе принять имя Царя, которое ему давали уже восемьдесятъ тысячъ Русскихъ воиновъ. Милоспиво принявъ присланныхъ изъ - подъ Кромъ, онъ послалъ повелѣніе войску ожидать его подъ Орломъ, а самъ выступилъ изъ Пупивля 15-го Мая, съ бывшими при немъ Польскими и Русскими дружинами. На пупи привѣтствовали его измѣнившіе воеводы, сперва Салпыковъ и Басмановъ, а попомъ Князь Василій Голицынъ и съ нимъ пріѣхалъ также Шереметевъ, копорый, во время осады Кромъ, начальствовалъ въ Орлѣ. Воеводы сіи проводили Самозванца до Ора, гдѣ собранное войско приняло его съ радосп-

Письмо
Отрепьева къ
Мишкину отъ
14/24-го Мая
1605 года.

Отвѣты
Польскихъ
Пословъ.

ными восклицаніями. Тѣ, кои и неохотно пере-
Никоновская давались распригѣ, не менѣе прочихъ изъясляли
Лѣтопись. ему свое усердіе, дабы не подвергнуться злой уча-
сти несчастныхъ, доносчиками избличенныхъ въ
преданности къ Θεодору, копорыхъ разослали по
пемницамъ. Бывшій начальникъ передоваго полка,
Окольничій Годуновъ, также подвергся заключе-
нію. Наказавъ такимъ образомъ своихъ пропив-
никовъ, Самозванецъ немедленно приказалъ распу-
спити недѣли на двѣ или на три всѣхъ воиновъ,
Маржереть. имѣющихъ подмосковныя помѣстья. Прочимъ же
далъ повелѣніе двинуться къ Москвѣ подъ глав-
нымъ начальствомъ Князя Василія Голицына, и
спараться пресѣчь подвозъ стѣсныхъ припасовъ
въ сполуцу, если тамъ еще будутъ противиться
его воцаренію. Самъ Лжедимириій, имѣя при себѣ
Боршъ. 2,000 Поляковъ, слѣдовалъ за войскомъ, но не со-
всѣмъ довѣряя еще оному, на каждомъ ночлегѣ
оспанавливался за 5 или за 6 верстъ отъ глав-
наго спана и всегда около его кварширы сто По-
ляковъ содержали ночной караулъ. Сии мѣры пред-
осторожности могли бытъ не совсѣмъ бесполез-
ными, ибо дѣйствительно многіе изъ дворянъ,
Никоновская ѣздившихъ съ Княземъ Иваномъ Голицынымъ изъ
Лѣтопись. подъ Кромъ въ Пущивль, узнали въ мнимомъ Ди-
мириі Чудовскаго дьякона, и въ шайныхъ бесѣ-

дахъ съ горестію опмакивали, чпо вдались въ споль наглый обманъ.

Оеодоръ еще царствовалъ въ унылой Москвѣ, но вънецъ Мономаховъ уже спадалъ съ юной главы его. Правительственная дума его, въ безмяшствѣ опчаянія, не принимала никакихъ мѣръ, ни для замедленія шествія Самозванца, ни для опысканія вѣрнаго убѣжища для Царскаго семейства, и заботилась единственно объ удержаніи въ повиновеніи Московской черни, коей грозное молчаніе предвѣщало близкую бурю. Уже гонцы Лжедимириевы прѣзжали почти ежедневно въ столицу съ возмущительными грамошами, но ихъ подсперегали, ловили и предавали смерти.

Беръ.

Не смотря на шо, разсприга надѣялся еще взволновать столицу. Ему казалось нужнымъ, для упроченія своей державы, бытъ призваннымъ первопреспольнымъ городомъ, какъ законный Государь, а не врываться въ оный силою оружія, на правѣ безчиннаго побѣдителя. Для сего онъ опправилъ еще дворянъ, Наума Пящсева и Гаврилу Пушкина, но не въ самую Москву, а въ полноры

Никоновская
Лѣтопись и
Беръ.

верспы опъ оной лежащее Село Красное, гдѣ жили богатые купцы и ремесленники, имѣвшіе въ столицѣ многихъ друзей и родспвенни-

ковъ. Съ сими посланными Самозванецъ писалъ, что онъ еще не винить Москвитянъ, копорые, будучи обманушы Годуновыми, медлятъ признавать его, но что онъ надѣется, что наконецъ и они, по примѣру всей Россіи, откроютъ глаза; что покорность ихъ будетъ награждена, для бояръ прибавкою вощинъ, для дворянъ и приказныхъ людей разными милостіями, для торговыхъ людей убавленіемъ пошлинъ и подашей, для всего народа благоденствіемъ и пишиною. При томъ Лжедимитрій напоминалъ имъ, что въ случаѣ дальнѣйшаго сопротивленія съ ихъ стороны, они не избѣгнутъ заслуженнаго наказанія *.

Красносельцы приняли честно Плещеева и Пушкина, съ умиленіемъ чинали привезенную ими грамоту и вызвались шумною толпою проводить ихъ въ столицу. Сіе происходило 1-го Іюня. Несчастный Ѳеодоръ еще надѣялся смиришь красномольниковъ, и выслалъ противъ Краснаго Села воинскую дружину. Но въ тѣхъ, кои еще и не измѣняли ему, не было уже ни бодрости ни усердія. Оробѣвшіе воины его не дошли до Села и безъ боя обратили пылъ. По ихъ слѣдамъ Красносельцы ворвались въ Москву, и дойдя до лоб-

---

* Смотри Приложенія № VII.

наго мѣста, спали сзывашь народъ для прочшенія Лжедимитріевой грамопы. Московскіе обывашели спѣшили на сборище, гдѣ сподвижники Самозванцевы полковали имъ, что бояре и войско не передались бы Димитрію, если бы онъ не былъ испиннымъ Царевичемъ, что настало время повиниться ему и что долѣ пропивинься было бы только безумно жерпвовашь собою, даже безъ пользы для ненависпнаго дома Годуновыхъ, ибо Москва, защищаемая только горешью воиновъ, упекшихъ изъ подъ Кромъ, не могла успоаяшь прошивъ великихъ силъ, направляющихся на нее. Увѣщанія подѣйспвовали. Всѣ согласились провозгласишь Димитрія, иные повинаясь внуспреннему убѣжденію, другіе имѣя только въ виду собспвенную безопасносшь.

Въ то время, какъ такимъ образомъ возмущался народъ на лобномъ мѣспѣ, Осодоръ съ матерью и сестрою, прелеспною Ксенією, препешали во дворцѣ, окруженные знашными сановниками Государспва, еще вѣрными данной юному Царю присягѣ, но съ ужасомъ предусмапривающими уже неминуемое шоржеспво Самозванца. Бодрспвоваль одинъ Пашріархъ! Онъ заклиналъ Бояръ иппи вразумишь народъ, и направишь его на пущь долга и правды. Внемля ему Князь Мспиславскій, Маржереть.

Беръ.

Князь Шуйскій, Бѣльскій и другіе вышли на лобное мѣсто и тщетно пытались усовестить взволновавшуюся чернь. Грозный вопль мяпежа заглушалъ рѣчи ихъ. Имъ кричали: *Не гибнуть намъ за Годуновыхъ! Да здравствуетъ Дмитрій! Мы были во тьмѣ крольшиней! Красное солнце наше восходитъ!* Съ этими словами, бунтовщики хлынули ко дворцу. Еще Кремлевскія стѣны могли бы остановить ихъ стремленіе, но въ безпамятствѣ страха никто не помыслилъ затворить крѣпостныя ворота. Не встрѣчая нигдѣ сопротивленія, буйныя толпы ворвались во дворецъ, схватили Царя, Царицу и Царевну, но среди самаго несповства своевольничества, сохраняя еще нѣкоторое уваженіе къ прежнимъ повеліямъ своимъ, отвели ихъ безвредно на старый дворъ Годунова. Воздержность сія тѣмъ болѣе была замѣчательна, что ненависть народная къ памяти Царя Бориса существовала во

Никоновская
Лытошъ.

всей силѣ. Всѣ родственники его, Годуновы, Сабуровы и Вельяминовы были заключены; дома ихъ разломали, имѣніе разграбили не только въ столицѣ, но даже попомъ и въ помѣстьяхъ и вошчинахъ ихъ. Имѣніе иноспранныхъ медиковъ также подверглось расхищенію, единственно опъ того, что покойный Царь любилъ и жаловалъ ихъ.

Беръ.

Наконецъ Бояре, уже дѣйствующіе именемъ Димитрія, упишили мяшежь. Вся Москва цѣловала крестъ Самозванцу, и 5-го Іюня боярская ^{Розрядная} дума ^{книги.} выслала къ нему съ покорностію сполницы Боярь: Князя Ивана Михайловича Ворошынскаго и Князя Андрея Андреевича Теляшевскаго, Окольниковича Петра Шеремешева и думнаго дьяка Власьева. Посланные сіи нашли разспригу въ Туль, уже извѣщеннаго о событіяхъ Московскихъ, чрезъ полученныя имъ донесенія отъ Плещеева и Пушкина. Самозванецъ принялъ на себя видъ законнаго Государя, справедливо раздраженнаго ^{Никоновская} слишкомъ ^{Лѣтопись.} продолжительнымъ упорствомъ своихъ подданныхъ. Первымъ наказаніемъ для прибывшихъ вельможъ служило то, что Опрепьевъ прежде ихъ допустилъ къ рукъ своей присланныхъ къ нему съ Дону Козаковъ. Когда же позволилъ явиться предъ собою представивелямъ думы Боярской, то грозно упрекалъ ихъ въ непокорности, а Князя Теляшевскаго не хопѣлъ даже просипить за то, что подъ Кромами онъ не приспалъ къ измѣнившимъ въ пользу его воеводамъ. Онъ приказалъ посадить его въ тюрьму, и позволилъ въ глазахъ своихъ Козакамъ бить его почти до полусмерти.

Опираясь на покорность войска и сполницы, Опрепьевъ уже могъ вездѣ дѣйствовать какъ Царь

законный. По повелѣнію его въ опдаленнѣйшіе города Россіи разослали указы, для приведенія всѣхъ людей къ присягѣ Царицѣ инокинѣ Марѣѣ Ѳеодоровнѣ, и сыну ея Царю Димитрію Іоанновичу *. Ни гдѣ не встрѣшилось ни малѣйшаго сопротивленія, и цѣлая Россія безпрекословно цѣловала крестъ дерзкому бродягѣ.

Однако Самозванецъ еще медлилъ вступленіемъ своимъ въ Москву. Его прехожила мысль, что шамъ будетъ встрѣченъ Патріархомъ, копорому лично былъ извѣстенъ. Также не мало заботило его и то, что не ловкіе клеветны его въ день возмущенія позволили народу оставишь въ живыхъ Царя Ѳеодора. Если бы разсприга дѣйствитель-но былъ настоящимъ Димитріемъ, то могъ бы великодушно миловать Ѳеодора, который въ глазахъ его былъ бы только невиннымъ сыномъ его злодѣя, но для Самозванца существованіе законнаго Государя представляло ежедневную опасность, ибо только явленіе настоящего Димитрія могло справедливо уничтожить права на престолъ Ѳеодора, законно наследовавшаго послѣ отца, коего избраніе было единогласнымъ дѣломъ цѣлой Россіи. Къ тому же, прекрасныя качества Ѳеодора при-

---

* Смотри Приложенія № VIII и IX.

влекали къ нему сердца всѣхъ, коихъ не ослѣпляла закоснѣлая ненависть къ Царю Борису. Отпрещевъ не былъ нрава свирѣпаго, не любилъ проливать крови, но въ семъ случаѣ желаніе упрочить свое владычество заглушало въ душѣ его гласъ совѣсти и человѣколюбія. Онъ рѣшился убіеніемъ Θεодора избавитись отъ докучнаго соперничества.

Принявъ сіе гнусное намѣреніе, Самозванецъ отправилъ передъ собою въ Москву Басманова съ частію войска. Но сердце человѣческое вмѣщаетъ въ себя различныя степені злодѣйства! Басмановъ могъ быть измѣнникомъ, а не палачемъ! Онъ взялъ на себя только удерживать въ повиновеніи столицу. Для святопапства же и цареубійства Лжедимирий избралъ столь же низкаго душою, сколь высокаго родомъ Князя Василья Голицына, и ему придавъ въ поварищи подобнаго ему въ безстыдствѣ, Князя Василья Рубца-Мосальскаго, который въ Пупивлѣ первый изъ чиновныхъ людей добровольно предался Самозванцу. Съ ними же былъ посланъ дякъ Сущуповъ, человѣкъ одинакихъ съ ними свойствъ. По прибытіи своемъ въ Москву, злодѣи занялись сначала изгнаніемъ Папріарха. Посланные ими люди ворвались въ Успенскій соборъ, гдѣ священнодѣйствовалъ Іовъ, и не воздерживаясь святоспію мѣша, въ самомъ алтарѣ

Никоновская
Лѣтопись.

спали рвань съ него свяпшельскую одежду. Іовъ не унижилъ высокаго сана своего непристойною слабостію. Снявъ самъ съ себя панагію, онъ положилъ ее у чудотворной иконы Владимірской Богоматери, и со слезами возопилъ: *О всемилостивая пречистая владычица Богородица! Сія панагія и санъ святительскій возложенъ на мя недостойнаго во храмъ твоємъ, Владычица, у честнаго образа твоего чудотворной иконы; сею азъ грѣшнѣйшій испрѣвляхъ слово сына твоего Христа Бога нашего девятнадцать лѣтъ; сія православная христіанская вѣра нерушима была; нынѣ же, грѣхъ ради нашихъ, видимъ на сію православную христіанскую вѣру находяще еретию, мы же грѣшныя молимъ, умоли пречистая Богородица сына своего, Христа Бога нашего, утверди сію православную христіанскую вѣру непоколебимо. Сіе упреждающее воззваніе проповѣдывающихся для правовѣрія напастей еще болѣе озлобило проповѣдывающаго Лжедимитріевыхъ слугъ, которые одѣвъ его въ черную рясу проспаго монаха, позорно шаскали по храму и по площади, и наконецъ посадивъ въ шельгу, послали на обѣщаніе въ Спасскій Богородицкій монастырь.*

Совершивъ поспыдный подвигъ надъ Патриархомъ, Князя Голицына и Мосальскій не замедли-

ли исполнишь и ужасный приговоръ падъ царскимъ семействомъ. Взявъ съ собою Михайлу Молчанова, Андрея Шлефединова, да прехъ спръльцевъ, они отправились на Годуновъ дворъ, гдѣ нашии Царя, Царицу и Царевну сидящихъ вмѣспѣ. Ихъ немедленно развели по разнымъ комнапамъ, и принялись за злодѣйское дѣло. Царица потчасъ же была удушена, но молодой Теодоръ защищамъ жизнь свою какъ разъяренный левъ. Долгое время онъ боролся пропивъ чепырехъ убійць и палъ мерпвъ только тогда, когда получилъ ударъ, опнявшій у него всѣ силы *. Царевну Ксенію, копорой дивная красона возбуждала сладоспрасптіе часпо видавашаго ее въ Чудовѣ монастырѣ Самозванца, была сбережена для похопи палача ея несчастнаго семейства, и опшведена безвредно въ домъ позорнаго Рукописное
извѣстіе о
Самозванцѣ. угодника Лжедимипріева, Князя Мосальскаго. По убіеніи державнаго юноши и его мапери, безбожный Князь Голицынъ спарался разгласишь въ народъ, что они сами со спраха отправили себя. Но поелику Самозванецъ не инако могъ извлечь

---

* *Примпаніе.* Вотъ точныя слова летописца: Царевичъ многе часы давиша, якожь не младости в тѣ поры далъ Богъ ему мужество, тѣ же ихъ злодѣи убоицы ужасошеса, яко единъ съ четырма боряшеса; единъ же отъ ихъ злодѣи убоица взять его за тасныя... и раздавы.

пользу опъ смерпи Θεодоровой, какъ удостовѣривъ въ оной всю Россію, шо и вынуждены были выславить всснародно шрупы несчастныхъ жерпвъ, пакъ что всякой могъ убѣдиться, что смерпъ имъ приключилась опъ давленія. Самый прахъ Царя Бориса не оставленъ въ покоѣ; шѣло его было выкопано изъ Архангельскаго собора, переложено въ простой гробъ, и вмѣстѣ съ шѣлами супруги и сына погребено въ Варсонофьевскомъ монастырѣ на родовомъ кладбищѣ Годуновыхъ. Заключенные со дня мяшежа, родственники Годуновыхъ, были разосланы по Низовымъ и Сибирскимъ городамъ. Только Семена Годунова, сосланнаго въ Переяславъ Залѣскій, памъ удушили. Сія казнь служила ему наказаніемъ за шо, что при Царѣ Борисѣ онъ былъ главнымъ орудіемъ гоненій на Романовыхъ, къ коимъ Самозванецъ выказывалъ любовь свою, уважая въ нихъ родственную связь съ брапомъ, будпо милымъ сердцу его, Царемъ Θεодоромъ Ивановичемъ.

Очистивъ такимъ образомъ столицу опъ всѣхъ пропивниковъ своихъ, расприга рѣшилъ иппи къ оной. На пуши въ Серпуховѣ онъ въ великолѣпныхъ шапрахъ угощамъ обѣденнымъ споломъ до 500 знапныхъ особъ. Попомъ 16-го Іюня перешелъ въ село Коломенское, гдѣ девалъ нѣ-

Петрей.

Никоновская
Лытописъ.

Боршъ.

сколько дней, чпобы предварительно развѣдать о расположеніи Москвитянъ, коимъ не преспаваль Беръ. еще не довѣрять. Но опасенія его казались совершенно неосновательными. Сановники Московскіе спѣшили къ нему въ Коломенское съ хлѣбомъ, солью и богатыми дарами. Лазупчики его также единогласно извѣщали, чпо столица ждетъ его съ радостнымъ неперпѣніемъ.

Самозванецъ рѣшился наконецъ вступитъ въ Москву 20-го Іюня, но и среди торжественнаго шествія своего онъ для личной безопасности принималъ мѣры, копорыя обнаруживали невольное смущеніе преспупной души. Правда, его окружали шестидесятъ Русскихъ вельможъ, но впереди и Петрей. сзади ѣхали дружины Польской конницы; попомъ слѣдовали иностранные войско, Козаки, и наконецъ Рускіе спрѣльцы замыкали шествіе во все время, коего гонцы скакали безпреспанно взадъ и впередъ по всѣмъ улицамъ, и ежеминутно доносили Лжедимирию о состояніи столицы. Но все кипѣло радостію и усердіемъ. Во всѣхъ церквахъ звонили въ колокола. Народъ толпился на улицахъ, по коимъ проѣзжалъ Самозванецъ; кровли домовъ и церковей усыпаны были зрителями. При появленіи Лжедимириіа, народъ кланялся въ землю и кричалъ: *Здравстуй отецъ нашъ! Государь и Вели-*

кой Князь Всероссийскій! Даруй Боже тебѣ многія лета! Да осынитъ тебѣ Господь на степяхъ путяхъ жизни чудесною милостію, которою онъ спасъ тебѣ въ семь мѣръ. Ты наше солнце красное! Самозванецъ отвѣчалъ: *Здравствуйте, мои дѣти, встаньте и молитесь за меня Богу!* Время было прекрасное, но въ ту самую минушу, какъ Самозванецъ чрезъ живой мостъ и Москворѣцкія ворота выѣхалъ на площадь, поднялся спрашнѣй вихрь, такъ чпо лошади едва не попадами. Народъ, въ ужасѣ, принялъ сіе за худое предзнаменованіе для новаго царствованія. Однако шестивіе продолжалось и Самозванецъ достигнулъ лобнаго мѣсна, гдѣ ожидало его духовенство съ крестами и иконами, сошелъ съ коня, приложился къ святынь и приказалъ пѣть молебень, въ продолженіи коего, къ соблазну и первому негодованію Москвитянъ, Поляки, не слѣзшіе съ лошадей, прубили въ трубы и ударяли въ бубны. Попомъ разсприга пошелъ въ Кремль и въ Царскихъ палапахъ сѣлъ на престолъ мнимаго опца своего Іоанна Грознаго. Провожавшее его Польское войско помѣщено было все вмѣстѣ на Посольскомъ дворѣ. Лжедимитрій, не опспранившій еще опъ себя недовѣрія къ Москвитянамъ, желалъ иноземцевъ сихъ имѣть всегда у себя подъ рукою. Только въ послѣдствіи

Никоновская
Лѣтопись.

Борисъ.

времени, изъ уваженія къ жалобамъ Поляковъ на преперываемую ими пѣснопу, позволилъ нѣкоторымъ изъ нихъ перейти на особыя кварпиры.

Впрочемъ подозрѣнія Самозванцевы имѣли нѣкоторое основаніе. Не возможно, чтобы въ продолженіи шествія его, почти черезъ весь городъ, ни кто изъ Московскихъ жителей не узналъ въ немъ дьякона Опреньева. Уже многіе шептали между собою, что по явному поущенію Божию, Русскіе за грѣхи свои поднали подъ иго наглаго обманщика. Хотя таковыя толки еще прошиву-
Никоновская
Лѣтопись.
рѣзущіе общему мнѣнію и не оглашались, но не менѣе того лазупчики Лжедимириевы довели ихъ до его свѣдѣнія. Самозванецъ опасаясь, чтобы рано или поздно истина не разъяснилась, далъ порученіе Окольничему Богдану Бѣльскому, предупредивъ Беръ. грозный гласъ ея новымъ лживымъ свидѣтельствомъ. Бѣльскій, спарый любимецъ Царя Іоанна Васильевича, былъ человекомъ щеславнымъ и гибкосовѣстнымъ. Онъ вышелъ на лобное мѣсто въ сопровожденіи другихъ вельможъ, и напомнивъ народу, что по избранію Царя Іоанна былъ пѣспуномъ малолѣтнаго Царевича Димитрія, кляшвенно увѣрялъ, что Самозванецъ былъ истиннымъ сыномъ Іоанна, спасеннымъ по особенной Божеской милости, и наконецъ поцѣловавъ висящій на груди его образъ Николая Чудопворца, воскликнулъ:

*Брегите и чтите своего Государя. Слушатели единогласно ошвъпспвовали: Богъ да сохранитъ Царя Государя и погубитъ всѣхъ враговъ его. Симъ кри-
вodusнымъ дѣйспвіемъ вѣроломнаго спарца до-
спойно заключилось позорное шоржеспво сего не-
счаспно незабвеннаго дня, въ кошорый Русскіе,
такъ сказапъ на раменахъ своихъ, внесли удалаго
злодѣя въ священныя черпоги древнихъ своихъ
Державцевъ.*

КНИГА ВТОРАЯ.

КНИГА ВТОРАЯ.

=

(1605 — 1606 годы.)

=

Съ перваго взгляда казалось бы, что человекъ, изъ низкаго сословія достигнувшій верховнаго сана, уже долженъ почищаться преодолевшимъ главнѣйшія препятствія, сопряженныя съ споль многопруднымъ предпріятіемъ, и что ему оспаеся полько спокойно наслаждаться сяжко добытымъ величіемъ. Но Испорія какъ древнихъ, пакъ и новѣйшихъ временъ, почти всегда являетъ намъ прошивное. Она многими примѣрами удостоверяетъ, что скорѣе можно похипить пресполь, чѣмъ удержаться на похищенномъ. Впрочемъ, сіе довольно объясняется и шѣмъ, что никто безъ особенной опважности и слѣпой дерзости, не

моженъ безмѣрно возвыситься, а самыя свойства сіи исключаютъ благоразуміе, необходимое для упроченія верховной власпи и, напрошивъ того, внушая чудному счастливицу опасную самонадѣяемость, всудитъ его къ опрометчивости и своеправію, всегда пагубнымъ для правителей. Одинакія причины должны имѣть и одинакія послѣдствія: участь Лжедимитрія предугадывается.

Всякое новое царствованіе, каково бы оно ни было въ послѣдствіи, всегда начинается похвально. Первые дѣйствія Самозванцева правленія шѣтъ болѣе ознаменованы были милостями, изліянными почти на весь сословія, что онъ самъ говаривалъ, что въ его понятіяхъ державцамъ представляющіяся только два способа для укрѣпленія своей власпи: удерживать вѣхъ въ повиновеніи чрезмѣрною суровостію, или милостями и щедростями старанься привязывать къ себѣ людей, не жалѣя для сего никакихъ сокровищъ, и что онъ, по побужденію сердца своего, избралъ послѣднее средство.

Письмо Бу-
чинскаго къ
Разстригъ
отъ Января
1606.

Не только мнимые родственники новаго Царя, Наріе, и также Романовы, но и весь прочій жертвы мстительнаго и подозрительнаго Царя Бориса были возвращены изъ ссылки. Невольно похищеннаго въ монахи Филарета Никивнича

Хронографы. Романаова посвящали въ Митрополиты Роспов-

скіе и Ярославскіе. Слѣпой Царь Симеонъ Бекбу-^{Разрядныя} лаповичъ былъ вызванъ въ столицу и принятъ ^{книги.} съ великою честью. Самые родственники Годунова испытали важное облегченіе въ своей участи. Ихъ не только освободили отъ заключенія, но даже дали имъ воеводскія мѣста въ Сибири и другихъ опдаленныхъ городахъ. Басмановъ первый получилъ боярство. Потомъ многіе изъ знатныхъ особъ были пожалованы въ бояре, другіе въ Окольничіе. Всѣмъ служивымъ людямъ удвоили денежное жалованье. Торговля была объявлена со-^{Беръ.} вершенно свободною, какъ для Русскихъ, такъ и для иноземцевъ. Приказамъ повелѣно вершить дѣла безъ всякихъ посулъ. Объявлено, что самъ Царь будетъ въ каждую Среду и Субботу у себя на крыльцѣ принимать челобитныя отъ всѣхъ людей. Лжедимитрій не только самъ хвалился справедливостію, но даже оказывалъ готовность исправлять неправды прежнихъ лѣтъ. Такъ напримѣръ, мнимый отецъ его, Царь Иванъ Васильевичъ, по злоспному своему нраву своему мало заботившійся о священной неприкосновенности частной собственности, забиралъ у многихъ лицъ деньги, которыя никогда возвращаемы не были не только самымъ Грознымъ Царемъ, но даже и въ правленіе Бориса Годунова. Самозванецъ приказалъ выдать всѣ суммы сіи, кому онъ принадле-

Письмо Бу-
чинскаго къ
разстригъ отъ
Января 1606.

жали. Слѣдуя принятому намѣренію, по возможности задобривать всѣхъ, онъ хотѣлъ было угодить и духовенству, призывъ Епископовъ въ Государственную думу, которую предполагалъ преобразить на подобіе Польскаго Сенапа. Но сдѣланное уже имъ на сей предметъ предначертаніе не было произведено въ исполненіе, вѣроятно потому, что онъ еще опасался на первыхъ порахъ, въ столь важномъ дѣлѣ, огорчить Русскихъ оскорбительнымъ для ихъ народной гордости подражаніемъ Польскому устанавленію *.

---

* *Примѣчаніе.* Н. М. Карамзинъ полагаетъ напротивъ того, что дѣйствительно Сенатъ былъ учрежденъ Лжедмитріемъ. Мнѣніе сіе основано только можетъ быть на существованіи въ архивѣ Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ росписи (Смотри Приложенія № X.) Московскимъ Сенаторамъ, писанной по Польски въ Іюнь 1605 года рукою Разстригина Секретаря, Яна Бучинскаго, и еще на томъ обстоятельстве, что Беръ называетъ Сенаторами Самозванцевыхъ думныхъ Советниковъ. Но если взять въ соображеніе, что ни одинъ изъ Русскихъ летописцевъ не упоминаетъ о преобразованіи думы, и что даже въ 1606 году указы писались отъ имени однихъ Боярѣ, то не льзя ли полагать, что роспись Бучинскаго оставалась проэктомъ безъ исполненія, и что Беръ называлъ тогдашнихъ Боярѣ Сенаторами, только изъ подражанія Полякамъ, такъ переводившимъ Русское слово Боярина, и съ коими онъ дружилъ болѣе, чѣмъ съ Русскими. Только дѣйствительно при Дворѣ введены были нѣкоторыя новыя должности, какъ напримѣръ *Великаго Метлика*, каковое наименованіе дается и въ Государственныхъ бумагахъ того времени Князю Шуйскому-Скопину.

Одни низкаго сосполнїя люди не видали опгъ Самозванца облегченїя въ участи своей. Но Лжедмитрій имѣя въ особенноти въ виду привязавъ къ себѣ военныхъ людей, не хотѣлъ лишиться ихъ великихъ выгодъ, предоспаваемыхъ имъ законами Годунова о креспьянахъ и холопахъ. Только нѣсколько мѣсяцевъ спустя объявленъ былъ боярскїй приговоръ, который хотя утверждалъ крѣпостное право владѣльцевъ, но по крайней мѣрѣ обуздывалъ ихъ склонность къ несправедливымъ приписанїямъ. По силѣ сего приговора, бѣжавшіе креспьяне возвращались безпрекословно прежнимъ владѣльцамъ, кромѣ покинувшихъ жилища свои въ голодные 1602, 1603 и 1604 годы, попому что на родинѣ не чѣмъ было имъ пропитаться. Таковые оставались за шѣми владѣльцами, въ домахъ или имѣнїяхъ коихъ нашли достаточное призрѣнїе въ нужное время. Также если креспьянинъ какого владѣльца, поступившїй въ голодные года къ нему въ холопи, спалъ бы отбывать холопства подѣ предложомъ, что ему въ креспьянствѣ было чѣмъ прокормиться, но что его закабалилъ владѣлецъ насильно, то повелѣвалось разыскивать, записана ли кабала въ городѣ въ книгѣ? Если записана, то челобитчикъ оставался въ холопствѣ по той причинѣ, что не жаловался о насилїи при явкѣ кабалы; напрошивъ

же того, не явленнымъ кабаламъ не позволялось давать вѣры, и въ шакомъ случаѣ холопъ обращался по прежнему въ крестьянство. Впрочемъ, уже введенная въ обыкновеніе пяшилѣпная давность, на опысканіе бѣглыхъ крестьянъ, была утверждена во всей ея силѣ *.

Опрѣшеніе Іова оспавляло празднымъ первосвященительское мѣсто въ Россіи. Самозванцу нужно было видѣшь на ономъ челоуѣка уклоннаго, который бы согласился содѣлаться соучастникомъ тайныхъ замысловъ его противъ православія. Выборъ его палъ на Игнашія, Архіепископа Рязанскаго. Сей паспырь, льспивый и двуязычный Грекъ, былъ прежде Архіепископомъ Кипрскимъ; но изгнанный Турками, онъ нашель сперва убѣжище въ Римъ, а потомъ пріѣхаль въ Россію, гдѣ по особенному благоволенію Царя Бориса, поручили ему Рязанскую Епархію. Въ возмездіе дому Годуновыхъ за сіе благодѣяніе, онъ первый изъ священителей выѣхаль въ Тулу на срѣшеніе Самозванцу. Возведенный на Патриаршій престоль, онъ съ робкимъ молчаніемъ царедворца смопрѣлъ на всѣ соблазны, коими Самозванцу суждено было огорчать правотѣрныхъ.

Карамзинъ.

---

* Смотри Приложение № XI.

Но ни посвященіе надежнаго Паптріарха, ни какое либо государственное дѣло, не были тогда для Аведиміпрія предметомъ главнѣйшихъ заботъ. Все вниманіе его было усрпмлено на успѣхъ начавшихъ имъ тайныхъ сношеній съ Царицею инокинею, Марею Федоровною, матерью наспо-
лящаго Царевича Диміпрія. Признаніе ея Само-
званца за своего сына было для него необходи-
мымъ условіемъ прочности его воцаренія. Подо-
сланнымъ опть него людямъ велѣно было напо-
мнить Царицѣ ожидающія ея почести, а съ дру-
гой стороны внушить ей, что если она опхва-
жился изобличать его во лжи, то неминуемо об-
речеть на вѣрную погибель не только себя, но и
весь свой родъ. Прельщеніями и угрозами увлечен-
ная Царица, наконецъ согласилась способствовать
обману. Обрадованный Самозванецъ послалъ къ
ней въ Выксинскій монастырь—звать ее въ спо-
лицу,—Великаго Мечника, Князя Михайлу Василье-
вича Скопина - Шуйскаго, съ блестящею свитою.
Чась перваго свиданія обманщика съ мнимою ма-
терью для обѣихъ споронъ былъ пруднымъ ис-
пытаніемъ. Оспорожность преровала не давать
оному свидѣтелей, но также не благовидно было
бы Самозванцу не встрѣчать Царицы. Для согла-
шенія сихъ противуположностей, онъ выѣхалъ
18-го Іюля въ Село Тайнинское, гдѣ по приказа-

Окружил
грамота Ца-
рицы Марыи
21-го Мая
1606 года.

нію его былъ разбиить шаперъ близъ большой до-
роги. Царица одна, введенная въ шаперъ, ожидала
уже въ ономъ Царя, который также одинъ во-
шелъ къ ней. Тупъ повпоряя ей обѣщанія и угро-
зы, онъ уговорилъ ее выказывать къ нему при-
шворную нѣжность. Оба вышли изъ шапра обни-
мая другъ друга къ умиленію легковѣрныхъ зрительей,
копорыхъ собралось великое число. Царица съла
въ каресу, а Самозванецъ съ обнаженною головою
шелъ возлѣ нея пѣшкомъ около прехъ верспѣ, опи-
раясь на подножку каресы. Попомъ онъ сълъ на
лошадѣ и поскакалъ впередъ, дабы встрѣпшипъ ее
на порогъ Царскихъ Палатъ. Въ послѣдспвіи, Ца-
рица перешла въ богато изгоповленные для нея
покои въ дѣвичьемъ Вознесенскомъ монастырѣ,
гдѣ получила царское содержаніе и была ежеднев-
но посѣщаема мнимымъ сыномъ своимъ. Чрезъ
три дня послѣ ея пріѣзда, Самозванецъ вѣнчался
на царспво въ Успенскомъ соборѣ, съ обыкновен-
ными обрядами.

Хопя повидимому все споспѣшеспвовало Лже-
димитрію, однако много еще забошъ ему пред-
стояло для сокрпшія испины. Настоящая мапъ
его, Варвара Опрепьева, родной брапъ и дядя
Смирной Опрепьевъ, не обинуясь всему Галичу
объявляли о гнусномъ обманѣ. Смирной за сіи рѣ-
чи былъ сосланъ въ Сибирь, но гласъ природы

Дневникъ
Маршыл.

Беръ.

Палицынъ.

не заглушался еще въ сердцѣ Самозванцевомъ; онъ не опважился распроспранить мѣсть свою на родипельницу и на единошробнаго своего *, и безнаказанность сихъ лицъ придавала еще болѣе вѣсу ихъ уликамъ.

Не въ одномъ семействѣ Отрепьева нашлись смѣлые поборники правды. Среди самой Москвы, явился монахъ, всенародно удосповѣряющій, что давно знаетъ Отрепьева, котораго училъ у него грамотѣ и жилъ съ нимъ въ одномъ монастырѣ; и что сей же именно человекъ овладѣлъ Царскимъ пресполомъ подъ именемъ Димитрія. Монахъ былъ схваченъ и пайно умерщвленъ въ тюрьмѣ.

Петрей.

Сколь ни важны были свидѣтельства сіи, по-

---

* Н. М. Карамзинъ, полагаясь на современное сочиненіе (*légende de la vie et de la mort de Demetrius*) иностраннаго купца, жившаго тогда въ Москвѣ, утверждаетъ, что мать и братъ Самозванцевы были заключены въ темницу, но иноземецъ могъ только вѣрно описывать что происходило въ его глазахъ, а не въ отдаленныхъ мѣстахъ Государства. Келарь Авраамій Палицынъ, коего свидѣтельство гораздо достовѣрнѣе, упоминая о рѣчахъ Варвары Отрепьевой и ея сына и деверя, прибавляетъ только, что Смирной былъ сосланъ и *принялъ много озлобленія* отъ своего племянника. Троицкій монахъ, не упускающій ни одного случая поносить Самозванца, часто даже съ нѣкоторымъ пристрастіемъ, не преминулъ бы поставить на видъ жестокое обращеніе его съ самою матерью своею. Но Палицынъ сего не дѣлаетъ, и слѣдственно Варвара Отрепьева оставлена въ покоѣ.

сившія на себѣ безсомнѣнный оппечатокъ самоопверженія, недослупнаго для клеветниковъ, совсѣмъ пѣмъ, происходя опть людей не знапныхъ, они мало беспокоили Лжедимитрія; котораго гораздо болѣе превожили разглашенія, дѣланныя въ столицѣ по наущенію Князя Василія Ивановича Шуйскаго. Сей вельможа, болѣе всѣхъ прочихъ убѣжденный въ самозванствѣ расприти, могъ сомаситъся признапъ его за своего Государя единспвенно по необходимости покоритъся первому порыву всенароднаго увлеченія. Но въ сердцѣ своемъ онъ не преставапъ пишапъ надежду, что въ скоромъ времени сила истины разсѣпъ чадъ непояпнаго предубѣжденія. Удрученный спыдомъ и горестію, онъ вмѣнялъ себѣ въ обязанность, способствовапъ ожидаемому имъ спасителъному прошивудѣйствію, въ чемъ могъ успѣпъ болѣе всякаго другаго, попому что имѣпъ вліяніе на Московскихъ гражданъ, которые вообще любили его за его привѣпчивость, и уважали въ немъ необыкновенныя способности ума высокаго, соединенныя съ великимъ богашпвомъ и знаменипостію происхожденія. Многочисленные приверженцы его спали распроспраняпъ въ народѣ толки о самозванствѣ Царя. Внушенія сіи были дѣланы даже безъ надлежащей осмотрителъности, такъ что дошло объ нихъ до свѣдѣнія Басманова, ко-

порый спѣшили предостеречь Лжедимишрїя. Раз- Сказанїя еже
гласишелей схватили и пышали: многихъ изъ нихъ содѣяся.
разослали по шемницамъ, но двухъ болѣе прочихъ
изобличенныхъ въ дерзкихъ рѣчахъ прошивъ обла- Никонѡвская
дашеля престола, а именно дворянина Пепра Тур- Лѣтопись.
генева и мѣщанина Федора Калачника казнили Палачи.
смершю. Калачникъ, гоповясь положишь голову
на плаху, съ пвердоспїю говорилъ народу: *се прї-
али есте образъ антихристовъ, и поклонистесь по-
сланному отъ сатаны, и тогда разумьете, егда
вси отъ него погибнете.* Но еще не разувѣренная
чернь ругалась ему и кричала, что по дѣломъ по-
гибаешъ клеветникъ.

Оспавалось наказашъ главнаго виновника опас-
ной молвы, Князя Шуйскаго. Но мужъ сей спюляъ
на споль высокой спепени въ общемъ мнѣнїи,
что Самозванецъ, для безпрепятственнаго совер-
шенїя надъ нимъ казни, почелъ необходимымъ при-
бѣгнушь къ мѣрамъ чрезвычайнымъ, какъ при по-
спановленїи приговора, такъ и при исполненїи
онаго. Шуйскїй предспалъ предъ соборомъ, со-
спавленномъ, какъ въ шо время водилось полько
при рѣшенїи великихъ Земскихъ дѣлъ, изъ Духо-
венства, Боларъ и выбранныхъ людей всѣхъ сосло-
вий. Всѣ единогласно признали Шуйскаго винов- Маржереть.
нымъ въ оскорбленїи Царскаго Величества дерз-
кою клеветною, и приговорили его къ опсѣченїю

головой. Въ назначенный для казни день осужденный выведенъ былъ на лобное мѣсто, копорое Хронографъ. окружали вооруженные Спрѣльцы и Поляки и гдѣ уже палачъ гошовилъ сѣкиру и плаху. На Кремлевскихъ стѣнахъ и башняхъ выславлены были также воины съ оружіемъ въ рукахъ. Народъ роился по площади. Бояре Самшыковъ и Басмановъ, разбѣгая между полпами, читали слѣдующее провозглашеніе: *Сей Великій Бояринъ, Князь Василій Шуйскій, мнѣ природному своему Государю Царю и Великому Князю Димитрію Иоанновичу всея Россіи измѣняетъ, и разсѣваетъ неприличныя рѣчи, не хотя меня на Государствѣ Царемъ видѣти, и остужаетъ со вѣсьми Бояры и людьми Московскаго Государства, и со вѣсьми православными Христіанъ; называетъ меня еретикомъ, Гришикою Отрѣпьевымъ, Разстригою, и за то его осудили мы смертію казнити, да умреть. Ибо сіе не мною, не ново уложилось, но отдревле, отъ прародителей нашихъ, что за измѣну казнити, не щадя ни дяди, ни брата, ни сродниковъ своихъ, ни великихъ Бояръ. Слушатели, удержанные въ повиновеніи присупствіемъ войскъ, однимъ унылымъ молчаніемъ выражали свое негодованіе. Шуйскій не оказывалъ робости. Когда палачъ спалъ раздѣвая его, по онъ еще громко воскликнулъ: *Братья! умираю за Вѣру Христіанскую и за васъ! Уже онъ клалъ**

голову на плаху, какъ вдругъ въ Спасскихъ воропахъ раздается крикъ: «стой! стой!» Выбъжавшій изъ Кремля Нѣмецъ, съ Царскою грамопою въ рукахъ, объявляетъ, что Царь, по ходапайству Поляковъ, даруетъ жизнь преспунику. Радость была всеобщая.

Въ самомъ дѣлѣ не Полякамъ Шуйскій обязанъ былъ своимъ спасеніемъ. Напрошивъ того, многіе изъ нихъ, изъ самыхъ приближенныхъ къ Лжедимипрію, предусмапривали большую опасность въ помилованіи споль важнаго врага. Но за Князя Василія Ивановича явился ходапай, котораго предспашельспва не могъ опвергнуць и самъ Самозванецъ. Царица Инокиня Марѳа, вынужденная попворспвомъ своимъ упрочивать богопропивный обманъ, помилася душевною поскою; для уменьшенія пягопившаго ея совѣспь грѣха, она рѣшилася по крайней мѣрѣ не допускатъ до казни знапнѣйшаго свидѣтеля испины и требовала опъ мнимаго сына своего смягченія жребія несчастнаго Шуйскаго. Лжедимипрій не смѣлъ пропивипись ея желанію, но вмѣспѣ съ тѣмъ опъ разгласилъ, что умилоспвилася по просьбѣ Поляковъ, вѣропшно, чтобы участіе Царицы въ семъ дѣлѣ скрпшь опъ народа, которому дѣйспвительно могло казаться спраннымъ видѣпъ мапъ, заботящуюся о избавленіи злѣйшаго и опаснѣйшаго

Письмо Яна Бучинскаго къ разстрпгѣ, въ Маврѣ 1606 года.

Маржеретъ и Никоновская дѣтопшь.

врага сына своего. — Князь Василій Ивановичъ съ двумя родными братьями своими, Димитріемъ Хронографъ и Иваномъ, были сосланы въ пригороды Галиціе, а имѣніе ихъ опобрано въ казну.

Предсавился еще другой случай, гдѣ также Царица вмѣнила себѣ въ священную обязанность пропившись воля Самозванца. Тѣло наспоящаго Царевича Димитрія похоронено было въ Угличѣ въ соборной церкви. Сія почесть несомѣспна была съ воцареніемъ мнимаго Димитрія, копо-

Петрей и ру-
копись Жол-
кѣвскаго.

рый призналъ необходимымъ для себя, вырыть тѣло и похоронить на общемъ кладбищѣ, какъ просшаго поповскаго сына. Но не дерзая исполнить сего безъ соизволенія Царицы, онъ просилъ ее не пропившись споль нужному для его спокойствія дѣйствию. Царица ужаснулась и рѣшительно опказалась предать на поруганіе оспапки милаго ея сердцу отрока. Всѣ усилія Самозванца, чтобы поколебать ея упорство, были безуспѣшны, и онъ вынужденнымъ былъ опказаться опъ своего предпріятія. Впрочемъ, одно намѣреніе попревожить прахъ сына, такъ ожесточило мать, что она спала искасть шайнаго средства, важнымъ свидѣтельствомъ своимъ, избличить въ самозванствѣ гнуснаго обманщика. При ней находилась у ней воспитанная молодая Лифляндка Розентъ, взявшая въ плѣнь ребенкомъ во время Лифляндской

войны. Сія дѣвушка вошла въ сношеніе съ жившимъ въ Москвѣ Шведомъ, который по убѣжденію ея поѣхалъ въ Польшу съ порученіемъ Царицы, извѣстивъ Короля, что похищенъ Московскаго престола не естъ ея сынъ, хотя она для своей безопасности явно и признала его за такового.

Около того же времени случилось большое смятеніе въ столицѣ. Прибывшіе съ Самозванцемъ Поляки много безчинствовали, полагаясь на покровство Царя. Одинъ изъ ихъ поварищей шляхтичъ Липскій, уличенный въ пресупленіи, былъ Боршъ. схваченъ и приговоренъ къ наказанію кнупомъ. Но когда, по погдашнему Русскому обыкновенію, осужденнаго водили по улицамъ, Поляки бросились оббивать его. Сдѣлалась сильная драка, въ коей съ обѣихъ сторонъ было много убитыхъ и раненыхъ. Такъ какъ число Русскихъ поспешенно увеличивалось, то Поляки укрылись въ занимаемомъ ими посольскомъ дворѣ, который немедленно былъ окруженъ нѣсколькими десятками тысячъ разъяренныхъ Московскихъ обывателей. Все предвѣщало кровопролитіе, еще ужаснѣе прежняго. Для отвращенія сей бѣды, Царь послалъ объявить гнѣвъ свой Полякамъ и требовать отъ нихъ выдачи зачинщиковъ своевольства, угрожая имъ въ случаѣ дальнѣйшаго упорства, приказашъ подвесить пушки для разгромленія ихъ убѣжища. Поляки отвѣчали,

что ожидали болѣе благодарности отъ него, что вывели на плечахъ своихъ, и что лучше желаютъ все погибнуть, чѣмъ самимъ выдать на вѣрную смерть кого либо изъ своихъ соотечичей. Тогда Лжедимитрій вторично послалъ склонявшихъ къ оказанію необходимой податливости, предспавляя имъ, что только выдачею зачинщиковъ можно надѣяться усмирить мятежную чернь, и что впрочемъ онъ общается въ скоромъ времени возвратитъ безвредно виновныхъ. Тогда Поляки выдали трехъ товарищей: Держбицкаго, Щигельскаго и Шелиборскаго, коихъ посадили въ пѣсную темницу. Московскіе обыватели, получивъ удовлетвореніе, коего домогались, разошлись по домамъ, а на другой день всѣхъ трехъ товарищей отправили обратно къ Полякамъ.

Сіе пріисшествіе доспапочно показывало Лжедимитрію, что не легко будетъ подданнымъ его ужиться съ приведенными имъ иноземными гостями. Увлекаясь среднимъ ему самонадѣніемъ, онъ возмечталъ, что можетъ обойтись и безъ иностранной стражи, и вѣрить охраненіе своей особы однимъ Русскимъ, коихъ надѣлся совершенно привлечь къ себѣ щедротами своими и кротостію правленія. Въ слѣдствіе сего онъ оставилъ у себя на службѣ только роту Пана Доморацкаго, прежде бывшую его собственною, и распустилъ все про-

чія Польскія хоругви, заплашивъ съ каждаго коня гусарамъ по 40 злотыхъ, а пясигорцамъ по 37 злотыхъ (тоже нынѣшнихъ серебряныхъ рублей). Но не многіе изъ Поляковъ сохранили сіи деньги.

Письмо Яна Бучинскаго къ разстригъ, Января 1606 года.

Прочіе, получивъ по тогдашнему времени весьма значительное жалованье, еще на Москвѣ все промозгали, пропили или проиграли въ кости, и воропились ни съ чѣмъ въ свое опшечество, жалуясь на скудость Царя, хотя сами были виновниками своей нищеты.

Самозванецъ, имѣя въ виду задобрить Русскихъ милосердіемъ необычайнымъ, рѣшился прекратитъ сыску Шуйскихъ, даже прежде нежели они достигли назначенныхъ для жительства ихъ мѣстъ. Имъ возвратили взятое у нихъ имѣніе и всѣ прежнія чины и почести. Послабленіе опасное для Самозванца, котораго не разсудилъ, что безвредно для себя миловать преступниковъ принадлежитъ однимъ законнымъ Государямъ и составляетъ исключительное преимущество ихъ священнаго права.

По крайней мѣрѣ, если Лжедимитрій полагалъ утвердитъ престолъ свой на любви народной, должно было ему тщательнѣе оберегаться своего легкомыслія, и въ особенности стараться не выказывать ни отвращенія къ обычаямъ Русскимъ, ни склонности къ Польскимъ. Напрошивъ того,

Беръ и На-
рушевичъ.

онъ вездѣ и всегда пренебрегалъ отечественными обрядами, и упражненія и попѣхи свои успроивалъ на иноземный образецъ. Русскіе слышали съ омерзѣніемъ, что у него во время спола гремѣла музыка, что онъ почти всегда одѣвался по Польски, ѣлъ шеляшину, не молился иконамъ садясь за обѣдъ, и не умывалъ рукъ по окончаніи онаго. Удивлялись также тому, что онъ не ходилъ въ баню по Субботамъ и не спалъ послѣ обѣда, а вмѣсто того выходилъ изъ дворца, самъ другъ, для посѣщенія аптекарей, серебряниковъ или какихъ другихъ ремесленниковъ. Самое удалство его мало нравилось. Онъ упражнялся въ пляскѣ, живо вскакивалъ на бѣшеныхъ лошадей, билъ самъ медвѣдей. Все сіе было неприличнымъ въ глазахъ людей, привыкшихъ къ степенной величавости прежнихъ Царей, которые не иначе переходили изъ одного покоя въ другой, какъ поддерживаемы подъ руки къмъ либо изъ окружающихъ ихъ многочисленныхъ царедворцевъ, а когда садились на коня, то всегда два боярина подносили скамью, чтобы облегчить спрудъ Государя. Не удивительно, что слѣдствіемъ столь рѣзкой переменъ было общее охлажденіе къ Лжедимирию, и что не усматривая въ немъ ничего, означающаго Царское происхожденіе, стали называть его Польскимъ свистуномъ.

Впрочемъ не одна наружность была позорна въ Самозванцѣ. Онъ и въ поступкахъ и дѣйствіяхъ большей важности оказывался безразсуднымъ и развратнымъ до безконечности. Къ величайшему соблазну своихъ подданныхъ онъ приказалъ опвесить Езуитамъ, для свободнаго священнодѣйствія по Римскому обряду, обширный дворъ по близости дворца. Въ Боярской думѣ, гдѣ засѣдалъ почти ежедневно, хопя и опшичался нѣкоторымъ Беръ-оспроуміемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ приводилъ въ сильное негодованіе бояръ, беспреспанными упреками за ихъ невѣжесиво и совѣсами училъ ся у иноземцевъ. Вообще съ вельможами онъ обходился неосмотрительно: иногда дружилъ съ ними безъ надлежащаго приличія, за то часто ругалъ ихъ и бивалъ палкою, и по и другое къ явному нарушенію Царскаго достоинства. Любоспраспие его также не знало ни какихъ границъ; онъ безче- Хронографъ. спилъ даже юныхъ монахинь, и въ довершеніе не- исповснвъ своихъ, взялъ себѣ въ наложницы не- Письмо Липшика къ Лжедимитрію изъ Кракова, отъ 25 Декабря 1606 года. счастпную жерпву своего власполюбія, Царевну Ксенію. Еще справедливо обвиняли его въ чрезмѣр- ной распочинпельности. Издержавъ въ первые при- Письмо Бучинскаго къ Самозванцу, Января 1606 года. мѣсяца своего правленія до семи съ половиною милліоновъ рублей (до 25 милліоновъ нынѣшнихъ серебряныхъ рублей) онъ не перспавалъ сыпашъ деньгами, и по не для государспвенныхъ нуждъ, Нарушевичъ.

а для удовольствованія собственныхъ прихотей; прашился на музыканшовъ и другихъ угодныхъ

Дневникъ по-
словъ Поль-
скихъ 1606
года.

ему шунейдцевъ, и самъ любилъ роскошь необычайную. Какъ будто пренебрегая прежнимъ жилищемъ Царей, онъ выстроилъ въ Кремль, на берегу Москвы рѣки, деревянный дворець, великолѣпно убранный, насупротивъ коего выспавилъ огромнаго мѣднаго Цербера, съ бряцающими челюстями. Сіе изображеніе адскаго чудовища ужасало набожныхъ Россіянъ, и усилило уже начинавшее распространяться въ нижнихъ сословіяхъ мнѣніе, что пресполомъ овладѣлъ чародѣй.

Къ довершенію безразсудныхъ дѣйствій своихъ, Самозванецъ гоповилъ исполнить данное имъ Мнишку обѣщаніе, вступитъ въ бракъ съ дочерью его Мариною, хотя легко могъ предвидѣть, что выборомъ невѣсты иновѣрной и принадлежавшей къ народу, всегда враждебному Россіи, онъ крайне возстановитъ противъ себя своихъ подданныхъ. Но не преставав пренебрегать мнѣніемъ Россіянъ, онъ назначилъ посланникомъ въ Польшу надворнаго казначея Аванасія Власьева, для порожественнаго испрошенія согласія Короля на обрученіе его съ Мариною, и для немедленнаго совершенія сего обрученія, по силѣ даннаго ему полномочія.

Прежде еще отъѣзда Власьева изъ Москвы,

прибыль шуда посланникомъ опть Короля Сигизмунда секретарь его, Александръ Гонсьвскій Спароспа Велижскій. Кромъ поздравленія Лжедимипрія съ возшествіемъ на престоль и увѣдомленія о намъреніи Короля, вступитъ въ бракъ съ Австрійскою Эрцгерцогинею Конспанціею, Гонсьвскій имѣлъ еще порученіе увѣдомитъ Самозванца о пронесшемся въ Польшу слухъ, что Борисъ Годуновъ еще живъ и находится въ Англии. Объящая всякое нужное содѣйствіе Польши, для внутренняго успокоенія Россіи, онъ требовалъ взаимности со стороны Царя въ отношеніи къ Польшѣ, и просилъ его не дружитья со Швеціею и предоспавитъ Полякамъ таковой же свободный торгъ во всей Россіи, каковымъ пользуются Русскіе въ Польшу. Посланнику отвѣчали, что слухъ о Годуновѣ не имѣетъ никакой основательности, что Польскимъ купцамъ будетъ свободный пропускъ по всему Государству, но что нельзя еще вполне удовлетворить желанію Короля касательно Швеціи, потому что хотя Царь и гнушается преступными дѣйствіями похищителя Шведскаго престола, однако не можетъ признать къ настоящему разрыву съ нимъ, пока не увѣрится въ истинной пріязни къ себѣ Короля Сигизмунда, которъй, уменьшая шипуль Государя Россійскаго, подавалъ поводъ сомнѣваться въ своемъ добро-

Тайная рѣчь
Гонсьвскаго
и отвѣтъ на
опую.

желашельствѣ. Въ самомъ дѣлѣ, Король въ письмѣ своемъ не называлъ Лжедимитрія Царемъ, а только Господаремъ и Великимъ Княземъ *. Сіе пѣмъ болѣе оскорбляло Самозванца, что даже шипуль Царскій казался не довольно пышнымъ для сего, счастьемъ возмелѣяннаго пришельца. Онъ самъ себя называлъ непобѣдимымъ Цесаремъ, и домогался сего именованія и опъ иностранныхъ дворовъ.

Въ слѣдъ за Гонсѣвскимъ прѣхалъ также въ Москву съ поздравленіемъ опъ Папы Павла V посланникъ, Графъ Александръ Рангони, племянникъ Папскаго Нунція въ Польшѣ, первоначально споль много содѣйствоваващаго успѣху предпріятія Лжедимитріева. Несобычайная довѣренность Короля Сигизмунда къ его дяди была уже довольно извѣстна Самозванцу, и потому онъ рѣшился, не обвинуясь, объяснишься съ Графомъ по предмету сношеній своихъ съ Польскою и просить его пайно представить Королю, что не смотря на возникшія между ими взаимныя неудовольствія, онъ ни когда не забудетъ прежнія Сигизмундовы милоспи, что Король съ своей стороны не долженъ претрбовашъ условленной уступки городовъ, до пѣхъ поръ, пока не ушвердился власпъ новаго Царя достапочно для безопаснаго и безпретривственнаго исполненія сей спашпи, неминуемо долженспву-

---

* Смотри Приложенія № XII.

ющей огорчить Россіянъ, и наконецъ, что хотя онъ и помышленія не имѣеть воевать съ Польшею за шишулъ, но никогда не откажется отъ слѣдующей ему почести, и будетъ ожидать справедливаго удовлетворенія отъ дружескаго къ себѣ расположенія Короля *.

Между тѣмъ Власевъ, уже отправившійся въ Польшу, продолжалъ путь свой, и прибывъ въ Краковъ 30-го Октября, остановился въ домѣ у ^{Дневникъ} ^{Марины.} воеводы Сендомирскаго. 4-го Ноября онъ имѣлъ торжественную аудіенцію у Короля, коему вручивъ грамоту Самозванцеву, свидѣтельствовалъ о желаніи Государя своего вступить въ тѣсный союзъ съ Польшею въ особенности противъ Турокъ; на второй же аудіенціи, данной ему чешыре дня спустя, онъ просилъ Сигизмунда, позволить бракъ Лжедимишрія съ Мариною Мнишковою, на что Король пошчасъ же изъявилъ свое согласіе.

Но такъ какъ въ то же время прибылъ въ Краковъ посланный изъ Москвы отъ Царицы Марѣы Шведъ, то Сигизмундъ не узналъ отъ Мниш^{Жолѣвска-}^{го} ^{рукопись.}шка привезенное имъ извѣстіе объ отреченіи самой Царицы отъ мнимаго сына. Не смотря на важность сего свидѣтельства, честолюбивый вос-

---

* Смотри Приложенія № XIII.

Дневникъ
Маринь.

Нѣмецкичъ.

вода пренебрегъ онымъ, и напропиевъ того рѣшился поспѣшить обрученіемъ своей дочери. По прїѣздѣ Власьева, Маринь еще не было въ Краковѣ. Она съ матерью своею прибыла туда 9-го Ноября, а 12-го совершилось обрученіе съ большою пышностію, въ присушствіи самого Короля: Священнодѣйствоваль, по Лашинскому обряду, Кардиналь Маціовскій, Епископъ Краковскій. При семъ случаѣ Власевъ, по происхожденію своему человекъ не знашый, не умѣлъ сохранить достоинство высокаго сана, въ который былъ облеченъ по прихоти или по довѣрію Самозванца, и оказывалъ подобострастіе, простиравшееся до грубѣйшей простоты. Такъ напримѣръ, на обычный вопросъ Кардинала, не давалъ ли прежде Царь обѣщанія женишься иной невѣстѣ, онъ отвѣчалъ: *А мнѣ какъ знать? о томъ не имѣю ни какого поругенія.* Только по настоянію прислужниковъ своихъ рѣшился примолвить: *Если бы обѣщаль другой невѣстѣ, то не слалъ бы меня сюда.* Когда дошло до перемѣны колець, то посланникъ вынулъ изъ малаго ларчика перстень съ толстымъ алмазомъ, величиною съ хорошую вишню, и подалъ Кардиналу, который надѣлъ оной Маринѣ на палець. Кардиналь хотѣлъ также невѣстѣ перстень надѣсть на палець предспавляющаго лице Димитрія, посланника. Власевъ, не

только не дозволилъ сего, но даже отказался принять перстень въ голыя руки, а просилъ Епископа опустить оный въ шопъ же ларчикъ, въ которомъ принесенъ былъ Царскій алмазь. Продолжая причудничать, посланникъ, когда по приглашенію Кардинала долженъ былъ взять руку Марины, хотѣлъ непременно обернуть свою въ чистый платокъ, и не безъ труда успѣли увѣрить его, что обрядъ требовалъ, чтобы онъ съ невѣстою споялъ рука въ руку. По совершеніи обрученія, посланникъ кланялся въ землю передъ невѣстою. Богатство поднесенныхъ имъ при семъ случаѣ даровъ изумило самыхъ роскошныхъ Поляковъ *.

Дневникъ
Марины.

Послѣ обрученія, воевода Сендомирскій угощалъ всѣхъ присутствующихъ великолѣпнымъ обѣдомъ. Немцевичъ. За особымъ столомъ съли Король, невѣста, Сигизмундова сестра Королева Шведская, Королевичъ Владиславъ, Русскій посланникъ, Папскій Нунцій и Кардиналъ Маціевскій. Прежде кушанья всѣмъ имъ подали воды для умовенія рукъ; одинъ Власевъ не хотѣлъ умыться. Также замѣтили, что онъ ничего не ѣлъ, кромѣ хлѣба съ солью, и тщателью оберегался, чтобы платье его не касалось платья сидѣвшей подлѣ него Марины. Напрасно Король посылалъ уговаривать его, чтобы

---

* Смотри Приложенія № XIV.

ѣлъ; онъ опозвался, что непристойно холопу ѣсть при такихъ высокихъ особахъ, и что ему и по велика чести смопрѣпъ, какъ они кушаютъ. За обѣдомъ слѣдовали пляски, которыхъ началъ самъ Король съ невѣстою. Наконецъ Воевода Сендомирскій приказалъ дочери своей преклонить колѣна передъ Королемъ и благодарить его за всѣ его милости. Сигизмундъ, вспавъ съ своего мѣста, и скинувъ шапку, поднялъ Марину. Попомъ надѣвъ опять шапку, говорилъ ей слѣдующую рѣчь: *Ваша милость отъѣзжаетъ въ чужую землю, къ иноземному народу, къ обрученному жениху, который, по Божіей волѣ и по нашей милости, достигъ тамошняго престола! Когда, ваша милость, будете тамъ, прошу васъ, ради Бога, не оставляйте умножать и укрѣплять хвалу Божію и миръ съ нами и съ тою державою, въ которой вы родились и въ которой оставлете отца, братьевъ, сестеръ и родственниковъ своихъ. Ваша милость и будущему супругу своему напоминайте, чтобы онъ не забывалъ нашу благосклонность и наше содѣйствіе, исполнялъ данныя намъ и нашей державы обѣщанія, утвержденныя его присягою, и не только во всю жизнь оказывалъ бы намъ благорасположеніе и дружество, но даже передавалъ бы чувства сіи и могущимъ родиться у него дѣтямъ.* Невѣста отвѣчала: *Стану молить Бога, дабы будущій господинъ*

мой супругъ, умляль угодить Богу и умножать его хвалу и служеніе, и власть съ тѣмъ оказываль Королю, вашей милости, и державѣ Польской должную признательность за изліянныя на него милости и одолженія... Тупѣ слезы прервали ея слова. Кардиналъ Маціовскій продолжалъ благодарить Короля, опъ имени ея и воеводы Сендомирскаго.

На другой день былъ оппускъ посланнику. Канцлеръ Липовскій объявилъ ему, что Король черезъ него поздравляешъ Царя съ благополучнымъ обрученіемъ, а что въ разсужденіи союза прошивъ Турокъ, нужно будетъ, по дальнѣйшимъ сношеніямъ обстояпельнѣе уговориться. Власевъ, не смопря на свое невѣжество и на преданность свою Лжедимирию, былъ Русскимъ въ сердцѣ и ненавидѣль Поляковъ. Такъ какъ при оппускѣ его, Канцлеръ называль Государя Россійскаго полько Великимъ Княземъ, то Власевъ не упустилъ жаловаться на сіе. Также онъ оскорблялся и тѣмъ, что на канунѣ невѣста Царская кланялась въ землю Королю. Ему отвѣчали, что пока Марина не покинетъ Польскаго края, она не престанешъ быть подданною Короля.

23-го Ноября Марина опправилаь въ Промникъ, замокъ, лежацій въ 5-ши верспахъ опъ Кракова, гдѣ должна была оспаваться, пока опецъ ея

не устроишь дѣлъ своихъ въ Краковѣ. Напрасно Власевъ увѣщевалъ Мнишка не медлить отъѣздомъ своимъ въ Россію; воевода опъзывался несимѣніемъ денегъ на подъемъ и на расплату съ многочисленными заимодавцами своимъ. Хотя посланникъ имѣлъ повелѣніе самъ провожать невѣсту до Москвы, однако для удобности въ переѣздѣ уговорились, чтобы онъ одинъ отправился впередъ и ожидалъ Мнишкова въ Слонимѣ, куда они обѣщали прибыть топчасъ по полученіи ожидаемыхъ ими отъ Самозванца пособій. На первый

Письмо Мнишка къ Самозванцу изъ Кракова отъ 25-го Декабря 1605.

случай Власевъ рѣшился самъ ему дать 14,000 Польскихъ злыхъ (тоже нынѣшнихъ серебряныхъ рублей) да суконъ и мѣховъ, взятыхъ у Русскихъ купцовъ въ Люблинѣ, на 12,400 злыхъ.

Съ своей стороны, Лжедмитрій еще до полученія извѣстія о совершеніи обрученія, послалъ въ Краковъ съ секретаремъ своимъ, Яномъ Бучинскимъ, 200,000 злыхъ для врученія ихъ воеводѣ Сендомирскому. Кажется, что разстрига, не смотря на вѣпренность свою, самъ постигалъ, что благоразуміе пребовало, чтобы Марина, по прибытіи своемъ въ Москву, хотя по наружности, сообразовалась съ обычаями и церковными обрядами Русской земли. Въ данномъ Бучинскому наказѣ, онъ предписывалъ ему настанвать, чтобы невѣста его не убирала себѣ волосъ, и чтобы Папскій Нунцій доз-

Грамота Лжедмитрія къ Мнишку изъ Москвы отъ 5-го Ноября 1605.

Наказъ Бучинскому.

воилъ ей въ день вѣнчанія принять причастіе
опъ Патріарха, постылся гь Середу вмѣсто
Субботы и ходилъ иногда въ Греческую церковь,
что не могло ей служить препятствіемъ испол-
нять во внутренности покоевъ своихъ всѣ обря-
ды исповѣдываемой ею Лапинской вѣры.

Бучинскій, прибывшій въ Краковъ 24-го Дека-
бря, не успѣлъ склонить Рангони на просимую
Самозванцемъ снисходительность. Хотя Езуиты,
всегда руководимые свѣтскою мудростію, и охот-
но допускаютъ единовѣрцевъ своихъ къ свято-
хульному лицемѣрью, когда сіе оказывается для
нихъ нужнымъ или выгоднымъ, но вѣроятно въ
семъ случаѣ они почли необходимымъ вынудить
Лжедимитрія явнымъ дѣйствіемъ сдѣлать пер-
вый приступъ къ обѣщанной имъ перемѣнѣ вѣры
въ своемъ Государствѣ, и такимъ образомъ снова
возбудить видимо охладѣвшую въ немъ ревность
къ папешеству. Въ самомъ дѣлѣ разсприга, при-
нявшій Римскій законъ не по убѣжденію, а един-
ственно въ угодность лицъ, опъ коихъ зависѣла
тогда его участь, не поропился исполненіемъ
опаснаго предпріятія. Можетъ быть, видя ис-
кренную и глубокую преданность Русскихъ къ
старинному своему исповѣданію, рѣшился бы онъ
и совѣмъ оставить ихъ при ономъ, но боялся
оскорбить Короля Сигизмунда и лишить пре-
Часть I.

споль свой надежнѣйшей опоры, кошую находять полько въ содѣйствіи Польши. По крайней мѣрѣ искалъ выиграть время, и на всѣ подстрекапельства Римскаго духовенства опшывался что такое великое дѣло не можетъ бытъ совершено безъ предварительныхъ приуготовленій.

Письмо Самозванца къ Папѣ Павлу V-му изъ Месквы отъ Декабря 1605 и Нуиціи Рагони къ Самозванцу изъ Кракова отъ 3-го Февраля 1606.

Недовольные сею медлительностію Езуиты склонили Нуицію опвѣчать Самозванцу, что онъ долженъ непременно, силою самодержавной власти своей, оградить нарѣченную супругу отъ всякаго принужденія по предмету исполненія обрядовъ исповѣдуемой ею вѣры.

Дневникъ Маршны.

Лжесимипрій, извѣстившись о обрученіи Марины, послалъ съ благодарительными письмами къ Королю и къ Мнишку гонца, Ивана Безобразова, который прибывъ въ Краковъ 4-го Января, началъ исполненіемъ главнаго своего порученія. Но гораздо важнѣйшее дѣло было еще тайно ввѣрено Безобразову. Онъ пользовался всею довѣренностію Князя Шуйскаго, по совѣту коего Самозванецъ опправиль его въ Польшу. Шуйскій, полагаясь на его благоразуміе и на приверженность его къ себѣ, приказалъ ему довести до свѣдѣнія Короля о неудовольствіи Боларъ противъ Самозванца. Въ слѣдствіе сего, Безобразовъ просилъ тайно переговорить съ Канцлеромъ Липовскимъ Сапѣгою, но Король нашель, что важность

Рукопись Жолковскаго.

сана, занимаемаго Сапѣгою , слишкомъ обращала на него общее вниманіе, и что попому трудно было бы сокрыть свиданіе съ нимъ опъ Бучинскаго и Русскихъ чиновниковъ, въ Краковѣ находящихся. Уговорились, чпобы вмѣсто Сапѣги, гонецъ открылся воропившемуся изъ Москвы Гонствскому. Безобразовъ объявилъ ему, что Шуйскіе и Голицыны негодуютъ на Короля, давшего имъ въ Государи чловѣка нрава легкомысленнаго и свойствъ низкихъ, копорый предавался суровости, распуштству и распочительности, какъ будто самъ спарается оказать себя недостойнымъ Царскаго вѣнца; что они рѣшились изыскивать средства избавишься опъ него, и что наконецъ онъ шакъ имъ несноснымъ казался, что лучше бы хопѣли вмѣсто его видѣть на Московскомъ престолаъ Сигизмундова сына, Королевича Владислава. Сіе неожиданное предложеніе породило, на пагубу Россіи, въ умѣ Сигизмунда мысль со временемъ воспользоваться онымъ для удовлетворенія врожденнаго въ немъ тщеславія. Однако онъ не посмѣлъ еще, по первому вызову, войши въ дальнѣйшія сношенія по сему предмету съ Русскими вельможами, и попому приказалъ опвѣчать имъ, что прискорбно ему слышать, какъ неиспово вешеть себя помъ, копораго допмлаъ онъ почислалъ наспоающимъ Димитріемъ, что онъ нисколько

ко не намѣренъ препяшествовать имъ дѣйствовать противъ него, какъ заблагоразсудяшъ, и что наконецъ, касательно сына своего, такъ какъ онъ самъ имѣетъ за правило не увлекаться властолюбіемъ, то желаетъ, чтобы паковою же умѣренностію руководствовался и Владиславъ, предавая впрочемъ будущность волю Божіей. Изъ сего двусмысленнаго опъыва Безобразовъ заключить долженъ былъ, что по крайней мѣрѣ Сигизмундъ не будетъ стоять за Самозванца, — обстоятельство важное для успѣха въ замышляемомъ заговорѣ.

Хотя Король, Сапѣга и Гонсѣвскій не нарушили даннаго ими обѣщанія, не оглашаютъ вѣрнопольной имъ тайны, но какъ сіе довольно обыкновенно бываетъ въ дѣлахъ такого рода, слабый и неопредѣлительный отголосокъ Русскихъ жалобъ, раздався по Кракову, и дошелъ даже до Бучинскаго, который писалъ Лжедимирию, что худая молва разнесишя о немъ въ Польшу, что гордые паны сильно негодуютъ на него за домогательство его о новомъ титулѣ, и что одинъ изъ нихъ, а именно воевода Познанскій, не обвиняясь говорилъ о смѣходоспойной надменности, съ ка-

ковою онъ самъ себя называлъ *непобѣдимымъ*, и пакже о томъ, что въ самой Москвѣ уже *догадываются, что онъ за человекъ*.

Письмо Бучинскаго къ Лжедимирию изъ Кракова оль Января 1606.

Казалось что значная сумма денег, привезенная Бучинскимъ Мнишку, не оставляла никакого предлога воеводѣ еще мѣшкапъ своимъ опѣздомъ въ Россію. Дѣйствительно, Марина выѣхала изъ Промника 11-го Января 1606 года, но вмѣсто того чпобы направиться прямымъ путемъ, черезъ Сандомиръ, Люблинъ и Брестъ къ Слониму, гдѣ ее ожидалъ Власевъ, она поѣхала съ опцемъ своимъ въ имѣніе его Самборъ. Открылись обоюдныя неудовольствія. Самозванецъ оскорблялся, что неѣспа его не опвѣчаетъ на его письма и не оказываетъ ни малѣйшей готовности поспѣшашъ къ нему. Мнишекъ съ своей стороны жаловался, что присланныхъ денегъ не достаточно ему для уплаты долговъ своихъ, и выговаривалъ разспригъ, что держитъ у себя въ наложницахъ Царевну Ксенію. По послѣднему предмету Ажедмитрій пѣмъ охотнѣе согласился сдѣлать ему должное удовлетвореніе, что онъ скучалъ уже Ксенію. Постриженная подъ именемъ Ольги, она была отправлена въ монастырь, гдѣ печальная жизнь ея продолжалась еще 16 лѣтъ. Безъ невольнаго содроганія нельзя помыслить объ ужасныхъ превращеніяхъ ея судьбины. Одаренная опъ природы необычайною красотою и привлекапельными свойспвами ума и сердца, она цвѣла беззаботно подъ сѣнію родительской любви. Все предвѣщало ей блиспапель-

Дневникъ
Марилы.

Письмо Станислава Бучинскаго къ Мнишку изъ Москвы отъ 27-го Декабря 1605.

Грамота Ажедмитрія тому же изъ Москвы отъ 29-го Января 1606.

Письмо Мнишка къ Самозванцу изъ Кракова отъ 25-го Декабря 1605, изъ Мнишка отъ 4-го

Апрѣля и пѣмъ Борисова отъ 8 го Апрѣля 1606.

Надгробная надпись въ Троицко-Сергіевомъ монастырѣ.

ную будущность. Уже попечительный Борисъ располагался навсегда упрочить ея благоденствіе, пріисканіемъ для нее достойнаго жениха. Выборъ его палъ на юнаго Герцога Іоанна, роднаго брата Христіерна IV Короля Датскаго. Герцогъ, сапожный и радушный выпязъ, понравился Царевнѣ, которая всесо ожидала брака. Но не на радость обречена была Ксенія! Первымъ испытаніемъ было для нее болѣзнь и кончина жениха. За симъ ударомъ рока слѣдовали еще люпѣйшіе. Переживъ гибель отца, матери и брата, прелестная дѣва вынужденною была позорно удовлетворять преступнымъ желаніямъ убійцы милыхъ сердцу ея ближнихъ. Кпо можетъ исчислить душевныя перзанія ея въ объятіяхъ злодѣя! Къ довершенію ея бѣдспвій, смерть не спѣшила положить конецъ ея спраданіямъ, и осужденная влачить жизнь свою еще многіе годы, она долго помилась воспоминаніями о поспыдной и гореспной учаспи своей. Неисповѣдимый гнѣвъ Божій спрашно разражался надъ несчастнымъ семейспвомъ злодѣйски власполюбиваго Бориса.

Однако Мнишекъ все еще оставался въ Самборѣ, или дѣйствительно занимаясь необходимыми пригопвленіями, для снаряженія огромной своей свиты, или успрашенный и до него доходившимъ опголосокомъ Московскихъ полковъ. Власевъ,

болѣе мѣсяца бесполезно ожидавшій его съ невѣ-
спою въ Слонимѣ, рѣшилъ наконецъ самъ ѣхать
къ нему въ Самборъ, дабы лично объяснитъ, что
дальнѣйшее мешканье, раздраживъ Самозванца, мо- ^{Дневникъ}
жетъ быть вредно для собственннхъ его выгодъ. ^{Маринѣ.}
На сей разъ его увѣщанія не оспались безуспѣш-
ными. Маринна выѣхала изъ Самбора 20-го Фе-
враля, въ сопровожденіи отца, брата, Власьева,
Бучинскаго и множества родныхъ и знакомыхъ
своихъ.

Хотя весенняя распушица и шрудность продо-
вольствія для многочисленной свиниы всѣхъ сихъ
пановъ, представляли большія препятствія въ пу-
ти, однако огромный обозъ подвигался довольно
поспѣшно по направленію Люблина, Слонима,
Минска и Орши. Дорогою Мнишекъ получилъ
еще изъ Россіи 35,000 злотыхъ (по же нынѣш-
нихъ серебряныхъ рублей), да кромѣ того Само-
званецъ прислалъ Маринѣ 5,000 червонцевъ. — Въ
слѣдъ за невѣсною, Король Сигизмундъ отправилъ ^{Письмо Са-}
также въ Москву великихъ пословъ своихъ, Ни- ^{мозванца къ}
колая Олсеницкаго Кашпеляна Малагоскаго, и ^{Бучинскому}
бывшаго уже въ Россіи, Александра Гонсѣвскаго, и ^{изъ Москвы}
старосту Велижскаго. ^{отъ 28-го}
^{Февраля}
^{1606.}

Пока все сіе происходило въ Польшѣ, безраз-
судность Лжедимитрія все болѣе и болѣе умно-
жала негодованіе Русскихъ и подозрѣнія ихъ на счепъ

его самозванства. Съ безпокойствомъ замѣчали что онъ посѣщая другія церкви и обители, ни когда не бывалъ въ Чудовъ монастырь, къ коему дѣлаемые предки его имѣли всегда особенное благоговѣніе. Также шептали между собою, что Пафнуцій, Мипрополищъ Круницкій, бывшій Архимандритомъ въ Чудовъ, когда монашески воевалъ намъ Опрельевъ, хорошо узналъ подъ Царскимъ вѣщомъ юнаго инока своего, но молчалъ единственно онъ спреха.

Александръ, извѣщенный о неблагопріятномъ для него народномъ говорѣ, и соображая оный съ полученными имъ предостереженіями изъ Польши отъ Мишка и Бучинскаго, призналъ необходимымъ опложивъ прежнюю довѣрчивость свою. Не смѣя уже полагаться на любовь подданныхъ, онъ вздумалъ, для удержанія ихъ въ повиновеніи, усиливъ власть свою особенною преданностію къ себѣ военныхъ людей. Въ семъ намѣреніи, онъ сталъ охотно ласкать и награждать спрыльцевъ, въ Москвѣ находящихся. Но и сего не починалъ онъ достаточнымъ для личной безопасности своей. Спрыльцы были Русскіе, и потому, не смотря на всѣ милости его, могли бытъ увлечены общимъ мнѣніемъ своихъ соотечественниковъ. Еще надежѣе ему казалось окружить себя иноземными шлохранищцами. Въ Январѣ

Légende de la
vie et de la
mort de De-
metrius.

Беръ и Мар
жереть.

1606 года онъ набралъ 300 Нѣмцовъ и раздѣлялъ ихъ на три сотни, изъ коихъ одна спрѣжковая, была подъ начальствомъ Француза Маржереша; другіе двѣ состояли изъ алебардчиковъ, и имѣли начальниками Лифляндца Кнупсена и Шотландца Вандемана. Всѣ они получали большое жалованье, были богато одѣшны и смѣнялись черезъ сушки, такъ что ежедневно половина изъ нихъ находилась бесплатно при Лжедимитріѣ. Даже когда Самозванецъ ѣздилъ по улицамъ, то и шупъ всегда являлся окруженнымъ сими иноземными Палачами. Спражками, которые не допускали къ нему и самихъ Русскихъ бояръ, вынужденныхъ слѣдовать за ними.

Разсприга, полагая, что совершенно обезопасилъ свою особу, почти ни о чемъ болѣе не спалъ помышлялъ, какъ о весельи и забавахъ. Во дворцѣ не преспавали пляски, музыка и игра въ зѣрнь. Всякой день долженъ былъ казаться праздничнымъ. Въ угожденіе ему не только вельможи, но даже и простояюдны вынуждены были не по состоянію своему прапиться на наряды. Никто въ скромной одеждѣ къ нему доступа не имѣлъ; даже и на улицахъ онъ не любилъ встрѣчаться людей не въ богатыхъ нарядахъ. Самозванецъ думалъ, что наружная веселость означастъ благоденствіе народное.

Маржереть.

Легкомысліе его по крайней мѣрѣ не всегда оказывалось злонравнымъ. Годуновъ, во все время своего могущества, не позволялъ женишься Князь-амъ Федору Ивановичу Мстиславскому и Василию Ивановичу Шуйскому, дабы не умножались уваженія, которыми они пользовались въ народѣ, и которое и безъ того уже казалось ему нѣсколько опаснымъ. Князья сии, хотя въ преклонныхъ лѣтахъ, скучали своимъ одиночествомъ. Они просили Самозванца не препятствовать имъ вступить въ бракъ. Леонидъ охотно согласился удовлетворить ихъ желанію, что при семъ открывался новый случай къ любимымъ имъ пиршествамъ. Князь Мстиславскій взялъ въ супружество двоюродную сестру Царицы Марыи, а Князь Шуйскій помолвилъ на Княжну Буйносову, также свойственницу Нагихъ.

Упоная въ забавахъ, Самозванецъ не менѣе того помышлялъ и о воинской славѣ. Успѣхъ борьбы его съ Борисомъ, хотя единственно основанный на измѣнѣ, такъ усилилъ врожденную въ немъ самонадѣянность, что онъ дѣйствительно считалъ себя непобѣдимымъ, и хотѣлъ всему свѣту выказать свое богатство. Въ то время Турецкая Имперія была еще во всей полнотѣ своего могущества, и сношенія ея съ Россією, хотя не совсемъ пріязненныя, не подавали однако повода къ

явному разрыву. Не смотря на сіе Лжедимишрій, изъ одного самохвальства, гоповиля объявить войну Опшоманской Порты, не жалѣя важныхъ пожертвованій, коимъ безъ нужды подвергалъ свое государство. Разосланы были повелѣнія для сбора, по веснѣ, значительнаго войска у Ельца, куда уже Палицынъ. взяли множество пушекъ. Другая рать, плавная, назначалась для спуска по Дону. Въспѣвъ съ пѣмъ, Лжедимишрій искалъ содѣйствія прочихъ державъ, сосѣдственныхъ съ Турками. Порта уже вела войну съ Шахомъ Персидскимъ за Грузію, и съ Римскимъ Императоромъ за Венгрію и Седмиградскую землю; но Императоръ оказывалъ большую склонность къ примиренію. Лжедимишрій назначилъ посольство къ Шаху, чшобы уговориться съ нимъ о обоюдныхъ дѣйствіяхъ противъ общаго непріятеля, а съ другой стороны онъ писалъ къ Папѣ, Письмо Рагони къ Самозванцу изъ Кракова отъ 25-го Февраля 1606. прося его ходатайства не только на удержаніе Императора отъ преждевременнаго мира, но даже на побужденіе его къ заключенію пѣснаго наступательнаго союза съ Польшею и Россією, для подавленія вѣчнаго врага христіанства. Но Польскій Король уклонился отъ участія въ семъ предиріятіи подѣ предложомъ, что по врожденному отвращенію не легко Полякамъ дружитья съ Нѣмцами, и что не вѣроятно, чшобы всѣ Имперскіе чины согласились принять обязательство не только со-

вокупными силами поддерживать Императора, но даже ни въ какомъ случаѣ опдѣльно опгъ Польши не мириться съ Порпою, безъ каковаго завѣренія Польша подверглась бы опасности—быть оставленною на жершву Туркамъ. Папскій Нунцій Рангопи, извѣщая Самозванца о семъ Сигизмундовомъ опзывѣ, писалъ къ нему, что въ сихъ обстоятельствахъ Папа находипгъ полезнымъ ограничиться обращеніемъ Русскихъ и Польскихъ силъ на истребленіе Крымскихъ Ташаръ, чѣмъ, пакъ сказашь, обрѣжущя крылья у Порпы, и слѣдственно нанесеня ей сильный ударъ, съ соблюденіемъ прямыхъ выгодъ обѣихъ участвующихъ въ семъ подвигѣ Государствъ, которымъ не предпавлялось другаго средспва для обезопасенія навсегда предѣловъ своихъ опгъ безпрестанныхъ хищническихъ нападсній гнусно-безпокойныхъ сосѣдей сихъ. Въ семъ же смыслѣ Рангопи объяснялся и съ Поляками на собранномъ въ Краковѣ сеймѣ. Должно признашья, что Папское предложеніе было основано на благоразумныхъ и дальновидныхъ соображеніяхъ, но оно, кажешя, не понравилось разспригъ, который въ затѣваемомъ имъ предпріятіи искалъ не настоящихъ выгодъ Россіи, но выказыванія на обширномъ поприщѣ своихъ рапныхъ качеспвъ.

Намѣреніе его было начашь походъ взяпиемъ

Азова. Дабы ознакомить главных Русских военачальниковъ съ осаднымъ искусствомъ, онъ приказалъ обвести ледяною крѣпостью Вязомской Беръ-монастырь, лежащій въ 57-ми верстахъ отъ Москвы, и прибылъ туда съ Нѣмецкими штабштрахтмейстерами, двумя опрядами Польской конницы и всеми боярами и знатными чиновниками Русскими. Защищать крѣпость поручено было Русскимъ, а Самозванецъ самъ повелъ Нѣмцевъ на приступъ. Съ обѣихъ сторонъ снѣжные комья должны были замѣнять оружіе; но Нѣмцы, избалованные всегда оказываемою имъ Лжедимириемъ пощачкою, преврашили пошѣху въ кровавую драку. Они вмѣстѣ съ снѣгомъ спали бросать въ Русскихъ камнями, и переранили многихъ бояръ. При столь неравномъ боѣ, не трудно было одолѣть защитниковъ крѣпости. Разсприга первый ворвался въ оную, и воскликнулъ: *Дай Боже взять со времени такими же образомъ и Азовъ!* Подали всѣмъ пива, меду и вина, а между пѣть Самозванецъ велѣлъ готовиться къ продолженію рашной пошѣхи, но ему донесли, что Русскіе, ожесточенные ввроломствомъ Нѣмцевъ, запасаются для опмщенія длинными ножами. Успрашенный Царь приказалъ прекратить опасную игру и возвратился въ Москву.

Пренебрегая очевидными признаками народнаго

къ себѣ охлажденія, Лжедимитрій, какъ будто умышленно, изыскивалъ новыя средства къ возбужденію противъ себя всѣхъ сословій. Самое много въ Россіи тогда уважаемое духовенство не избѣгло его притѣсненій, сопряженныхъ съ явнымъ и оскорбительнымъ нарушеніемъ правъ собственности. Арбацкіе и Черпольскіе священники были выгнаны изъ своихъ домовъ, для помѣщенія въ оныхъ Нѣмецкихъ пѣлохранищелей, которыхъ Самозванецъ хотѣлъ имѣть даже и внѣ службы по близости Кремля. Но симъ частнымъ угнѣпшеніемъ духовныхъ лицъ не ограничился Лжедимитрій. На приуготовленія къ замышляемому имъ походу требовались издержки, для коихъ уже не доставало беспутно истощенной имъ Царской казны. Для пополненія оной, сперва онъ занималъ безвозврат-

Гревенбрухъ,
Légende и
Беръ.

но деньги въ богатыхъ монастыряхъ, а наконецъ рѣшился захватить монастырскія имѣнія. По приказанію его всѣ обители были осмопрѣны, и составлены вѣдомости о ихъ доходахъ и о цѣнности ихъ вѣщинъ, изъ коихъ за ними оставлены только необходимыя для содержанія монаховъ, всѣ прочія были опобраны въ казну, а доходы съ нихъ обращены на жалованье собирающемуся войску.

Мѣры сіи, совершенно противныя духу времени, умножали раздраженіе умовъ противъ Самозванца и придавали новый вѣсь разносившейся о

немъ худой молвъ. Лжедимитрій, уже опложив-
 шій прежнее милосердіе, тайно, но жестоко, на-
 казывалъ шѣхъ, кои называли его разспригою.
 Многихъ изъ нихъ заключали въ темницы; другихъ Палачишъ.
 же попили въ ночное время. Но безпрестанно
 являлись новые обличители, которые, съ безстра-
 шіемъ повпоря рѣчи прежнихъ, волновали народъ,
 указывая въ особенності на склонность Само-
 званцеву къ пренебреженію церковныхъ обрядовъ
 и правъ духовенства. Даже среди самихъ спръль-
 цовъ, весьма имъ ласкаемыхъ, нашлись люди, ко-
 торые порицали его въ раззореніи православной
 вѣры. Одинъ изъ ихъ поварихей донесъ о помѣ
 Басманову, а Басмановъ самому Лжедимитрію, ко-
 торый, призвавъ во дворець Спрѣльцевъ всѣхъ
 приказовъ, посадивъ передъ ними обвиняемыхъ,
 числомъ семь человекъ, и жаловался на ихъ дерз-
 новеніе. Тогда Спрѣлецкій голова Григорій Мику-
 линъ, подученный Самозванцемъ, воскликнулъ: *Осво-* Никоновская
боди, Государь, мнѣ, я у тѣхъ твоихъ Государевыхъ Летопись, и
измѣнниковъ не только что головы покусая, и че- показанія Бу-
рева изъ нихъ своими зубами повытаскала. чинскихъ въ
 Сказавъ Мавъ 1606.
 сіе, Микулинъ мигнулъ спръльцамъ, которые въ
 доказательство своей преданности бросились на
 несчастныхъ, и всѣхъ семерыхъ изрубили въ куски.
 За сей доспойный палача подвигъ Микулинъ былъ
 пожалованъ въ думные дворяне.

Въ то же время подвергнулся опалѣ прослудшій слѣпецъ, Царь Симеонъ. Сей Тапаринъ по роду, былъ Русскимъ по сердцу и по духовному убѣжденію. Благодарноснѣ къ Самозванцу, воропившему его изъ ссылки, заглашалась въ немъ омерзениемъ, внушаемомъ ему описупленіями Лжедмитрія опъ обрядовъ церковныхъ и свѣтскихъ Русскаго народа. Онъ въ бесѣдахъ своихъ, увѣщевалъ посѣщавшихъ его, не предаваться папезскимъ новизнамъ и крѣпко стоять за православіе. Разгнѣванный Самозванецъ сослалъ его въ Кириловъ монастырь, гдѣ онъ былъ посприженъ подъ именемъ Стефана.

Никоновская
Лѣтопись и
Грамота
Лжедмитрія
въ Кириловъ
монастырь
отъ 29-го
Марта 1606.

Палицынъ.

Спрогоспи сіи не удерживали ревнипелей о вѣрѣ, копорые по примѣру первыхъ спрадалицевъ за правду, смѣло проповѣдывали оную. Замѣчательнѣйшимъ изъ нихъ явился дякъ Тимофей Осиповъ; сей мужъ по добродѣтели своей всѣмъ уважаемый, гоповаясь на опважное дѣйспвіе, говѣлъ и причаспился Святыхъ таинъ. Попомъ пошелъ во дворець и допущенный до Самозванца, всенародно воскликнулъ: *Ты во истину Гришка Отрепьевъ, разстрига, а не непобѣдимый Цесарь, ни Царевъ сынъ Дмитрій, но грѣху рабъ и еретикъ.* Лжедмитрій, пылая яростію, приказалъ немедленно умерпвипъ Осипова.

Расположеніе умовъ было уже шакъ неприязненно

для Самозванца, что не только смѣлые спраспо-
терпцы, но даже самые уклонные царедворцы какъ
бы напрашивались на гнѣвъ его. Вѣрнѣйшимъ при-
знакомъ близкаго паденія правителей бываетъ то,
когда заслуженная опъ нихъ опала возвышаетъ
людей въ общемъ мнѣнн, и дѣлается предметомъ
желаній честолюбцевъ. Думный дворянинъ, Михай-
ло Игнашьевичъ Тапищевъ, всегда считался пре-
даннѣйшимъ изъ слугъ Лжедимипрія, но и онъ, Маржереть и
сказаніе ежо
содѣяся.
послѣ умерщвленія спръльцевъ, совершенно пере-
мѣнилъ свое обхожденіе съ нимъ, и спалъ оказы-
вать ему прошивноспись. Вскорѣ представился Та-
пищеву случай прерѣканіемъ своимъ высказать
Самозванцеву безразсудность съ весьма невыгодной
спороны. За обѣденнымъ споломъ, коимъ въ Чеп-
вергъ на шестой недѣль великаго поста разспри-
га угощаль многихъ знапныхъ особъ, подали жа-
реную пеляшину. Князь Василій Ивановичъ Шуй-
скій, копорый также самъ спарался давать воз-
можную гласность неприличнымъ поступкамъ
Лжедимипрія, сказалъ ему, что ѣсть мясо въ
поспъ прошивно церковному правилу, и что кро-
мъ пого Русскіе во всякое время гнушаются пеля-
чьимъ мясомъ. Такъ какъ Самозванецъ принялся
возражать Шуйскому, то Тапищевъ заступился
за Князя, и говорилъ такъ дерзко, что выведен-
ный изъ терпѣнн Лжедимипрій, приказаль вы-

гнашь его и даже намѣревался сослать на Вяпку. Но Басмановъ, ежечасно спаравшійся исправлять по возможности ошибки Лжедимитрія, предсавилъ ему, что наказаніе Тапищева неминуемо будетъ принято Русскими въ видѣ новаго опыта гоненій на приверженниковъ къ успавамъ православной церкви и къ обычаямъ народной спарины. На сей разъ Самозванецъ послушался его, и въ день праздника Пасхи Тапищевъ получилъ прощеніе.

Хотя происшествія сіи тайно волновали споллицу, но по наружности она пребывала спокойною, пакъ какъ и большая часть Государства, кромѣ воспочныхъ областей онаго, гдѣ открылись важныя неустройства. Терскіе Козаки, возбужденные примѣромъ товарищей своихъ, Донцовъ, получившихъ много добычи во время возспанія своего за Лжедимитрія, вздумали также искать счастья въ грабительствѣ, въ большомъ размѣрѣ произведенномъ. Сначала думали они ипши на Куру-рѣку, громить Турецкихъ подданныхъ,

Грамота Царя Василья Ивановича въ Соль-Вычегодскую изъ Москвы отъ 19-го Октября 1607 и Дѣла Польскія въ Архивѣ иностранныхъ дѣлъ.

а если удачи шупъ не будетъ, то предложипъ услуги свои Персидскому Шаху Аббасу. Но вскорѣ мысли ихъ получили другое направленіе. Мупившіе ихъ зачинщики говорили: *Государь насъ хотѣлъ пожаловати, да лихи бояре, переводятъ жалованье бояря, да не дадутъ жалованья. Слѣдствіемъ сихъ на-*

уцненій было, что присла изъ удалѣйшихъ Козаковъ, подѣ начальствомъ Ашамана Федора Бодырина, условились между собою дать себѣ собственнаго Государя, именемъ коего они надѣялись придать своимъ безчинствамъ нѣкоторый видъ законности въ глазахъ простонародной черни. Для исполненія сего новое самозванство казалось имъ вѣрнѣйшимъ орудіемъ, и потому они стали разглашать, что въ 1592 году Царица Ирина родила сына Петра, но что Годуновъ, коего власнолюбивые замыслы распространялись появленіемъ законнаго наследника престола, подмѣнилъ Царевича дѣвочкою Федосією, вскорѣ послѣ того скончавшеюся. Мятежники нѣсколько времени колесбались въ выборѣ лица, долженствующаго представлять мнимаго Царевича. Два молодые Казацкіе товарищи, Астраханецъ Дмитрій и Муромецъ Илья, были признаны способными къ сему дѣлу. Но Дмитрій опспранилъ опѣ себя опасную почесть, опзываясь, что такъ какъ онъ не бывалъ никогда въ Москвѣ, то и не имѣетъ никакого понятія ни о тамошнихъ дѣлахъ, ни о Царскихъ обычаяхъ. Уважая сіи причины, общимъ приговоромъ положили Ильѣ быть Царевичемъ. Сей юноша, уже съ младенчества вовлеченный въ жизнь предприимчивую и спранствующую, былъ незаконнорожденный сынъ Муромскаго жителя, Ивана

Коровина. Послѣ смерти его отца и матери, Нижегородскій купецъ Грозилниковъ взялъ его къ себѣ въ Нижній въ сидѣльцы. У Грозилникова онъ оставался три года, въ печеніи копорого времени былъ посыланъ въ Москву, и жилъ тамъ пять мѣсяцевъ. Послѣ того онъ нѣсколько лѣтъ находился въ спруговыхъ батракахъ на Волгѣ, Камѣ и Вяткѣ, между Нижнимъ, Аспраханью и Хлыновымъ, а въ 1603 году ходилъ въ Казакахъ до Тарковъ при войскѣ окольничаго Бупурлина, посланнаго противъ Шамхала Кумыцкаго. Въ Таркахъ онъ нанялся въ спрѣльцы на мѣсто заболѣвшаго племянника одного спрѣлецкаго пятидесятника. Въ слѣдующемъ году, по возвращеніи въ Терскій городъ изъ сего похода, для Россіянъ и ихъ вождя споль же славнаго сколь и пагубнаго, Илья вошелъ въ услуженіе къ Григорію Елагину, у копорого и зимовалъ. Лѣпомъ же онъ поѣхалъ въ Аспрахань и тамъ опять вступивъ въ Казаки, отправился на Терекъ въ опрядѣ Казачьяго Головы Аванасія Андреева. Всѣ сія похождения ясно показываютъ, что Ильѣ опъ роду не могло быть менѣе 20-ти лѣтъ, а мнимому Царевичу еще не минуло бы и 14. Но сія лѣтосчислительная несообразность не остановила Бодырина Казаковъ, копорые отвезли Царевича своего къ Казачьему Апаману, Гаврилъ Пану, живущему въ городкѣ на Быспрой, по близости

Терскаго города. Терскій воевода, Пётръ Головинъ, извѣспившись о появленіи сего новаго Самозванца, послалъ приглашашъ Казаковъ, чшобы отослани его къ нему въ городъ, но Козаки не выдали его и напрошивъ шого немедленно удалились, спустившись на спругахъ до моря, гдѣ остановились на оспрову, лежащемъ прошиву устья Терека. Тупъ къ первымъ премъ спамъ мяшежникамъ пристали и всѣ прочіе Терскіе Козаки, съѣхавшіеся на оспровъ изъ Юрпъ своихъ. Напрасно воевода Головинъ увѣщевалъ ихъ, не обнажатъ границы и оставипъ по крайней мѣрѣ половину Казаковъ на Терскѣ; они не послушались и всѣ числомъ до 4,000, направились къ Астрахани. Такъ какъ ихъ не впустили въ сей городъ, по они миновавъ оный, поплыли вверхъ по Волгѣ, упражнясь въ разбойничествѣ. Въ особенноти много преперпѣли отъ нихъ купцы, шоргующіе черезъ Астрахань съ Персією, такъ что добычу ихъ цѣнили въ 300,000 рублей (1,000,000 нынѣшнихъ серебряныхъ. Лжедимитрій съ безпокойствомъ расчипывалъ, что появленіе новаго обманщика можешъ поселипъ недовѣріе къ прежнему, и пошому почипалъ необходимымъ немедленно искоренишъ соперника. Но Самозванецъ не посмѣлъ открито дѣйствовать прошивъ Самозванца. Разсприга приѣгнулъ къ лукавству: онъ послалъ

Третьяка Юрлова, зваць Царевича въ столицу и объявишь ему, что приказано взять нужныя мѣры для обезпеченія его продовольствія на пути. Юрловъ заспалъ его въ Самарѣ. Безразсудные Казаки повѣрили, что Опрельевъ готовъ удѣлиться престоломъ съ мнимымъ племянникомъ своимъ, и спѣшили вверхъ по Волгѣ двинуться къ Москвѣ.

Въ сіе время столица находилась въ ожиданіи прїѣзда Царской невѣсты. Осьмага Апрѣля, Марина вспутила въ предѣлы Россіи, и на мосту ручья, образующаго границу, была встрѣчена чепырьмя Русскими чиновниками. Хотя многіе изъ сопровождавшихъ се Польскихъ пановъ воропились съ дороги, устращенные всеннимъ распушьемъ, однако въ свитѣ ея было еще болѣе двухъ тысячъ, по большой части вооруженныхъ людей, что представляло видъ довольно значительнаго воинскаго отряда *. Не доѣзжая Смоленска, въ де-

Дневникъ
Маршыл.

* *Примѣчаніе.* Прилагаемъ списокъ всѣхъ особъ, въѣхавшихъ въ Россію съ Мариною:

	челов.	лошад.
1. Марина, при ней	251	251
2. Отецъ ея Юрій Мнишекъ, воевода Сендомирскій, при немъ	445	411
3. Воеводинъ братъ, староста Красноставскій, при немъ	107	115
4. Воеводинъ зять, Князь Константинъ Вишневецкій, при немъ	215	255
5. Воеводинъ сынъ, Янъ Мнишекъ, Староста Сапоцкій, при немъ	415	411

ревнѣ Лубнѣ, Марина была привѣтствована давно ожидавшими ее въ Смоленскѣ бояриномъ Княземъ Василюемъ Михайловичемъ Рубцомъ-Мосальскимъ и

6. Воеводинѣ племянникѣ, Павелѣ Мнишкѣ, Староста Луховскій, при немъ .	челов.	лошад.
	87	96
7. Панѣ Тарло, Хорунжіи Пржемыслскій, съ супругою, при немъ	21	69
8. Панѣ Мартинѣ Стадницкій, при немъ .	36	33
9. Панѣ Георгіи Стадницкій, при немъ .	21	24
10. Панѣ Самуилѣ Баль, при немъ	29	30
11. Панѣ Павелѣ Тарло, при немъ	9	10
12. Панѣ Нѣмоевскій, Постолій Коронный, при немъ	15	13
13. Францискѣ Помаскій, Каноникѣ Плоцкій, Секретарь Королевскій, при немъ . .	16	17
14. Панѣ Вольскій, при немъ	20	19
15. Панѣ Броневскій	8	7
16. Панѣ Станиславѣ, Помаскій Подкоморій, при немъ	11	12
17. Панѣ Корытко, при немъ	10	10
18. Панѣ Любомирскій, при немъ	12	12
19. Панѣ Ясеновскій, при немъ	11	12
20. Панѣ Петрѣ Домарацкій, при немъ . .	9	15
21. Пять монаховъ, при нихъ	16	16
22. Панья Тарлова, старостина Сохачевская, при ней	50	45
23. Панья Казановская, при ней	19	19
24. Панья Гербуртова, при ней	24	17
25. Еще при Воеводѣ Мнишкѣ Армянѣ и купцовъ	12	16
Всего . . 1869 1935		

Кромѣ того болѣе 300 человекъ и столько же лошадей, не принадлежащихъ собственно къ свитѣ, вхали также при обозѣ.

Царицынымъ свойспвенникомъ Михайломъ Александровичемъ Нагимъ. Съ сими сановниками Лжедимитрій прислалъ невѣстѣ своей 54 бѣлыя лошади съ бархатными шорами, и три кареты, обитыя внутри соболями. Царица съѣла въ одну карету, запряженную двѣнадцатію лошадьми; другая карета съ десятию лошадьми слѣдовала за нею, а въ прѣшсей, съ осмию лошадьми, ѣхали сопровождавшія ее дамы. Остальныхъ лошадей вели въ поводахъ. Марина продолжала путь свой черезъ Смоленскъ, Дорогобужъ и Вязму не безъ нруда, по причинѣ полноводія, хотя дороги и были исправлены по возможности. Польскіе послы пересѣхали границу только 16-го Апрѣля, и направились тѣмъ же путемъ; при нихъ также находилась многочисленная вооруженная свита.

Дневникъ
Польскихъ
пословъ Оль-
сницкаго и
Косцвскаго.

На пути Поляки много буянили и обижали Русскихъ жипселей, такъ что воевода вынужденъ былъ назначить судей, для обузданія спрощивыхъ. Но сія мѣра не имѣла успѣха, и къ своевольству пріобыкшіе люди мало слушали судей. Такимъ образомъ весьма естественна, что между необузданными Поляками и огорченными Русскими жипселями усилилось врожденное опвращеніе.

Дневникъ
Маришы.

Девятнадцатаго Апрѣля невѣста достигла Вязмы. Туть воевода распался съ дочерью своей и поѣхалъ впередъ съ сыномъ, зашемъ и пле-

мянникомъ, взявъ съ собою небольшое число служителей. Симъ исполнялъ онъ желаніе Лжедимирія, приглашавшаго его ускоришь прибытіемъ въ столицу, дабы уговориться о приготовленіяхъ къ свадьбѣ, и о необходимыхъ при оной обрядахъ.

Воевода прибылъ въ Москву 24-го числа. Самъ онъ и сопутствующіе ему три знатные Поляка ѣхали верхомъ на посланныхъ опъ Царя великолѣпно убранныхъ лошадяхъ. Еще за двѣ версты опъ города выѣхалъ къ нему на встрѣчу верхомъ Бояринъ Басмановъ, въ богапомъ гусарскомъ плащѣ, кошорый съ окружающею его многочисленною толпою знатныхъ людей и Московскихъ дворянъ, проводилъ новопрїѣзжихъ до изгопвленного для нихъ дома.

На другой день былъ торжественный прїемъ воеводѣ у Лжедимирія. Разсприга сидѣлъ на ^{Паерле и} тронѣ, въ одеждѣ, унизанной жемчугомъ, съ ал- ^{Дневникъ} ^{Маринь.} мазнымъ и лаловымъ ожерельемъ, на коемъ висѣлъ изумрудный креспъ; въ правой рукѣ онъ держалъ скипетръ, а голова его была украшена высокою короною, осыпанною драгоценными камнями. Тронъ изъ чистаго серебра съ позолопою, вышиною въ три локтя, находился подъ балдахиномъ, соспавленномъ изъ чепырехъ щиповъ, крестообразно положенныхъ, надъ коими возвышался круглый шаръ, поддерживающій двуглаваго орла изъ

чистаго золоша. Надъ креслами висѣла икона Богоматери, украшенная драгоценными каменьями. У подножія прона на углахъ лежали серебряные львы, величиною съ волка, на коихъ утверждались круглые столбы. Отъ щипомъ надъ передними столбами, висѣли съ каждой стороны по кисти изъ жемчугу и драгоценныхъ каменьевъ, въ числѣ коихъ находился попазь, величиною болѣе гречскаго орѣха. На двухъ высокихъ серебряныхъ ножкахъ спояли грифы, касаясь столбовъ. Ведущія къ прону при спуски были покрыты золопою парчею. Съ обѣихъ сторонъ спояло подва рынды, съ желѣзными бердышами на золопыхъ рукояшкахъ, въ бархатной бѣлой одеждѣ, подбитой и обложенной горноспаями, въ бѣлыхъ сапогахъ и съ золопыми цѣпями на груди. По лѣвую руку Царя споялъ Князь Михаилъ Шуйскій - Скопинъ съ обнаженнымъ мечемъ, въ парчевой одеждѣ, подбитой соболями, а за Царемъ Власьева сынъ въ богатомъ кафтанѣ, имѣя въ рукахъ плапокъ. Справа сидѣлъ въ креслахъ Патріархъ, въ черной бархатной рясѣ, выложенной по краямъ въ ладонь шириною жемчугомъ и драгоценными камнями. Передъ нимъ служка держалъ на золопомъ блюдо кресль и серебряную чашу съ свяпою водою. Ниже Патріарха помѣщались на лавкахъ семь Архіепископовъ и Епископовъ, а за ними болре и дворяне, кои так-

же сидѣли и на лѣвой сторонѣ прона. Персидскіе ковры покрывали полъ и скамьи.

Мнишекъ, увидѣвъ прирѣннаго имъ пришельца во всемъ блескѣ Царскаго Величества, невольно смутился, и только по нѣкоторомъ молчаніи поклонился Лжедимитрію и поцѣловалъ его руку. Потомъ говорилъ ему рѣчь, гдѣ превозносилъ его достоинства и счастье своей дочери, не упустилъ однако дѣлать намеки на прежнюю ничтожность, изъ коей онъ вывелъ его своимъ спараніемъ и попеченіемъ. Разсприга заливался слезами. За него Мнишку опивчалъ Власевъ. Послѣ чего Самозванецъ, подозвавъ воеводу, самъ пригласилъ его къ себѣ на обѣдъ, на которъй и родственники его съ ихъ свипою были званы Басмановымъ. Споловая, обитая Персидскою голубою пканью, съ парчевыми занавѣсами у оконъ и дверей, была вся устравлена до самого потолка золотою или серебряною посудою, а изъ огромнаго серебрянаго сосуда вода кранами лилась въ при паза. Царскія кресла были покрыты черною пканью, вышитую золотыми узорами. Лжедимитрій сидѣлъ одинъ за споломъ, серебрянымъ съ позолотою, накрытымъ скаперпью, вышитую золотомъ. По лѣвую сторону опъ него, за другимъ споломъ, посадили воеводу и его родственниковъ. За прешымъ споломъ, накрытымъ напрошивъ Царскаго, помѣстили Польскихъ служи-

пелей, черезъ челоѡвка съ Русскими чиновниками, назначенными ихъ угощать. Но Бояре Рускіе сидѣли особо, по правую спорону Самозванца. На сей разъ пиршество происходило со всею спрогостию старинныхъ придворныхъ обычаевъ, съ однимъ только измѣненіемъ, что чепыремъ Панамъ подали шарелки, конхъ не водилось даѡать никому. Такъ какъ сіе происходило въ Пятницу, то кушанье все было рыбное. Хлѣба на сполахъ не находилось, но когда съли, то Царь разослалъ каждому по большому куску калача. Обѣдъ продолжался нѣскольго часовъ. Поляки удивлялись, что спольники исполняли должность свою безъ поклоновъ и даже не снимая шапокъ, а только слегка наклоня голову. По окончаніи спола закусокъ не подавали, а только принесли небольшое блюдо съ сливами, которыя Царь своеручно раздавалъ спольникамъ въ награжденіе за ихъ службу.

Въ слѣдующій день Паны послѣ обѣда были приглашены во дворець, гдѣ играли сорокъ музыканповъ Яна Мишки. Подавали множество напипковъ и веселились до самаго вечера. Разсприга нѣскольго разъ переодѣвался по по гусарски, по по Русски. Гусарскій нарядъ его сосполялъ изъ парчеваго полукафтанья и краснаго бархатнаго долмана, усыпаннаго жемчугомъ, съ краснымъ исподинмъ плашьемъ и сафьянными башмаками. Князь

Дневникъ
Маршны.

Вишневецкій плясалъ передъ нимъ съ Яномъ Мнишкомъ. Самозванецъ наградилъ музыкантовъ съ свойственной ему распочительностію. Онъ приказалъ выдать имъ 2,000 злотыхъ (сполько же нынѣшнихъ серебряныхъ рублей.)

28-го числа, Лжедимипрій съ госпіями своими ѣздилъ на охоту на одинадцатую версту по Смоленской дорогѣ. Выпускали многихъ звѣрей и наконецъ медвѣдя. Такъ какъ ни одинъ изъ Пановъ не отважился сразиться съ нимъ, то самъ разстрига пошелъ на него, и однимъ ударомъ рогашины убилъ его и саблею опсѣкъ ему голову. Ударъ рогашиною былъ такъ силенъ, что руколяпка оной разлетѣлась въ дребезги. Послѣ сего подвига, всѣ обѣдали по близости въ палаткахъ, пригопвленныхъ для невѣсмы. Великолѣпныя ^{Въездъ}спавки сіи, расположенныя на живописныхъ ^{Польскихъ}лугахъ, прилегающихъ къ рѣчкѣ Сѣпуни, были окружены плотняною оградой, представляющею видъ замка, съ четырнадцатью раскатами и тремя ворошами. Посрединѣ находились для Марины пять нарядныхъ шашровъ, и оснадцать другихъ наметовъ для соупниковъ ея.

^{Пословъ въ}
Москву, въ
1606 году.

Среди пировъ и забавъ, занимались и дѣломъ, для коего воевода былъ вызванъ въ Москву. Изъ начавшихъ переговоровъ съ Русскимъ духовенствомъ,

старый Мнишекъ убѣдился о необходимости не-
вполнѣ удовлетворять наставленія Нунція Ран-
гони. Положили, чпобы для наружности Ма-
рина ходила въ Греческія церкви, приняла при-
частіе отъ Папріарха и поспилась въ Среду
вмѣсто Субботы. Но по прочимъ спашьямъ она
должна была сохранятьъ обряды своей вѣры, и да-
же позволялось ей имѣть Лапинскую церковь во
внутриеннихъ покояхъ ея. Папріархъ Игнацій
изъявилъ согласіе на сихъ условіяхъ не толь-
ко благословить бракъ Марины, но даже и вѣн-
чать ее на царство, каковая почестъ допоямъ
никогда Царицамъ предоставляема не была. Прочее
духовенство безмолвствовало, кромѣ Ермогена, Ар-
хіепископа Казанскаго и Іоасафа Епископа Коломен-
скаго, которые смѣло говорили, чпо если невѣ-
ста не перекрестится въ Греческую вѣру, по
бракъ не можно будещъ почиташь законнымъ.
Непреклонные свашпшели обрапили на себя гнѣвъ
разсприги, который приказалъ выслать Ермогена
въ Казань и шамъ, лишивъ его сана, заключить
въ монастырь. Такую же учассть Самозванецъ го-
повилъ и Іоасафу.

Сказаніе еже
содѣяся.

Дневникъ
Марины.

Между шѣмъ Марина, достигшая Вязьмы, ос-
павалась шамъ нѣсколько дней, и только 29-го
Апрѣля переѣхала въ шашры, на Съшунѣ распо-

ложенные, гдѣ ожидала окончательныхъ приготовленій къ принятію ея въ столицѣ.

Въѣздъ какъ ея, такъ и Польскихъ Пословъ назначенъ былъ 2-го Мая. Самъ Лжедимитрій, скрываясь въ простой одеждѣ, распорядилъ встрѣчу. На Москвѣ рѣкѣ былъ наведенъ живой мостъ, въ маломъ разстояніи отъ коего, на правомъ берегу рѣки, раскинули два кляпчатые богатые шатра. Отъ шатровъ до моста стояли въ двѣ шеренги, по обѣимъ сторонамъ дороги, 300 Нѣмецкихъ пѣхотинцевъ Самозванца, а позади ихъ 700 стрѣльцовъ въ красной одеждѣ, испещренной разноцвѣтными кипайками, на Нѣмецкій образецъ. Отъ моста же до городскихъ воротъ, вытянулась Доморацкаго конная рота Польскихъ копѣйщиковъ, изъ 730 человекъ состоящая. Польскіе Послы въѣхали за часъ передъ Мариною. У воротъ деревянной ограды Скородума *, ихъ привѣщивали назначенные къ нимъ въ приспавы Князь Григорій Константиновичъ Волконскій и дьякъ Андрей Ивановъ, которые и проводили ихъ до опшведеннаго для ихъ жительства посольскаго двора. Вскорѣ послѣ того, Марина, съ пышною Польскою свитою своею, подъѣхала къ мосту и

Въѣздъ
Польскихъ
пословъ, Дневникъ ихъ,
Дневникъ
Марины и
Паерле.

---

* *Примѣчаніе.* Скородумомъ назывался внѣшній городъ, известный нынѣ подъ именемъ Землянаго.

вошла въ одинъ изъ изгопвленныхъ шапровъ, гдѣ предспавлялись ей до 300 Русскихъ бояръ и другихъ знапныхъ сановниковъ, одѣспыхъ въ парчевые кафшаны. Князь Мспиславскій опѣ имени всѣхъ ихъ говорилъ поздравительную рѣчь, послѣ коей подвезли великолѣпную карету, копорую Лжедимитрій дарилъ невѣспѣ своей. Высокая и огромная карета сія, успроенная на Русскій образецъ, сверху была покршпа алымъ золопнымъ гмазешомъ, а внупри обшпа соболями и вся вызолочена. У колесъ спуншцы были золоченныя, а спшцы лазоревыя съ золопными звѣздами. Спереди вмѣсто колесъ стояли два золоченые ангела, держащіе въ рукахъ розы. Верхъ кареты украшался золопнымъ орломъ, а на бокахъ испещрляли ее драгоцѣнные камни, жемчугъ и позолопа. Ее везли десяшь чубарыхъ лошадей, въ хомушахъ изъ алаго бархаша, съ серебряными вызолоченными пражками и съ шелковыми поспромками. Каждую изъ лошадей вель подѣ уздцы особый конюхъ. Когда Марина сѣла въ сію карету, то началось шеспвіе. Впереди ѣхали Царскіе дворяне и Боярскіе дѣшпи, а за ними знапные Поляки, сопуществующіе Маринѣ, за коими ѣхалъ спарый Мнишекъ, на прекрасномъ аргмакѣ, въ багряно-парчевомъ кафшанѣ, подбшпомъ соболымъ мѣхомъ; шпоры и спремена его были изъ лишаго золопа съ бирюзами. Ему при-

служивалъ Аранъ, богато одѣтый по - Персидски. Попомъ слѣдовала великолѣпная карета, въ кося въ большомъ мѣспѣ сидѣла Марина, а напрошивъ ея спароспина Тарлова. При каретѣ находились шесть гайдуковъ, въ зеленыхъ бархатныхъ кафшанахъ, съ золопымъ позуменшомъ и въ алыхъ суконныхъ плащахъ. Нѣсколько поодамъ, также по обвймъ споронамъ кареты, шли Нѣмецкіе шлохранители и спрѣльцы, близъ мосна ожидавшіе прибытія невѣсты. За первую каретою слѣдовала другая, въ которой невѣста выѣхала съ ночлега, и которая, обипая снаружи краснымъ бархатомъ, а внупри красною парчею, была везена восьмью бѣлыми лошадями въ красныхъ бархатныхъ шорахъ, коими правили возничіи, въ красныхъ апласныхъ жупанахъ и фerezяхъ. Карета сія ѣхала пустая, хопя и спояли въ ней чепыре спула, богато позолоченные и покрытые красною парчею. Въ претшней каретѣ, также запряженной восьмью бѣлыми лошадями, въ красныхъ бархатныхъ шорахъ съ серебряною позолоченною оправою, сидѣли Княжна Косырская, Хоронжина Тарлова и паньи Гербуртова и Казановская. Возничіи ихъ были въ черныхъ бархатныхъ жупанахъ и въ красныхъ апласныхъ фerezяхъ. Попомъ ѣхали двѣ линейки: одну, раззолоченную, рѣзной рабошы, обипую краснымъ бархатомъ съ золопою

бахрамою, везли шесть чубарых лошадей въ бархатныхъ зеленыхъ шорахъ, съ возничими въ зеленомъ апласномъ плащѣ; другая, обипая чернымъ бархатомъ съ вызолоченными украшеніями, была запряжена шестью карими лошадьми съ возничими въ черныхъ камчатныхъ фerezяхъ. Въ первой линіи сидѣли двѣ паньи, а во второй компанья дѣвушки Марины. Кромѣ того было еще нѣсколько каретъ, съ спарыми паньями и горничными, за коими ѣхали Польскіе гусары Марининой свиты, и наконецъ двѣ тысячи конныхъ Русскихъ спръльцовъ замыкали шествіе.

Когда Марина черезъ Курятныя воропа въѣхала въ Кншай - городъ, то загремѣли, поставленные на подмосткахъ близъ Кремлевской стѣны, 75 барабаника и столько же трубачей. Сія нескладная музыка продолжалась до пѣхъ поръ, пока невѣста не вступила въ Вознесенскій монастырь, гдѣ до свадьбы своей она должна была жить при Царицѣ Марѣ.

Беръ.

Народъ съ безпокойствомъ замѣнилъ, что во время шествія Марины черезъ городъ поднялась буря, подобная той, которая въ день вступленія Лжедимирія въ столицу уже принята была за худое предзнаменованіе для его царствованія. Московскіе жители, подозрительно сморгнувше на многочисленную вооруженную свиту Польскихъ

пановъ, были еще болѣе въпревожены, когда Поляки, по прибытіи на опшведенные имъ дворы, спали съ безразсудною гласностію выбирать изъ повозокъ своихъ множество привезеннаго ими оружія.

Самое размѣщеніе по квартирамъ сихъ непріятныхъ гостей служило поводомъ къ новому огорченію Русскихъ. Для воеводы Сендомирскаго назначили бывшій домъ Бориса Годунова въ Кремль. Другимъ же панамъ опвели по близости Кремля лучшіе дворы не только купцевъ и духовнаго званія лицъ, но даже вельможъ и самихъ мнимыхъ родственниковъ Царя, Нагихъ. Хозяева, вынужденные уступить жилища свои иноземцамъ, не безъ досады переносили причиняемая имъ разспройства и оскорбленіе. Дневникъ
Марины.
Палицынъ.

5-го Мая Ажедимитрій торжественно принималъ на провъ сперва Поляковъ Мариной свипы, а потомъ Королевскихъ Пословъ. Привѣпствія первыхъ обошлись съ должнымъ приличіемъ, но при пріемъ Пословъ произошли неуспѣшныя распри. Послы, извѣщенные спорною, что Ажедимитрій готовился опвергнуть Королевское къ нему письмо, потому что на надписи ему не давалось Цесарскаго титула, просили встрѣтившагося съ нимъ въ свняхъ грановитой палаты воеводу Сендомирскаго, чтобы онъ поспарался убъ- Дневникъ
Марины.
Дневникъ
Пословъ.

дипть нарѣченнаго зяпя своего, не дѣлашь неумѣспныхъ возраженій. Мнишекъ обѣщаль имъ упопрѣбипь на сіе всеъ возможныя усилія, и они вошли въ палапу. Думный дворянинъ Микулинъ, который ввелъ ихъ, подойдя съ ними къ шрону, произнесъ слѣдующія слова: *Всепресвѣтлѣйшій и могущественнѣйшій Самодержецъ, Великій Государь Димитрій Иоанновичъ, Божіею милостію Великій Цесарь, Князь всея Россіи, многихъ Татарскихъ Царствъ и Государствъ, Московской державъ подвластныхъ, Государь, Царь и обладатель! Всепресвѣтлѣйшаго и Великаго Государя Сигизмунда третьяго, Божіею милостію Король Польскаго Великаго Князя Литовскаго, Послы Николай Олесницкій и Александръ Гонсьвскій, бьютъ челомъ у престола Вашего Царскаго Величества. Тогда Олесницкій, поклонившись сказалъ: Всепресвѣтлѣйшій, Великій Государь Сигизмундъ третій, Божіею милостію Король Польскій, Великій Князь Литовскій, Прусскій, Жмудскій, Мазовецкій, Кіевскій, Волынскій, Подольскій, Лифлэндскій, Эстляндскій и другихъ, наслѣдный Король Шведскій, Готтскій, Вандальскій, Князь Финляндскій и иныхъ земель, благоволишь послать насъ, пословъ своихъ, меня Николая Олесницкаго изъ Олесницы, Капителяна Малагоскаго, и Пана Александра Корвина Гонсьвскаго, Секретаря и дворянина своего, Старосту Велижскаго, полтыщика Конюховскаго съ тѣмъ, чтобы именовъ Его Коро-*

левскаго Величества, всемилостивѣйшаго Государя нашего, Вашему Государскому Величеству, Божіею милостию, всепресвѣтлѣйшему, Великому Государю, Димитрію Іоанновичу, Князю всея Россіи, Владимірскому, Московскому, Новгородскому, Казанскому, Астраханскому, Псковскому, Тверскому, Югорскому, Пермскому, Вятскому, Болгарскому и другихъ многихъ земель Царю, отдать братскій поклонъ, освѣдомиться о здравіи Вашего Государскаго Величества, поздравить васъ съ благополучнымъ восшествіемъ на прародительскій престолъ и засвидѣтельствовать Вашему Государскому Величеству братскую любовь его Королевскаго Величества. Когда посолъ произнесъ слова «Князь», вмѣсто Цесаря-по Лжедимитрійъ вспалъ съ мѣсна, и подозвавъ одного боярина, велѣлъ снять съ себя корону, намѣревался самъ говорить, но въ ту минушу воздержался. Олесницкій, окончивъ рѣчь, подалъ Королевское письмо государспвенному дьяку Власьеву, который тихо прочиталъ Самозванцу надпись, и попомъ по приказанію его, сказалъ посламъ: *Николай и Александръ!* Вы доставили всепресвѣтлѣйшему, непобѣдимому, и великому Самодержцу отъ всепресвѣтлѣйшаго Сигизмунда, Короля Польскаго и Великаго Князя Литовскаго письмо, въ коемъ нѣтъ титула Цесарскаго Величества. Оно писано къ нѣкому торолу Князю всея Россіи, а Димитрій Іоанновичъ есть Цесарь въ своихъ преславныхъ Государствахъ.

И такъ возьмите сіе письмо обратно и отвезите къ своему Государю. Олесницкій горделиво опивчалъ: Съ тѣмъ же благоговѣніемъ, съ коимъ вручили мы Аванасью Иванову письмо его Королевскаго Величества, приѣмлемъ оное обратно, чтобы возвратить Государю нашему, когда ваше Государское Величество гнушается имъ. Изъ вѣсехъ Государей христіанскихъ только ваше Царское Величество не признаетъ древняго титула Его Королевскаго Величества и, не принимая отъ насъ письма, оскорбляетъ Его Королевское Величество и всю Рѣчь Посполитую. Возсѣвъ на тронъ сей дивнымъ Божиимъ промысломъ, по милости Его Величества Короля, при помощи народа Польскаго, Ваше Государское Величество скоро забыли сіе благодарніе! И не только Его Королевское Величество, Государь, нашъ, вся Рѣчь Посполитая, мы послы ея, но и вѣсь сіи знаменитые Поляки, столице предъ очами Вашего Государскаго Величества, оскорблены униженіемъ достоинства нашего Государя и Рѣчи Посполитой. И такъ мы не можемъ исполнить Королевскихъ порученій, о коихъ Ваше Государское Величество узнали бы изъ письма, Вами отвергнутаго. Просимъ дозволенія возвратиться на квартиру. Тогда Леждинпрій, не воздерживая болѣе врожденную въ немъ словоохотливость, самъ пустился въ неприличное преніе и сказалъ слѣдующее: Необыкновенное и неслыханное дѣло, чтобы Монархи, возсѣдал на тронъ, спорили.

съ послами; но Король Польскій, опускала наши титулы, принуждаетъ насъ къ сему. Удивляемся, что насъ Король, его милость, братомъ и другомъ своимъ именуешь, а насъ какъ бы въ голову ударяешь, унижая насъ и отнимая собственный нашъ титулъ, который дарованъ намъ отъ самаго Бога, который империю не на словахъ, а на самомъ дѣлѣ, и на употребленіе котораго ни Римляне, ни другіе древніе Монархи не могли болѣе насъ имѣть права. Насъ именовуютъ Императоромъ по тѣмъ же причинамъ, по коимъ и ихъ такъ именовали, ибо не только кромѣ Бога нѣтъ никого выше насъ, но мы также империю власть законодательную, и, что еще важнѣе, сами законъ въ великомъ Государствѣ нашемъ, что и означаетъ Монарха или Императора. Мы, по милости Божіей, пользуемся такою же властію, какою пользовались Цари Ассирійскіе, Мидійскіе и Персидскіе. Мы также сами повелѣваемъ нѣсколькими Царями Татарскими, а потому и не усматривается, почему бы мы теперь были хуже Великаго Хана, котораго съ Историки называютъ Татарскимъ Императоромъ? Впрочемъ многіе и насъ такъ называютъ, и сами Его Цесарское Христіанское Величество и святѣйшій Отецъ никогда не стыдился въ письмахъ своихъ насъ, или предковъ нашихъ, именовать Цесарями. Посланникъ нашъ къ Его Королевскому Величеству, Аванасій Ивановичъ Власевъ, придворный нашъ Казначей, имѣлъ на то при себѣ до-

Отвѣтъ Джемидитрія Польскимъ посланъ, въ рукописяхъ бывшей Пулавской бібліотекѣ.

статочныя доказательства. Мы хорошо знаем, что предки нашего сего титула не употребляли и онаго не требовали, но сіе не можетъ служить для насъ препятствіемъ, ибо молчаніе Монарховъ или неупотребленіе ими довѣяемаго титула не составляетъ никакой давности, и отъ безпечности предковъ насльдники въ семь слугать не утрачиваютъ своихъ правъ. Къ тому же должно вспомнить, что всякое Государство начинается съ простоты и грубости, и только со временемъ все болѣе и болѣе получаетъ образованности въ нравахъ, обычаяхъ и даже самыхъ рѣчахъ. Такъ мы читаемъ, что въ вѣкъ простоты Цари назывались Пастырями, судьями и другими не пышными именованіями, и сіе замѣчается при началѣ вѣхъ Государствъ. Въ слѣдствіе, нисколько не удивительно что въ прежнія времена поступали неосмотрительно не только предки наши, но и другіе Государи. Ибо ежели правда, какъ о Короляхъ Польскихъ пишутъ Польскіе Историки, что они получили отъ Императора Оттона корону и титулъ Короля, хотя прежде того уже были и именовались Монархами, то они приняли отъ равнаго себѣ то, что имѣли отъ Бога, и навѣрное нынѣ того бы не сдѣлали. Сверхъ того каждый Государь можетъ называть себя, какъ хочетъ. Такъ у Римлянъ многіе Императоры называли себя народными Трибунами, Консулами, Авегурами, и оставляли свой титулъ по произволу. Вѣсьмъ также извѣстно, что съ начала

Римскіе Императоры именовались только Принципами. Август Императоръ не хотѣлъ называться Господиномъ, хотя дѣйствительно былъ таковымъ, ибо сами Римляне особеннымъ закономъ предоставили ему полную повелительную власть, освободивъ его отъ всѣхъ законовъ. Самые предки Короля, его милости, назывались Князьями, Монархами и только наконецъ Королями. По симъ причинамъ, мы объявляемъ симъ Королю, его милости, что мы не только Господарь, Царь, но и Императоръ, и не намѣрены по напрасну терять сей титулъ Государства нашего. Если Король, его милость, почитаетъ насъ братомъ и другомъ, почему же отказываетъ въ достояніи нашемъ: ибо тотъ болѣе мнѣ врагъ, кто умаляетъ преимущества и украшенія моего Государства, которыя Монархи берегутъ, какъ зѣнницы глазъ, чѣмъ кто посленетъ на мое имѣніе. Самая высшая справедливость есть воздавать каждому, что ему принадлежитъ. Иное дѣло было, когда предки находились въ враждѣ съ Польскою державою. Тогда пристойно было унижать другъ друга, какъ сіе и въ другихъ Государствахъ дѣлалось и дѣлается. Но въ дружбѣ должно поступать иначе; почему мы и надѣялись, что Король, его милость, будучи стартеръ и ий, самъ направитъ насъ ко всему, клонящемуся къ добру и чести нашей и государства нашего.

По выслушаніи сего многословнаго изъясненія, Дневникъ по-
Олесницкій возразилъ: *Ваша пресвѣтлѣйшая гос-*
СЛОВЬ.

подарская милость въ началѣ своей рѣчи упомянули, что необыкновенное дѣло Монархамъ, съдѣлицамъ на тронѣ, спорить съ послами. Точно такъ: столь же необыкновенно, чтобы послы осливливались говорить о томъ, чего не предписано въ данномъ имъ наказѣ. Но какъ Ваше Государское Величество сами къ тому принуждаете меня, то я хотя и не имѣю дара безъ приготовленія отвѣчать на сіи рѣчи Вашему Государскому Величеству, однакожь какъ Полякъ, человекъ народа вольнаго, привыкъ говорить свободно. Вспомните, Ваше Государское Величество! или прикажите справиться въ коронныхъ канцеляріяхъ, въ Литовской и въ своей Московской, даже спросите сихъ престарѣлыхъ дульныхъ бояръ, какой титулъ употребляли предки Вашего Государскаго Величества? всепресвѣтлѣйшіе Короли, Государи наши никогда не приписывали имъ Царскаго титула, который Ваше Государское Величество неправильно себя присвоете. Предки ващи никакого Царства подъ своєю державу не покорили, и употребляли тотъ самый титулъ, который признаетъ чрезъ насъ Его Королевское Величество, всепресвѣтлѣйшій и непобѣдимый Государь. Развѣ иначе писывалъ къ вамъ Король Польскій, когда онъ, обласкавъ въ своихъ владѣніяхъ Ваше всепресвѣтлѣйшее Государское Величество, съ усерднымъ желаніемъ помогалъ вамъ отыскать прародительскій вѣнецъ? И теперь, оставаясь въ прежней искренней пріязни, не только ми болѣе доказываетъ ее Вашему всепресвѣтлѣйшему Госпо-

дарскому Величеству, когда Вы видите свидѣтельство оной не въ однихъ пустыхъ словахъ, а на самомъ дѣлѣ? Между тѣмъ всякому очевидно, какъ вы платите за все сіе Его Королевскому Величеству! Скоро забыли Ваше пресвѣтлѣйшее Государское Величество, что на сей престолъ Вы взошли чудеснымъ образомъ, благостію Божіею, по милости Его Королевскаго Величества, всемилостивѣйшаго Государя нашего, съ помощію нашихъ братьевъ, Поляковъ, проливавшихъ кровь свою за Ваше оспресвѣтлѣйшее Государское Величество! Вы платите вмѣсто благодарности неблагодарностію, вмѣсто приязни неприязнію; доброе расположеніе и дружесловіе Его Величества, Государя нашего, пренебрегаете, и сами даете поводъ къ разлитію крови человѣческой. Съ чрезвычайною горестію пріемля участіе въ таковой Его Королевскому Величеству обидѣ, мы свидѣтельствуемъ предъ вами, оспресвѣтлѣйшій Государь! самихъ Боговъ и сами думными болтали, что не Король Польскій, Государь нашъ, а Ваше Государское Величество разрываетъ дружбу съ Его Величествомъ и Рвгью Посполитою. Теперь мы готовы возвратиться съ силой къ нашему Государю, и просимъ проводить насъ на квартиру.

Если бы Александрій умѣлъ сохранятьъ достоинство своего сана, но, услышавъ споль дерзкія

нарѣканія, немедленно велѣлъ бы выслать посла. Въспомо того, продолжая съ нимъ преніе, онъ говорилъ слѣдующее: *Я знаю, какіе титулы имѣли наши предки, и показалъ бы ихъ на бумагу, но теперь не время. Вы сами увидите ихъ, когда великии нашими думными боярами вступитъ съ вами въ переговоры. Король же, умаливая употребляемый нами титулъ, оскорбляетъ не только насъ, но самаго Бога и все христіанство. Если бы кто нибудь не назвалъ васъ паномъ Олесницкимъ, вы вѣрно не отпѣчали бы тому? Равными образомъ и я не могу принять сего письма, потому что въ надписи онаго нѣтъ моего полнаго титула. Мы обѣщали Королю быть для него братомъ и такимъ другимъ, какого до сихъ поръ не имѣла держава Польская; а теперь мы должны остерегаться Короля болѣе, чѣмъ самаго непріязненнаго изъ невѣрныхъ Государей. Знаю, что нѣкоторые изъ вашихъ единоплеменниковъ убѣждаютъ Его Величество, Короля, не признавать нашихъ титуловъ; но мы не хотимъ вступать съ вами въ дальнѣйшіе споры. Посолъ отвѣчалъ: Не желаемъ и мы на сей разъ продолжать разговоръ съ Вашими Государскими Величествами. Вы обѣщали повелѣть думными боярами переговорить съ нами о своемъ титулѣ: тогда будетъ время подробно разсудить о семъ предметѣ, вмѣстѣ съ другими порученіями Его Королевскаго*

Величества. За симъ, послы гошповились выпши, но Лжедимитрій, снова обращаясь къ Олесницкому, сказалъ ему: *Панъ Малоѳскій! Испытавъ въ областяхъ Польскихъ вашу ко мнѣ привязанность, и зная, что вездѣ вы желали мнѣ добра, хочу принять васъ въ государство моею не какъ посла, а какъ пріятеля моего. Подойдите къ рукѣ нашей. Посоль не пронужся съ мѣспа и возразилъ: Всепресвѣтлѣйшій, Великій Господарь! низжайше благодарю за милость, которую Ваше Государское Величество изъявляете моему лицу; но какъ вы принимаете меня не посломъ, то я не могу оною пользоваться, и прошу Ваше Государское Величество не оскорбиться моимъ отказомъ. Осыпанный милостями Вашего Государскаго Величества, я старался доказать вамъ въ Польшѣ свою доброжелательную услужливость: да позволено мнѣ будетъ доказать теперь свою преданность и вѣрность Его Королевскому Величеству. Хотя разсприга и повпорилъ приглашеніе, Олесницкій только поклонился и опозвался, что не можетъ исполнить царскаго желанія. Смущенный спойкостію посла, Лжедимитрій наконецъ воскликнулъ: *Подойди, вельможный панъ, какъ посоль!* Олесницкій и шупъ упорствовавъ и отвѣчалъ: *Подойду, если Ваше Государское Величество возьметъ письмо Королевское.— Возьму,* сказалъ Самозванецъ. Тогда оба посла по-*

цѣловали его руку. Власевъ принялъ письмо и прочиталъ его передъ трономъ. Попомъ, по приказанію Ажедимпрія, сказалъ посламъ: *Хотя Королевскаго письма безъ Цесарскаго титула принимать не слѣдовало бы; однакожь Его Цесарское Величество, для свадьбы своей забывая обиду, нанесенную опущеніемъ титуловъ своихъ, принимаетъ сіе письмо и сасъ, пословъ Короля Польскаго. По возвращеніи же къ Государю своему, вы должны сказать ему, чтобы впредь онъ не присылалъ подобныхъ писемъ; не прописавъ въ нихъ полнаго титула Цесарскаго. Его Цесарское Величество именно вамъ повелѣлъ сказать, что впредь ни отъ Короля Сигизмунда, ни отъ кого либо другаго никакихъ писемъ безъ полнаго Цесарскаго титула онъ принимать не прикажетъ. Теперь же, если имѣете какое-либо порученіе отъ Короля Сигизмунда Государя своего, исполняйте долгъ посольства предъ Цесарскимъ престоломъ.*

Послы отправили посольство обыкновеннымъ порядкомъ. Олесницкій въ рѣчи своей объявилъ, что онъ съ поварницею своимъ, присланы отъ Короля, дабы вмѣсто его особы присутствовать на свадьбѣ Ажедимпрія. Гонсѣвскій же сказалъ, что имъ поручено также войти въ сношеніе съ думными боярами, по предмету взаимныхъ пребываній Польши и Россіи, дабы съ благополучнымъ

окончаніемъ сихъ дѣлъ можно было приступить Дневникъ
Марины. къ пѣсному союзу прошивъ Турокъ. Въ опвѣщѣ на сіи рѣчи Власьевъ объявилъ, что Государь прикажетъ боярамъ начать предлагаемые переговоры.

Послы замѣтили, что по старинному обряду Россійскіе Государи всегда спрашивали о здоровьи Короля, вставъ съ своего мѣспа. Лжедимитрій, услышавъ сіе, спросилъ не вставая съ мѣспа: *Его Королевское Величество, Государь вашъ, въ добромъ ли здоровьи!* Олесницкій опвѣчалъ: *Его Королевское Величество, Государь нашъ былъ въ добромъ здоровьи и счастливо царствовалъ, когда мы выѣхали изъ Варшавы. Но Вашему Царскому Величеству надлежало привстать, спрашивая о здоровьи Его Королевскаго Величества.* Лжедимитрій опвѣчалъ: *Панъ Малогоскій! У насъ обыкновеніе вставать, спросивъ прежде о добромъ здоровьи, и приподнявшись не много присовокупилъ: Мы радуемся, что Король, вашъ Государь, а нашъ другъ, находится въ добромъ здоровьи.*

По поднесеніи Послами подарковъ, Власьевъ сказалъ имъ: *Цесарское Величество жалуется васъ* Дневникъ
пословъ. *своимъ объдомъ.* Дѣйствительно, чрезъ нѣсколько часовъ по возвращеніи ихъ на посольскій дворъ, Чашиникъ Василій Бупурлинь прибылъ къ нимъ съ различными яствами и папишками, принесенными въ золотыхъ сосудахъ. Въ сей день разсприга

огорчилъ и Поляковъ и Русскихъ; суеславныя настоянія его о шипульъ возбудили негодование Поляковъ, а Рускіе, хопя и не одобряли настояній сихъ, но не менѣе того досадывали, когда увидѣли, что онъ, какъ будто усращенный рѣшимостию Посла, согласился опспашъ опъ оныхъ. Также сказанное Гонсѣвскимъ о взаимныхъ пребываніяхъ обѣихъ Государствъ, много попревило Русскихъ, которымъ казалось сіе подпвержденіемъ уже носившихся слуховъ о обѣщанной Самозванцемъ Королю успупки городовъ, хопя Лжедимитрій, извѣщенный о сей молвѣ, и увѣрлялъ, что ни единой пяди Русской земли никогда не опдаспъ Польшѣ.

Никоновская
Лѣтопись.

Марина, вмѣсто того, чпобы въ кельяхъ монастырскихъ веспъ жизнь скромную и уединенную, помышляла только объ удовлетвореніи своихъ прихопей, въ чемъ не получала опказа опъ жениха. Напримѣръ пакъ какъ ей не по вкусу были приносимыя изъ дворца яства, шо Лжедимитрій приказалъ гоповипъ для нея кушанье Польскимъ поварамъ, и опдапъ имъ ключи опъ царскихъ запасовъ и погребовъ. Для увеселенія же невѣспы своей Самозванецъ вводилъ къ ней въ монастырь скомороховъ, скрипачей и пѣсенниковъ, которые шумными забавами нарушали мирную тишину святой обители, къ большому соблазну

Дневникъ
Марины.

Légende.

набожныхъ Москвитянъ. Разсприга также безъ мѣры дарилъ невѣсту. Онъ прислалъ ей ларецъ, съ разными драгоценными вещами, цѣною на 500,000 Никоновская
Лѣтопись. рублей (два милліона съ половиною нынѣшнихъ серебряныхъ) и дозволилъ ей раздавать изъ оныхъ, что кому пожелаешь. Кромѣ того старый Мнишекъ получилъ на заплачу долговъ своихъ въ Польшу 100,000 злотыхъ (столько же нынѣшнихъ серебряныхъ рублей). Считаютъ, что Самозванецъ на одни дары Маринѣ и Полякамъ распротавилъ до 800,000 рублей (до чепырехъ милліоновъ нынѣшнихъ серебряныхъ.) Дѣла Польскіе.

Разсприга, какъ бы во всѣхъ случаяхъ изыскивая вѣрнѣйшій способъ раздражить Русскихъ, назначилъ для свадьбы и вѣчанія на царство Маринины Чепвергъ 8-го Мая. Успавъ православной церкви не позволяешь совершать обрядъ бракосочетанія ни подъ Пяшницу, ни подъ всякій праздникъ. Въ обоихъ сихъ отношеніяхъ нарушалось правило, ибо 9-е число было не только въ Пяшницу, но и Николинъ день.

Для избѣжанія давки на Царской площади, Марина поздно вечеромъ въ Среду, перѣехала во дворецъ, при свѣтѣ множества факеловъ. Дѣти боярскіе и Нѣмецкіе алебардчики шли передъ ся карепою. Тогда же было жаркое преніе у Самозванца съ Боярами. Поляки хопѣли, чинобы Марины.

Беръ.

на вѣнчалась въ Польскомъ плащѣ подъ предлогомъ, что она не привыкла къ иному; Лжедимитрій и въ томъ желалъ угодить имъ, но Русскіе сановники пребовали непремѣнно, чтобы она одѣлась по-Русски. Непреклонность ихъ убѣдила наконецъ разспригу, что опсупленіе въ семь предметъ опъ стариныхъ обычаевъ, сочпено было бы ими за оскорбленіе чести народной. Не смопря на обыкновенную вѣпренность свою, онъ сказалъ: *Хорошо! Я согласенъ исполнить желаніе Болръ и обыкай народный, чтобы никто не жаловался, будто я замышляю великія перемѣны. Одинъ день ничего не значить!*

Разрды.

Свадебные обряды того времени были соблюдены въ почности. Посажеными опцемъ и маперью назначены Князь Мспиславскій съ супругой. Тысяцкимъ былъ Князь Василій Ивановичъ Шуйскій, а дружками у жениха были Болре: Князь Димитрій Ивановичъ Шуйскій и Григорій Оедоровичъ Нагой, а у невѣсты: бояринъ Михайло Александровичъ Нагой и панъ Тарло. Свахами какъ у жениха, такъ и у невѣсты были супруги ихъ друзей. Въ поѣздѣ находились двадцать одинъ знапныхъ Московскихъ дворянъ, а въ сидячихъ шестъ бояринъ, семнадцать бояръ, четверо окольничихъ два думныхъ дворянина, чепыре думныхъ дьяка, Постельничій и два стряпчихъ съ ключемъ. Въ

назначенный часъ Марину ввели въ столовую избу
ся опецъ и Княгиня Мспиславская. Передъ невѣ-
стою шли дружки и Рожесипвенскій Пропоіерей въ
эпипрахили и поручахъ, съ святою водою и креспомъ,
а за нею слѣдовали свахи и боярыни сидячія.
Марина была въ красномъ бархатномъ Русскомъ
вѣществѣ, съ широкими рукавами и въ сафьянныхъ
подкованныхъ сапогахъ, но все на ней было такъ
усыпано алмазами, жалами и жемчугомъ, что не
видно было ни бархата ни сафьяна. Головной уборъ
ея состоялъ изъ богатаго кокошника. Пропоіерей и
дружки пошли за женихомъ, который немедленно съ
ними отправился въ столовую, взявъ еще съ собою
только однихъ польжанъ. Одежда его покрывалась
червеною бархатною мантією, унизанною жемчугомъ
и драгоценными камнями, а на головѣ сіяла корона;
въ одной рукѣ онъ держалъ скипетръ, а въ другой
державу, осыпанную алмазами. По прибытіи его въ
столовую началось обрученіе по Русскому обряду.
Пропоіерей говорилъ приличныя молитвы, дружки
рѣзали короваи и подносили ширинки. Послѣ
обрученія, женихъ и невѣста пошли поспельнымъ
крыльцомъ въ грановитную палату, гдѣ ожидали
ихъ сидѣльце и гдѣ изготовленъ былъ возлъ Царскаго
прона другой, поменьше, для Марины. Лжедимитрія
вели подъ руки Воевода Сидомирскій и

Брачный обрядъ при Лжедимитріевой свадьбѣ съ Мариною. Дневникъ Польскихъ Пословъ. Писрле.

Князь Мстиславскій, а Марину Княгини Мстиславская и Шуйская. За нею шли знатныя Польки, объ Тарловы, Гербуршова и Казановская. Войдя въ грановишую палату, Лжедимитрій сѣлъ на пронь, а тысяцкій Князь Шуйскій подойди къ Маринѣ, произнесъ слѣдующія слова: *А наяснѣйшая и Великая Государыня Цесаревна и Великая Княгиня Марья Юрьевна всея Русіи! Божьиимъ праведнымъ судомъ, и за изволеніемъ наяснѣйшаго и непобѣдимаго Самодержца, Великаго Государя Дмитрія Ивановича, Божіею милостію, Цесаря и Великаго Князя всея Русіи, и многихъ Государствъ Государя и Обладателя, Его Цесарское Величество изволилъ васъ, наяснѣйшую Великую Государыню взятьи себѣ въ Цесареву, а намъ въ Государыню, и Божіею милостію, обруганье ваше Цесарское нынѣ совершилось; и вамъ бы наяснѣйшей и Великой Государыни нашей, по Божьей милости и по изволенію Великаго Государя нашего, Его Цесарскаго Величества, вступити на свой Цесарской маестатъ и быть съ нимъ Великимъ Государемъ на своихъ преславныхъ Государствахъ. Послѣ сей рѣчи, Проіерей осѣнилъ креспомъ малый пронь, копорый и заняла Марина. Тогда ввели въ палату Польскихъ Пословъ и другихъ знатныхъ Поляковъ. Всѣ сѣли, какъ иноземцы, пакъ и Русскіе, кромѣ поѣзжанъ. Ожидали большой короны, живо-*

пворящаго крестна и бармовъ, за которыми послано было на казенный дворъ. По принесеніи сей Царской ушвари, принялъ се Болринъ Михайло Ѳедоровичъ Нагой и поднесъ Лжедимитрію, который приложился ко кресту и поцѣловалъ корону. То же сдѣлала и Марина. Послѣ чего Благовѣщенскій Протоіерей, покрывъ пеленою ушварь, опнесъ ее на головѣ своей въ Успенскій Соборъ, и былъ встрѣченъ у дверей Папіріархомъ, который положилъ ушварь на изгопovenномъ посреди церкви налоѣ. Когда донесли Лжедимитрію, что все готово для священнодѣйствія, то онъ чрезъ красное крыльцо отправился въ соборъ. Впереди шли спольники, стряпчіе, знатные Поляки и Королевскіе Послы, а за ними поѣздъ. Потомъ несъ скипетръ Болринъ Князь Василій Васильевичъ Голицынъ, и державу Болринъ Басмановъ. За Басмановымъ слѣдовалъ въ эписпрахили Благовѣщенскій Протоіерей, кропящій святою водою передъ женихомъ и невѣстою, которые шли рядомъ одинъ подлѣ другаго. Лжедимитрія подѣ правую руку поддерживалъ Воевода Сендомирскій, а Марину подѣ лѣвую Княгиня Мстиславская. За ними шли Болрс, Дворянс, думные и приказные люди и прочіе Поляки изъ Мнишковой свипы. Пупъ успланъ былъ сукномъ, а по оному фіолетовымъ бархатомъ. Охраненіе порядка было поручено на красномъ

крыльцѣ и опѣ онаго до собора шестипи головамъ спръмьцкимъ, двадцати сошникамъ, да премъ спамъ спръльцамъ. Кромѣ того спояли еще въ ружьѣ Нѣмецкіе пѣлохранишели и нѣсколко спръльцовъ. Въ соборѣ устроено было черпольное мѣсто, обитое краснымъ сукномъ о двѣнадцати спупеняхъ. На ономъ споялъ тронъ для Лжедимитрія, Персидскій, золоченый съ каменьями *, а по обѣимъ споронамъ онаго находились спулья; на правой споронѣ, поменьше для Папріарха, а на лѣвой большой золоченый для Марины. Войдя въ церковь, Лжедимитрій и Марина прикладывались къ иконѣ Владимірской Божіей Матери и къ ракамъ чудотворцевъ. Потомъ проводили ихъ на черпольное мѣсто Папріархъ и Митрополишь Новгородскій. Тогда, къ изумленію Русскихъ, началось коронованіе Марины, не полько прежде опръченія ея опѣ папешства, но даже прежде брачнаго обряда. Уклончивый Папріархъ не усумнился возложить живошворящій крестъ, бармы и Царскій вѣнецъ на иновѣрную Польскую дѣвицу. По окончаніи коронованія, Папріархъ служилъ обѣдню, которую Лжедимитрій слушалъ съ обыкновеннаго Царскаго мѣста, а Марина сначала

---

* *Примѣчаніе.* Тронъ сей, присланный въ 1605 году Шахомъ Аббасомъ Царю Борису, еще теперъ находится въ Оружейной палатѣ, въ Москвѣ.

опошла въ придѣль Димитрія Селунскаго съ сватами и нѣкопорыми Боярами, а послѣ херувимской подошла къ Царскимъ дверямъ, гдѣ Патріархъ помазалъ и причаспилъ ее въ явное посмѣяніе православія. Когда опошла обѣдня, то выслали изъ церкви всѣхъ незнапныхъ людей и спустили къ брачному вѣнчанію, которое исправлялъ Благовѣщенскій Протоіерей. Симъ окончились церковные обряды, и Лжедимитрій съ Мариною вышли изъ собора, и отправились въ столовую избу при звукѣ трубъ и липавръ, колокольномъ звонѣ и пушечной спрѣльбѣ. На рундукѣ собора и при дверяхъ столовой Князь Мстиславскій осыпалъ разспригу въ каждомъ мѣстѣ по три раза, золопыми монетами цѣною опть 5 до 20 червонцевъ. Въ столовой Лжедимитрій и Марина съли обѣдашь, съ Воеводою и его родспвенниками и весьма малымъ числомъ Бояръ. Сидѣли полько до преспяго кушанья, а потомъ новобрачные пошли въ новый деревянный дворець, куда поѣздъ провожалъ ихъ до поспельныхъ комнапъ, а Воевода и пысяцкій до самой поспели.

Петрей.

Дневникъ
Пословъ.
Брачный
обрядъ.

На другой день, былъ шоржественный пирь въ граповишой палатѣ. Лжедимитрій съ Мариною сидѣли на тронѣ за особеннымъ столомъ. Разсприга былъ одѣшь по гусарски, а Марина по Польски. За другими сполами обѣдали родспвен-

Дневникъ
Маринь.

Дневникъ
Пословъ.

ники Марины съ ихъ свиною. Королевскіе послы также были приглашены, но не поѣхали, попому что Самозванецъ не хотѣлъ посадить ихъ за собственнымъ споломъ своимъ. Основывался на шомъ, что въ Краковѣ Власевъ сидѣлъ за собственнымъ Королевскимъ споломъ, они домогались, чпобы по крайней мѣрѣ одному изъ нихъ была оказана паковая же почеспь. Разсприга поручилъ Власеву уговаривать ихъ, но Власевъ въ душѣ ненавидѣлъ Поляковъ и воспользовался случаемъ, чпобы неприличными рѣчами еще боаѣе раздражить пословъ. Такъ напримѣръ, онъ говорилъ имъ, что если дѣйствительно въ Краковѣ сажали его самого за Королевскій споль, то иначе и бытъ не могло, попому что за шѣмъ же споломъ имѣли мѣспю послы Цесарскіе и Папскіе, а Русскій Государь выше всѣхъ Монарховъ Христіанскихъ и каждый попъ у него папа. Споль спранныя разсужденія не могли убѣдить Пословъ; они и въ Субботу опказались ѣхать на обѣдъ къ Лжедимирию. Старый Мнишекъ всемѣрно спарался посредничествомъ своимъ миролюбно окончить сѣдѣлю; но видя непреклонность зятя своего, онъ обратился къ посламъ и представилъ имъ, что въ Польшѣ мяшежная шлахта, недовольная шѣснымъ союзомъ Сигизмунда съ Авспрією, готовилась къ междуособной войнѣ, что въ сихъ смушныхъ

обстоятельстввахъ благоразуміе пребуесть не соорипься съ обладаемемъ Московскаго престола, опть ксого при дружелюбныхъ его расположеніяхъ, можно ожидаць большаго пособія, и что поттому слѣдуесть попѣшишь его въ разсужденіи Посольскаго мѣспа, шѣмъ паче, что въ день пріема, заспавивъ его приняць Королевское письмо безъ присвоемаго имъ шипула, довольно уже пронули его шщеславіе. Послы не оспоривали основательности сихъ замѣчаній, но ихъ удерживало то, что въ данномъ имъ наказѣ именно посспавлено было имъ въ обязанность настаиваць о полученіи мѣспа за Государевымъ споломъ хопя одному изъ нихъ. Они только тогда рѣшились уступить, когда воевода вызвался ходатайствовать за нихъ у Короля, и когда Лжедимитрій согласился выдаць имъ письменное свидѣтельство въ помѣ, что они нарушили предписаніе о мѣспѣ единспвенно въ слѣдствіе обѣщаній его о доставленіи Рѣчи Посполипой важныхъ выгодъ. Въ Воскресенье 11-го числа, послы обѣдали у Лжедимитрія въ грановипой палатѣ. Олесницкій, какъ спаршій, сидѣль одинъ по правую руку прона, за особеннымъ спопликомъ, а Гонствскій заняль первое мѣсто за споломъ, гдѣ находились прочіе Поляки, и Русскіе боярыни. 13-го Марина угощала Пословъ и знапныхъ Поляковъ; изъ Русскихъ никого не было кро-

Дневникъ
Марины.

мѣ Князя Масальскаго и Власьева. Споэль и услуга были въ Польскомъ вкусѣ. Послѣ обѣда долго плясали, и разѣхались только послѣ захода солнца. На другой же день, у Марины былъ пиръ для однихъ Русскихъ.

Но среди сихъ поржесствъ соспавлялся опасный для разсприги заговоръ, въ коемъ участвовала уже почти вся Москва. Всѣмъ Рускимъ, безъ различія сословій, казались нестерпимыми безпушство Самозванца и наглость Поляковъ. Если бы гости сіи силою оружія овладѣли сполницею, то и пупъ не могли бы хуже обходиться съ жителями оной. Въ особенноти во время свадебныхъ веселій безчинство ихъ достигло до высочайшей степени. На пирахъ во дворцѣ они ругали Русскихъ и даже самыхъ знаннѣйшихъ, смѣялись надъ всѣми ихъ обрядами и поступками и въ хваспливѣйшихъ выраженіяхъ превозносили собственную свою храбрость, спрашась коей, Рускіе, по словамъ ихъ приняли отъ ихъ руки Царя. Многіе изъ нихъ, разгоряченные виномъ, возвращаясь изъ дворца, рубили саблями встрѣчающихся людей, и выпаскивая изъ карепъ знаныхъ боярынъ, безчестили ихъ. Самая святыня мало уважаема была ими. Они ходили по церквамъ съ собаками, а во время коронованія въ соборѣ, именипѣйшіе изъ нихъ, иные сидѣли, другіе

Беръ.

Показанія
Бучинскихъ.

громко издѣвались надъ иконами, и дремали при-слонясь къ онимъ. Сии непристойности такъ озлобили Русскія сердца, что всѣ ожидали съ нетерпѣніемъ удобнаго часа для мести, и что пропивъ пріятеля Поляковъ, разсприги, воспавали даже и пѣ, которые были главнѣйшими зачинщиками измѣны въ пользу его. Изъ самыхъ приближенныхъ его, остался ему преданнымъ только одинъ Басмановъ.

Князь Василій Ивановичъ Шуйскій съ большимъ прилежаніемъ слѣдилъ за безпрестанно возрастающею народною ненавистью къ Самозванцу, и съ радостію убѣдился, что она достигла до высочайшей степени, и что настала часъ для избавленія отечества отъ поноснаго подданства, и для наказанія дерзкаго пришельца, осмѣлившагося положить вельможную голову его на плаху, ибо, по естественной склонности человѣческаго сердца, онъ болѣе хранилъ въ памяти своей сей позоръ, чѣмъ дарованное ему прощеніе. Въ единомысліи съ нимъ были знатнѣйшіе люди въ Государствѣ, и въ числѣ оныхъ не только находился убійца Царя Феодора Борисовича, Князь Василій Васильевичъ Голицынъ, но даже сей Бояринъ, съ Княземъ Иваномъ Семеновичемъ Куракинымъ, были главнѣйшими помощниками Шуйскаго. Подвизаясь на дѣло отечественное, они хотѣли отспранишь

Сказанія сже
содѣял.

опъ себя вредное вліяніе личныхъ спраспей, могущихъ поселить раздоръ между самими сообщниками ихъ, и попому всѣ прое дали обѣщаніе другъ другу непремѣнно извѣспъ разспригу, а копорому изъ нихъ привелелся бытъ Царемъ послѣ него, опнюдь не мспиншъ никому за прежнія вины, и управляшъ Государствомъ общимъ совѣпомъ. Изъ всей Боярской думы одному Князю Метиславскому не ввѣрили пайну заговора, опасаясь извѣспнаго его малодушія.

Беръ.

Увѣрившись въ синклипшъ, Шуйскій обратился и къ нижнимъ сословіямъ, копорыми, какъ уже сказано выше, былъ весьма уважаемъ. Созвавъ въ домъ свой уговоренныхъ бояръ, да еще купцевъ и городскихъ сопниковъ и пяпидесяпниковъ, онъ представилъ собранію печальную карпину Россіи въ рукахъ Поляковъ, и Москвы, наполненной опасныхъ для спокойствія ея иноземцевъ. Онъ напомнилъ, что хопѣлъ предупредить зло, но что Москвичи его не поддержали, и что онъ самъ едва не оспавилъ головы своей на плахѣ. Въ опношеніи къ Самозванцу онъ далъ замѣпипшъ, что вообще признали его за Царевича, дабы избавишъся ненависпнаго владычеспва Годуновыхъ, и въ надеждѣ найпни въ юномъ выпязѣ храбраго защитника православной Вѣры и опечеспвенныхъ обычаевъ; но что сіе ожиданіе не сбывлось и напропивъ шого, Лжедимипрій обращаеш-

ся какъ настоящій Полякъ, любитъ только иноземцевъ, не чинитъ святынь, оскверняетъ храмы Божіи дозволеніемъ входитъ шуда некрещенымъ Ляхамъ, да еще и съ собаками, изгоняетъ паспырей душъ изъ домовъ ихъ, которые отдаетъ Нѣмцамъ, наконецъ и самъ женился на поганой Полькѣ. Изложивъ все сіе, Шуйскій присовокупилъ, что если благовременно не примужся мѣры къ прекращенію неистовствъ, то должно ожидать пущихъ бѣдъ, что онъ для спасенія православія снова не пожалѣетъ себя, только помогали бы ему съ усердіемъ и вѣрностію, что каждый сорникъ долженъ убѣдить своихъ подчиненныхъ въ самозванствѣ Царя, замышляющаго новыя злодѣйства съ своими Поляками, и что Московскимъ обывателямъ предстоитъ посовѣповать между собою, какимъ образомъ избавишься отъ него, что за свящую Русь могутъ воспастъ болѣе ста тысячъ людей, а за Самозванца оспанулся только 5,000 Поляковъ, и по разбѣянныхъ по цѣлому городу, и что стоитъ единственно назначить день, чтобы избить ихъ вмѣстѣ, съ гнуснымъ обманщикомъ. Отпуская отъ себя сорниковъ, Шуйскій убѣждалъ ихъ не медлить дѣломъ и увѣдомить его на что рѣшались граждане.

Разглашенія сорниковъ подѣйствовали такъ успѣшно на простой народъ, выведенный изъ

перпѣнія поступками Лжедимитрія и Поляковъ, что никто и не помыслилъ заступаться за Самозванца, котораго менѣе года тому принимали съ восторгомъ. Напрощивъ всѣ жаждали видѣть конецъ его нелѣпаго властвованія.

Уже 12-го Мая, громко говорили на рынкахъ, что Лжедимитрій измѣнилъ православію, что онъ рѣдко посѣщаетъ Божіи храмы, вводитъ чужіе обычаи, ѣстъ скверную пищу, не выпарившись ходитъ къ обѣднѣ, не кладетъ поклоновъ предъ Иконами и послѣ свадьбы ни разу, съ поганою женою своею, не мылся въ банѣ. Нѣмецкіе алебардчики схватили одного изъ дерзкихъ болтуновъ и предсавили во дворецъ. Разстрига велѣлъ допросить его; но Болре, коимъ поручено было исполнить сіе, донесли Самозванцу, что виновный вралъ съ пьяну, что впрочемъ и въ презвонѣ видѣ онъ не умнѣе бываетъ по природной простотѣ, и что Государю не слѣдуетъ превозмущаться наущничествомъ Нѣмцевъ, попому что у него довольно силы для усмиренія мятежа, если бы какой безумецъ и зашѣлялъ подобный.

Но и безъ сихъ лукавыхъ внушеній не легко было увѣрить разстригу въ угрожаемой ему опасности. Безпечность его основывалась не только на врожденной самонадѣянности, но еще на какомъ-то предсказаніи, обѣщавшемъ ему шридца-

птичешырехлѣпное царствованіе. Въ ослабленіи Палицынъ своемъ онъ даже изъявлялъ гнѣвъ свой шѣмъ, которые его предостерегали.

Хотя множество людей уже вошли въ заговоръ, но чувство опвращенія къ Самозванцу было такое единодушное и глубокое, что не нашлось ни одного доносителя. Однакожъ не возможно было, чтобы при семъ многочислѣ шайна не разгласилась. Въ особенності провѣдали о ней Нѣмцы, опъ коихъ менѣ береглись, чѣмъ опъ Поляковъ. Ропные Начальники Нѣмецкихъ шѣлохранишелей, при дни сряду, а именно 13-го, 14-го и 15-го Мая, письменно доносили Самозванцу о Беръ.

замышляемомъ воспаніи, но получили въ опвѣсть, что все это ничего не значить. Разсприга, или дѣйствительнo избалованный счастьемъ, не предумашривалъ опасности, или желалъ выказывать безспрашіе для обузданія злонамѣренныхъ. Онъ приказалъ гошовипься къ новымъ забавамъ. Въ слѣдующее Воскресенье у Марины должны были происходить пляски въ маскахъ; а въ попъ же день Лжедимитрій намѣревался для воинской пошѣхи дѣлать примѣрный приспугъ къ деревянному съ насыпью городку, по повелѣнію его выстроеному въ полѣ, за Срѣшенскими ворошами.

Уже нѣсколько пушекъ опправлены были шуда. Симъ случаемъ еще воспользовались Бояре, чтобы

Сказаніе еже
содѣяся и
Дневникъ
Польскихъ
пословъ.

увѣришь народъ, что Лжедмитрій замышляеть не пошѣху, а избіеніе знаменитѣйшихъ Москвитянъ, дабы попомъ безпрекословно ввести въ Россію папешство *.

Между шѣмъ, ожеспоченіе Московскихъ обывателей на Поляковъ было такъ велико, что многіе изъ нихъ не дождавшись, чтобы начальники заговора назначили день для дружнаго возстанія, вздумали сами собою приступить къ дѣйствію. Въ ночи съ 14-го на 15-е, многочисленныя толпы бродили по улицамъ, ругая Поляковъ. Въ особенности до четырёхъ тысячъ челоуѣкъ собралось близъ кварпиры Князя Вишневецкаго, который надменноспію своею болѣе всѣхъ прочихъ Лиховъ вооружилъ противъ себя Русскихъ. Но такъ какъ никто изъ вождей не явился, то предпріятіе ограничилось бесплоднымъ шумомъ и съ разсвѣтомъ всѣ разошлись по домамъ.

Дневникъ
Марини и
пословъ.

---

* *Примѣчаніе.* Если вѣрить показаніямъ Бучинскихъ, отобранныхъ отъ сихъ Секретарей разстриги, послѣ его смерти, дѣйствительно онъ имѣлъ намѣреніе, во время потѣхи, велѣть Полякамъ убить двадцать знатнѣйшихъ Бояръ, въ томъ числѣ Мстиславскаго и обихъ Шуйскихъ, дабы потомъ по своей волѣ перемѣнить въру и обычаи народныя. Теперь, не имѣя ни какихъ другихъ данныхъ, трудно рѣшить, Бучинскіе оклеветали ли изъ низкаго подлострастія память благодѣтеля своего, въ угодность торжествующимъ его врагамъ, или въ самомъ дѣлѣ Самозванецъ надѣялся злодѣйскимъ подвигомъ отстранить всѣ, доселѣ встрѣчаемыя имъ противности.

Сіе бездѣйственное покушеніе вмѣсто того, чтобы предостеречь Самозванца, кажется, умножило еще его безопасность, внушивъ ему пагубную мысль, что его такъ всѣ спрашивалъ, что ни у кого не доспанепъ духу въ самомъ дѣлѣ вознпашъ проптивъ него. Въ семъ предубѣжденіи, онъ успокоился совершенно и занялся дѣломъ государственнымъ. Утромъ, 15-го числа, Польскіе послы были приглашены во дворецъ, гдѣ нашли Лжедимишрія, сидящаго въ голубой одеждѣ, въ высокой шапкѣ и съ посохомъ въ рукѣ. Онъ отправилъ ихъ въ особенную палату, куда прибыли также назначенные для переговоровъ съ ними Бояре, Князь Дмитрій Шуйскій и Князь Рубецъ-Мосальскій, думный дворянинъ Тапищевъ и думные дяки Власевъ и Грамопинъ. Послы сказали, что Король, усердствуя раздѣлнть съ Царемъ славу войны проптивъ Порты, проситъ объявить имъ, когда и съ какою силою Царь намѣренъ ополчнться на невѣрныхъ, послѣ чего и они въ состояніи будутъ изъяснить, что и Польша можетъ предпринять съ своей стороны. Тапищевъ отвѣчалъ имъ, что Царь, намѣреваясь восшашъ съ Турками, имѣетъ только въ виду ревность къ славѣ Божіей и святой вѣрѣ, а что Поляки намѣками своими даютъ поводъ подозрѣвать, что желаютъ единственно выѣдать мысли Московскаго Государя, чтобы по-

помъ найни предлогъ самимъ уклониться опъ содѣйствіа. Послы обидились шакovýmъ упрекомъ, въ доказательство несправедливости коего приводили, что всегда предлагающій предпріятіе обязывается первый объяснить, какими мѣрами надѣется достигнуть желаемой цѣли. Тогда Рускіе сановники пошли доложить Самозванцу о слышанномъ ими. Тапищевъ, Власевъ и Грамопинъ возвратились съ шакимъ опвѣстомъ, что Царь приказалъ думнымъ людямъ своимъ, занявшись изложениемъ мыслей своихъ по предмету нужныхъ средствъ для замышляемыхъ дѣйствій, и что онъ въ непродолжительномъ времени самъ будетъ о семъ совѣщаться съ послами, въ присутствіи своихъ Бояръ.

Изъ дворца Послы поѣхали объѣхать къ пану Тарло, куда приглашены шакже были Князь Вишневецкій, панъ Немоевскій, оба Спадницкіе и другіе паны. Гости по погдашнему Польскому обыновенію порядкомъ подпили. Когда послѣ объѣда они занялись пляскою, то пришли сказать имъ, что Поляки подрались съ Русскими. Непрезвыые паны смупились тѣмъ болѣе, что имѣли еще на умъ скопища прошлой ночи. Въ сіе время ударили къ вечернѣ. Оробѣвшіе гости приняли сей звонъ за набатъ, и разбѣжались. Послы поспѣшили возвратиться домой, и извѣстили единоземцевъ сво-

ихъ, чшобы въ случаѣ опасности искали убѣжища на посольскомъ дворѣ. Но скоро узнали, что вся превога произошла только отъ того, что хмѣльный гайдукъ Князя Вишневецкаго прибилъ Русскихъ, и въ свою очередь былъ прибитъ ими. Лжедимишрїй двукратно присылалъ къ посламъ Секрепаря Бучинскаго, успокоивать ихъ и сказать имъ, что онъ такъ хорошо принялъ въ руки Государство, что безъ воли его ничего произойти не можетъ. Не смотря на увѣренія сіи, послы пославили сразу у себя на дворѣ, а Воевода Сендомирскій и сынъ его расположили, на занимаемыхъ ими дворахъ, всю прибывшую съ ними Польскую пѣхоту съ хоругвями и барабанами.

Сразу въ Кремль также бодрствовала и схватила ночью прокравшихся въ крѣпость шесть подозрительныхъ челоуѣкъ, которыхъ приняли за лазупчиковъ. Трехъ изъ нихъ умертвили, а остальныхъ избили.

Въ Пятницу 16-го числа, уже въ Русскихъ *Légende.* лавкахъ, отказывали продавать Полякамъ порохъ и всякое оружіе. Споль явная неприязнь встревожила Польскихъ Жолнеровъ. Они объявили о предстоящей опасности Воеводѣ Сендомирскому, который донесъ о томъ Самозванцу. Но разсприга смѣялся надъ сими рассказами, и дивился малодушію Поляковъ. Впрочемъ для успокоенія ихъ, ве-

лѣлъ на слѣдующую ночь разспавить по улицамъ караулы изъ Спрѣльцовъ. Кажется, что онъ весьма полагался на приверженность къ себѣ сего войска, и что на сей увѣренности наиболѣе основывалась его безопасность. Онъ рассчитывалъ, что 10,000 Стрѣльцевъ, 5,000 Поляковъ и 300 Нѣмцевъ достапочно для обузданія неспройныхъ скопищъ Московской черни.

Такъ какъ Пяпница прошла снокойно, то сами недоувѣрчивые Поляки начали думать, что волненіе народное утихло, и въ семъ предположеніи они беззаботно предались сну. Но въ сіе самое время мятежъ готовился разразиться. Князь Шуйскій съ шоварицами, видя, что народное стремленіе опереживаетъ принимаемая ими мѣры, почли неумѣстнымъ дальнѣйшее оплагательство, и рѣшились приступить немедленно къ исполненію своего предпріятія. Хотя разсприга сидѣлъ еще на Московскомъ преспольѣ, но все Русское уже безпрекословно повиновалось имъ однимъ. По повелѣнію ихъ, осьмнадцати-тысячное войско, сполывшее въ семи верспахъ за городомъ и долженспивовавшее слѣдовать къ Ельцу, ночью съ 16-го на 17-е, введено въ споллицу разными воропами. Въ ту же ночь всѣ двѣнадцать городскихъ воропъ были заняты посланными опъ Боярѣ дружинами, копорыя не пропускали никого въ споллицу, ни

изъ оной. Такъ, какъ самые приближенные придворные принимали участіе въ заговоръ, то Нѣмецкіе пѣлохранишели, изъ коихъ всегда по спущеніи человѣкъ находилось во дворцѣ, получили отъ нихъ приказаніе именемъ Самозванца, иные въ Пятницу вечеромъ, а другіе въ Субботу рано по утру, разойшлись по домамъ, такъ что всего оспалось на стражѣ при дворцѣ только тридцать алебарщиковъ. Московскіе обыватели провели всю ночь въ ожиданіи набата; они, по сдѣланной имъ повѣстки, съ первымъ звономъ колокола должны были спекапья на Красную площадь.

Сказаніе еже содѣяся.

Въ Субботу, около чепырехъ часовъ утра, ударили въ колоколъ, сперва у Ильи Пророка близъ госпинаго двора, и потчасъ же набатъ раздался по всему городу. Со всѣхъ концовъ, тысячи людей съ ружьями, саблями, попорами и рогатинами стремились къ Красной площади, гдѣ сидѣли уже на коняхъ бояре и дворяне, числомъ до двухъ сотъ въ полномъ вооруженіи. На тревогу выбѣжали изъ домовъ своихъ и пѣ изъ Москвитянъ, копорые неизвѣстны были о заговорѣ; имъ говорили, что Липва бѣшетъ вельможъ Русскихъ, и они спѣшили за прочими, на помощь знапнымъ единокровнымъ своимъ.

Дневникъ
Пословъ.

Начальникъ заговора, Князь Василій Ивановичъ Шуйскій, видя, что Москва дружно возстаетъ за

Русь, не дождавшись, чшобы вся чернь собралась на площади, предложилъ дворянамъ немедленно на-насть на дворець, дабы не дать времени Самозванцу опомниться и можетъ быть скрыться. Все согласились, что благоразуміе требовало не мѣшкашь. Шуйскій, съ крестомъ въ одной рукѣ, и съ мечемъ въ другой въѣхалъ въ Кремль чрезъ Спасскія ворота, въ сопровожденіи заговорщиковъ. Подѣхавъ къ Успенскому собору, онъ слѣзъ съ коня, приложился къ иконѣ Владимірской Богоматери, и обращаясь къ толпившемуся уже передъ соборомъ народу, воскликнулъ: *Во имя Божіе идите на злого еретика!* Все хлынуло ко дворцу.

Лѣgende и сказаніе.

Лжедмитрій, ни мало не предвидя гоповящейся для него бѣды, всю ночь провелъ въ пированіи, и съ разсвѣтомъ вышелъ освѣжиться на крыльцо. Услышавъ набавъ, онъ спросилъ, для чего звонящъ. *Пожаръ*, отвѣчали ему *, и онъ, не подозревая ничего, спокойно воропился въ чертоги свои. Но вскорѣ грозный вопль приближающихся бунповщиковъ снова вспревожилъ его. Онъ вы-

Дневникъ пословъ.

---

* *Примѣчаніе.* Въ дневникѣ Польскихъ Пословъ сказано, что отвѣтъ сей данъ Самозванцу Княземъ Димитріемъ Шуйскимъ, но нѣтъ вѣроятія, чтобы сей Князь находился при разстригѣ, въ то самое время, когда родной братъ его собиралъ уже народъ для нападенія на дворець. Развѣ Князь Димитрій не былъ ли въ числѣ гостей, пировавшихъ ночью съ Лжедмитріемъ?

спать ночевавшаго во дворецъ Басманова узнавъ,
что происходилъ. Басмановъ уже нашелъ весь Беръ.
дворъ наполненнымъ вооруженными людьми, кото-
рые на спросъ его, чего хопяшь и что за звонъ,
опивчали ему ругательными словами, и требова-
ли, чтобы онъ имъ выдалъ Самозванца. Тогда Бас-
мановъ кинулся назадъ, и приказавъ алебардщи-
камъ не впускать никого во дворецъ, поспѣшнѣе
къ разширгъ и сказалъ ему: *Мятежь! я улру,* Дневникъ
пословъ.
а ты спасайся! Въ самомъ дѣлѣ, Лжедимипрій
однимъ бѣгствомъ могъ избавишься отъ угрожаю-
щей ему опасности. При немъ находилось только
тридцать алебардчиковъ и нѣсколько Польскихъ
слугъ и музыкантовъ, и слѣдственно не было до-
стапочныхъ средствъ для обороны. Алебардчики,
видя свое малолюдство, пакъ оробѣли, что даже Беръ и Ис-
трей.
допустили, чтобы одинъ изъ дворянъ, бывшихъ
въ числѣ заговорщиковъ, пробрался между ними и
вбѣжалъ въ покой, гдѣ находился Лжедимипрій съ
Басмановымъ. Увидѣвъ Самозванца, дворяникъ за-
кричалъ: *Ну, безвременный Царь! проспался ли
ты? За чѣмъ не выходишь къ народу и не даешь
ему отчета.* Но дерзновенный сей поступокъ
имѣлъ пагубныя слѣдствія для пылаго дворяни-
на; озлобленный Басмановъ схватилъ висѣвшую на
стѣнѣ саблю и разсѣкъ ему голову. Самъ Лжеди-
мипрій, не опложившій еще своего самонадѣянна,

не перялъ надежды присушпвiемъ своимъ укро-
пиль мяшекъ. Вбъжавъ въ переднюю, гдѣ споя-
ли алебардщики, онъ выхватилъ мечъ у Курлянд-
ца Шварцгофа, вышелъ въ сѣни и, грозя мечемъ
народу, кричалъ: *Я самъ не Борисъ!* Но встрѣчен-
ный выспрѣлами, онъ спѣшилъ удалиться во вну-
преннiе покои. Мужеспвенный Басмановъ сдержалъ
данное имъ Самозванцу слово,—жертвовать собою
для его спасенiя. Оспавшись въ сѣняхъ, онъ спалъ
уговаривать Бояръ, чпобы помнили свою присягу
и удержали народъ опть свосвольснва. Въ опвѣтъ
ему, избавленный имъ опть ссылки, думный дворя-
нинъ Тапищевъ зарѣзалъ его ножемъ, и трупъ
его былъ боярами сброшенъ съ крыльца. Такимъ
образомъ, необыкновенный мужъ сей, прежде из-
мѣнившiй законному Государю своему, не отказал-
ся запечатлѣть собспвенною кровiю вѣрность
свою къ тому, кого самъ въ дружескихъ бесѣдахъ
признавалъ за Самозванца. Сiе объясняется шоль-
ко тѣмъ, что главнѣйшая спраспъ его была че-
спнолюбiе, къ удовольстворенiю коего гибель Царя
Осодора Годунова опкрывала ему путь, какъ на-
прошивъ того съ паденiемъ Лжедимишрiя исчеза-
ла для него всякая надежда сохранить свое могу-
щспво.

По смерпи Басманова, ничто уже не удержи-
вало буйныя шолны; Нѣмцы алебардщики, ни мало

не расположенные послѣдовать его великодушному примѣру, положили оружіе, и народъ не только разломалъ двери, но даже вырубилъ нѣсколько бревенъ въ стѣнѣ и наводнилъ дворецъ. Лжедмитрій съ досады рвалъ на себѣ волосы, и побѣжалъ объявивъ Маринѣ о бунтѣ, а потомъ поспѣшилъ черезъ ея покои пробраться въ каменный дворецъ, но и тутъ не надѣясь найсти возможности укрыться, онъ выскочилъ изъ окна на подмостки, устроенныя для свадебнаго празднества. Съ однихъ подмостковъ онъ хотѣлъ перепрыгнуть на другія, но оступился, упалъ съ 15-ти саженой вышины на жипный дворъ и вывихнулъ себѣ ногу. Писарле.

Марина, едва пробудившаяся отъ сна, была не одѣта; наскоро надѣвъ юбку, она въ безпамятствѣ сбѣжала внизъ подъ своды, но не находя тамъ безопасности, ворошилась на верхъ. Среди общаго замѣшательства, и при помощи ея слишкомъ простаго наряда, ее не узнали и сполкнули съ лѣстницы. Однако она добралась до своего покоя и тамъ оспалась съ женскою свиною своею. Вскорѣ люди, преслѣдовавшіе разспригу изъ комнаты въ комнату, спали ломились и въ покой, гдѣ находилась Марина. Камердинеръ ея Осмульскій, желая оспа-новить ихъ, упорно защищался въ дверяхъ. Многія Дневникъ
послѣвъ полученные имъ раны не поколебали его рѣшимо-

спи, и онъ продолжалъ опасивать дверь до пѣхъ поръ, пока ружейный выстрѣлъ не положилъ его на мѣстѣ. Спрѣлая въ него, Русскіе случайно ранили смертельно находящуюся въ комнатѣ спарую панью Хмелевскую. Москвичи бросились грабить Марину и бывшихъ при ней женщинъ, и оставили ихъ въ однѣхъ сорочкахъ. Можесть бытъ, ихъ ожидала еще и горшая участь, но геройская преданность Осмульскаго не совсѣмъ осталась для нихъ бесполезною. Она дала время Боярамъ приспѣть на выручку ихъ. Бояре разогнали буйствующиыхъ людей, отвели Марину и женщинъ ея въ особую комнату, къ которой приславили спражу, а вещи ихъ, опечатавныя, приказали положить въ кладовую.

Между пѣмъ нѣсколько десятковъ спрѣльцовъ, стоящихъ на спражѣ близъ того двора, на который упалъ Лжедимитрій, нашли его лежавшимъ безъ чувствъ, облили водою и перенесли на каменный фундаментъ, сломаннаго по приказанію его деревяннаго дворца Царя Бориса. Придя въ себя, Самозванецъ спалъ умолять Спрѣльцовъ, чтобы обороняли его, обѣщая имъ въ награду женъ и помѣстья Бояръ. Обольщенныя Спрѣльцы рѣшились споять за него и опогнали ружейными выстрѣлами первыя полны людей, сбѣжавшихся къ тому мѣсту, гдѣ находился расприга. Но

Князь Василій Ивановичъ Шуйскій убѣждалъ единомышленниковъ своихъ докончивъ начатое и говорилъ имъ: *Мы имѣемъ дѣло не съ такимъ человекомъ, который могъ бы забыть малѣйшую обиду; только дайте ему волю, онъ запоетъ другую пѣсню: предъ своими глазами погубитъ насъ въ жесточайшихъ мукахъ! Такъ мы имѣемъ не просто съ каварнымъ плутомъ, но съ свирѣпымъ чудовищемъ; задушимъ, пока оно въ ямѣ! Горе намъ, горе женамъ и дѣтямъ нашимъ, если бѣгътъ изъ пропасти!* Тогда въ народѣ завопили: *Пойдемъ въ стрѣльцкую слободу, истребимъ семейства стрѣльцовъ, если они не хотятъ выдать измѣнника, плута, обманщика!* Сею угрозою успрашенные стрѣльцы бросили ружья свои, и не препятствовали Боярамъ схватить Лжедимирія Беръ. и внести его въ дополь занимаемые имъ покои деревяннаго дворца, которые вмѣсто прежняго великолѣпія являли уже опротивительные слѣды грабительства и разоренія. Въ передней Самозванецъ прослезился, увидѣвъ алебардчиковъ своихъ стоявшихъ безъ оружія и съ поникшею головою. Одинъ изъ нихъ, Ливонецъ Фирспенбергъ, сжалившись надъ нимъ, пробрался въ комнапу, куда положили его, вѣрояно въ намѣреніи прислуживать ему. Но преданность Фирспенбергова содѣлалась для него самою гибельною; одинъ изъ дворянъ

заговорщиковъ закололъ его. Попомъ всѣ обступили Самозванца, на котораго вмѣсто сорваннаго съ него плащя, надѣли кафланъ пирожника. Озлобленные люди безжалостно вымѣщали на немъ за понесенныя отъ него обиды. Тѣ, которые довольствовались ругать его, оказывались милосердыми, въ сравненіи съ другими, ударявшими его. Вообще домогались, чтобы онъ самъ сказалъ, откуда онъ родомъ. Но несчастный зналъ, что только упорствуя въ самозванствѣ, можетъ нѣкоторыхъ людей оставить въ сомнѣніи и тѣмъ сохранить слабую надежду къ спасенію своей жизни. Въ семъ убѣжденіи, онъ не преставалъ увѣрять, что дѣйствительно сынъ Царя Іоанна Васильевича и ссылался на свидѣтельство матери своей, которую просилъ допросить. Въ семъ ему не отказали, и Князь Иванъ Васильевичъ Голицынъ, съ четырьмя другими сановниками, отправились въ Вознесенскій монастырь, и именемъ опечества прѣбывали отъ Царицы чистосердечнаго признанія. Царица съ раскаяніемъ объявила, что сынъ ея, пораженный въ Угличѣ по повелѣнію Бориса, почто умеръ у нея на рукахъ, а что сего ей невѣдомо откуда пришедшаго, злодѣя согласилась принять за своего сына только по женской слабости страха ради. Нагіе также подтвердили ея слова. Князь Голицынъ, ворошившись во дворецъ, сказалъ разспри-

Пасрле.

Дѣла Польскіа, Де Ту, Пасрле и Беръ.

гѣ, что мнимая мать отрывается отъ него. Сраженный сею вѣспію, Самозванецъ спалъ просить, чпобы его вывели на лобное мѣсто, общаясь тамъ всенародно объяснишь истину. Слова сіи были приняты въ видѣ косвеннаго признанія. Народу, полпившемуся подъ окнами на дворѣ, и прилежно освѣдомляющемуся о всѣхъ рѣчахъ Лжедимишрія, объявили, что онъ виновна. Тысячи голосовъ завопили: *Бей его, руби его!* Тогда между наполняющими царскіе черпоги людьми, прошѣнился Боярскій сынъ Григорій Валуевъ, и сказавъ: *Чего толковать съ еретикомъ? Вотъ я благословлю Польскаго свистуна,* ружейнымъ выстрѣломъ изъ-подъ армяка убилъ разспригу. Присутствующіе въ ожесточеніи своемъ, саблями съкли бездушный прупъ и сбросили его съ крыльца на тѣло Басманова, говоря: *Ты любилъ его живаго, не расставайся и съ мертвымъ.* Нѣсколько времени спустя, чернь, обнаживъ оба прупа, повлекла ихъ чрезъ Спасскія воропа на Красную площадь. Тѣло Лжедимишрія тамъ положили на сполъ, длиною въ аршинъ, такъ, что свѣсившіяся ноги касались груди Маржереть и Дневникъ по-словъ. Басманова, положеннаго на скамьѣ, подъ споломъ. Прискакавшій верхомъ изъ Кремля дворянинъ съ Петрей. волюнкою и маскою, всунулъ волюнку разспригѣ въ ротъ, а маску положилъ на брюхо и сказалъ:

Ты, негодяй, часто насъ заставлялъ дудить; теперь самъ дуди въ нашу забаву.

Дневникъ по-
словъ, Днев-
никъ Мари-
ны, Беръ и
Паерле.

Местъ народная еще не удовлетворялась убіе-
ніемъ Лжедимитрія. Оставалось раздѣлаться съ
Поляками, не менѣе его ненавистными. Изъ най-
денныхъ во дворцѣ Польскихъ музыкантовъ 17-тъ
человѣкъ были убиты, а оспальные восемь оспа-
влены за мертво. Чернь, упоенная буйствомъ и
подспрекаемая переодѣтыми монахами и попами *,
бросилась къ домамъ, занимаемымъ Поляками. Вездѣ,
гдѣ по малолюдству своему иноземцы сіи или
вовсе не оборонялись, или оборонялись безуспѣшно,
ихъ безщадно убивали или грабили, а женъ и до-
черей уводили. Въ особенности кровопролитіе бы-
ло ужасное на Никипской улицѣ, гдѣ жили Мари-
нины служилыи. Ожесточенные Москвитяне не
оказывали должнаго праводушія даже и въ отно-
шеніи къ пѣмъ, кои опдавались имъ на вѣру.
Панъ Тарло, запершись въ домъ своемъ съ супру-
гою своею, съ паньєю Гербурповою и паномъ
Любомирскимъ, гоповилея защищаться; но по убѣж-
денію бывшихъ при немъ женщинъ, согласился по-
ложивъ оружіе, въ замѣнъ даннаго ему опъ напа-

---

* *Примѣчаніе.* О семъ содѣйствіи Русскихъ духовныхъ
лицъ, свидѣтельствуетъ, впрочемъ, только Полякъ, писав-
шій дневникъ Марины.

дашелей кляшвеннаго обѣщанія, что не будетъ ему причинено ни малѣйшаго вреда. Но лишь только онъ выдалъ имѣющіяся у него въ домѣ ружья и сабли, то народъ вломился къ нему, убилъ тридцать изъ его служителей, другихъ переранилъ и все имущество разграбилъ. Съ самаго пана Тарло сорвали всю одежду до послѣдней рубахи. Той же участи подверглись супруга его, панья Гербурпова и панъ Любомирскій. Впрочемъ, среди исповснвъ самоуправія, чувство состраданія не во всѣхъ сердцахъ угасло; нѣкопорые изъ Поляковъ были спасены хозяевами занимаемыхъ ими домовъ, копорые дали имъ способъ укрыться. Также опспоялись дома воеводы Сендомирскаго, сына его и Князя Вишневецкаго, обороняемые многочисленными служителями. Первымъ ударамъ подвергся воевода по случаю сосѣдства занимаемаго имъ Годунова дома опъ дворца, но самое обстоятельство сіе послужило къ его спасенію, ибо дало возможность находящимся во дворцѣ дворянамъ во время прискакать на его выручку. Уже народъ осыпалъ камнями дворъ и подвезъ пушки для разгромленія прочныхъ стѣнъ дома, но дворяне удержали чернь и требовали, чтобы воевода выслалъ опъ себя довѣреннаго къ Боярамъ. Мнишекъ колебался, опасался подвергнушь гибели высланнаго, но когда дворяне предложили ему принять въ

аманапы одного стрѣльцаго голову, по онъ рѣшился пересадить черезъ заборъ старшаго служителя своего Гоголинскаго. Приванный въ думу Боярскую, Гоголинскій убѣдился, что Русскіе сановники не раздѣляютъ свирѣпой ярости своихъ соотечественниковъ прошивъ Поляковъ. Тапищевъ ошъ имени прочихъ членовъ думы сказалъ ему: *Всемогущій Богъ взираетъ на всть царства, и по волю своей располагаетъ ими; безъ воли же Его ничто не можетъ быть. Сіе должно сказать о настоящемъ происшествіи. Господь не восхотѣлъ, чтобы хищникъ, не царской крови, овладѣвъ нашимъ Государствомъ, долго утѣшался своею добычею. Господство его кончилось. И твой панъ, по всей справедливости заслуживаетъ равную участь: онъ покровительствовалъ Самозванцу, привелъ его въ наше Государство, былъ виною встѣхъ минувшихъ бѣдствій и кровопролитія; наконецъ въ спокойной землѣ нарушилъ миръ и произвелъ мятежъ. Но Богъ сохранилъ его до настоящаго часа; да восхвалитъ теперь благость Господню: опасность его миновала. Иди и возвьсти о семъ господину твоему. Сіи слова, изъясняющія справедливое негодованіе, удержанное въ предѣлахъ приличія и умѣренности, успокоили воеводу. Для вѣщнаго охраненія его, Бояре приславили къ дому сразу изъ стрѣльцовъ.*

Изъ всѣхъ пановъ полько одинъ Князь Вишневецкій дѣйствительно находился готовымъ къ отпору, ибо зналъ, что былъ предметомъ злобы Москвичей. На занимаемомъ имъ обширномъ дворѣ Господаря Волошкаго, онъ держалъ въ сборѣ 200 копѣйщиковъ своихъ. Бояре также прислали для охраненія его небольшой стрѣлецкій отрядъ, но оный не въ состояніи былъ удержатъ подступившія многочисленныя толпы, которыя ворвались было на дворъ, но были опогнаны ружейными выстрѣлами Поляковъ. Тогда Москвичи подвезли пушку и съ новымъ ожесточеніемъ бросились къ двору. Вишневецкаго люди защищались храбро. Сраженіе сдѣлалось упорное; однихъ Русскихъ пало до 300. Со стороны Поляковъ уронъ дополоу былъ незначителенъ; стрѣляя изъ-за стѣны, они лишились полько 18-ти человекъ. Но должно было предвидѣть, что имъ долго не устоятъ пропивъ непомѣрнаго числа нападающихъ на нихъ обывателей.

Между тѣмъ Бояре, съ сокрушеніемъ видѣвшіе, что торжество дѣла опечиственнаго запынывается кровопролитіемъ бесполезнымъ, прилагали всѣ возможныя усилія къ прекращенію онаго. Они скакали изъ улицы въ улицу, унимая народъ. Князь Василій Ивановичъ Шуйскій и Иванъ Никипьевичъ Романовъ явились передъ домомъ Вишневец-

каго, уговаривали его не продолжашь бесполезнаго сопротивленія и кляпвенно обѣщали, что онъ останеся невредимъ, если повѣритъ имъ свою участь. Вишневецкій согласился на сіе и впустилъ ихъ къ себѣ. Шуйскій прослезился, увидѣвъ дворъ, усманннй Русскими трупами. Вишневецкаго, для спасенія его опть ярости народной, опослали въ другой домъ; но чернь разграбила имущество и обобраа людей его.

Бояре присушествіемъ своимъ спасли также Маринина брата, спаросту Саноцкаго. Впрочемъ на домъ его не сильно напиралъ народъ, пошому что оный только одною улицею отдѣлялся опть Посольскаго двора, гдѣ находилось въ сборѣ довольно значительное число вооруженныхъ Поляковъ.

Дневникъ
Пословъ.

При первомъ слухѣ о мяшежѣ, Послы заперли дворъ свой и обсавили гайдуками заборъ, въ намѣреніи защищашься до послѣдней крайности. Но болѣе чѣмъ оборонительными мѣрами, охранялись они народнымъ правомъ, споль священнымъ для Москвичей, что достапочно было увѣщаній находящихся при послахъ приспавовъ для удержанія опть непріязненныхъ дѣйствій шоплящихся около двора людей. Бояре, съ своей стороны желая успокоить пословъ, послали къ нимъ дворянина Нащокіна съ поварищемъ. Гонсѣвскій, вышедшій для свиданія съ ними, спалъ въ воро-

шахъ. Нащогинъ не слъзая съ коня, сказалъ: *Князь Ѳедоръ Ивановичъ Мстиславскій да Князь Василій и Князь Дмитрій Ивановичи Шуйскіе, и другіе* О убійствѣ Дмитрія Государя Московскаго, въ рукописяхъ Пулавской бібліотеки.
Бояре товарищи ихъ, велѣли сказать вамъ, Посламя Сигизмунда, Короля Польскаго и Великаго Князя Литовскаго: Въ областяхъ Государя вашего
 го извѣстно было, что послѣ смерти Царя Ивана Васильевича остался малолѣтнѣйшій сынъ Дмитрій, и жилъ въ Угличѣ. Но, по грѣху нашему и по волю Божіей, Дмитрій Ивановичъ, законный Царевичъ нашъ, лишился жизни дѣйствіемъ злыхъ людей. Долгое время спустя, Гришко Богдановъ сынъ Отрепьевъ, монахъ дьяконъ, вдавшись въ ересь и чернокнижство, и опасаясь за то наказанія, бѣжалъ въ область вашего Государя въ Литву, и тамъ назвавшись Царевичемъ Дмитріемъ Ивановичемъ, обманулъ и насъ и васъ. Единоземцы ваши вступили съ нимъ въ Государство Московское. Потомъ и мы взбунтовались послѣ смерти Царя Бориса Ѳедоровича, приняли его себѣ въ Государи. Сѣвъ на престолъ, онъ разорялъ Государство, жилъ безгинно, хотѣлъ истребить нашу христіанскую вѣру и ввести еретическую. Царица, которую онъ называлъ матерью, изобличила его передъ Боярами, и какъ всѣ убѣдились въ обманъ, то долге его терпѣть не хотѣли. Теперь не стало вора. Однако жъ такъ какъ вы Послы, присланы отъ вашего Государя, отъ земли

къ земль, то вамъ опасаться нечего. Бояре прика-
зали тщательно оберегать жизнь вашу. Только
предостерегаютъ васъ, чтобы вы и люди ваши не
мѣшались съ Старостою Саноцкимъ, съ его людъ-
ми и съ другими, не при васъ находились, ибо
ни вы къ нимъ, ни они къ вамъ ни погему не при-
надлежите. Они прѣѣхали съ воеводою Сендомир-
скимъ, въ надеждѣ завладѣть Москвою, и приги-
нули много зла Русскимъ людемъ. Гонѣвскій опи-
сывалъ по Руски: Правда, извѣстно было у насъ,
что послѣ великаго Государя вашего Ивана Ва-
сильевича остался сынъ Дмитрій! Также слышно
было и о томъ, что Борисъ Годуновъ велѣлъ его
убить измѣнически. Но потомъ, когда сей чело-
вѣкъ явился въ Государствѣ Короля, его милости,
разсказывая, что онъ именно тотъ Дмитрій Ива-
новичъ, и что Богъ чудесно спасъ его отъ гибели, то
люди наши, жальшіе прежде о смерти Дмитрія,
порадовались видя его въ живыхъ. Да и вы сами радо-
вались, считая его истиннымъ Царевичемъ Дмитри-
емъ Ивановичемъ. Ваши же Рускіе люди и самыя
дульныя Бояре посадили его на престолъ. Нынѣ, какъ
сказывали ты, узнавъ, что онъ самозванецъ, убили
вы его. Намъ до того дѣла нѣтъ — пусть Богъ по-
можетъ вамъ по правдѣ вашей. Мы послы весьма
покойны по предмету нашей безопасности, ибо не
только съ Христіанскихъ Государствъ, но даже

и въ бусурманскихъ, особа Пословъ неприкосновенна. Однакожь мы благодаримъ Бояръ за ихъ доброжелательство. Что же касается до пана Старосты Саноцкаго и до другихъ подданныхъ Короля, его милости, прибывшихъ сюда съ паномъ воеводою, то и они прѣѣхали не на войну и не для того, какъ вы говорите, чтобы завладѣть Москвою, а на свадьбу, по приглашенію того, кто былъ у васъ Государемъ, васъ самихъ и всей земли вашей, чрезъ посредство посланника вашего. Они вовсе не вѣдали, чтобы Государь вашъ не былъ истиннымъ Димитріемъ, и неистовствъ также никакихъ не дѣлали. Если же кто изъ служителей причинилъ кому обиду, то на то есть судъ: за виновнаго никто не стоитъ, только за вину одного не должны страдать все. И такъ поблагодаривъ думныхъ Бояръ за прѣзнь, которую черезъ васъ намъ изъявляютъ, просите ихъ нашими именемъ, строго наблюдать, чтобы не проливать кровь людей Короля, его милости ни въ чемъ не виновныхъ и охраняемыхъ существующимъ между обоими Государствами миромъ. Упаси Господи, если станутъ убивать ихъ передъ нашими очами! Тогда не только не въ состояніи мы будемъ удержатъ челяди нашей, но сами не будемъ равнодушно смотрѣть на кровь братьевъ нашихъ, и согласимся лучше все влиять погибнуть. Какія же отъ того могутъ быть послѣдствія, легко рассу-

дуть дулильль Боярамъ и валь салмиль! Нацокинь донесъ Боярамъ о слышанномъ имъ. Они для надежнѣйшаго предохраненія Пословъ, почли необходимымъ пославишь на спиражъ при ихъ дворѣ пяписотный спрълецкій опрядъ.

Дневникъ
пословъ.

Польскіе Жолнеры не подали ни малѣйшей помощи погибающимъ соопечественникамъ своимъ. Ропы Юрія и Яна Мнишковыхъ хопя сначала и показывали нѣкопорую гоповность нппи на вырчку своихъ пановъ и сѣли на коней, но такъ какъ заговорщики успроили завалы на улицѣ, вдущей къ занимаемому ими двору, шо они не опважились преодолѣть сіе препятствіе, и до пакой степени упали духомъ, чпо безъ всякаго сопрошвленія, позволили запреть себя на своемъ дворѣ, гдѣ у нихъ опюбрали оружіе, лошадей и все имущество ихъ. Самозванцева ропа, по крайней мѣрѣ, не покорилаь такъ постыдно. Она выѣхала изъ города въ поле, и тамъ заключила договоръ, по коему получила дозволеніе возвраппишья въ Польшу, но съ утрашою всего имущества своего.

Пасрле.

О убійствѣ
Димитріа.

Пасрле.

Наконецъ за часъ до полудня, прекрапилась рѣзня, продолжавшаяся семь часовъ. Современники не соглашуются въ исчисленіи жерпвъ сего кроваваго утра. Если вѣрнпшь Де-Ту, основывающему разсказъ свой на словахъ Каппшана Маржерета,

Поляковъ пало 1,200, а Русскихъ 400. Поляки уменьшаютъ уронъ своихъ единоземцевъ и весьма увеличиваютъ шаковой же Русскихъ. Напрошивъ того Нѣмецкій Паспоръ Беръ увѣряетъ, что однихъ Поляковъ убито 2,135.

Казалось, что посредствомъ мятежа шорже-спвующая чернь не скоро возвратится къ законному порядку и что должно было еще опасаться новыхъ своевольствъ и насилій. Но Москва отличилась явленіемъ необыкновеннымъ. Жители ея, наказавъ справедливо, но свирѣпо и самоуправно обидчиковъ опечеспва, мирно предались отдохновенію и домашнимъ занятіямъ своимъ. Въ слѣдующую ночь цѣлый городъ былъ погруженъ въ глубочайшее молчаніе и тишину; также и на другой *Légende.* день не было ни малѣйшей тревоги.

Но важныя заботы ожидали еще Русскихъ. Царскій престолъ, очищенный отъ *вора*, находился празднымъ. Церковь также не имѣла главы; ибо пошворникъ папекства, Игнатій, не могъ оставаться Папріархомъ; его опослали подъ начальство въ Чудовъ монастырь. Превжній Папріархъ Іовъ, во время ссылки своей ослѣпъ, и потому нельзя было ему снова вручить управление церкви. Предстояло избрать и новаго Царя и новаго Папріарха.

Начальникъ народнаго возстанія, Князь Васи-

лій Ивановичъ Шуйскій, сполялъ уже на такой высокой степени могущества и знаменитости, что и безъ имени Царскаго казался насполицимъ Государемъ, и что вѣнецъ прародителя его Момоха какъ бы самъ собою ложился на главу его. Но сіе самое отвращало отъ него Бояръ, желавшихъ, чтобы избранный ими, имъ же, а не самому себѣ былъ обязанъ своимъ величіемъ. Къ тому же должно замѣтить, что въ самомъ дѣлѣ, не смотря на знатность его происхожденія и чрезвычайныя способности устойчиваго и обширнаго ума, воцареніе его не обѣщало Россіи той прочности, въ коей въ особености она нуждалась послѣ преперпѣнныхъ ею бѣдспвій. Уже въ преклонныхъ лѣтахъ онъ былъ бездѣпнымъ, и слѣдспвенно должно было опасаться или новыхъ смуть, съ упраздненіемъ престола сопряженныхъ, или, что наследуетъ по немъ братъ его, Князь Дмитрій, коего за неспособность и злонаравіе вообще презирали и ненавидѣли. Въ сихъ обспоятельствахъ, не удивительно, что многіе вельможи показывали наклонность принять Государя изъ дома Голицыныхъ, которые послѣ Шуйскихъ и Мспиславскаго, рѣшительно не желавшаго престола, считались первѣйшими людьми въ Государствѣ. Совершеннолѣпныхъ Князей Голицыныхъ было тогда четверо: шри брата родныхъ—Василій, Иванъ

и Андрей Васильевичи, и двоюродный ихъ братъ Иванъ Ивановичъ Шнакъ. Сей послѣдній, хопя старшій въ родѣ, былъ опетраненъ по причинѣ его ничтожности. Также не полагали чпобы приличіе дозволяло вручить державу, Князю Василю Васильевичу, споль обезславившему себя злодѣйскими дѣйствіями своими пропивъ Царя Ѳедора Борисовича. Потому всѣ помышленія друзей Голицыныхъ успремились къ избранію Князя Ивана Васильевича. Но въ первомъ пылу народной признапельности къ Князю Шуйскому, не легко было бы убѣдить Московскихъ гражданъ предпочестъ кого бы по ни было сему Князю, копорый раздѣлялъ съ ними шруды и опасности мятежа и копораго всѣ признавали первымъ виновникомъ избавленія опечества. Для того, пропивники его почли необходимымъ медлить избраніемъ. Ими направляемая дума Болрская разсудила, что въ споль великомъ дѣлѣ нужно сослаться со всѣмъ Государствомъ и предоставить Великой Земской Думѣ возвестъ на престоль, кого цѣлая Россія признаетъ достойнѣйшимъ.

Но Шуйскій съ своей спороны не оспавался въ бездѣйствіи. Понимая, что мнѣніе Болръ, по видимому основанное на сущей справедливости, внушаемо было имъ однимъ недоброжелательствомъ къ его лицу, онъ ни сколько не располо-

Беръ.

Рукопись
Филарета.

женъ былъ спокойно дожидаться, чшобы охладилась признапельность народная къ нему, и попому рѣшился немедленно обратиться къ суду Москвипянь. Спараніемъ его приверженцевъ, 19-го числа въ 6 часовъ утра, купцы, разнощики и ремесленники, спекались на Красную площадь. Бояре, вшпревоженные симъ скопищемъ, вышли также на площадь, въ сопровожденіи знашнаго духовенства; намѣреніе ихъ было, отвлечь народъ отъ избранія Царя, предложивъ ему заняться выборомъ Паптріарха, а между тѣмъ разослать грамоты во все города Россійскаго государства, чшобы выборные люди съѣзжались въ Москву, для назначенія Государя общимъ совѣтомъ. Но народъ возопилъ, что для исцѣленія опечесшвенныхъ язвъ Царь нужнѣе Паптріарха, и что попому сперва слѣдуетъ избрать Царя, кошорый уже самъ назначилъ Первосвящшителя. Тогда клеветы Шуйскаго спали разглашать, что никто не можетъ имѣть болѣе права на престолъ, какъ *мужественный и благородный обличитель и посрамитель нечестиваго Отрепьева*, присовокупляя къ пому, что самъ Князь Василій Ивановичъ происходитъ отъ ближайшей опрасли древняго царшвеннаго дома. Въ отвѣтъ имъ, со всехъ споронъ площади, закричали: *Да будетъ надъ нами надо всѣми Князь Василій Ивановичъ*. Вельможи не посмѣли проши-

виписья общему побужденію, и сами провозгласили Шуйскаго Царемъ и Великимъ Княземъ всея Россіи.

Новый Царь прямо съ площади поѣхалъ въ Успенскій Соборъ. Хотя не Бояре возводили его на престола, не менѣе того не желая раздражить первое сословіе въ Государствѣ, онъ не опоздался исполнить даннаго обѣщанія своимъ прежнимъ поварищамъ, во время составленія заговора противъ разсприги. Прежде нежели кто либо изъ Русскихъ присягнулъ ему, онъ самъ торжественно въ соборѣ цѣловалъ крестъ по изгововленной записѣ на томъ, чптобы никого не казнить смертію безъ суда боярскаго, чптобы не опнимать имѣнія у невинныхъ женъ и дѣтей избличенныхъ преступниковъ и чптобы, не давая вѣры пайнымъ донощикамъ, спавить ихъ съ очей на очи съ оговоренными, и въ случаѣ клеветы подвергать шакому же наказанію, какое законъ опредѣлялъ за взводимое ими преступленіе. На другой день списки съ сей важной записки посланы были во всѣ города Россійскіе вмѣстѣ съ извѣстительною грамошою о восшествіи на престола новаго Царя и съ образцовою подкресною записью, по коей повелѣвалось приводить къ присягѣ всѣхъ людей Московскаго Государства. Также разослали

повсюду и грамоту Царицы Марѣы, удостовѣряющую о самозванствѣ Опреньева *.

Первымъ спараніемъ новаго правительсва было очищеніе Московскихъ улицъ опъ лежавшихъ на оныхъ Польскихъ шруповъ, обезображенныхъ псами и площадными лекарями, вырѣзывавшими изъ оныхъ жиръ для соспавленія мнимоцѣлебныхъ мазей. Тѣла сіи были вывезены за городъ и похоронены на убогомъ домѣ. Басмановъ былъ схороненъ уже у церкви Николы Мокраго, спараніемъ брата его своднаго Князя Ивана Васильевича Голицына. Но шрупъ Опреньева оставался еще на площади предметомъ поруганія черни. Въ ночи съ 19-го на 20-е число, показалось сперегущимъ оной людямъ, что они видятъ около спола, на коемъ лежало пѣло, свѣшъ, который исчезалъ, когда они подходили, и снова просіявалъ, коль скоро они удалялись. Мечпа ли по была ихъ суевѣрнаго предубѣжденія, или дѣйствительно являлся фосфорическій свѣшъ, часпо сопровождающій, посредствомъ гнилости производящеся раствореніе органическихъ шѣлъ; не еспешивенное исполкованіе явленія не было бы сообразно духу тогдашняго времени. Всѣмъ каза-

---

* Смотри Приложенія № XIV и XV.

лось несомнѣннымъ, что свѣтъ сей означалъ чародѣйство покойника, въ чемъ еще болѣе убѣдились въ слѣдующее утро, когда по приказанію начальства повезли тѣло въ убогій домъ за Серпуховскія воропы. Лишь только миновали воропы сіи, какъ поднялась жестокая буря, копорая сорвала крышу съ одной изъ трехъ башень, на воротахъ находящихся, и повалила деревянную городскую стѣну до Калужскихъ воропъ. Къ довершенію убѣжденія народнаго въ чернокнижествѣ Отрепьева, съ 18-го по 25-е Мая настали силь-Маржереть. ные морозы, повредившіе не только деревья и хлѣбъ, но даже луговую траву. Для прекращенія дальнѣйшихъ злошворныхъ дѣйствій умершаго колдуна, почли необходимымъ развѣять самый прахъ его. 28-го Мая тѣло его было вырыто и сожжено на копахъ. Пепломъ зарядили пушку и Никоновская Лѣтопись и высвѣрѣлили по Смоленской дорогѣ, откуда Само-Дневникъ званецъ пришелъ въ Москву. послѣвъ.

Хотя подробное изложеніе походовъ Лжедимитрія доспапочно доказываетъ его самозванство, но такъ какъ въ Польшѣ и даже въ самой Россіи есть еще люди, сомнѣвающіеся въ сей истинѣ, по кажемся не лишнимъ предсказать въ совокупности и пщательно взвѣсить всѣ доводы, на коихъ могло бы основываться мнѣніе о подлинности перваго Димитрія. Писатели, под-

держивающіе оное, говорятъ : 1-е, что Русскимъ лѣтописцамъ и Шведскому посланнику Петрею, единогласно утверждающимъ самозванство Опрѣева, не лзя давать вѣры , пошому что Русскіе писали подѣ вліяніемъ шоржеспвующей враждебной Димитрію стороны , а Петрей также долженъ былъ ненавидѣть еспественнаго союзника изгнаннаго Шведами Короля Сигизмунда ; 2-е, что не заслуживаютъ большаго вниманія и свидѣтельство многихъ знаменитыхъ людей въ Польшѣ, какъ по Замойскаго, Жолкѣвскаго и прочихъ, опзывающихся о немъ, какъ о Самозванцѣ, понеже не безъизвѣстно никому, въ какой враждѣ Польскіе вельможи жили другъ съ другомъ, такъ что доспапочно было того, что Вишневецкіе и Мнишекъ принимали Димитрія за истиннаго, чшобы Замойскій и Жолкѣвскій оглашали его подложнымъ ; 3-е, что напрошивъ того , современники : Маскѣвичъ , Товянскій , Маржеретъ и Паерле неукоснительно признаютъ его за истиннаго сына Царя Іоанна Васильевича, а Товянскій даже подробно объясняетъ, какимъ образомъ онъ спасся отъ изготовляемой ему Годуновымъ гибели ; 4-е, что невѣроятно, чшобы Король Сигизмундъ рѣшился всунуться за бродягу, а Мнишекъ выдать за него дочь свою, а также, чшобы Россійское войско и Московскіе бояре поддались ему,

если бы дѣйствительно онъ не имѣлъ ни какого права на присвоемое имъ имя; 5-е, что необыкновенные на пѣлѣ признаки являютъ его наспоющимъ Царевичемъ Димитріемъ; 6-е, что если бы онъ былъ бѣднымъ дѣякономъ, то не гдѣ бы ему доспашъ богашый крестъ, который онъ показывалъ Князю Вишневецкому, будучи еще у него въ услуженіи, и наконецъ, 7-е, что Царица инокиня Марѳа не согласилась бы признашъ бѣлаго инока за своего сына, и по крайней мѣрѣ при первомъ свиданіи, съ нимъ происходившемъ при великомъ спеченіи народа, не могла бы оградиться отъ невольнаго содроганія, если бы вынужденною находилась учаспвовашъ въ богомерзкомъ обманѣ *.

На все сіе можно возразишъ слѣдующее: 1-е, что не всѣ Русскіе лѣпописцы писали въ одномъ духѣ. Напримѣръ Псковская лѣпопись очевидно не благопріятствуетъ ни Шуйскому, ни съ воцареніемъ Романова поржеспвующей споронѣ, но и

---

* *Примѣчаніе.* Большая часть сихъ доводовъ приведены въ доказательство подлинности Царя Димитрія, извѣстнымъ Польскимъ писателемъ Нѣмцевичемъ, который въ Исторіи Царствованія Сигизмунда III разысканія свои о семъ предметѣ дѣлалъ съ такимъ легкомысліемъ, или пристрастіемъ, что не усумнился присовокупить еще къ симъ доводамъ письмо Харлецкаго, въ коемъ сей Польскій Шляхтичъ убѣждаетъ неизвѣстнаго пріятеля своего вѣрить, что Самозванецъ, въ службѣ коего онъ находится, есть истинный Димитрій. Но письмо сіе, въ подлинникѣ при-

сія лѣтопись свидѣтельствуетъ о самозванствѣ Отрепьева; 2-е, что гадательно приписывать одной, ничѣмъ впрочемъ не доказанной, ненависти къ Мнишку и Вишневецкимъ мнѣніе Государственныхъ мужей, каковыми были Замоискій и Жолкѣвскій, оппюдь не сообразно съ правилами здравой крипки; 3-е, что Польскіе шляхпичи Маскѣвичъ и Товяискій, Французъ Маржеретъ, приближенныйій изъ слугъ Самозванца, и Аугсбургскій купецъ Паерле, уграпившій въ Москвѣ во время мятежа привезенные имъ подъ покровительствомъ Поляковъ товары, ни сколько не могутъ почищаться безприсрасшными свидѣтелями, и что напропивъ того, по естественной наклонности къ Самозванцу, они должны были выдавать его за истиннаго Царевича; къ тому же Товяискій въ разсказѣ своемъ очевидно баснословипъ, ибо увѣряетъ, что Димитрій, спасенный отъ убіенія въ Угличѣ, нашелъ убѣжище на

веденное самимъ Нѣмцевичемъ, вовсе не относится до Отрепьева, ибо писано въ Октябрѣ 1607 года, то есть семнадцать мѣсяцовъ послѣ смерти перваго Самозванца. Въ ономъ Харлецкій домогается выдать за истиннаго Димитрія втораго Лжедимитрія, въ лѣтописяхъ Русскихъ называемаго Тушинскимъ воромъ, въ самозванствѣ коего никто, никогда, ни въ Россіи, ни въ Польшѣ не сомнѣвался. На такихъ - то достовѣрныхъ свидѣтельствахъ основывался Польскій Историкъ!

Украинъ, у жившаго памъ въ ссылкѣ опца своего крестнаго, Князя Ивана Федоровича Мстиславскаго, хопя Князь сей никогда на Украину ссылаемъ не бываль, и умеръ въ Кирилловскомъ монастырѣ, въ 1586 году, по еспъ за пять лѣтъ до несчастнаго Углицкаго происшествія; 4-е, чпо Король Польскій, увлеченный Езуитами, могъ полагать, чпо Государственнаа польза претбовала отъ него поддерживать соперника Годунова, хопя и безъ внупреннаго убѣжденія о дѣйствительности правъ сего соперника. Мнишекъ шакже не долженъ былъ оказывать большой разборчивости, въ признаніи Царскаго происхожденія въ помъ, кпо дочь его сажалъ на Московскій престолъ; впрочемъ замѣчательно, чпо старшій воевода въ душѣ своей не сомнѣвался въ самозванствѣ своего зяпъ, ибо въ противномъ случаѣ онъ не упустилъ бы еще въ Самборѣ совершить бракъ Марины, и такимъ образомъ упрочить на главѣ ея Царскій вѣнецъ, въ случаѣ успѣха зяпъ, пѣмъ иначе, чпо если бы даже и неудача постигла Димитрія, то и шупъ для Марины большая бы честь была оставаться супругою или вдовою Московскаго Царевича. Но видимъ, чпо Мнишекъ не иначе допустилъ бракъ дочери, какъ по воцареніи Самозванца въ Москвѣ. Чпо же касается до подданства Россійскаго войска и шаковаго жъ

Московскихъ бояръ, по первое было дѣломъ не убѣжденія, а измѣны Басманова, подкрѣпленной вссообщей ненавистью къ дому Годуновыхъ, а второе вынуждено возспаніемъ прельщенныхъ или заспращенныхъ жителей столицы; 5-е, что одинакіе признаки на шлѣ часто встрѣчаются на людяхъ, не имѣющихъ никакого сродства между собою, и сія игра природы могла бы только подкрѣпить другія доказательства, если бы такіе существовали, а нисколько не замѣняютъ совершенный недоспапокъ оныхъ; 6-е, что богатымъ кресломъ легко могли снабдить Самозванца направлявшіе его Езуиты; и наконецъ, 7-е, что Царица Марѳа, по собственному объявленію своему, признала Самозванца за своего сына единственно спраха ради, и что впрочемъ первое свиданіе ея съ Отрепьевымъ происходило не всенародно, а на единѣ, въ шатрѣ съ глазу на глазъ.

Объяснивъ неосновательность всѣхъ приводимыхъ доводовъ въ пользу Лжедимирія, оспаривая еще напомнишь два важныя обстоятельство, которыя, кажется, достаточно опровергаютъ всякое возможное сомнѣніе на счетъ самозванства его. Первымъ мы обязаны самому Отрепьеву. Возсѣвъ на Московскомъ престола и спокойно обладая всѣмъ Государствомъ, онъ неминуемо обязанъ былъ обнаруживать всѣ подробности своихъ по-

хожденій, и какъ справедливо замѣчаетъ знаменитый сочинитель Исторіи Государства Россійскаго, указавъ своихъ воспитателей и хранищелей и мѣста своего убѣжища въ печеніи двѣнадцати лѣтъ. Не сдѣлавъ сего, онъ самъ предъ современниками и попомощвомъ изобличилъ себя въ обманѣ. Нельзя полагать, чтобы сіе обнаруженіе имъ было дѣлано, но до насъ не дошло; ибо если бы и допустишь, что хощя прочіе манифесты Лжедимирія уцѣлели въ нашихъ архивахъ, но что именно сей любопытнѣйшій изъ всѣхъ актовъ упрятанъ, то по крайней мѣрѣ Польскіе Послы не упустили бы сослаться на оный въ преніяхъ своихъ съ Русскими Боярами. Другое обспорятельство, почти равносильное первому, открываетъ намъ Беръ. Сей, жившій въ Москвѣ Нѣмецкій Паспоръ, очевидно недругъ Русскимъ и пріятель Полякамъ, сознаетъ однако самозванство Лжедимирія и основываетъ мнѣніе свое на достоверномъ свидѣтельствѣ Голландскаго аптекаря, Клаузенда, служившаго сорокъ лѣтъ при Царскомъ дворѣ, Ливонской дворянкѣ Тизенгаузенъ, бывшей повивальною бабкою у Царицы Марѣи и даже самаго Боярина Басманова. Клаузендъ говорилъ Беру, что Царевичъ походилъ на мать свою, и въ особенностяхи смуглостію лица, а въ Лжедимиріѣ никакого не видно было сходства съ Царицею. Тизенга-

узенова же, безоплучно при Царицѣ находившаяся, съ своей спороны увѣряла его, что сама видѣла Димитрія мершвымъ въ Угличѣ, и что будучи ежедневно съ нимъ, не могла бытъ обмануша никакимъ подмѣномъ. Наконецъ Паспоръ удостовѣряетъ, что самъ, въ присушествіи одного Нѣмецкаго купца, спрашивалъ по довѣренности Басманова: *Имѣетъ ли всемилостивѣйшій Государь нашъ право на престолъ Россійскій?* и что Басмановъ отвѣчалъ: *Вы, Нѣмцы, имѣете въ немъ отца и брата; онъ жалуется васъ болѣе, чѣмъ въ прежніе Государи; молитесь о счастьи его вмѣстѣ со мною! Хотя онъ и не истинный Царевичъ, однако жъ Государь нашъ: ибо мы ему присягнули, — да и лучшаго Царя найти не можемъ.* При столь ясныхъ и безкорыстныхъ свидѣтельстввахъ, подкрѣпленныхъ всѣми извѣстными обстоятельствоми похождения Лжедимитрія, самозванство его не можетъ оставаться предметомъ неразрѣшеннаго еще вопроса.

Впрочемъ многіе даже изъ числа убѣжденныхъ въ самозванствѣ Лжедимитрія, не вѣрятъ однако чтобы онъ былъ Опрепевъ! Нѣкоторые изъ Поляковъ, прибывшихъ съ нимъ въ Москву, увѣряли что онъ былъ побочный сынъ Короля Польскаго, Стефана Баторія; но сіе извѣстіе вполне опровергается тѣмъ, что Польскаго Короля сынъ съ самого рожденія своего находился бы въ Папж-

ской вѣрѣ, и попому не было бы ни какой нужды Езуидамъ перекрещивать его, какъ они по собственному признанію своему сдѣлали сіе съ Лжедимитріемъ, отправляя его въ Россію; къ тому же Баторіевъ сынъ не могъ бы такъ хорошо знать Русскій языкъ, и такъ худо Латинскій. Сомнѣніе непризнающихъ, чшобы Самозванецъ былъ Опрельевъ, главнѣйше основывается на свидѣтельствѣ Маржерета, увѣряющаго, что онъ зналъ разспригу Опрельева, который былъ совсѣмъ другой человекъ, чѣмъ Лжедимитрій, и только съ нимъ вмѣстѣ прибылъ въ Москву. Но сіе показаніе Француза Кашипана объясняется извѣстіемъ, въ Морозовской лѣтописи помѣщеннымъ, изъ коего видимъ, что Самозванецъ приказалъ весьма ему преданному монаху Пимену называться Опрельевымъ, въ надеждѣ такимъ образомъ зашмыгнуть правду. Напротивъ того доказательства, что онъ самъ Опрельевъ, ни чѣмъ доспапочно опведены быть не могутъ. Ибо если онъ не Опрельевъ, то почему оставилъ безъ наказанія злословящую его мнимую мать свою, Варвару Опрельеву, и почему ни разу не вошелъ въ Чудовъ монастырь, когда священная обитель сія всегда посѣщаемая была благоговѣющими къ ней Русскими Царями, и когда ему самому споль важно было оштрапить опъ себя опасную молву, гласившую,

что онъ спрашився предспаать предъ памошними иноками, прежними поварищами своими.

И такъ добросовѣстный разборъ различныхъ мнѣній о разспригѣ, неминуемо ведетъ къ заключенію, что первымъ Лжедимипріемъ въ Россіи былъ Опрепьевъ и пропиворѣчиль еще сему свойственно было бы только шѣмъ, кои, увлекаясь суешнымъ мудрованіемъ, щцапся опровергать всѣ историческія истины, единственно чпобы мыслиль иначе, чѣмъ мыслили ихъ предшеспвенники *.

---

* *Примычаніе.* Такъ какъ находившійся между Польскими рукописями Пулавской библіотеки дневникъ пана Борша, никогда напечатанъ не былъ, но вошелъ въ число употребленныхъ нами матеріаловъ, то полагаемъ необходимымъ представить оный въ Русскомъ переводѣ. Смотри приложенія № XVII.

К О Н Е Ц Ъ П Е Р В О Й Ч А С Т И .

ПРИЛОЖЕНІЯ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

=

№ I.

У К А З Ъ

О ПЯТИЛѢТНЕЙ ДАВНОСТИ НА ОТЫСКАНІЕ БѢГЛЫХЪ
КРЕСТЬЯНЪ.

Лѣта 7106, Ноемвріа въ 21 день, Царь и Великій Князь Феодоръ Іоанновичъ всея Русіи указалъ, и по его Государеву указу. Бояре приговорили: Которые крестьяне изъ-за Бояръ и изъ-за дѣтей Болрскихъ и приказныхъ людей, изъ помѣстей и отчинъ изъ Патріарховыхъ, Митрополичихъ, и Владычничихъ и монастырскихъ отчинъ выбѣжали до нынѣшняго 106 года за 5 лѣтъ, и на тѣхъ бѣглыхъ крестьянъ въ ихъ побѣгъ, и на тѣхъ помѣщиковъ и отчинниковъ, за кѣмъ они живутъ, отъ тѣхъ, изъ-за кого они выбѣжали судъ давати и сыскивати накрѣпко, а по суду тѣхъ бѣглыхъ крестьянъ съ женами и дѣтьми и со всеми ихъ животы отвозить назадъ, гдѣ кто жилъ. А которые крестьяне выбѣжали до сего указа за лѣтъ за 6, и за 7, и за 10 и больше, а тѣ помѣщики, или отчинники, изъ-за кого они выбѣжали, на тѣхъ своихъ бѣглыхъ крестьянъ въ ихъ побѣгъ и на тѣхъ, за кѣмъ они живутъ по нынѣшній 106 годъ лѣтъ за 6 и болѣе Царю и Великому Князю Феодору Іоанновичу не били челомъ, и Го-

сударь Царь и Великій Князь на тѣхъ бѣглыхъ крестьянъ въ ихъ побѣгъ на тѣхъ, за кѣмъ они живутъ, указаль суда не давати, и назадъ ихъ, кто гдѣ жилъ, не возити, а давати судъ и сыскъ въ бѣглыхъ крестьянахъ, которые отъ нынѣшняго году бѣжали за 5 лѣтъ. А которыя дѣла въ бѣглыхъ крестьянахъ засужены, а до нынѣшняго Государева Царева указа не вершены, и тѣ дѣла вершити по суду и по сыску и по сему уложенію.

№ II.

У К А З Ъ

О ХОЛОПЯХЪ КРѢПОСТНЫХЪ И КАБАЛЬНЫХЪ.

Лѣта 7105, Февраля въ 5 день, Государь Царь и Великій Князь Феодоръ Ивановичъ всея Русіи приговорилъ со всеми Бояры, о холопѣхъ, о полныхъ и докладныхъ и кабальныхъ людехъ, которые люди на Москвѣ и по городомъ служатъ въ холопствѣ у Бояръ, и у Князей, и у Дворянъ, и у приказныхъ людей, и у дѣтей Боярскихъ и у всякихъ служилыхъ людей, и по полнымъ и по крѣпчимъ, и по докладнымъ, и по всякимъ крѣпостямъ, и по кабаламъ по старымъ и по новымъ записнымъ, и отъ кого которые полные и кабальные холопы побѣжали, и Бояре имена своихъ холопей, и на нихъ крѣпости прислати, а Княземъ и Дворяномъ, и приказнымъ людямъ, и дѣтямъ Боярскимъ, и всякимъ служивымъ людямъ, и гостемъ, и всякимъ торговымъ людямъ своихъ холопей имена и на нихъ крѣпости принести въ холопей приказъ, да тѣхъ холопей имена, которые Государей своихъ служатъ, и которые холопы отъ нихъ побѣжали, и на нихъ крѣпости старыя и полныя, и купчія и докладныя и всякія крѣпости и кабалы записывати въ холопѣвъ приказъ въ книги; а тѣмъ всякимъ холопымъ крѣпостнымъ людскимъ книгамъ быти за Дьячьею рукою большою для укрѣпленія; а пошлинъ съ старыхъ кабалъ и отъ всякихъ крѣпостей не имати; а приговорилъ Государь и всеми Бояры Московскими Государства всякимъ людямъ холопы имена и на нихъ крѣпости всякія записывати съ нынѣшняго уложенія, без-

срочно; а ближнихъ городовъ Дворяномъ и дѣтемъ Боярскимъ, и всякимъ служивымъ людямъ имена холопы, и на нихъ крѣпости всякія писати въ годъ; а которые Князи и Дворяне и всякіе служивые люди на Государевыхъ на дальнихъ службахъ, въ Астрахани, и на Теркахъ, и на Суншехъ и въ Сибирскихъ городѣхъ, и тѣмъ Княземъ и Дворяномъ и всѣмъ служивымъ людямъ въ именахъ холопихъ, и въ крѣпостяхъ дати сроку на три года; и которые люди служатъ въ холопствѣ у Боярѣ и у Князей и у Дворянъ и у приказныхъ людей, и у всякихъ людей по полнымъ и по купчимъ и по ряднымъ полные люди, и тѣ люди и жены ихъ и дѣти въ холопствѣ тѣмъ своимъ Государемъ и ихъ дѣтемъ по прежнему Государеву уложенію Судебнику; а у кого на холопа, или на рабу была полная и докладная, или у кого по ряднымъ и по докладнымъ, или по духовнымъ грамотамъ и по инымъ стариннымъ крѣпостямъ холопи служили, а тѣ будетъ у нихъ полныя и докладныя и рядныя и даныя и всякія старинныя крѣпости, въ Московской пожаръ въ прошломъ во 79 году, и послѣ того въ иные пожары погорѣли или буде инымъ какимъ обычаемъ тѣ у нихъ крѣпости утерлися, и въ томъ у нихъ даваны явки сыщутъ, а тѣ крѣпости на тѣхъ людей нѣтъ, и тѣмъ людямъ на тѣхъ своихъ крѣпостныхъ и на всякихъ старинныхъ людей по прежнему Государеву приговору 101 году Марта имати въ службѣ новыя крѣпости; а которыхъ всякихъ крѣпостныхъ холопей Государь ихъ, отходя свѣта, отъ себя велѣлъ отпустить, и отпускныя имъ даны: и тѣ холопи по тѣмъ отпускнымъ впредь свободны, и женамъ и дѣтемъ ихъ впредь до тѣхъ холопей дѣла нѣтъ; а которые люди до Государева уложенія въ прошлыхъ годѣхъ до лѣта 7094 года Іюня до 1 числа били челомъ въ службу Бояромъ, и Дворяномъ, и приказнымъ людямъ, и дѣтемъ Боярскимъ и всякимъ служивымъ людямъ, и всякимъ торговымъ людямъ, и кабалы служилыя на себя давали, а въ книги того года въ приказъ Холопья суда тѣ служивыя кабалы не писаны, и которые люди съ Государева уложенія лѣта 7094 году Іюля съ перваго числа, били челомъ въ службу, Бояромъ, и Княземъ, и Дворяномъ, и при-

казнымъ людямъ, и кабалы служивыя на себя давали на Москвѣ съ докладу холопья суда и во всѣхъ городѣхъ съ вѣдома приказныхъ людей, и въ записныхъ въ Московскихъ въ кабалныхъ книгахъ, и въ городѣхъ тѣ служивыя кабалы записываны до нынѣшняго уложенія 95 году Февраля по 1 число, и которые люди впередъ лѣта 7105 году Февраля съ перваго числа били челомъ, и впредъ учнутъ бить челомъ въ службу всякимъ людямъ, съ докладу Холопья суда и во во всѣхъ городѣхъ съ вѣдома приказныхъ людей, и въ Московскихъ въ записныхъ въ кабалныхъ книгахъ, и въ городѣхъ у приказныхъ людей тѣ служивыя кабалы будутъ записаны и тѣ всѣ люди и жены и дѣти у тѣхъ служивыхъ людей въ кабалы писаны, въ службу Государемъ своимъ по тѣмъ служивымъ кабаламъ, по старымъ и по новымъ быти въ холопствѣ какъ и докладнымъ, а отъ Государей своихъ имъ не отходити, и денегъ по тѣмъ служивымъ кабаламъ у тѣхъ холопей не имати, а челобитья ихъ въ томъ не слушати, по старымъ кабаламъ, а выдавати ихъ тѣмъ Государемъ по тѣмъ кабаламъ до ихъ смерти; а котораго запись новую кабалнаго челоуѣка, котораго кабала старая и новая по новому уложенію записана въ книги, а въ томъ кабалномъ холопствѣ у кого родится сынъ, или дочь, и тѣхъ дѣти тѣмъ своимъ Государемъ въ холопи противъ докладныхъ людей, и по Государей своихъ смерти какъ и отцы ихъ; а женамъ послѣ мужей своихъ, и дѣтей послѣ отцовъ своихъ до тѣхъ кабалныхъ записныхъ людей, и до ихъ дѣтей, которые дѣти въ кабалахъ писаны, и которые дѣти въ кабалномъ холопствѣ родятся, дѣла нѣтъ, и денегъ по тѣмъ отцовскимъ кабаламъ на тѣхъ кабалныхъ холопѣхъ женамъ и дѣтемъ не указывати; а которая служивая кабала на холопа и на рабу у котораго Государя старѣе, или буде тѣ оба Государя живуть въ одномъ мѣсгѣ, возметъ на негожъ кто въдал новую кабалу, будетъ украдомъ тое кабалу и въ книги запишетъ, и тѣхъ людей и жены и дѣти по тѣмъ по старымъ служивымъ кабаламъ отдавати прежнимъ ихъ Государемъ, а по новой кабалѣ денегъ не имати; а которой Государь поймавъ, приведетъ къ Холопью суду своего кабалнаго челоуѣка или

рабу, а кабала будетъ Холопья суда въ записныхъ книгахъ записана, и того холопа и рабу по записной кабалѣ отдавати въ холопство тому его Государю, а въ сносѣ дати судъ; а которые кабалные люди учнутъ на себя полныя и докладныя давати, и тѣхъ кабалныхъ людей отсылати, статьями и съ кабалами къ Постельничему, и Намѣстнику трети Московскія; а которые кабалные люди ставъ скажутъ, что они служили прежь сего по кабаламъ, а нынѣ на себя полныя и докладныя, да постоя, тутъ же скажутъ, что полныя на себя не даютъ и тѣхъ кабалныхъ людей присылати въ Холопей приказъ, и записавъ въ книги, отдавати тѣхъ кабалныхъ людей по прежнему въ холопи по ихъ кабаламъ, по которымъ повинятся старымъ ихъ Государемъ; а о вольныхъ людѣхъ Государь приговорилъ со всеми своими Болры: которые люди на Москвѣ и по городомъ служатъ у кого добровольно, и тѣхъ вольныхъ людей ставити въ Холопей приказъ съ тѣми людьми, кто у кого служитъ добровольно, да тѣхъ вольныхъ людей спрашивать, сколь давно кто у кого служитъ, и кабалу на себя дастъ ли, и которые люди вольные послужили у кого недѣль 5, 6, а кабалъ на себя давати не хотятъ, и тѣхъ людей отпущати на волю; а кто скажетъ, послужилъ у кого добровольно съ полгода, или больше, а кабалы на себя дати не хочетъ, а сыщутъ то, что тотъ добровольно холопъ у того челоуѣка съ полгода, и на тѣхъ вольныхъ холопей служивыя кабалы давати, и челобитья ихъ въ томъ не слушати по тому, что тотъ челоуѣкъ того добровольнаго холопа кормилъ и одѣвалъ и обувалъ; а которой Государь того добровольнаго челоуѣка приметъ, однолично, того ни кому мимо того Государя ни какъ не примати; а кто того добровольнаго холопа мимо нынѣшнее новое Государево уложеніе приметъ, тѣхъ добровольныхъ холопей сыскавъ, отдавати со всемъ старымъ ихъ Государемъ, у кого кто жилъ добровольно, а въ сносѣ давати судъ и управу по Государеву указу.

№ III.

ГРАМОТА УТВЕРЖДЕННАЯ

ОБЪ ИЗБРАНІИ ЦАРЕМЪ БОРИСА ОЕОДОРОВИЧА ГОДУНОВА.

Великаго Господа Бога Отца , страшнаго и всеильнаго и вся содержащаго , пребывающаго во свѣтъ неприступнѣмъ , въ превелицей , и въ превысочайшей , и велельпнѣй и свѣтъ славъ величества своего , сѣдящаго на престолѣ херувимствѣмъ , съ превѣчнымъ и единороднымъ своимъ Сыномъ , Господемъ нашимъ Исусъ Христомъ , и съ божественнымъ и животворящимъ своимъ Духомъ , Имъ же вся освящаются , единосущныя и нераздѣльныя Тронца , равнобожественныя , и равночестныя , и равноспрестольныя , и равносильныя , и равносовѣтныя , и равнодѣйственныя , и равносущныя , и соприсносущныя , и собезначальныя , и единоначальныя , и трисоставныя , и нераздѣльныя , въ тріехъ составѣхъ единого Божества , Царя царствующимъ и Господа господствующимъ , непреодолимаго и всякія силы крѣпчайшаго , Имъ же царіе царствуютъ и величцы величаются: сего въ Троицы приснославимаго Бога нашего , недоумѣваемыми и недовѣдомыми судьбами и неизреченнымъ премудрымъ промысломъ , всяко созданіе отъ небытія въ бытіе создается , и отъ несущихъ въ существо приводится , и отъ рода въ родъ лѣтами исчитаются , отъ него же пріемше , земля наша Руская своимъ Государя обладаема быти. Ихъ же великихъ Государей , Царей Російскихъ корень изведе отъ превысочайшаго цесарскаго престола , и прекрасноцвѣтущаго и пресвѣтлаго корени Августа Кесаря , обладавшаго вселенною. Первый Князь Великій

Рюрикъ содержаша скифетръ великаго Російскаго государства въ Великомъ Новъгородѣ. По немъ дерзосердый въ храбрѣ-скихъ ополченіяхъ сынъ его Князь Великій Игорьъ, послушны себѣ учинилъ царствующаго града Константинополя Греческихъ царей, на нихъ же и дань взымаше, и изъ Великаго Новагорода въ преславный градъ Кіевъ преселися. По Игорѣ содержаше Російское государство въ Кіевѣ сынъ его Князь Великій Святославъ, исполненъ храбрѣскаго подвига, и по Дунаю восемьдесятъ градовъ обладалъ. Сіе тріе Російскіе Государи быша до крещенія, понеже Руская земля пребываше во тмѣ невѣрія и омрачена прелестію кумиролуженія. По Святославѣ возсія пресвѣтлая звѣзда, великій Государь сынъ Князь Великій Владиміръ Святославичъ, тму невѣрія просвѣти и прелесть кумиролуженія отгна и всю Рускую землю просвѣти свѣтымъ крещеніемъ, иже Равноапостолень наречеса и, расширенія ради своихъ государствъ, Самодержавны именованъ бысть, нынѣ же отъ всѣхъ покланяемъ и прославляемъ. По великомъ Государѣ по Владимерѣ, самодержства воспримъ скифетръ Російскаго государства сынъ его Князь Великій храбрый Ярославъ Владимеровичъ, иже Болеслава короля побѣди и Грековъ послушныхъ сотвори. По немъ на Російскомъ государствѣ съде сынъ его, Князь Великій Всеволодъ Ярославичъ, иже надъ Половцы и надъ Печенѣги преславную побѣду показа и государство свое крѣпщъ соблюде. По Всеволодѣ примъ скифетръ, во обдержаніе Російскаго государства, сынъ его Князь Великій Владимеръ Всеволодовичъ, и своимъ храбрѣскимъ подвигомъ Оракію Царяграда поплени, и превысочайшую честь царскій вѣнецъ и діядиму отъ Греческаго царя Константина Мономаха воспримъ, сего ради и Мономахъ наречеса, отъ него же вси Російскіе великіе Государи царствія вѣнцемъ вѣнчахуся. По великомъ Государѣ Владимерѣ Мономахѣ примъ скифетръ Російскаго царствія сынъ его Князь Великій Юрьи Владимеровичъ Долгорукой, и благочестіемъ просія и все христіанство въ покоѣ и въ тишинѣ соблюде. По немъ съде на Російскомъ государствѣ въ Володимерѣ сынъ его Князь Великій Всеволодъ Юрьевичъ, рачитель благочестію, крѣпкій поборникъ за свѣтыя церкви

и о святой православной христiянствѣ вѣрѣ. По Всеволодѣ содержаше скифетръ Росiйскаго государства сынъ его Князь Великiй Ярославъ Всеволодовичъ, его же соблюде Богъ отъ Батыя въ Великомъ Новгородѣ и съ дѣтми, и по плѣненiи безбожнаго Батыя, святую и непорочную христiянскую вѣру распространи и святыя церкви паки обнови. По немъ великаго Росiйскаго государства воспримъ скифетръ сынъ его, храбрый Князь Великiй Александръ Ярославичъ, иже надъ Германы показа преславную побѣду на Невѣ; и на крестьянскую вѣру безбожнаго Беркая царя двояростный гнѣвъ въ Ордѣ укроти и по смерти даромъ чудесы отъ Бога прославленъ. По великомъ Государѣ Александрѣ Невскомъ, сынъ его Князь Великiй Даниль Александровичъ отъ Владимира преселился на Москву, и царствiя скифетръ на ней утверди и превысочайшiй престолъ царствiя въ ней устрои, иже суть и до нынѣ Богомъ хранимо и соблюдаемо. По немъ воспримъ скифетръ царствующаго града Москвы сынъ его, Князь Великiй Иванъ Даниловичъ, всякими добродѣтелями и благочестiемъ украшенъ и неимущимъ неоскудную руку всегда простираше, желаше бо вмѣсто пресвѣтлыхъ палатъ воспрiяти вѣчное блаженство небеснаго царствiя. По Великомъ Князѣ Иванѣ Даниловичѣ, съде на Росiйскомъ государствѣ сынъ его Князь Великiй Иванъ же Ивановичъ, и отъ безбожныхъ Ординскихъ царей вѣру крестьянскую крѣпцѣ соблюдаше и все православiе въ покоѣ и тишинѣ устрои. По немъ воспримъ скифетръ царствiя сынъ его Князь Великiй Дмитрiй Ивановичъ, достохвальнiй въ храбрѣскомъ подвизѣ и преславнiй въ побѣдѣ имянванный Донской, иже побѣди безбожнаго Мамайа на Дону и всю Рускую землю въ тихости и немятежи устрои. По великомъ Государѣ Дмитрiѣ Ивановичѣ Донскомъ, воспримъ въ содержанiе хоругви великаго Росiйскаго государства сынъ его Князь Великiй Василей Дмитрiевичъ, и добродѣтельнаго ради его житiя прослави его Богъ, а Рускую землю все православiе помилова отъ нахоженiя безбожнаго Темираксака, пришествiемъ чудотворнаго образа пречистыя своей матери, его же богогласнiй Лука написа. По немъ съде на Москвѣ сынъ его Князь Великiй Василей

Васильевичъ , и Російскую землю отъ иновѣрныхъ крѣпце соблюдаше, и за истинную крестьянскую вѣру, и за святія церкви и за все православіе, отъ безбожныхъ Агарянь въ плѣнь лтъ бысть, и паки на свое государство возвращенъ бысть. По Великомъ Князь Василіѣ, воспримъ скипетръ великаго Російскаго государства великій Государь сынъ его, Князь Великій Иванъ Васильевичъ, и своимъ премудрымъ разумомъ и осмотрѣніемъ свое великое государство распространи, Російскаго государства древніе многіе города, которые послѣ Батыева плѣненія къ Польскому королевству отошли, паки къ себѣ привлече, и отчину свою Великій Новгородъ крѣпко и недвижно устрои и Самодержецъ именованъ бысть. По великомъ Государѣ Иванѣ, хоругви великаго Російскаго государства воспріятъ сынъ его Князь Великій Василій Ивановичъ, и бодро-опаснымъ своимъ обдержательствомъ всю Рускую землю въ покоѣ и въ тишинѣ отъ иновѣрныхъ содержаше, и прародителей своихъ отчину, великое княжество Смоленское, отъ Польскаго королевства отторже и къ себѣ привлече и послушны сотвори. А по великомъ Государѣ Василіѣ Ивановичѣ, примъ скипетръ великаго Російскаго государства сынъ его, храбрый великій Государь Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичъ, всея Русіи Самодержецъ, благочестію рачитель, и по крестьянской вѣрѣ крѣпкій поборникъ, и въ своихъ государственныхъ чинѣхъ и въ поведеніяхъ премудръ, и высочайшую честь и вышехвальную славу Царствія вънець на главу свою воспріятъ, его же взыска отъ древнихъ лтъ отъ прародителя своего великаго Государя отъ Владимера Мономаха, и отъ премудраго его разума и отъ храбрскаго подвига вси окрестные государства имени его трепетали, зане знаменитъ бѣ и храбръ и въ побѣдахъ страшенъ, и мусульманскіе государства: царство Казанское и царство Астороханское подъ свою высокую руку покори и въ плѣну держимыхъ крестьянъ тмочисленныхъ свободи, но и паче же отъ потрясенія меча Германьскіи родове устрашишася. По великомъ Государѣ Царѣ и Великомъ Князь Иванѣ Васильевичѣ всея Русіи Самодержцѣ, отъ его царского прекрасноцвѣтушаго корени пресвѣтлая и преславная вѣтвь процвѣте, сынъ

его Государь нашъ, благовѣрный великій Государь Царь и Великій Князь Ѳеодоръ Ивановичъ, всеа Русіи Самодержецъ, воспріимъ скипетръ Російскаго царствія, и своимъ царскимъ бодроопаснымъ осмотрѣніемъ во всемъ своемъ въ великомъ Російскомъ царствѣ благочестіе крѣпцѣ соблюдаше, и все православное крестыянство въ покоѣ и въ тишинѣ и благоденственномъ житіи тихо и немлѣжно устрои, и во всѣхъ его царскихъ великихъ государствахъ Російскаго царствія радостная и свѣтлая и веселія вездѣ исполнена блше; царствующій же градъ Москва тогда возвеличился и преумножился, и всеми благими на вселеннѣй цвѣтѣше, превыше всѣхъ великихъ государствъ; и славно бысть имя великаго Государя Царя и Великаго Князя Ѳеодора Ивановича, всеа Русіи Самодержца, во всей вселеннѣй честь и слава величствія его возвыся и прославился, и всѣ великіе государи крестыянскіе и мусульманскіе ему великому Государю любочестныя дары приношаху, по его Царскаго Величствія достоянію, и въ дружбѣ и въ любви съ его Царскимъ Величествомъ быти желяху; а которые его Царскаго Величества окрестныя недруги и непослушники, тѣ всѣ у его превысочайшія царскіе степени Величества послушны и въ рабскомъ послуженіи учинилися; и великаго его Російскаго царствія отторженныя грады отъ его великаго государства многими дѣты, паки во своя возврати, и ради добродѣтельнаго его житія и милостиваго царскаго нрава въ своихъ государствахъ ко всѣмъ чловѣкомъ неоскудныя рѣки милосердія изливаше, по своему Царскому милосердому обычаю, и во всемъ бысть земный ангелъ и небесный пресвѣтлаго рая житель. И грѣхъ ради нашихъ всего православнаго христіянства Російскаго царствія, Господь Богъ, праведнымъ своимъ судомъ, превысочайшаго и преславнаго корени Августа Кесаря Римскаго прекрасноцвѣтущую и пресвѣтлую вѣтвь въ наслѣдіе великаго Російскаго царствія не произведе: едину бо вѣтвь царскаго своего изращенія, отъ своей богозакопныя супруги благовѣрныя и Христолюбивыя великія Государыни Царицы и Великія Княгини Ирины Ѳеодоровны, всеа Русіи, имѣяше дщерь благовѣрную Царевну и Великую Княжну Ѳеодосью,

и сія Вседержителя Господа Бога святымъ Его праведнымъ судомъ, преже преставленія его Царьскаго Величества, въ будущей некончаемый вѣкъ небеснаго царствія отыде; царствова же великій Государь Царь и Великій Князь Ѳеодоръ Ивановичь, всеа Русіи Самодержецъ, на своихъ великихъ государствахъ Російскаго царствія, 14 лѣтъ. А послѣ себя великій Государь нашъ Царь и Великій Князь Ѳеодоръ Ивановичь, всеа Русіи Самодержецъ, на всѣхъ своихъ великихъ государствахъ скипетродержавія Російскаго царствія, оставль свою благовѣрную великую Государыню нашу Царицу и Великую Княгиню Ирину Ѳеодоровну всеа Русіи, а душу свою праведную приказаль отцу своему и богомолцу святѣйшему Іеву Патріарху Московскому и всеа Русіи, и шурина своему царьскому, а великіе Государыни нашей брату, Государю Борису Ѳеодоровичю. И благовѣрная великая Государыни наша Царица и Великая Княгиня Ирина Ѳеодоровна всеа Русіи, по преставленіи великаго Государя нашего Царя и Великаго Князя Ѳеодора Ивановича всеа Русіи Самодержца, на великихъ своихъ государствахъ Російскаго царствія не изволила быти, а изволила по своему обѣщанію и къ Богу по великой вѣрѣ и душевному желанію, оставити превысочайшую честь и славу и высоту великаго Російскаго государства, и воспріяти иночески ангельскій образъ, будущихъ ради благъ превѣчнаго царствія воздаліе. Первопрестольнѣйшій же святѣйшій Іевъ Патріархъ Московски и всеа Русіи, съ Митрополиты, и Архіепископы, и Епископы, Архимариты и Игумены и со всемъ вселенскимъ соборомъ, и боллре, и дворяне, и приказные люди, и Христолюбивое воинство, и гости, и всѣ православные крестьяня царствующаго града Москвы и всея Рускія земли, съ женами и съ дѣтьми и съ сущими младенцы, съ великимъ воплемъ и неутѣшнымъ плачемъ, великую Государыню Царицу и Великую Княгиню Ирину Ѳеодоровну всеа Русіи молили, милости просили и били челомъ, чтобъ Государыня по своему царьскому милосердому обычаю положила на милость, ихъ бы сырыхъ до конца не оставила, была на государствѣ въ содержаніи скипетра великихъ государствъ Російскаго царств-

вія, а правити велѣла брату своему царьскому шурина Государю Борису Оедоровичю: а блаженные памяти при великомъ Князь Оедоръ Ивановичъ, всеа Русіи Самодержць, по его царьскому приказу, правилъ онъ же Государь Борисъ Оедоровичъ. И многажды о томъ святѣйшій Іевъ Патріархъ, со вѣсмъ вселенскимъ соборомъ, и бояре, и дворяне, и приказные и служилые люди, и гости, и всѣхъ чиновъ всенародное множество, били челомъ и молили и просили со слезами безпрестанно по всѣ дни въ день и въ ночь, чтобъ великая Государыня Царица и Великая Княгиня Ирина Оедоровна всеа Русіи, положила на милость, великіе свои Государства все праведное христіянство не оставила сирыхъ. И великая Государыни Царица и Великая Княгини Ирина Оедоровна всеа Русіи, отцу своему и богомолцу святѣйшему Іеву Патріарху Московскому и всему вселенскому собору, и бояромъ, и дворяномъ, и приказнымъ и служивымъ людямъ, и гостемъ, и всѣхъ чиновъ всякимъ людямъ и всему православному христіянству отказала, что ей великой Государынѣ, по своей къ Богу вѣрѣ и по душевному желанію, обѣщаніе свое исполнити и воспріяти иночески Ангельскій образъ, а въ содержаніе скифетра на своихъ великихъ государствахъ быти не изволила; и послѣ преставленія блаженные памяти Великаго Государя Царя и Великаго Князѣ Оедора Ивановича, всеа Русіи Самодержца въ 9 день, оставя превысочайшую царьскую честь и славу и высоту, изыде отъ своихъ царскихъ пресвѣтлыхъ полатъ, и вниде въ пречестную и великую обитель пречистыя Богородицы честнаго и славнаго Ея Оедигитрія Новаго дѣвicha монастыря, тихое и безмолвное иноческое житіе изволила пріяти, земное царство премѣнивъ, а благолѣпнымъ премѣненіемъ единого Христа возлюби и воспріемъ пресвѣтлый ангельскій образъ, наслѣдія ради будущихъ вѣчныхъ благъ небеснаго царствія. Великій же первопрестолникъ святѣйшій Іевъ Патріархъ, и Митрополиты, и Архіепископы, и Епископы, и Архимариты и Игумены, и весь вселенскій соборъ, и бояре, и дворяне, и приказные и служилые люди, и гости, и всѣ православные крестьяня со всемъ народомъ всея земля Ро-

сійскаго государства, прошенія своего отъ великія Государыни не получиша, со мною скорбію и съ стованіемъ и слезнымъ рыданіемъ отойдоша. И потомъ святѣйшій Іевъ Патріархъ, съ Митрополиты, и Архіепископы, и Епископы, и Архимариты и съ Игумены, со всемъ вселенскимъ соборомъ, и съ бояры, и съ дворяны, и съ приказными и служивыми людьми, и съ гостми, и все православное христіанство, придоша въ Новой дѣвичь монастырь со многимъ плачемъ и рыданіемъ мнозъмъ, благословенія и милости прошаху у благовѣрные великіе Государыни Царицы и Великіе Княгини, иноки Александры Оедоровны всеа Русіи, глаголюще: « О благовѣрная, милосердая Царица! Ты вмѣсто земнаго царствія блаженную жизнь избрала еси, красоту жъ и свѣтлость превысокаго Царьскаго Величества мимотекущее житіе возненавидѣ, небеснаго ради царствія безсмертнаго Христа отъ всея души возлюбила еси, въ слѣдъ того невозвратно пойде примъ ангельскій свѣтольпный образъ, а насъ оставила еси сирыхъ, безгосударны и безпомощны, неутѣшно плачущихъ и вопіющихъ по вся дни и въ ноци, и великое ваше отечество Російское государство небрегомо и беззаступно, а Государя намъ благовѣрнаго Царя въ свое мѣсто не благословила. И нынѣ, о боголюбивая Государыни благовѣрная Царица, инока Александра Оедоровна, всеа Русіи! призри на насъ нищихъ своихъ богомольцовъ, и на своихъ рабъ на царскій сгклитъ, и на толикое многочисловъческое христіанское множество; услыши всенародный вопль и рыданіе, утѣши плачь неутѣшный людій своихъ; воздвигни пакы на царство ваше и отечество ваше возвеличи, хрестыанскій же рогъ возвыси; понеже бо нынѣ, грѣхъ ради нашихъ, царство ваше вдовствуетъ и отечество ваше сиротствуетъ, пресвѣтлый же превысокій царскій престоль плачетъ съдѣщаго на себѣ Царя царствующаго не имый, земля же вся малая съ великими и съ сущими младенцы толицъмъ безчисленнымъ плачемъ вопіетъ: милосердуй о насъ, Царице благопріятная, не остави насъ погибающихъ, не дай всѣхъ крестьянъ въ расхищеніе, дондеже не увѣдятъ многихъ странъ невѣрніи языцы, яко царствіе ваше безгосударно и возрадуютъ

ся враги вашего царствія. Тѣмъ же пощади, пощади, пощади, благовѣрная Царице, благослови и даждь Богомъ избраннаго Царя на царство, вѣсь намъ благонадежнаго Государя всему Російскому царству Самодержца, а брата своего Государя нашего Бориса Ѳедоровича: а блаженныя памяти при великомъ Государѣ Царѣ и Великомъ Князѣ Ѳедорѣ Ивановичѣ, всеа Русіи Самодержцѣ, великіе ваши государства Російскаго царства онъ же великій Государь нашъ Борисъ Ѳедоровичъ правилъ и содержалъ милосердымъ своимъ премудрымъ правительствомъ, по вашему царскому приказу.» Тако же святѣйшій Іевъ Патріархъ Московскій и всеа Русіи, и весь вселенскій соборъ, Митрополиты и Архіепископы, и Епископы и Архимариты и Игумены, и царскій сигклитъ, боларе и дворяне, и приказные и служивые люди, и гости, и все православное крестьянство Російскаго царства, многижда били челомъ и со слезами милости просили у Государя Бориса Ѳедоровича, глаголюще: «Великій Государь Борисъ Ѳедоровичъ! Тебе единаго предъизбра Богъ и соблюде до нынѣшняго времени, и остави истиннаго правителя Російскому государству, христіанскаго поборника, святымъ Божиимъ церквамъ теплаго заступника, царскаго корени по сочтанію законнаго брака благорасленный цвѣтъ, Государевъ шурина и ближней пріятель: тѣмъ благосерденъ буди о насъ, пріими моленіе своихъ богомольцовъ и царскаго сигклита и всея земля, толикаго многаго христіанскаго преможества вопль безвременный и рыданіе и плачь неутѣшный: буди намъ, милосердый Государь, Царемъ и Великимъ Княземъ и Самодержцемъ всеа Русіи, по Божіей волѣ воспріими скипетръ православія Російскаго царствія; не дай истинныя православныя вѣры въ попраиіе и святыхъ Божиихъ церквей во оскверненіе и всѣхъ православныхъ христіанъ въ расхищеніе.» Великій же Государь Борисъ Ѳедоровичъ, таковое къ себѣ непреложное моленіе святѣйшаго Іева Патріарха, и всего вселенскаго собора и всего народнаго множества слышавъ, непреклоненъ бысть къ моленію ихъ, отрицашеся со многими слезами и рыданіемъ, глагола: «Не мните себѣ того, еже хотѣти мнѣ царствовать; но ни въ ра-

зумъ мой приде о томъ, да и мысли моей на то не будетъ. Какъ мнѣ помыслити на такуюю высоту царствїя и на престоль такого великого Государя моего пресвѣтлаго Царя? Нынѣ бы намъ промышляти, какъ устрои праведная и безпорочная душа пресвѣтлаго Государя моего Царя и Великого Князя Феодора Ивановича, всеа Русїи Самодержца, а о государствѣ и о земскихъ дѣлахъ радѣти и промышляти и правити бы государство тебѣ Государю моему отцу, святѣйшему Іеву Патріарху Московскому и всеа Русїи, и съ тобою бояромъ; а будетъ моя работа пригодится, и язъ за святыя Божїя церкви и государства Московского за одну пядь земли, и за все православное христіанство и за ссущихъ младенецъ, радъ кровь свою изліати и голову свою положить.» Святѣйшїй же Іевъ Патріархъ, моляше Государя Бориса Феодоровича, глаголя: « Милосердый Государь Борисъ Феодоровичъ! Не буди противенъ вышняго Бога промыслу, повинися святой воли Его, никто же бо праведенъ бываетъ, вопреки глаголю судбамъ Божиимъ. И прежніи убо Цари предъизбранїи Богомъ царствоваху, и сихъ убо благочестивый корень и по-ся-мѣста ведеса, даже до благочестиваго Государя нашего великого Государя Царя и Великого Князя Феодора Ивановича, всеа Русїи Самодержца, на немъ же и совершися и конецъ прїя; въ него же мѣсто сію царскую честь на тебя возлагаетъ и на твои Государевы дѣти, яко по свойству сродственному царсково съмени богоизбранный цвѣтъ: его же бо Богъ предъизбра, того и возлюби, и его же пронарече, сего и оправда, его же оправда, того и прослави. Яко же рече божественный Апостоль: его же бо хочу, рече Богъ, тово и помилую, и его же ущедрю, того и ущедрю: мой бо есть даръ, ему же хочу предамъ его. Яко же Пророкъ рече: Жребїй убо Божїй Царское Величество: на него же возложить Богъ, на томъ и совершится. Яко же рече святыи Деонисей Ареопагитъ: Превысокою, рече, дражайшею честїю предпочтилъ есть Богъ человѣчскїй родъ, еже рече предпочтенїемъ царскимъ: его же бо дарованїемъ симъ одаритъ Богъ восхоцетъ, на семъ уже во чревѣ матери честь сію возложить и изъ младенства

на сіе предустроить. Тьмъ же тебе убо превеликій Государь Борисъ Оедоровичъ, не по челоувческому единомышленію, ниже по челоувческому угодію предъизбираемъ, но по праведному суду Божію: послѣдуемъ христіанскихъ царей древнимъ преданіемъ, яко искони мнози христіанстїи цари, недовѣдомыми судьбами Божіими, и не хотяше скифетро царствїя придержаще царствоваху, Богу на се наставляющу народъ единоголасіе имѣти, о немъ же Богъ во умъ положитъ имъ, яко же пишеть: гласъ народа гласъ Божій. Приводитъ же къ сему и свидѣтельство отъ древнихъ божественныхъ Писаній, еже глаголетъ о велицѣмъ царѣ Давидъ: сей убо царствїя рогомъ помазанъ бысть, царь силенъ и славенъ во Израили предъизбранъ Богомъ и толикъ преславенъ бысть, яко именемъ его весь Израиль хвалящеся, и въ толикую высоту достиже, яко Христу прародитель бысть и богоотецъ наречеса; тако жъ Іосифъ Прекрасный отъ праведнаго съмени Авраамля произыде, еще и неволею влекомъ, но судьбами Божіими царствова во Египтѣ, и нехотящимъ Египтяномъ. И сія убо отъ начала въ древнихъ до Христа по плоти съ небесе сошествїя. По Христовъ же на землю пришествїи, во благодати православіемъ сіяющихъ наипаче обрѣтаются по степенемъ въ Римскихъ и Греческихъ крестьянскихъ преданїяхъ. Отъ нихъ же первый, православіемъ сіяя яко солнце равноапостоломъ Константинъ, сынъ великого Консты кесаря Римского, иже прежебывшаго тирона, еже есть воинъ при Діоклитїанъ и Максимлянъ царема Римскима; сей убо великій первый крестьянскій царь Константинъ, во царѣхъ первый къ Богу правовѣріемъ просїя яко солнце, тщаніе же и изысканіе о крестѣ Христовъ толика показа, яко же инъ никтоже, и обрѣте его, много же и святыхъ мощей произыска и собра, идолскія же требы до конца разори и много ина исправленїя по Бозъ показа, и съ небесе свидѣтельствовань знаменїемъ креста Господня, отнюду же побѣду вземъ враги побѣждаше, и многи языцы во Христа вѣровати приведе; и сего ради отъ Бога не земнымъ токмо царствїемъ, но и небеснымъ одарованъ бысть, и во крестьянскихъ царѣхъ первый и въ ликъ апостольскій учиненъ. Потомъ вторый царь,

благочестія поборникъ, нечестія обличитель, Θεодосій Великій, не тѣлеснымъ точію видомъ, но и славою предмногого высокъ, иже отъ Гратыяна царя въ порфиру царскую одѣянь бывъ и вѣнцемъ царствія вѣнчанъ, отъ сигклита предъизбранъ; при немъ же второй святый Вселенскій соборъ бысть. Подобенъ же сему Великому Θεодосію царю и Маркіянъ, великій царь благочестіемъ и вѣрою, храбрѣею и мудростію излещенъ зѣло, преже въ чину воинственномъ бысть, потомъ Θεодосіемъ царемъ Малымъ на царство возведенъ, по извѣщенію Ивана Богослова; при семъ бысть четвертый святый Вселенскій соборъ. Подобенъ же симъ царица Θεодосію и Маркіяну, Іустинъ Малый и Тивирій: царствующу убо сему Іустину Малому въ Царѣградѣ, супружницу имѣя зѣло милостиву, подобну своему нраву, яко же и самъ милостивъ есть, именовъ Софію, не бѣ же има сына ни дщери; у него же бѣ совѣтникъ Тиверій, благовѣренъ зѣло, красенъ видомъ, лицемъ свѣтелъ, милостивъ и долготерпѣливъ, въ воинствѣ храбръ велми; красоты же ради его и храбрости, царь Іустинъ возлюбилъ его приеъмъ во усыновленіе; и первіе украшають его кесарскимъ вѣнцемъ, потомъ же собравъ Патріарха и сигклитъ свой и весь народъ, и поучивъ доволно скифетроцарствія самодержавствія вѣнцемъ вѣнча его, еще живъ сый въ житіи семъ; Іустинъ же царь, вѣнчавъ Тивирія на царство, успе сномъ вѣчнымъ; по умертвіи же Іустиновъ, благочестивый царь Тивиріе, богодатную свою мать царицу Софію жену Іустинову, зѣло почте и яко мать себѣ имѣя, подѣ областію же его сущимъ недугующимъ и стражущимъ и нищимъ отверзъ сокровища своя, старымъ бысть вождь, печальнымъ утѣха во всѣхъ бѣдахъ помощникъ, и толико яко всѣмъ людемъ прехвально вопити о немъ: втораго, рече, Августа Римскаго кесаря далъ намъ Богъ днесь. Бѣ же у него двѣ дщери, едину даде за Маврикія: той, убо, Маврикій въ воинствѣ храбръ зѣло, его же сочтанія ради дщере своея, Тивирій царь, въ кесарскій санъ устрои; помалъ же, по преставленіи своемъ, и царство свое вручи ему. Любезно же чтущи божественная Писанія, многихъ во царѣхъ обрящуть скифетроцарствія имущихъ, въ порфиру государственную

облачащихся, добръ правящихъ царственна по Бозь, благочестно и праведно, понеже бо Господь достойная прие-
летъ, недостойныхъ же вонъ измещеть: мнози, убо, звани,
мало же избранныхъ. Рече бо Господь: Не всякъ глаголюй
ми: Господи! Господи! внидетъ въ царство небесное, но
творя волю Отца моего, иже есть на небесяхъ. Его же бо
судь обыдетъ Божій, будетъ ему; мнози бо и нехотящїи при-
идоша въ не же звани быша отъ Бога: не вы бо дѣйствую-
ще сія, но творяй въ васъ Духъ Святый. Яко же пишеть:
Всяко добро бываемо, кромъ Бога не сотворлется, ниже со-
творитися можетъ; яко же рече Господь: Безъ мене не мо-
жете сотворити ничесоже. «По семъ же убо святѣйшему Іеву
Патріарху отъ божественныхъ Писаній свидѣтельствовавшу,
Государю же Борису Ѳедоровичю отнюдъ къ моленію не-
преклонно пребывшу, и по вся дни многжда святѣйши Іевъ
Патріархъ наединъ съ Государемъ Борисомъ Ѳедоровичемъ
особъ моляше со слезами и прещаше ему Государю, дабы не
ослушался повелѣнія Божія и утолил бы плачь и рыданіе
и вопль многонародный, и воспріялъ бы скифетродержавіа
Російскаго царствія; Государь же Борисъ Ѳедоровичъ ни-
какоже повинуюся глаголемымъ, но всячески слезнымъ рыда-
ніемъ отрицашеся. И паки святѣйши Іевъ Патріархъ съ Ми-
трополиты, и съ Архіепископы, и съ Епископы, и съ Ар-
химариты, и съ бояры, и весь царскій сигклить, по многи
дни молаху Государя Бориса Ѳедоровича со слезами, не пре-
зрѣти слезъ ихъ моленія и всенароднаго множества плача и
рыданія. Государь же Борисъ Ѳедоровичъ никакоже прекло-
нися къ ихъ моленію. Дворяне же, и приказные люди, и дѣ-
ти боярскіе, и служивые люди, и гости и торговые люди, и
все православное христїанство, съ женами и съ дѣтми и съ
сущими младенцы, безотступно со многимъ слезнымъ рыда-
ніемъ у Государя Бориса Ѳедоровича милости прошаху, чтобъ
надо всемъ православнымъ христїанствомъ милость показалъ,
не далъ ихъ въ расхищеніе, былъ имъ милосердымъ Госуда-
ремъ Царемъ и Великимъ Княземъ всеа Русїи Самодержцемъ,
по тому же, какъ ихъ всѣхъ православныхъ христїанъ сво-
нимъ милосердымъ правительствомъ содержалъ, при великомъ

Государь Царь и Великомъ Князь Ѳеодръ Ивановичъ всеа Русіи; и святѣйшему Іеву Патріарху и всему вселенскому собору, безпрестани неотходно въ день и въ ночь со слезами вопіяху, чтобы святѣйшій Іевъ Патріархъ и весь вселенскій соборъ молили Государя Бориса Ѳеодоровича и милости просили, чтобы ихъ не оставилъ сирыхъ и не далъ бы ихъ въ расхищеніе. Государь же Борисъ Ѳеодоровичъ не преклонилъ никакоже къ моленію ихъ. Святѣйши же Іевъ Патріархъ Московски и всеа Русіи, о семъ положи на Бога упованіе и на Пречистую Богородицу и на великихъ Чудотворцовъ, дондеже исполнится Четырдесятница блаженныя памяти благовѣрнаго Царя и Великого Князя Ѳеодора Ивановича, всеа Русіи Самодержца, и до времени какъ съѣдутся со всеѣ земли Російскаго государства Митрополиты, и Архіепископы, и Епископы, и весь освященный соборъ, еже на велицѣхъ соборѣхъ бывають, и съѣдутся государскіе дѣти разныхъ великихъ государствъ, которые подъ царскою высокою рукою были, служили Великому Государю Царю и Великому Князю Ѳеодору Ивановичю всеа Русіи, и весь Царьскій сигклитъ всякихъ чиновъ, и царства Московскаго служивые и всякіе люди; и посла по Митрополитовъ, и по Архіепископовъ, и Епископовъ, и по Архимаритовъ, и по Игуменовъ, и по бояръ, и по воеводъ, и по дворянъ, и по приказныхъ, и по служивыхъ, и по всякихъ людей; и всего Російскаго государства Митрополитомъ же, и Архіепископомъ, и Епископомъ, и всему освященному собору, и болромъ, и дворяномъ, и приказнымъ и служивымъ людямъ, и гостямъ, и всемъ православнымъ крестьяномъ всего Російскаго государства, которые на Москвѣ, приказалъ, чтобы все единодушно молили Господа Бога и Пречистую Его Матерь и всехъ Святыхъ, чтобы Господь Богъ устроилъ всему православному крестьянству полезнал, яко же вѣсть святая Его воля, и помыслили бѣ все обще кому у нихъ Государемъ быти. Минувше Четырдесятницъ по Великому Государю Царю и Великому Князю Ѳеодору Ивановичю всеа Русіи Самодержцу, и всемъ вкупъ сошедшимся въ царствующій градъ Москву, Митрополитомъ, и Архіепископомъ, и Епископомъ и всему освя-

щенному собору, и бояромъ, и дворяномъ, и всякимъ чиновнымъ людямъ, и Христолюбивому воинству, и гостемъ, и всенародному множеству, Февраля въ 17 день, въ пятковъ на мясопустной недѣль, святѣйшій Іевъ Патріархъ Московски и всеа Русіи, велѣлъ у себя быти на соборъ о Святѣмъ Дусѣ сыновомъ своимъ, пресвященнымъ Митрополитомъ, и Архіепископомъ, и Епископомъ, и Архимаритомъ и Игуменомъ, и всему освященному собору вселенскому и бояромъ, и дворяномъ, и приказнымъ и служилымъ людямъ, всему Христолюбивому воинству, и гостемъ, и всѣмъ православнымъ крестьяномъ всѣхъ городовъ Російского государства. И говорилъ имъ на соборъ: что по преставленіи блаженныя памяти, святаго, и праведнаго, и милостиваго, и храбраго, и счастливаго, Великаго Государя Царя и Великаго Князя Ѳеодора Ивановича, всеа Русіи Самодержца, били челомъ и со слезами молили благовѣрную Государыню Царицу и Великую Княгиню Ирину Ѳеодоровну всеа Русіи, чтобы она Государыня милость показала, скипетроцарствія содержала, а насъ бы нищихъ и сирыхъ не оставила; и великая Государыня, аки крѣпкій адамантъ душею, не изволила престоль свой содержати, а изволила пріяти святый иноческій ангельскій образъ; и мы били челомъ ей Государынь, чтобы она Государыня показала намъ нищимъ богомолцомъ своимъ и всему православному христіанству милость, благословила въ свое мѣсто на царство намъ Государя брата своего, Государя нашего Бориса Ѳеодоровича; и Государыня Царица и Великая Княгиня инока Александра Ѳеодоровна всеа Русіи, за умноженіе грѣховъ нашихъ, милости не показала жъ, брата своего Государя нашего Бориса Ѳеодоровича на царство не благословила; а Государю Борису Ѳеодоровичю тако жъ били челомъ, и молили и просили слезнымъ рыданіемъ по многіе дни безотступно, чтобы намъ былъ милосерднымъ Государемъ; и Государь Борисъ Ѳеодоровичъ не пожаловалъ, о государствѣ отказалъ; и Іевъ Патріархъ и со мною весь освященный вселенскій соборъ, да и вы, бояре, и дворяне, и приказные и служилые люди, и гости, и всѣхъ чиновъ и всякіе люди всея земли, о томъ о великомъ дѣлѣ положили на Божию волю и отсрочи-

ли до Четырдесятницы; и нынѣ, по правиламъ святыхъ Апостолъ и святыхъ Отецъ, по великомъ Государѣ Царѣ и Великомъ Князѣ Оедорѣ Ивановичѣ, всеа Русіи Самодержцѣ, Четырдесятница совершилася, а святая его царская праведная душа въ вѣчное блаженство небеснаго царства со всеми святыми вселися: и вы бы, преосвященные Митрополиты, и Архіепископы, и Епископы, и Архимариты и Игумены, и весь освященный соборъ, и бояре и дворяне, и приказные люди, и гости, и дѣти болрскіе, и всѣхъ чиновъ всякіе люди царствующаго града Москвы и всея Російскія земл, всѣ православные крестьяня, о томъ о великомъ дѣлѣ намъ и всему освященному собору мысль свою объявили и совѣтъ дали: кому на великомъ преславномъ государствѣ Государемъ быти? А у меня Іева Патріарха, и у Митрополитовъ, и у Архіепископовъ, и у Епископовъ, и у Архимаритовъ, и у Игуменовъ, и у всего освященнаго вселенскаго собора, и у бояръ, и у дворянь, и у приказныхъ и у служилыхъ у всякихъ людей, и у гостей, и у всѣхъ православныхъ крестьянь, которые были на Москвѣ, мысль и совѣтъ всѣхъ единодушно, что намъ мимо Государя Бориса Оедоровича иного Государя никого не искати и не хотѣти. Слышавше же сія Митрополиты, и Архіепископы, и Епископы, и Архимариты и Игумены, и весь освященный соборъ, и бояре, и дворяне, и приказные и служивые люди, и гости, и всѣ православные крестьяне, которые пріѣхали изъ дальнихъ городовъ въ царствующій градъ Москву, велегласно аки единъми усты глаголаху: Нашъ совѣтъ и желаніе то жъ единомысленно съ тобою, отцемъ нашимъ великимъ господиномъ, Іевомъ Патріархомъ Московскимъ и всеа Русіи, и со всемъ освященнымъ соборомъ, и съ бояры, и съ дворяны, и со всеми православными крестьяны, еже неотложно бити челомъ Государю Борису Оедоровичю, а опричь Государя Бориса Оедоровича на государство никого же не искати. И сіе во свидѣтельство приводяще: «По Божію жъ изволенію и по своему милосердію, Великій Государь Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичъ, всеа Русіи Самодержецъ, сочталъ за сына своего за великаго Государя нашего Царя и Велико-

го Князя Оедора Ивановича, всеа Русіи Самодержца, великую Государыню нашу Царицу и Великую Княгиню Ирину Оедоровну всеа Русіи, благозаконнымъ бракомъ, а взялъ ее Государыню въ свои царскія полаты не въ совершенномъ возрастѣ семи лѣтъ, и была питома въ его царскихъ полатахъ до сочетанія брака; а Государь нашъ Борисъ Оедоровичъ при его царскихъ пресвѣтлыхъ очехъ былъ всегда безотступно по тому же не въ совершенномъ возрастѣ, и отъ премудраго его царскаго разума царственнымъ чиномъ и достоянїю навикъ. И по преставленіи великаго Государя Царевича Ивана Ивановича, Великій Государь Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичъ всеа Русіи, Государю нашему Борису Оедоровичю говорилъ: что Божиими судьбами, а по его грѣху, Царевича Ивана не стало, и онъ въ своей кручинѣ не чаеъ себѣ долгого живота: и я полагаю сына своего Царевича Оедора и Богомъ дарованную дочь свою Царицу Ирину на Бога, и на Пречистую Богородицу, и на великихъ Чюдотворцовъ, и на тебя Бориса, и тыбѣ обѣ ихъ здоровьѣ радѣль и ими промышлялъ: какова мнѣ Богомъ дарованная дочь Царица Ирина, таковъ мнѣ и ты, Борисъ, въ нашей милости какъ еси сынъ. Да и последнее на Государь нашъ Борисъ Оедоровичъ свое царское милосердіе, по своей царской милости, учинилъ мимо прежніе обычаи: егда же восхотѣвшу Богу во онъ вѣкъ безконечный преставити отъ житія сего Государя Царя и Великаго Князя Ивана Васильевича, всеа Русіи Самодержца, тогда повелѣ пріити къ себѣ духовнику своему Архимариту Оеодосью, хотя ему исповѣдати последнее исповѣданіе и пречистыхъ Христовыхъ таинъ отъ него комкатися; и въ то время былъ Государь Борисъ Оедоровичъ предстоя у его царскаго одра; тогдажъ Великій Государь Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичъ, всеа Русіи Самодержецъ, представляя во свидѣтельство духовника своего Архимарита Оеодосья, слезъ очи свои наполнивъ, глагола Государю нашему Борису Оедоровичю: тебѣ приказываю сына своего Оедора и Богомъ дарованную дочь свою Ирину; ты же соблюди ихъ отъ всякихъ золь: аще ли не соблюдеши, ихъ воздаси о нихъ отвѣтъ предъ Богомъ;

на тебѣ възыщеть Богъ душа ихъ. И егда же, по Божіей милости и по благословенію отца своего, Великій Государь нашъ Царь и Великій Князь Ѳедоръ Ивановичъ, всеа Русіи Самодержецъ, Богомъ внчанъ бысть и воспрія державу скипетро Російского царства: тогда Государь Борисъ Ѳедоровичъ, помня приказъ Великого Государя Царя и Великого Князя Ивана Васильевича всеа Русіи, ихъ государское здорově хранилъ аки зѣницу ока, и попеченіе объ нихъ веліе имѣлъ, и великіе ихъ государства отовсюду оберегалъ съ великимъ радѣніемъ и со опасеніемъ и попеченіемъ многимъ, и своимъ премудрымъ разумомъ и бодроопаснымъ содержаниемъ учинилъ ихъ царскому имени во всемъ великую честь и похвалу, а великимъ ихъ государствамъ много пространствіе и расширение, во всемъ прибыли, во вѣки въ превѣчную славу и похвалу учинилъ, и превысокого ихъ царского степеніи величества окрестныхъ прегордыхъ непокорныхъ царей, ихъ царскимъ приказомъ, а своимъ храбрскимъ и премудрымъ промысломъ и радѣнемъ ко всему православному христіанству, благопослушны и повинователны сотворилъ, и побѣдилъ прегордо хвалящагося царя Крымскаго, и непослушника короля Свейскаго подъ государеву царскую высокую десницу привелъ, и города, которые были за Свейскимъ Королевствомъ, поималъ; а къ нему къ царскому шурина къ Государю къ Борису Ѳедоровичю, о любви, и о дружбѣ, и о мирномъ постановленіи, и о покоѣ, и о тишинѣ, цесарь хрестыанскій, и салтанъ Турскій и шахъ Персидской, и короли изо многихъ государствъ, пословъ своихъ присылали со многою честію; и всѣ великіе государства Російскаго царствія тихи и не мятежны устроилъ, и воинственной чинъ въ призрѣніи, и во многой милости, и въ строеніи учиненъ, а все православное христіанство въ покоѣ и въ тишинѣ, а бѣдныя вдовы и сироты въ милостивомъ въ покровеніи и въ крѣпкомъ заступленіи, и всѣмъ повиннымъ пощада и неоскудныя рѣвки милосердія изливались, и вся Руская земля во облеченіи учинена, и святая наша и непорочная христіанская вѣра сіяетъ во вселеннѣй выше всѣхъ, яко же подъ небесемъ пресвѣтлое солнце; и славно бысть благо-

вѣрнаго Великаго Государя нашего Царя и Великаго Князя Ѳедора Ивановича, всеа Русіи Самодержца, и его благовѣрныя Царицы и Великіе Княгини Ирины Ѳедоровны всеа Русіи, ихъ Царьскаго Величества имя, отъ моря и до моря и отъ рѣкъ до конецъ вселенныя. А какъ Крымской Казыгирей царь приходилъ на Рускую землю, со многимъ воинствомъ хваляшеся, хотя православную и непорочную христіанскую вѣру разорити, а святаыя церкви во оскверненіе предати и святиню въ попраніе положить, и православное христіанство съ ихъ женами и съ дѣтьми и съ сущими младенцы Російскаго царствія безъ милости нещадно мечю предати хотѣлъ: и по Божьей милости, а по Великаго Государя Царя и Великаго Князя Ѳедора Ивановича всеа Русіи Самодержца по повелѣнію, его Царьскаго Величества шурина Государя Бориса Ѳедоровича отъ его премудраго разума и храбръскаго подвига, Крымской царь побѣженъ и преодоленъ и премноего его воинство побѣено бысть и съ великимъ срамомъ во своя возвратися; и сицеваго ради подвига и знаменитаго храбръства Государь Борисъ Ѳедоровичъ сподобленъ бысть отъ Великаго Государя Царя и Великаго Князя Ѳедора Ивановича, всеа Русіи Самодержца, отъ его царьскихъ рукъ на выю свою возложеніи чеши отъ злата Аравійска, и царьскіе багрянницы его царьскихъ плечъ, и судна златаго, зовомый Мамай, прародителя своего великаго Государя Дмитрія Ивановича Донскаго, которые взялъ у безбожнаго Мамаля, какъ его побѣдилъ.» Бояре же, и дворяне, и приказные, и всѣхъ чиновъ всякіе люди всея Рускія земля, и гости, и все православное христіанство, со многими слезами и съ великимъ воплемъ свѣтѣйшему Іеву Патріарху Московскому и всеа Русіи били челомъ, чтобы свѣтѣйшій Іевъ Патріархъ, со всѣмъ освященнымъ соборомъ, великую Государыню Царицу и Великую Княгиню иноку Александру Ѳедоровну всеа Русіи, и ее брата Государя нашего Бориса Ѳедоровича, молили и милости просили со слезами, чтобы великая Государыня пожаловала благословила брата своего, а нашего Государя Бориса Ѳедоровича, на свои великіе государьства Російскаго царствія Государемъ, а Государь бы Борисъ Ѳедоровичъ, для слезъ и

всемірнаго плача всея Рускія земля, положилъ на милость, на тѣхъ великихъ государствахъ Російскаго царствія былъ Государемъ Царемъ и Великимъ Княземъ, всеа Русіи Самодержцемъ. И святѣйшій Іевъ Патріархъ Московскій и всеа Русіи, слышавъ ихъ челобитье и слезное рыданіе, толикаго множества народа всея земли крѣпкій совѣтъ и единомышленіе, рѣки слезъ отъ очію испусти, глаголя: «Благословенъ Богъ, совѣтъ благъ давшему во всенародное се множество и единомысліемъ утвердившему.» И о семъ положи упованіе на Бога и на Пречистую Богородицу и на великихъ Чюдотворцовъ, глаголя: Яко же Господеви годъ, тако и будетъ. Тако же святѣйшій Іевъ Патріархъ, съ Митрополиты, и съ Архіепископы, и Епископы, и съ Архимариты, и съ Игумены, и съ бояры, и съ дворяны, и съ приказными, и съ служивыми людьми, и съ гостями, и со всемъ православнымъ крестьянствомъ, совѣтуетъ, чтобы въ субботу Мясопустную, Февраля въ 18 день, на первомъ часу дни, всему освященному собору и всѣмъ бояромъ и дворяномъ и всѣхъ чиновъ всякимъ людемъ царствующаго града Москвы и всея Рускія земля, быти въ великую соборную апостольскую церковь Пречистые Богородицы, и молити всеильнаго Бога и Пречистую Его Матеръ и великихъ Чюдотворцовъ Петра и Алексія и Іону и всѣхъ великихъ Чюдотворцовъ Рускихъ и всѣхъ Святыхъ, чтобы милосердый Богъ, по своей неизреченной милости, устроилъ полезная всему православному христіянству и желаніе сердца ихъ исполнилъ; и во уреченный день исправивъ молебная во святѣй велицѣй апостольскѣй церкви, съ женами и съ дѣтми и съ сущими младенцы всенароднаго множества въ Новой-дѣвичъ монастырь итти, и съ Божією помощію всѣмъ единогласно, съ великимъ воплемъ и неутѣшнымъ плачемъ, милости просити у великіе Государыни Царицы и Великіе Княгини иноки Александры Ѳедоровны всеа Русіи, и у брата ее у Государя у Бориса Ѳедоровича; и будетъ Государыня Царица положить на милость, насъ пожалуетъ, благословитъ брата своего, а Государя нашего, Бориса Ѳедоровича на государство всея великія Росіа, и Государь Борисъ Ѳедоровичъ насъ пожалуетъ, будетъ на госу-

дарствъ : и намъ богомолцомъ ихъ, и съ нами всему освященному вселенскому собору, во святѣй величѣй соборнѣй апостольствѣй церкви совершити молебная пѣнія, а вамъ бояромъ, и дворяномъ, и приказнымъ людямъ, и дѣтемъ боярскимъ, и гостемъ, и всѣхъ чиновъ всякимъ людемъ царствующаго града Москвы и всея Рускія земли; и будетъ вашъ совѣтъ съ нами единомыслень, и язъ васъ благословляю, со всѣмъ вселенскимъ соборомъ. И бояре, и дворяне, и приказные и служивые люди, и всѣхъ чиновъ всякіе люди, и все православное крестьянство всея Рускіе земли, выслушавъ патріарши рѣчи, единогласно со слезами и съ воплемъ всъ патріаршъ и всего вселенскаго собора совѣтъ похвалили и били челомъ, чтобы они неотложною мыслию и крѣпкимъ совѣтомъ утвердили; а ихъ бояръ и дворянъ, и приказныхъ и служивыхъ людей, и всего православнаго христіянства всея Рускія земли, совѣтъ и хотѣніе то же : кто похочетъ мимо Государя нашего Бориса Ѳедоровича, и сына его Государя нашего Ѳедора Борисовича и тѣхъ дѣтей, которыхъ ему Государю впредь Богъ дастъ, иного Государя искати и хотѣти, или какое лихо кто похочетъ учинити и умышляти на Государя Бориса Ѳедоровича, и на Государыню нашу Марью Григорьевну, и на ихъ дѣтей на Ѳедора Борисовича и на Ксенью Борисовну, и на тѣхъ дѣтей, которыхъ ему Государю впредь Богъ дастъ: и намъ Бояромъ, и окольныхчимъ, и дворяномъ, и приказнымъ людемъ, и дялкомъ, и гостемъ, и дѣтемъ боярскимъ, и всякимъ людемъ, извѣстити на того измѣнника святѣйшему Іеву Патріарху, и Митрополитомъ, и Архіепископомъ, и Епископомъ и всему освященному вселенскому собору, и стояти на того государева измѣнника всею землею обще заединъ; а мнѣ Іеву Патріарху, и Митрополитомъ и Архіепископомъ и Епископомъ и всему вселенскому собору, того измѣнника проклятїю предати и отлучити отъ церкви Божїи, и предати градскому суду. Слышавъ же крѣпкій совѣтъ и хотѣніе всея земля, святѣйшіи Іевъ Патріархъ Московскій и всея Русїи, со всѣмъ вселенскимъ соборомъ, воздавъ славу и благодареніе Господу Богу и пречистой Его Матере, и глагола благодарственной стихъ Богородиць: До-

стойно есть; и призвавъ Бога въ помощь и пречистую Его Матерь и великихъ Чюдотворцовъ и всѣхъ Святыхъ, благословилъ ихъ, что имъ съ нимъ со святѣйшимъ Іевомъ Патріархомъ Московскимъ и всеа Русіи, и со всѣмъ освященнымъ соборомъ, быти единомышленно на томъ на всемъ, какъ они приговорили; и совѣщавшеся вси вкупъ и нарекоша день итти въ Новой въ дѣвич монастырь въ понедѣльникъ Сырныя недѣли, и бити челомъ Государынѣ Царицѣ и Великой Княгинѣ иноку Александръ и Государю Борису Ѳедоровичю всѣмъ единодушно; и въ субботу Мясопустную, и въ недѣлю и въ понедѣльникъ Сырныя недѣли, по три дни пѣвше молебная во святѣй велицѣй соборнѣй апостольствѣй церкви пречистые Богородицы честнаго и славнаго ея Успенія, моливше Господа Бога и пречистую Его Матерь и великихъ Чюдотворцовъ Петра и Алексѣя и Іону и всѣхъ Святыхъ, о всѣхъ яже на пользу строимыхъ всему православному крестьянству, чтобъ подаровалъ намъ Господь Богъ, по прошенію нашему, благочестиваго Государя Царя и Великаго Князя Бориса Ѳедоровича всеа Русіи, всему Російскому государству Самодержца. И въ той же понедѣльникъ Февраля въ 20 день, святѣйшій Іевъ Патріархъ Московскій и всеа Русіи, со всѣмъ освященнымъ соборомъ, и со всѣми бояры и со всенароднымъ множествомъ, идоша въ пречестную обитель пречистые Богородицы честнаго и славнаго ея Одегитрія въ Новойдѣвич монастырь, и Государынѣ Царицѣ и Великой Княгинѣ иноку Александръ Ѳедоровнѣ всеа Русіи, и Государю Борису Ѳедоровичю, со слезами били челомъ и много молихомъ; и грѣхъ ради нашихъ, Государыни благовѣрная Царица и Великая Княгини инока Александра Ѳедоровна, всеа Русіи, на милость не положила, брата своего Государя нашего Бориса Ѳедоровича на государство не пожаловала; а Государь Борисъ Ѳедоровичъ милости не показалъ же, а говорилъ святѣйшему Іеву Патріарху: «Какъ тебѣ государю и отцу своему и всему вселенскому собору, и бояромъ и дворяномъ и всему православному крестьянству, говорилъ преже сего, и нынѣ то же говорю: не мните себѣ того, что мнѣ помыслить на такого Великаго Государя пресвѣтлаго и праведнаго

Царя превысочайшую царскую степень на высоту царствія его.» И много о томъ со многими слезами моляше Патріарха, а говорилъ, что ему о томъ и въ разумъ не придетъ Первопрестольнѣйши же святѣйши Іевъ Патріархъ Московскій и всеа Русіи, и Митрополиты и Архіепископы, и Епископы, и Архимариты и Игумены, и весь вселенскій соборъ, и бояре, и дворяне, и приказные и служивые люди, и все православное христіанство, о семъ въ недоумѣніи мнозъ бысть и во мнозѣй скорби и въ плачи неутѣшимомъ, отойдоша со многою скорбію отъ великія лавры въ царствующій градъ Москву. И паки святѣйшіи Іевъ Патріархъ Московскій и всеа Русіи созываетъ къ себѣ о Святѣмъ Дусѣ сыновей своихъ пресвященныхъ Митрополитовъ, и Архіепископовъ, и Епископовъ, и Архимаритовъ и Игуменовъ, и весь освященный вселенскій соборъ, и бояръ, и дворянъ, и приказныхъ и служивыхъ людей, и гостей, и всѣхъ православныхъ крестьянъ, съ ними же благъ совѣтъ совѣтуетъ, чтобъ божественное празнество соборнѣ сотворити пресвятѣй пречистѣй и пренепорочнѣй Владычицѣ нашей Богородицы и Приснодѣвѣ Маріи честнаго и славнаго Ея Одегитрія, въ царствующемъ градѣ Москвѣ во святѣй величій соборнѣй апостолствѣй церкви, идѣ же многочюдесныя мощи Петра и Іоны и прочихъ пресвященныхъ Митрополитовъ Московскихъ и всеа Русіи, и по всѣмъ святымъ церквамъ и по честнымъ монастыремъ; также повелѣ праздновати и въ честнемъ монастыри пречистыя преславныя Владычица наша Богородица и Приснодѣвы Марія честнаго и славнаго Ея Одегитрія, идѣже изволи жити великая Государыни благовѣрная Царица и Великая Княгини инока Александра въ Новомъ дѣвичь монастырь, вечерня и всенощное пѣти; и сотворше во святыхъ церквахъ всепразнественая, взяше честныя и животворящіе кресты и великіе чудотворныя образы, пречистыя Богородицы Владимерскіе чудотворную икону, юже богогласный Лука написа, и чудотворную икону пречистыя Богородицы Донскіе, иже надъ безбожнымъ Мамаемъ побѣду показа, и чудотворцова Петрова писма пречистыя Богородицы образъ, и отъ прародителей государскихъ чудотворный образъ Одегитрія

пречистые Богородицы, еже есть въ Вознесенскомъ дѣвичь монастырь, и иные многіе чудотворные образы, итти въ Новой дѣвичь монастырь на утрѣ во вторникъ Сырныя недѣли Февраля въ 21 день, со всѣмъ освященнымъ соборомъ, и съ бояры и съ царьскими сигклиты, и со всенароднымъ безчисленнымъ множествомъ всея земля великого Російского государства, съ женами и съ дѣтми и съ сущими младенцы, молити всемилостиваго въ Троицы славимаго Бога и пречистую Его Матерь и великихъ Чюдотворцовъ, о вселенскомъ устроении и о благостоянии святыхъ Божіихъ церквей и утвержении святыхъ православныхъ нашея христіанскіе вѣры, и дабы Господь Богъ умилосердился на насъ, послалъ дхновеніе Святаго Духа въ сердца великія Государыни нашея Царицы и Великія Княгини иноки Александры Ѳедоровны всея Русіи, и брата ея Государя нашего Бориса Ѳедоровича, умягчилъ бы ниву сердцу ихъ, чтобъ они великіе Государи слезъ моленія нашего не презрили; и молебная пѣнія и божественную литургію совершивше, молити и бити челомъ великой Государынь благовѣрной и Христіолюбивой Царицъ и Великой Княгинь инокъ Александръ Ѳедоровъ всеа Русіи, и брату ея Государю нашему Борису Ѳедоровичю, чтобы Государыни благовѣрная Царица на милость положила, на царство брата своего Государя нашего Бориса Ѳедоровича, а Государь бы Борисъ Ѳедоровичъ милость показалъ, былъ намъ благонадежный великій Государь Царь и Великій Князь, всеа Русіи Самодержецъ: егда како услышитъ милосердый Богъ, и пречистая его Мати пренепорочная Владычица и Приснодѣва Марія преславная Богородица умилосердився призритъ на смиреніе наше, и молитвъ нашихъ не презритъ и толикаго всенароднаго безчисленнаго множества безвременныхъ слезъ и вопля безпрестаннаго, и извѣститъ имъ милосердый Богъ о насъ, яко же вѣсть святая Его воля. Къ сему же святѣйшій Іевъ Патріархъ въ духовнѣ особѣ тайнъ совѣтъ совѣщаетъ со всѣми сыновы своими, съ Митрополиты и съ Архіепископы и Епископы, и съ Архимариты и Игумены, и со всѣмъ освященнымъ соборомъ, и межъ собою крѣпко утвердиша себе на томъ: Будеть великая Государы-

ни Царица и Великая Княгиня инока Александра Феодоровна всеа Русіи, положить на милость и насъ пожалуетъ, для пришествія честныхъ крестовъ и многихъ чудотворныхъ святыхъ иконъ, брата своего Государя нашего Бориса Феодоровича на великіе государства Російскаго царствія благословить, а Государь нашъ Борисъ Феодоровичъ на милость будетъ положить, всему Російскому государству будетъ Царемъ и Великимъ Княземъ всеа Русіи Самодержцемъ: и язъ богомолецъ ихъ смиренный Іевъ Патріархъ Московскій и всеа Русіи, съ вами сыновы своими со всѣмъ освященнымъ соборомъ, по даннѣй намъ благодати отъ пресвятаго и животворящаго Духа, прося у Бога милости, Государя Бориса Феодоровича прощаемъ и разрешаемъ, что онъ Государь подъя клятвою со слезами говорилъ, что у него у Государя нашего у Бориса Феодоровича желанья и хотѣнья на государство нѣтъ, а намъ должная о его Государевъ здоровьѣ Бога молити. А будетъ великая Государыни Царица и Великая Княгиня инока Александра Феодоровна всеа Русіи положить на милость и насъ пожалуетъ, брата своего Государя нашего Бориса Феодоровича на великіе государства Російскаго царствія благословить, а Государь будетъ Борисъ Феодоровичъ на милость не положить и о государствѣ откажетъ по прежнему: и язъ богомолецъ ихъ, по даннѣй намъ благодати отъ пресвятаго и животворящаго Духа, по совѣту съ вами сыновы своими съ Митрополиты и съ Архіепископы и съ Епископы и съ Архимариты и Игумены, и со всѣмъ освященнымъ соборомъ, Государя Бориса Феодоровича запретимъ и отъ церкви Божіи и святыхъ таинъ пречистаго тѣла и крови Христа Бога нашего отлучимъ, и благословеніе съ него снимемъ, а что учинится святыня въ пограние, а крестьянство въ разореніи, а многочисельный Богомъ собранный народъ всего народного множества съ ихъ женами и съ дѣтми и съ сущими младенцы въ безгосударное время небрегоми погибнуть, и межусобная брань воздвигнется и неповинная крестьянскія крови отъ того прольются, и того всего възыщеть Богъ, въ день страшнаго и праведнаго суда, на немъ на Государь нашемъ Борисъ Феодоровичъ. А будетъ

великая Государыни наша благовѣрная Царица и Великая Княгиня инока Александра Ѳеодоровна всеа Русіи, и братъ ее Государь нашъ Борисъ Ѳеодоровичъ, на милость не положатъ, а насъ не пожалуютъ и о государствѣ конечно откажутъ, и быти на государствѣ Государь Борисъ Ѳеодоровичъ не восхоцеть; и лзь богомолецъ ихъ, и со мною о святѣмъ Дусѣ всѣ вы сынове мои Митрополиты и Архіепископы и Епископы, саны святителскіе съ себя соймемъ и понагемъ сложимъ и облечемъ во мнишеская, тамо въ монастырь и честныя кресты и чудотворныя образы оставимъ, и для ихъ ослушанія престануть во святыхъ церквахъ божественныя службы и святыхъ таинъ литургисанія, пѣнія же хвалы и благодарственное славословіе, и того Господь Богъ взыщеть на нихъ, на великой Государынѣ и на братѣ ея на Государѣ нашемъ на Борисѣ Ѳеодоровичѣ. И сія, убо, вкупѣ много совѣтовахомъ и утвердившеся и глаголаху вси единогласно: инако преложити невозможно, развѣ сего яко же глагола ты, святѣй владыко и отецъ нашъ Іевъ Патріархъ Московски и всеа Русіи. И Февраля въ 21 день, во вторникъ Сырныя недѣли, по прежнему своему соборному уложенію и по приговору всеѣ земли, святѣйши Іевъ Патріархъ Московски и всеа Русіи, о Святѣмъ Дусѣ съ сыновы своими съ Митрополиты, и съ Архіепископы, и съ Епископы, и Архимариты и Игумены, и со всѣмъ освященнымъ соборомъ, молебная всепразднество свѣтло сотворше пречистѣй и пренепорочнѣй и преблагословеннѣй Владычицѣ нашей Богородицы и Приснодѣввы Маріи честнаго и славнаго Ея Одегитрія, съ честными кресты и съ чудотворными образы пречистые Богородицы Владимерскіе, и пречистые образъ Донскіе, и живописанный образъ пречистые Богородицы великаго святителя Петра, да чудотворный образъ пречистыя Богородицы Одегитрія, еже есть въ Вознесенскомъ дѣвичь монастырь, и великихъ Чудотворцовъ Петра и Алексѣя и Іоны, и иные многіе чудотворныя образы, еже въ царствующемъ градѣ Москвѣ, и призвавше въ помощь въ Троицѣ славимаго всемилостиваго Господа Бога вседержителя и пречистую Богоматерь и великихъ чудотворцевъ и всѣхъ святыхъ, идоша со

тщаніемъ въ Новой дѣвичь монастырь, идѣ же изволи жити, но пріятіи ангельскаго образа, великая Государыня наша благовѣрная и Христолюбивая Царица и Великая Княгини Александра Ѳеодоровна всеа Русіи, въ пречестную и великую обитель пречистые Богородицы честнаго и славнаго ея Одегитрія, и идуще пояху безпрестанно молебная пѣнія. Егда же великій святѣйши Іевъ Патріархъ, вкупѣ о Святѣмъ Дусѣ и сынове его Митрополиты, и Архіепископы, и Епископы, и Архимариты и Игумены, и весь освященный соборъ, и служивые люди, и гости, и всѣ православные крестьяня, и съ сущими младенцы и всенародное множество, придоша съ честными и животворящими кресты и съ чудотворными образы къ великой лаврѣ дѣвича монастыря: тогда въ той честной обители быша звоны великіе для пришествія честныхъ и чудотворныхъ иконъ, и воздвигшеся изыде иже въ той честной обители пребывающе пречистыя Богородицы чудотворный образъ честнаго и славнаго Ея Одегитрія Смоленскія, во слѣдъ же того чудотворнаго образа пречистыя Богородица Смоленскія приде великій Государь Борисъ Ѳеодоровичъ. И егда приде къ чудотворному образу пречистыя пренепорочныя Владычицы нашея Богородицы и Приснодѣвы Марія Владимерскія: тогда слезъ многихъ исполнився, гласомъ великимъ возопивъ, глаголя: «О милосердая Царице пречистая Богородице, Мати Христа Бога нашего! почто толикъ подвигъ сотворила еси, и чудотворный свой образъ воздвиже съ честными кресты и со иными множества чудотворныхъ образовъ? Тѣмъ, пречистая Богородица, помолися о мнѣ и помилуй мя.» И сія вопія и глаголя, со многимъ рыданіемъ и плачемъ паде на землю предъ чудотворнымъ образомъ пречистыя Богородицы Владимерскія, и лежа слезами землю мочаше на многъ часъ. Возставшу же Государю Борису Ѳеодоровичю, со многимъ плачемъ и рыданіемъ, и пришедъ знаменався припаде къ подножію того чудотворнаго образа, слезы точа отъ очію яко же рѣки, припадаетъ же прилагаяся и къ прочимъ честныхъ иконъ чудотворнымъ образомъ, со слезами многими. Тако же пришедъ къ отцу своему къ первоначальствующему Іеву Патріарху Московско-

му и всеа Русіи, со слезами глагола ему: «О святѣйшій отецъ и государь мой Іевъ Патріархъ! по что чудные чудотворные иконы пречистые Богородицы и честные кресты воздвиглъ еси и толикъ многотрудный подвигъ сотворилъ еси?» Великій же святѣйшій Іевъ Патріархъ Московски и всеа Русіи, благословя Государя Бориса Ѳедоровича животворящимъ крестомъ, съ ксликими слезами глагола ему: «Не буди одержимъ печалію, Богомъ возлюбленный сыну, но утѣши сердце свое упованіемъ Божиимъ и пречистые Богородицы милостію и великихъ Чудотворцовъ. Еже глаголеши, яко толикъ подвигъ азъ воздвигохъ; повѣмъ же ти, сыну, истину глаголя: не азъ сей подвигъ сотворихъ, яко же глаголеши, но пречистая Богородица съ превѣчнымъ своимъ Младенцомъ, Господемъ нашимъ Иусъ Христомъ, и съ великими Чудотворцы, возлюби тебе, и воздвигшеся и изволи притти и святую волю Сына своего Бога нашего исполнити на тебѣ Государь нашемъ. Тѣмъ же, сыну, устыдися пришествіа Ея, послушай, якоже Богъ изволи и пречистая Богородица и великіе Чудотворцы, и не буди противенъ воли Божіей, повинися святой воли Его, и симъ ослушаніемъ не наведи на себя праведнаго гнѣва Его.» Великій же Государь Борисъ Ѳедоровичъ, слышавъ пастырево увѣщаніе, отъ очію рѣки слезъ проліаше, паки благословеніе пріять. И потомъ святѣйшій Іевъ Патріархъ, съ честными кресты и съ чудотворными образы поиде во святую церковь пресвятые Богородицы; а Государь Борисъ Ѳедоровичъ поиде къ сестрѣ своей благовѣрной Царицѣ и Великой Княгинѣ инокъ Александрѣ Ѳедоровнѣ всеа Русіи; а бояре и дворяне и приказные и служилые люди, и гости, и всѣ православные крестьяня всего Російскаго государства, съ женами и съ дѣтми и съ сущими младенцы; взыдоша на монастырь, а которые не вмѣщавуся въ монастырь, тѣ всѣ около монастыря стоящи, со многими слезнымъ рыданіемъ и воплемъ моляху Государя Бориса Ѳедоровича. Святѣйши же Іевъ Патріархъ, во святѣй божественнѣй церкви пречистые Богородицы честнаго и славнаго Ея Одегитрія, божественную литургію соборнѣ совершивше, со всеми сыновы своими съ Митрополиты, и съ

Архієпископы, и Епископы, и весь Архимариты и Игумены, и со всемъ освященнымъ соборомъ, во всѣхъ священныхъ одеждахъ, въ чемъ служажу божественную литургію, идоша въ келью къ великой Государынѣ благовѣрной Царицѣ и Великой Княгинѣ иноку Александрѣ Фѣдоровнѣ всеа Русіи, носяще съ собою честный и животворящій крестъ и чудотворные образы; съ ними же вкупѣ и бояре и весь царскій сигклитъ. А дворяне, и приказные люди, и гости, и Христолюбивое воинство, и весь православные крестьяня и всенародное множество Російскаго государства, стояху у кельи и по всему монастырю; а елицы не вмѣстѣхуся въ монастырь, и тѣ весь внѣ монастыря стояще, вси купно падше главы своя повергше на землю, съ великимъ плачемъ и рыданіемъ мнозѣмъ велегласно вопіяху на многъ часъ: «О благочестивая Царица и Великая Княгиня инока Александра Фѣдоровна всеа Русіи! милосердуй о насъ, Царица, пощади, пощади, благовѣрная и Христолюбивая Государыня, благослови и даждь благовѣнчаннаго Царя на царство всемъ намъ благонадежнаго Государя всему Російскому государству Самодержца, брата своего Государя нашего Бориса Фѣдоровича!» Тако жъ и брату ея Государю нашему Борису Фѣдоровичю били челомъ и молили со многимъ слезнымъ рыданіемъ и воплемъ многимъ прилежно, чтобъ онъ Государь пожаловалъ своихъ богомольцовъ, и бояръ, и Христолюбивое воинство и все православное христіянство, скифетроцарствіа царскимъ вѣнцемъ вѣнчанъ былъ, царствующему жъ граду Москвѣ и всему Російскому государству Самодержецъ, а намъ Государь благонадежный. И великая Государыни благовѣрная и Христолюбивая Царица и Великая Княгиня инока Александра Фѣдоровна всеа Русіи, и братъ ея Государь нашъ Борисъ Фѣдоровичъ, къ моленію нашему никакъ же быша преклонны и не восхотѣша насъ пожаловати. Первопрестольнѣйши же Іевъ Патріархъ, со всемъ вселенскимъ соборомъ, и бояре и весь царскій сигклитъ, били челомъ великой Государынѣ Царицѣ и Великой Княгинѣ иноку Александрѣ Фѣдоровнѣ всеа Русіи, и брату ея Государю нашему Борису Фѣдоровичю, со слезами на многъ часъ; падше предъ царь-

скими ногами ея; а всенародное безчисленное множество въ православные крестьяня, у кельи, съ великимъ плачемъ отъ души единогласно глаголюще: «Милосердая Царица благородная и Христолюбивая! не презри пришедшихъ въ честную сію обитель пречистые Богородицы Владимирскіе и Донскіе, и Чудотворца Петра живописаннаго пречистые образа, и Одегитрія пречистые Богородицы чудотворные Вознесенскіе и всѣхъ чудотворныхъ образовъ, и угодниковъ Ея великихъ Чудотворцовъ Петра и Алексѣя и Іоны и всѣхъ Святыхъ благоугодившихъ, и для закланія святаго Агнеца Божія, изліявшаго за весь міръ кровь свою: положите на милость, не оставте насъ сирыхъ и безгосударныхъ.» Великая же благовѣрная и Христолюбивая Царица и Великая Княгиня инока Александра Ѳедоровна всеа Русіи, слышавъ сія таковая прошенія и моленія, на многъ часъ въ недоумѣніи бывъ и умилися душею, слезъ многихъ исполнися, глаголя: «О отецъ нашъ святѣйши Іевъ Патріархъ Московски и всеа Русіи, и весь вселенскій соборъ, и Боляре! Изволеніемъ Божиимъ, и грѣхъ ради моихъ и всего православнаго крестьянства, великого Государя моего свѣта праведнаго и благочестиваго и милосердаго, пресвѣтлаго Царя, праведная его и безпорочная душа отойде въ вѣчное блаженство; а нынѣ на такуюю высоту царствія и на престолъ такого великого Государя просите у насъ брата нашего Бориса: и у меня на то мысли никакъ нѣтъ, а у брата нашего у Бориса по тому же никакъ мысли и хотѣнія на то нѣтъ же, свидѣтель и сердце наша зреть Богъ. А будетъ на то святая его воля будетъ, яко же годъ Господеви. тако и буди: воля бо Его никто же можетъ противиться; а безъ вышняго и всемогущаго Господа Бога промысла и святой Его воли, вмѣсто скорби и сътованія, утѣшеніе ко исполненію вашего прошенія и моленія совершити невозможно.» Святѣйши же Іевъ Патріархъ, и съ нимъ весь вселенскій соборъ и боляре, многое моленіе и челобитье, съ неутѣшимъ плачемъ, къ великому Государю Борису Ѳедоровичю простираху; а окрестъ кельи и по всему монастырю и за монастыремъ, все православное крестьянство всея Русскія земля съ женами и съ дѣтми, вели-

кій плачь и рыдательный гласъ и вопль много испущаху, отъ горести сердца и отъ многого сътованія жены сущихъ своихъ младенецъ на землю съ слезнымъ рыданіемъ пометаху, вси единогласно яко единъми усты вопіяху, у великого Государя у Бориса Ѳедоровича милости просяще, чтобъ великій Государь Борисъ Ѳедоровичъ положилъ на милость и не оставилъ ихъ сирыхъ, для пришествія честныхъ и животворящихъ крестовъ и святыхъ чудотворныхъ иконъ былъ на великихъ государствахъ Російского царствія Царемъ и Великимъ Княземъ, всеа Русіи Самодержцемъ. Великій же Государь Борисъ Ѳедоровичъ святѣйшему Іеву Патріарху говори: «О Государь мой отецъ святѣйшій Іевъ Патріархъ! престани ты, и съ тобою весь вселенскій соборъ, и болре, престаните отъ таковаго начинанія: возлагаете на меня такое великое бремя, царски превысочайшій престоль. Ими ми вѣру: видѣвъ толкій вашъ многотрудный подвигъ, скорблю душою и болзною сердцемъ; а прошеніе ваше совершиться не можетъ. Какъ мнѣ на великій престоль царствія Государя моего, свѣта праведнаго и милостиваго и пресвѣтлаго Царя състи? А гдѣ будетъ моя работа всему православному крестьянству пригодится, и язъ, за святыя Божія церкви, и государства Московского за едину пядь земли, и за все православное крестьянство, и за сущихъ младенцовъ, радъ кровь свою изліяти и голову свою положити, и съ тобою Государемъ моимъ святѣйшимъ Іевомъ Патріархомъ и съ болры о земскихъ дѣлѣхъ радѣти и промышляти учну.» И о государствѣ со многимъ слезнымъ рыданіемъ отказалъ. Святѣйши же Іевъ Патріархъ, и весь вселенскій соборъ великую Государыню Царицу и Великую Княгиню иноку Александру Ѳедоровну всеа Русіи молили со многими слезами, а болре били челомъ съ неутѣшнымъ плачемъ, а все православное крестьянство всея Рускіе земли, съ великимъ воплемъ и слезнымъ рыданіемъ и со многимъ стнаніемъ, съ женами и съ дѣтми и съ сущими младенцы, милости просили, чтобъ великая Государыня положила на милость и ихъ бѣдныхъ пожаловала и не оставила сирыхъ, дала бъ брата своего Государя нашего Бориса Ѳедоровича на великое Російское госу-

даръство; и вси яко единъми усты вопіяху: «Сія ли угодно вамъ, тебѣ великой Государынѣ Царицѣ и Великой Княгинѣ иноку Александрѣ Ѳедоровнѣ всеа Русіи, и брату твоему Государю нашему Борису Ѳедоровичю, что насъ бѣдныхъ не пощадити и сирыхъ оставити? И услышавъ о томъ окрестные государи порадуются, что мы сиры и безгосударны, чтобъ святая наша и непорочная крестьянская вѣра въ попраиѣ не была, а мы всѣ православные крестьяне отъ окрестныхъ государей въ расхищеніи не были.» И толикъ плачь и вопль и рыданіе испущаху, яко и воздуху наполниться вопля и рыданія отъ неутѣшнаго плача отъ стонанія. Великая же Государыни Царица и Великая Княгиня инока Александра Ѳедоровна всеа Русіи, видяще святѣйшаго Іева Патріарха и всего вселенскаго собора не отложное моленіе, и боярское челобитѣе, и всенароднаго множества всего православнаго крестьянства много плача и рыданія и стенанія, царское сердце на милость преложи и слезные источники со многимъ духовнымъ умиленіемъ испущал, глаголаше: «Велій еси Ты, Господи, и чудна дѣла Твоя! Кто бо разумъ разумъ Твой Владыко, или кто когда совѣтникъ Тебѣ бысть? Но яко же хочещи, тако и твориши, и воли бо Твоей никто же можетъ противитися: твориши бо елико хочещи.» И глагола святѣйшему Іеву Патріарху и всему вселенскому собору и бояромъ: «Для ради всемилостиваго въ Троицы славимаго Бога нашего и пречистые пренепорочныя Владычицы нашея Богородицы и Приснодѣвы Маріа, крѣпкіе крестьянскіе нашіе надежи и заступницы, и великихъ Чудотворцовъ Петра и Алексѣя и Іоны Московскихъ и всеа Русіи, и для чудотворныхъ образовъ воздвигнутія и закланія ради святаго Агнца Божія спасенія ради нашего, и тебѣ отца нашего Іева Патріарха и Митрополитовъ и Архіепископовъ и Епископовъ и всего освященнаго вселенскаго собора толикаго подвига, и боярь нашихъ и дворянъ и всея земля всего православнаго крестьянства и ихъ женъ и дѣтей и ссушихъ младенцовъ и ихъ многаго вопля и рыдательнаго гласа и неутѣшнаго стенанія, Богу вседержителю и пречистой его матери и великимъ Чудотворцомъ Петру и Алексѣю и Іонѣ

и всѣмъ Святѣмъ, просіявшимъ въ Русіи, и тебѣ первопрестольнику отцу нашему и богомолцу святѣйшему Іеву Патріарху и всему вселенскому собору, и вамъ бояромъ нашимъ и всему православному крестънству, даю вамъ своего единокровнаго брата свѣта очію моего единокровнаго суща: да будетъ вамъ Государемъ Царемъ и Великимъ Княземъ всеа Русіи Самодержцемъ, въ содержаніе скифетра нашего царствующаго града Москвы и всѣхъ нашихъ великихъ государствъ великаго Російскаго царствія.» Великій же Государь Борисъ Ѳедоровичъ, изъ глубины сердца воздохнувъ, съ слезнымъ рыданіемъ глаголаше: »Сія ли угодно Твоему челоуколюбію, Владыко, и тебѣ моей великой Государынѣ, иже такое великое бремя на меня возложила еси, неудобъ мною носиму быти, и на толикій превысочайшій царскій престолъ предаши меня, о немъ же мысли моей не было и на разумъ мой не взыде? Всевидящій сердца челоуческаго зритель Богъ свѣдѣтель на меня, да и ты моя великая Государыни, что въ мысли моей о томъ нѣтъ и на разумъ мой не взыде: азъ всегда при тебѣ хошу быти, и святое пресвѣтлое равноангельское лице твое зрѣти.» Великая же Государыни Царица и Великая Княгиня инока Александра Ѳедоровна всеа Русіи, во мноземъ душевномъ умиленіи и тихости, брата своего великаго Государя нашего Бориса Ѳедоровича, со утѣшеніемъ увѣщеваше, глаголя: «Еже противу всемогущаго Бога воли кто можетъ стояти или не повинуюся вопреки глагола? всемогущенъ бо есть и всесиленъ, творить бо елико хоцетъ: и ты бы, братецъ мой, безо всякаго прекословія повинуюся воли Божіи, былъ всему православному крестънству Государемъ.» Великій же Государь Борисъ Ѳедоровичъ, со многимъ слезнымъ рыданіемъ отрицался, не хотяше быти на государствѣ. Благовѣрная же великая Государыни глаголаше брату своему великому Государю нашему Борису Ѳедоровичю: Слыши, братецъ мой единокровный! Божіе бо есть дѣло, а не челоуческо; вышняго промыслъ, а не челоуческой разумъ: аще бо на то будетъ воля Божія, буди такъ и сіе сотвори.» Великій же Государь Борисъ Ѳедоровичъ, по многоувѣщательнымъ и премудрымъ умилнымъ словесемъ

сестры своей великіе Государыни, аще и не хотяше на царствіе, повинулся воли Божіи со многими слезнымъ рыданіемъ и воплемъ глаголя: «Господи Боже мой, милостивый и прещедрый и челоувколюбивый, Царь царствующимъ и Господь господствующимъ! аще угодно сія Твоему челоувколюбію, Владыко, буди святая твоя воля: Твой бо есмь рабъ, спаси мя по милости Твоей и соблюди по множеству щедротъ Твоихъ: на Тя бо уповахъ, спаси мя.» И потомъ глагола ко отцу своему святѣйшему Іеву Патріарху, и всему вселенскому собору, и бояромъ: «Аще будетъ на то воля Божіа, буди такъ.» Святѣйшій же Іевъ Патріархъ, и Митрополиты, и Архіепископы, и Епископы, и Архимаришы и Игумены, и весь вселенскій соборъ, и бояре, слышавше милосердый царскій глаголъ, на землю падше радостными слезами благодарственная всемилостивому Богу возсылаху: слава и благодареніе всещедрому и челоувколюбивому Богу, не презрѣвшу моленія и слезъ нашихъ и пославшу святой Духъ въ сердце великой Государыни Царицы и Великой Княгини инокъ Александръ Ѳеодоровъ всеа Русіи, и Государю Борису Ѳеодоровичю: сердца бо ихъ въ руцѣ Божіи. И благословилъ святѣйши Іевъ Патріархъ Богомъ избраннаго Государя Царя и Великого Князя Бориса Ѳеодоровича всеа Русіи, и Государыню Царицу и Великую Княгиню Марью, честнымъ и живогорящимъ крестомъ, и знаменовалъ чудотворнымъ образомъ пречистые Богородицы честнаго Ея Одегитрія, юже написа великій Святитель Петръ. Потомъ святѣйшій Іевъ Патріархъ Московски и всеа Русіи, вышедъ отъ Государыни Царицы и Великіе Княгини иноки Александры Ѳеодоровны всеа Русіи, возвѣщаетъ дворяномъ и приказнымъ и служивымъ людемъ, и всему православному крестьянству, всесилнаго Господа Бога милость, что по Его святой воли великая Государыни Царица и Великая Княгиня инока Александра Ѳеодорвна всеа Русіи, и братъ ея Богомъ избранный Государь нашъ Царь и Великій Князь Борисъ Ѳеодоровичъ всеа Русіи Самодержецъ, на милость положили, пожаловалъ хочеть быти на великомъ Російскомъ государствѣ Царемъ и Великимъ Княземъ, всеа Русіи Само-

держцемъ. Дворяне же, и приказные и служилые люди, и гости, и все православное крестьянство, слышавъ отъ святѣйшаго Іева Патріарха всесилнаго Господа Бога милость, и Государыни Царицы и Великіе Княгини иноки Александры Ѳедоровны всеа Русіи, и Богомъ избраннаго великаго Государя Царя и Великаго Князя Бориса Ѳедоровича всеа Русіи, милосердіе и жалованье, многіе радости духовныя исполньшеса, рущь на небо воздвѣвъ, вси единогласно яко единѣми усты славу и благодареніе Богу возопиша, глаголя: Слава, слава единому всемогущему и вся содершашему въ Троицы славимому Богу нашему, что не презрѣвъ моленія нашего и не оставилъ насъ сирыхъ, по своей святой милости и по нашему моленію и прошенію далъ намъ великаго Государя Царя правды и милость. Богомъ дарованный же и Христолюбивый великій Государь Царь и Великій Князь Борисъ Ѳедоровичъ, всеа Русіи Самодержецъ, иде во святую божественную церковь пречистыя Богородицы честнаго и славнаго Ея Одегистрія, съ нимъ же отецъ его первопрестолнѣйши Іевъ Патріархъ Московскій и всеа Русіи, съ Митрополиты и Архіепископы и Епископы, и со всѣмъ освященнымъ соборомъ, и съ бояры и дворяны, и съ Христолюбивымъ воинствомъ, и съ гостми, и со всемъ православнымъ крестьянствомъ, вшедъ во святую церковь и въ той божественной церкви радостная молебная пѣнія совершивъ. И великій господинъ святѣйшій Іевъ Патріархъ Московскій и всеа Русіи, со всѣми сыновы своими съ Митрополиты, и съ Архіепископы, и Епископы, и со всемъ освященнымъ соборомъ, по благодати даннѣй отъ пресвятаго и животворящаго Духа, у чудотворныхъ образовъ, на государство Владимирское, и Московское, и Новгородское, и Казанское, и Асторохонское и на всѣ великіе государства Російскаго царства, честнымъ и животворящимъ крестомъ благословилъ великаго Государя Богомъ дарованнаго Царя и Великаго Князя Бориса Ѳедоровича, всеа Русіи Самодержца; и совершивъ молебная, святѣйши Іевъ Патріархъ Московски и всеа Русіи, съ Митрополиты, и съ Архіепископы, и Епископы, и съ Архимариты, и Игумены, и

со всемъ вселенскимъ соборомъ, и бояре и дворяне, и приказные и служилые люди, и гости, и всякіе люди и все православное Христіанство, воздающе славу и благодареніе всемоу Господу Богу и пречистой Его Матери и всемъ Святымъ, и идохомъ отъ монастыря радостны въ преименитый градъ Москву, и въ дома своя разошася съ великою радостію, благодаряще Бога, И Февраля въ 26 день, въ недѣлю сыропустную, великій Государь и Богомъ превозлюбленный, и Богомъ предпочтенный, и Богомъ избранный ото всего народа крестьянскаго, благочестивый великій Государь Царь и Великій Князь Борисъ Ѳеодоровичъ, всеа Русіи Самодержецъ, приде въ Богомъ дарованный престолъ царствующій градъ Москву. Святѣйши же Іевъ Патріархъ Московски и всеа Русіи, и Митрополиты, и Архіепископы, и Епископы, и Архимариты и Игумены, со всемъ освященнымъ соборомъ, и все православное христіанство, верѣтоша благочестиваго великаго Государя Царя и Великаго Князя Бориса Ѳеодоровича, всеа Русіи Самодержца, съ животворящими кресты и съ чудотворными образы. Благочестивый же великій Государь Царь и Великій Князь Борисъ Ѳеодоровичъ, всеа Русіи Самодержецъ, съ честными кресты и съ чудотворными образы, и со отцемъ своимъ и богомолцомъ святѣйшимъ Іевомъ Патріархомъ Московскимъ и всеа Русіи, и со всемъ освященнымъ соборомъ, и съ бояры и со всемъ царскимъ сигклитомъ, и со множествомъ народа, вниде во святую великую апостольскую церковь, идъ же чудотворный образъ пречистые Богородицы Владимирскіе, иже преславную побѣду сотвори и злочестиваго царя Темираксака побѣди, идъ же цѣлебносныя мощи великихъ Святителей Петра и Алексѣя и Іоны и прочихъ преосвященныхъ Митрополитъ всеа Русіи. Тогда святѣйшій Іевъ Патріархъ, со всемъ освященнымъ соборомъ, сотворяетъ молебная божественная пѣнія; и сотворивъ молебная пѣнія и молитвы Господу Богу и пречистой Его Богоматери, о его Богомъ избраннаго великаго Государя Царя и Великаго Князя Бориса Ѳеодоровича всеа Русіи Самодержца, и о его благоверной и Христіолюбивой Царицѣ и Великой Княгинѣ Марьѣ, и о ихъ

царскихъ дѣтѣхъ, о благовѣрномъ Царевичѣ Князѣ Сеодорѣ Борисовичѣ и о благовѣрной Царевнѣ и Великой Княжнѣ Ксеньѣ Борисовнѣ, и о ихъ царскомъ многолѣтнемъ здравіи и о державѣ; и соверша благословилъ Богомъ избраннаго Гоеударя Царя и Великаго Князя 'Бориса Оедоровича, всеа Русіи Самодержца, честнымъ и животворящимъ крестомъ; и по благословенію многолѣтіе пѣли Государю, Богомъ избранному и Богомъ возлюбленному и Богомъ предпочтенному, Царю и Великому Князю Борису Оедоровичю, всеа Русіи Самодержцу, и его благовѣрной и Христолюбивой Царицѣ и Велицей Княжнѣ Марьѣ, и ихъ благороднымъ чадомъ, благовѣрному Царевичю Князю Оедору Борисовичю и благовѣрной Царевнѣ и Великой Княжнѣ Ксеньѣ Борисовнѣ; и какъ многолѣтіе Госудаю Царю и Государынѣ и благороднымъ чадамъ ихъ пропѣли, и отецъ ихъ и богомолецъ пресвятѣйшій Іевъ Патріархъ Московски и всеа Русіи, о святѣмъ Дусѣ съ сыновы своими, съ Митрополиты, и Архіепископы, и Епископы, и съ Архимариты и Игумены, и со всемъ ослещеннымъ вселенскимъ соборомъ, Государю благочестивому Царю и Великому Князю Борису Оедоровичю, всеа Русіи Самодержцу, и съ его Государевою благовѣрною и Христолюбивою Царицею и Великою Княжинею Марьею, и съ ихъ благородными чады, со благовѣрнымъ Царевичемъ Княземъ Оедоромъ Борисовичемъ и со благовѣрною Царевною и Великою Княжною Ксеньею Борисовною, радостно здравствовали на ихъ великихъ государствахъ скифетродерженія Російскаго царствія; тако же имъ великимъ Государемъ здравствовали ихъ царскіе бояре и дворяне и весь царскій сигклить, и Христолюбивое воинство, и все православное крестьянство, съ великою радостію. Посемъ же святѣйши Іевъ Патріархъ Московскій и всеа Русіи, славу и благодареніе Богу возсылая глаголя: «Благословенъ Богъ, иже въ Троицы отъ Ангелъ и отъ чловѣкъ приснославимый! яко по своей святой волѣ и предстательствомъ пречистыя своей Матери преславныя Богородицы, нашае крестьянскія надежи и заступницы, и моленіемъ небесныхъ Силь и великихъ Святитель Петра и Алек-

свя и Іоны и всѣхъ Святыхъ, не презръ моленія нашего, плачь и рыданіе наше услыша и на радость печаль нашу преложи, и дарова намъ такова благонадежнаго милосердаго Государя Царя, правды и милости, соблюдати святыя Божія церкви и крестьянскую святую и непорочную вѣру и все православное Христіанство, его же со слезами по вся дни и нощи и много время просихомъ.» И посемъ, Митрополиты и Архіепископы и Епископы, и весь освященный соборъ, и бояре и весь царскій сѣклить, и Христоролюбивое воинство, и гости, и все православное христіанство, веле Богу благодареніе возсылаху, излившему на весь родъ крестьянскій неизреченное свое милосердіе и совершившему сіе великое и преславное дѣло, еже, по прошенію всего православнаго крестьянства, избравъ и давшѣ сего великаго Государя, благочестиваго и Христоролюбиваго милостиваго и храбраго, Царя и Великаго Князя Бориса Ѳеодоровича, всеа Русіи Самодержца. Великій же апостольскій сопрестолникъ святѣйшій Іевъ Патріархъ Московскій и всеа Русіи, съ Митрополиты, и Архіепископы, и Епископы, и Архимариты и Игумены, и со всемъ освященнымъ вселенскимъ соборомъ, божественную литургію литургисавше соборнѣ во святѣй велицѣй апостольствѣй церкви пречистыя Богородицы честнаго и славнаго Ея Успенія; благочестивый же Богомъ дарованный великій Государь Царь и Великій Князь Борисъ Ѳеодоровичъ, всеа Русіи Самодержецъ, въ той апостольствѣй велицѣй соборнѣй церкви божественную литургію слушалъ. По совершеніи же божественныхъ литургій, идше во святую божественную великую соборную церковь соборъ святаго Архистратига Михаила и прочихъ небесныхъ силъ безплотныхъ, идъ же лежать прежеодшедшіе отъ житія сего къ Богу великіе Государы, благовѣрніи Цари и Великіе Князи; и тамо пришедъ благочестивый Государь Царь и Великій Князь Борисъ Ѳеодоровичъ, всеа Русіи Самодержецъ, знаменается у чудотворныхъ иконъ, и потомъ же приходитъ къ гробу великаго Государя Царя и Великаго Князя Ѳеодора Ивановича, всеа Русіи Самодержца, и ко отцу его великому Государю Царю и Великому Князю Ивану Васильевичу,

всѣа Русіи , и къ Царевичю Князю Ивану Ивановичю , и ко
всѣмъ великимъ Государемъ Царемъ Російскимъ ; къ нимъ
же любезно припадаетъ , глаголя со слезами : « О великіе Го-
судари ! аще и тѣломъ отъ своихъ великихъ государствъ
отошли есте , но духомъ всегда пребываете неотступно и ,
предъ Богомъ предстояще , молитву творите : помолитесь и
о мнѣ и помозите ми . » Оттуду же благовѣрный Госу-
дарь Царь и Великій Князь Борисъ Ѳеодоровичъ , всѣа Ру-
сіи Самодержецъ , идяше во святую великую божествен-
ную соборную церковь преславныя и преблагословенныя
Владычицы нашѣя Богородица и Приснодѣвы Марія честнаго
и славнаго Ея Благовѣщенія , гдѣ же царской приходъ бы-
ваетъ къ божественному пѣнію ; и тамо такожде къ божест-
веннымъ образомъ любезно припадал , милости прося . Со-
вершивъ же молебная во святыхъ церквахъ , иде во свои цар-
скія полаты ; потомъ же повѣдъ къ сестрѣ своей къ великой
Государынѣ Царицѣ и Великой Княгинѣ инокъ Александрѣ
Ѳеодоровнѣ всѣа Русіи , въ Новой дѣвичь монастырь ; и от-
туда возвратися , и иде въ домъ пречистыя Богородицы и
великихъ Чудотверцовъ Петра и Алексѣя и Іоны , къ отцу
своему святѣйшему Іеву Патріарху Московскому и всѣа Ру-
сіи ; его же вѣрчаесть отецъ его Іевъ Патріархъ Московски
и всѣа Русіи , со всемъ освященнымъ соборомъ , яко же по-
добаесть Царскому Величеству ; благочестивый же Государь
Царь и Великій Князь Борисъ Ѳеодоровичъ , всѣа Русіи Са-
модержецъ , со отцемъ своимъ наединѣ бесѣдовавъ не мало
время , прощеніе и благословеніе отъ него получи ; тако жъ
и самъ благочестивый Государь Царь и Великій Князь Бо-
рисъ Ѳеодоровичъ , всѣа Русіи Самодержецъ , отцу своему
прощеніе подаесть ; и призываетъ къ себѣ благочестивый Го-
сударь богомолцовъ своихъ , Митрополитовъ , и Архіеписко-
повъ , и Епископовъ , и Архимаритовъ , и Игуменовъ и чест-
ныхъ монастырей соборныхъ старцовъ , и весь священный
соборъ ; и Митрополиты , и Архіепископы и Епископы бла-
гословиша его и прощеніе подаша ему , и Архимариты и
Игумены и честные старцы тако же прощеніе подаша ему ,
и отъ него прощеніе купно вси получиша ; получивъ же

благословеніе и прощеніе къ подвигу къ поспому, тцашеси на духовный подвигъ святуоу четыредесятницу совершити; и потомъ повде къ сестрѣ своей великой Государинѣ Царицѣ и Великой Княгинѣ иноку Александрѣ Ѳеодоровнѣ всеа Русіи, въ Новой дѣвичь монастырѣ. Посемъ паки въ четвертокъ вторыя недѣли святаго великого поста, Марта въ 9 день, святѣйши Іевъ Патріархъ Московскій и всеа Русіи, призываетъ о святѣмъ Дусѣ сыновеи своихъ Митрополитовъ, и Архіепископовъ, и Епископовъ, и Архимаритовъ и Игуменовъ, и весь освященный соборъ, и болръ и дворянъ и весь царскій сигклитъ, и глаголетъ сыновомъ своимъ Митрополитомъ, и Архіепископомъ и Епископомъ, и всему освященному собору: «Времени зовущу, подобаетъ намъ молити въ Троицы славимаго недовѣдомаго и недомыслимаго Бога, и пречистую Богородицу и великихъ Чудотворцовъ и всѣхъ Святыхъ, чтобы по неизреченнѣй своей милости Господь Богъ совершилъ главу вѣнцемъ царствіа Государя нашего, Богомъ возлюбленнаго и Богомъ почтеннаго и Богомъ избраннаго ото всего народа крестьянскаго, благочестиваго великаго Государя Царя и Великаго Князя Бориса Ѳеодоровича, всеа Русіи Самодержца, и сподобилъ бы его облещиса въ порфиру царскую, и его благовѣрную Царицу и Великую Княгиню Марью, и благородные ихъ чада, благовѣрнаго Царевича Князя Ѳеодора Борисовича и благовѣрную Царевну Великую Княжну Ксенью Борисовну, и долготу лѣтъ даровалъ имъ и покорилъ бы подъ нозѣ ихъ всякаго врага и супостата, и царство ихъ благоденственно и благонадежно и вѣчно въ роды и роды устроилъ, тихо и мирно и безмятежно и всякія благодати преисполнено; и уставити бы намъ свѣтлое празнество празновати преславнаго чудеси пречистыя Владычица нашея Богородица и Приснодѣвы Маріа честнаго и славнаго Ея Одегитрія, въ день во онъ же на насъ неизреченное свое милосердіе показа Господь Богъ избраннаго благочестиваго Царя Государя и Великаго Князя Бориса Ѳеодоровича, всеа Русіи Самодержца, и хоженъе съ честными кресты и съ чудотворными образы всему освященному собору и всѣмъ православнымъ крестьяномъ, въ пречестную

обитель пречистые Богородицы честнаго и славнаго Ея Одегитрія въ Новой дѣвичь монастырь, по вся годы непременно творити.» Митрополиты же, и Архіепископы, и Епископы, Архимариты, и Игумены и соборные старцы, и весь освященный соборъ, слышавъ таковой премудрый глаголь святѣйшаго Іева Патріарха Московскаго и всеа Русіи, глаголаше со слезами и обѣщавшесь за Государя, Богомъ избраннаго и Богомъ возлюбленнаго и Богомъ почтеннаго, Царя и Великаго Князя Бориса Ѳедоровича, всеа Русіи Самодержца, и за его благовѣрную Царицу и Великую Княгиню Марью, и за ихъ благородныхъ чадъ, благовѣрнаго Царевича Князя Ѳедора Борисовича и благовѣрную Царевну и Великую Княжну Ксенью Борисовну, о ихъ царскомъ чадородіи и которыхъ имъ Государемъ впредь Богъ дастъ дѣтей царству ихъ наследниковъ, вседушно елико сила Бога молити безпрестанно день и ночь, и праздноство святые Богородицы преславнаго чудеси праздновати и хоженіе со кресты въ царствующемъ градѣ Москвѣ по вся годы въ той день творити. По семъ первопрестолнѣйши Іовъ Патріархъ Московскій и всеа Русіи, всемъ бояромъ и дворяномъ и приказнымъ и служивымъ людемъ и гостемъ глагола: «Били есмя челомъ соборнѣ и молили со слезами, по многіе дни, великую Государыню и Христіюлюбивую Царицу и Великую Княгиню иноку Александру Ѳедоровну всеа Росіи, и Богомъ избранному Государю Царю и Великому Князю Борису Ѳедоровичу, всеа Росіи Самодержцу; тако же и вы купно съ нами единокупно били челомъ и молили ихъ со слезами; и великая Государыня благовѣрная Царица и Великая Княгиня инока Александра Ѳедорова всеа Росіи, моленія и слезъ нашихъ не презрѣ, пожаловала насъ благословила брата своего Государя нашего Бориса Ѳедоровича на царство всея великія Росіи; а Государь нашъ, Богомъ избранный, Царь и Великій Князь Борисъ Ѳедоровичъ, всеа Росіи Самодержецъ, сестры своя Государыни наша послушалъ и моленія и слезъ нашихъ не презрѣлъ, насъ пожаловалъ, съде на государствѣ Владимерскомъ и Московскомъ и всея великія Русіи: и васъ, боярь и весь царскій сикглитъ, и дворянь и приказныхъ

людей, и гостей, и все Христолюбивое воинство, благословляю со всемъ освященнымъ соборомъ на томъ, что вамъ великому Государю нашему, Богомъ избранному и Богомъ возлюбленному, Царю и Великому Князю Борису Ѳедоровичю, всеа Росіи Самодержцу, и его благовѣрной Царицѣ и Великой Княгинѣ Марьѣ, и ихъ благороднымъ чадамъ, благородному Царевичу Князю Ѳедору Борисовичю и благовѣрной Царевнѣ и Великой Княжнѣ Ксеньѣ Борисовнѣ, и тѣмъ дѣтемъ, которыхъ имъ Государемъ впредь Богъ дастъ, служить вѣрою и правдою, а зла некоторыми дѣлы на нихъ Государей нашихъ не думати и не измѣнити ни въ чемъ, какъ ести имъ Государемъ нашимъ души свои дали у пречистые Богородицы Чудотворного ея образа и у цѣлебносныхъ гробовъ великихъ Чудотворцовъ Петра и Іоны, животворящей крестъ цѣловали.» Бояре же и дворяне и весь царскій сигклить, и приказные люди и гости, и всѣ православные крестьяня, велегласно вси святѣйшему Іову Патріарху и всему вселенскому собору, яко единими усты, вопіяху глаголюще: «Цѣловали есмя святѣй животворящій крестъ и обътъ дали, и нынѣ обътъ даемъ Господу Богу и пречистѣй Богородицѣ и небеснымъ Силамъ и великимъ Чудотворцомъ Петру и Алексѣю и Іонѣ и всемъ Святымъ, тебѣ великого Государя святѣйшаго Іева Патріарха Московскаго и всеа Русіи, и весь освященный вселенскій соборъ, во свидѣтельство представляемъ, что за великого Государя, Богомъ почтеннаго и Богомъ избраннаго и Богомъ возлюбленнаго, Царя и Великого Князя Бориса Ѳедоровича, всеа Русіи Самодержца, и за его благовѣрную Царицу и Великую Княгиню Марью, и за ихъ Царскихъ дѣтей, за благовѣрнаго Царевича Князя Ѳедора Борисовича и за благовѣрную Царевну и Великую Княжну Ксенью Борисовну, и которыхъ имъ Государемъ дѣтей впредь Богъ дастъ, души свои и головы положити и служить Государемъ нашимъ вѣрою и правдою всемъ душами своими и головами, иного Государя, мимо Государей своихъ, Государя Царя и Великого Князя Бориса Ѳедоровича, всеа Росіи Самодержца, и сына его Государя нашего благовѣрнаго Царевича Князя Ѳедора Бори-

совича всеа Русіи , не искати и не хотѣти : а кто похочеть , мимо Государя Царя и Великого Князя Бориса Ѡедоровича , всеа Русіи Самодержца , и сына его Государя нашего Царевича Князя Ѡедора Борисовича всеа Русіи , и тѣхъ дѣтей , которыхъ имъ Государемъ впредь Богъ дастъ , иногo Государя искати и хотѣти , или какое лихо кто похочеть учинить : и намъ , бояромъ и околничимъ и дворляномъ и приказнымъ людемъ , и гостемъ и дѣтемъ боярскимъ и всякимъ людемъ , на того измѣнника извѣстить тебѣ святѣйшему Іеву Патріарху и Митрополитомъ и Архіепископомъ и Епископомъ и всему освѣщенному вселенскому собору , стоять на того измѣнника всею землею за одинъ на всемъ на томъ , что въ цѣловальныхъ записяхъ писано : цѣловали есмя честный и животворящій крестъ , у иконы пречистые Богородицы Владимерскіе и у святыхъ цѣлебоносныхъ мощей Петра и Іоны , что имъ Государемъ безъ измѣны служить сердцемъ и правдою , душею добра имъ хотѣти во всемъ , а лиха не хотѣти никако же ; также намъ великого Государя нашего Царя и Великого Князя Бориса Ѡедоровича всеа Русіи , всему сигклиту , бояромъ , и околничимъ , и княземъ , и воеводамъ , и дворляномъ и приказнымъ людемъ , не по отечеству и не по своему достоинству свѣще своего отечества и службы , мимо царского повелѣнія , чести о себѣ никако не хотѣти и не искати , и быти въ государскихъ дѣлахъ , по его Государеву крестному цѣлованью , безъ прекословія , и по сей утвержденной грамотѣ , во всякихъ Государевыхъ дѣлахъ и во всякихъ чиновныхъ людяхъ несупротивну быти ; и вамъ Государевымъ богомолцомъ , тебѣ святѣйшему Іеву Патріарху Московскому и всеа Русіи , и Митрополитомъ и Архіепископомъ и Епископомъ , со всемъ освѣщеннымъ вселенскимъ соборомъ , на такого преслушника , кто учнетъ супротивлятися царской власти и повелѣнію , положить на такого клятву и неблагословеніе ваше святителское , по сей утвержденной грамотѣ ; а намъ Государевымъ Царевымъ и Великого Князя Бориса Ѡедоровича всеа Русіи , бояромъ всѣмъ , и околничимъ , и воеводамъ , и дворяномъ , и приказнымъ и служивымъ людемъ , того беречи и на того стояти всѣмъ за

одинъ: какъ кому Государь Царь и Великій Князь Борисъ Феодоровичъ всеа Русіи, на своей Государевъ службѣ и у всякого дѣла гдѣ кому быти велитъ, такъ тому и быти; также намъ Бояромъ, и приказнымъ людемъ и дьякомъ, межъ собою того смотрѣти накрѣпко, чтобы къ Государю Царю и Великому Князю Борису Феодоровичю, всеа Русіи Самодержцу, въ розрядныхъ и въ земскихъ дѣлахъ кручины не приносить никоторымъ дѣлы, никоторою хитростью, по прежней цѣловальной записи, на чѣмъ есмь Государю своему Царю и Великому Князю Борису Феодоровичю, всеа Русіи, и его благовѣрной Царицѣ и Великой Княгинѣ Марьѣ, и ихъ дѣтемъ Государемъ своимъ, Царевичю Князю Феодору Борисовичю и Царевнѣ и Великой Княжнѣ Ксенъ, и тѣмъ дѣтемъ, когорыхъ имъ Государемъ впредь Богъ дастъ, души свои давали и животворящей крестъ цѣловали, по сей утвержденной грамотѣ, крѣпко держати неподвижно.» Великій же пресвятѣйшій Іевъ Патріархъ Московскій и всеа Русіи, со всемъ вселенскимъ освященнымъ соборомъ, слыша отъ нихъ сія, паки глаголетъ къ нимъ: «Елма убо о семь толикъ обътъ предъ Богомъ полагаете и общаетеся; что вамъ толикимъ и таковымъ Государемъ нашимъ, къ благочестивому Царю Государю и Великому Князю Борису Феодоровичю всеа Русіи, и его благовѣрной и Христолюбивой Царицѣ и Великой Княгинѣ Марьѣ, и ихъ царскимъ дѣтемъ, Государю Царевичю Князю Феодору Борисовичю и Государынѣ Царевнѣ и Великой Княжнѣ Ксенѣ Борисовнѣ, и тѣмъ дѣтемъ, когорыхъ имъ Государемъ впредь Богъ дастъ, единодушно быти: тѣмъ же подобаетъ намъ и грамоту утвержденную написавше утвердитися, и вся лже глаголемая и дѣйствуемая въ настоящее время въ ней написавше, намъ Государевымъ богомолцомъ руки свои приложить и печати свои привѣсити, а вамъ Царьского Величества бояромъ, и околничимъ, и княземъ, и воеводамъ, и дворяномъ, и вслкимъ приказнымъ людемъ и дьякомъ, и гостемъ, руки свои приложить на большое утверженіе и единомышленіе, да будетъ впредь крѣпко и неподвижно и стоятелно во вѣки, какъ въ сей утвержденной грамотѣ написано будетъ и на чѣмъ по

болшой записи , преже сего , крестъ животворящій цѣлова-
ли.» Сія же слышавъ отъ святѣйшаго Іева Патріарха, Ми-
трополиты и Архіепископы и Епископы , и весь вселенскій
соборъ , болре и дворяне , и приказные люди и дѣяки , и
гости , и Христолюбивое воинство , и все православное кре-
стьянство , вси единогласно глаголаху : «Благословенъ глаголь
твой отъ Бога , Святитель первопрестолнѣйши Іевъ Патрі-
архъ отецъ нашъ великій , пастуше душамъ нашимъ ! Свя-
того Духа преисполнени вси глаголи устъ твоихъ , Владыко !
Подобаеть тако быти , яко же глаголещи.» Слышавъ же
сія святѣйши Іевъ Патріархъ приговоръ о утвержденной гра-
мотѣ , всего освященнаго собора и Государевыхъ боярь и
весь царскій сиклитъ и Христолюбивое воинство , повелъ
списати сію утвержденную грамоту , и да незабвенно будетъ
писано въ ней въ роды и роды ; ея же по малъ времени на-
писавше , принесоша къ святѣйшему Іеву Патріарху ; свя-
тѣйшій же Іевъ Патріархъ повелъ прочести сію утвержен-
ную грамоту на вселенскомъ соборѣ , и выслушавъ , на бол-
шее во вѣки укрѣпление , о святѣмъ Дусѣ со всеми сыновы
своими съ Митрополиты и съ Архіепископы и Епископы ,
руки свои приложили и печати свои привѣсили ; а бояре , и
околничіе , и дворяне и дѣяки думные , руки жъ свои при-
ложили на томъ , какъ въ сей утвержденной грамотѣ написа-
но , съ совѣту всего освященнаго вселенскаго собора и бо-
ляръ и дворянъ и всѣхъ чиновъ всякихъ людей царствующа-
щаго града Москвы и всея Рускія земли ; всему инако не
быти , а быти такъ во всемъ по тому , какъ въ сей утвер-
женной грамотѣ писано ; по приговору и по уложенію свя-
тѣйшаго Іева Патріарха Московскаго и всеа Русіи , и всего
освященнаго собора , и боярь и дворянъ и весь царскій си-
клитъ , и всего Російскаго государства съ православными
крестьяны ; аще же кто убо и не хочетъ послушати сего
соборнаго уложенія , его же Богъ благоизволи , и начнетъ
глаголати и молву въ людехъ чинити : таковой , аще отъ
священныхъ чину и боярь отъ царскихъ сиклитъ и воин-
ственныхъ , или инъ кто отъ простыхъ людей и въ какомъ
чину нибуди , по священнымъ правиломъ святыхъ Апостолъ

и вселенскихъ седми соборовъ святыхъ Отець и помѣстныхъ, и по соборному уложенію нашего смиренія первопрестолника Іова Патріарха Московскаго и всеа Русіи и всего освященнаго собора, чину своего извержень будетъ и отъ церкви отлучень и святыхъ Христовыхъ таинъ приобщенія, яко раскольникъ церкви Божіа и всего православнаго христіанства мятежникъ и разоритель закону Божію, а по царскимъ закономъ мечь восприметь, и нашего смиренія и всего освященнаго собора не буди на немъ благословенія отнынѣ и до вѣка, понеже не восхотѣ благословенія и соборного уложенія послушанія, тѣмъ и удалися отъ него и облечеса въ клятву: аще бо и дерзо рещи, таковой да будетъ проклятъ въ сій вѣкъ и въ будущій. Егда же написавше совершихомъ сію утвержденную грамоту, и совершивше святителскими руками укрѣплеше и печатми своими утвердивше, вкупѣ и боярскими руками и честныхъ монастырей Архимаритовъ и Игуменовъ и соборныхъ старцовъ и всего освященнаго собора, непреложнаго ради и непремѣннаго утверженія: тогда великій святитель Іевъ Патріархъ Московскій и всеа Русіи, совѣтъ полагаетъ о святѣмъ Дусѣ со всеми сыновы своими съ Митрополиты и Архіепископы и Епископы, и со всеми бояры, съ Архимариты и Игумены и соборными старцы и со всемъ освященнымъ соборомъ, и съ дворяны и съ приказными людьми, яко да вкупѣ духовный совѣтъ сотворше соборнѣ, изберуть мѣсто и повѣдаютъ вкупѣ, въ немъ же аще сохранны утвердивше положити сію утвержденную грамоту, да будетъ твердо и неразрушно въ предъидушіе лѣта въ роды и роды и во вѣки, и не преидеть ни едина черта или ота едина отъ написанныхъ въ ней ничесоже. И тако вси купно совѣщавшеса твердымъ согласіемъ святого Духа, положиша ю въ хранила царскіе къ докончальнымъ и утвержденнымъ грамотамъ. А на соборѣ были съ первопрестолнѣйшимъ пресвятѣйшимъ Іевомъ Патріархомъ Московскимъ и всеа Русіи, о святѣмъ Дусѣ сынове его: Варламъ Митрополитъ Великаго Новагорода и Великихъ Лукъ, Ермогенъ Митрополитъ Казанскій и Астараханскій, Варламъ Митрополитъ Ростовскій и Ярославскій, Геласья

Митрополитъ Сарскій и Подонскій, Іона Архіепископъ Вологодскій и Великопермскій, Галактіонъ Архіепископъ Суздальскіи и Туровскій, Ѳеодосей Архіепископъ Смоленскіи и Брянскіи, Варламъ Архіепископъ Резанскіи и Муромскіи, Захарей Архіепископъ Тверскіи и Кашинскіи, Арсеней Архіепископъ Архангелскіи, Генадей Епископъ Псковскіи и Изборскіи, Іосифъ Епископъ Коломенскіи и Коширскіи, Селивестръ Епископъ Корелскіи и Оршнскіи; Архимариты и Игумены: Троицкой Сергіева монастыря Архимаритъ Кирилъ, изъ Володимеря Рожественного монастыря Архимаритъ Елеазаръ, Спаса Нового монастыря Архимаритъ Закхей, Чюдовской Архимаритъ Паенотей, изъ Великого Новагорода Юрьева монастыря Архимаритъ Іоакимъ, Симановской Архимаритъ Іона, Свяжской Архимаритъ Сергій, Ондриковской Архимаритъ Васьянъ, Казанской Архимаритъ Арсеней, изъ Нижнего Новагорода Печерской Архимаритъ Трифонъ, изъ Великого Новагорода Хутынской Игумень Аркадей, Кириловской Игумень Корнилей, изъ Переслава Зальскаго Горицкой Архимаритъ Ѳеодосей, изъ Можайска Лужецкой Архимаритъ Селивестръ, изъ Ростова Боголюбленской Архимаритъ Ѳеодосей, Боголюбленской что на Москвѣ за вегошнымъ рядомъ Игумень Іевъ, изъ Ярославля Спаской Архимаритъ Ѳеофилъ, изъ Боровска Паенотьевской Игумень Іоасафъ, Іосифова монастыря Игумень Галасья, изъ Суждаля Спаской Архимаритъ Левкей, изъ Великого Новагорода Антоньевской Игумень Трифонъ, изъ Пскова Печерской Игумень Іакимъ, Соловецкой Игумень Исидоръ, изъ Смоленска Борисоглыбской Архимаритъ Ѳеодосей, съ Резани Спаской Архимаритъ Іона, Тихвинской Игумень Іосифъ, съ Вологды Спаской Каменского монастыря Архимаритъ Іона, изъ Твери Отроча монастыря Архимаритъ Ѳеодосей, съ Волока Возмицкой Архимаритъ Васьянъ, изъ Переслава Зальскаго Даниловской Архимаритъ Іона, Оерапонтова монастыря Игумень Іона, Борисоглыбского монастыря съ устья Игумень Петръ, съ Резани Солотчинской Архимаритъ Андрейнъ, съ Вологды Прилуцкой Игумень Гурей, изъ Дорогобужа Живоначальные Троицы Болдина монастыря Игумень

Оегность, изъ Великого Новагорода Вежицкой Игуменъ Филаретъ, изъ Великого Новагорода Духовской Игуменъ Оегнасть, изъ Звенигорода Сторожевского монастыря Игуменъ Боголѣпъ, съ Вологды Павловской Игуменъ Юиль, съ Вологды Глушицкой Игуменъ Андреянъ, изъ Кашина Колязина монастыря Игуменъ Левкей, съ Вологды Корнильевской Игуменъ Юсифъ, изъ Переславля Зальского Никицкой Игуменъ Никонъ, изъ Можайска Колоцкой Игуменъ Никандръ, съ Угръши Николской Игуменъ Тихонъ, съ Дины Сійского монастыря Игуменъ Иона; соборные старцы: Троецкой Сергіева монастыря старецъ Варсонофей Якимовъ, келарь старецъ Акакей, казначей старецъ Илья, старецъ Мисайло Безнинъ, Троецкого подворья Строитель Еустафей Головкинъ, архидьяконъ старецъ Алимпей, Патріаршъ казначей старецъ Арсеней, старецъ Серапіонъ Марковъ, Ипацкого монастыря строитель Гурей Ступишинъ, Чюдова монастыря келарь старецъ Оеодосей Креницынъ, казначей старецъ Юсифъ, старецъ Васьянъ Торжневъ, старецъ Германъ Щербатой, Кирилова монастыря старецъ Леанидъ, Кириловского подворья строитель старецъ Елеуфрей Братцовъ, старецъ Юсифъ Монастыревъ, изъ Боровска Пахнотьева монастыря келарь старецъ Геласья, казначей старецъ Иона Наумовъ, Юсифова монастыря старецъ Мойсей Неплюевъ, старецъ Тихонъ Ржевской, старецъ Левкья, Спаской изъ Ярославля строитель старецъ Мисайло, Соловецкого монастыря старецъ Васьянъ; болре: князь Оедоръ Ивановичъ Мстиславской, князь Василей Ивановичъ Шуйской, конюшей болринъ Дмитрей Ивановичъ Годуновъ, князь Оедоръ Михайловичъ Трубецкой, болринъ и дворецкой Степанъ Васильевичъ Годуновъ, бояринъ Иванъ Васильевичъ Годуновъ, князь Дмитрей Ивановичъ Шуйской, Богданъ Юрьевичъ Сабуровъ, князь Никита да князь Тимошей Романовичи Трубецкіе, Оедоръ Никитичъ Романовъ, князь Михайло Петровичъ Катыревъ-Ростовской, Александръ Никитичъ Романовъ, князь Иванъ Михайловичъ Глинской, князь Олександръ Ивановичъ Шуйской, князь Борисъ Камбулатовичъ Черкаской, князь Василей Кардануковичъ Черкаской; околничіе: Яковъ Михайло-

вичь Годуновъ, Семень Никитичь Годуновъ, князь Ондрей Ивановичь Хворостининъ, Михайло Никитичь Романовъ, Дмитрей Ивановичь Вельяминовъ, Матеей Михайловичь Годуновъ, Степанъ Степановичь Годуновъ, кравчей Иванъ Ивановичь Годуновъ, Михайло Глбовичь Салтыковъ, Оома Ооонасьевичь Бутурлинъ, Ондрей Петровичь Клешнинъ, Семень Оедоровичь Сабуровъ, князь Василей Дмитриевичь Хилковъ, Михайло Михайловичь Салтыковъ, Богданъ Яковлевичь Бѣлской, у Государыни Царицы и Великіе Княгини Марьи у ѣствы князь Ондрей Ивановичь Гундуровъ, казначей Игнатей Петровичь Татищевъ; печатникъ и посолской діакъ Василей Яковличь Шолкаловъ; дворяне думные: князь Петръ Ивановичь Буйносовъ Ростовской, Остафей Михайловичь Пушкинъ, постелничей Истома Осиповичь Безобразовъ, стряпчей съ ключемъ Кузма Безобразовъ, на земскомъ дворѣ бояринъ Григорей Борисовъ сынъ Василчиковъ, соколничей Иванъ Олексевъ сынъ Жеребцовъ, яселничей Михайло Игнатевъ сынъ Татищевъ; дѣлки думные: Елизарей Вылузгинъ, Салунъ Аврамовъ, Иванъ Олексевъ сынъ Нармацкой, Ооонасей Ивановъ сынъ Власевъ; столники: князь Юрьи князь Никитинъ Трубецкой, Иванъ Никитинъ сынъ Годуновъ, князь Иванъ князь Никитинъ сынъ Одоевской, Иванъ Никитинъ сынъ Романовъ, князь Ондрей князь Ондреевъ сынъ Телятевской, Василей Никитинъ сынъ Романовъ, Петръ Оедоровъ сынъ Басмановъ, князь Иванъ князь Михайловъ сынъ Катыревъ Ростовской, Иванъ Михайловъ сынъ Годуновъ, Олексѣй Яскинъ сынъ Годуновъ, князь Иванъ князь Семеновъ Куракинъ, Алексѣй Романовъ сынъ Плещеевъ, князь Иванъ да князь Никита князь Ондреевы дѣти Хованскіе, Богданъ Семеновъ сынъ Сабуровъ, Замятня Ивановъ сынъ Сабуровъ, князь Оедоръ князь Ивановъ сынъ Лыковъ, князь Иванъ князь Ивановъ сынъ Курлетевъ, князь Иванъ князь Борисовъ сынъ Черкасской, Михайло Борисовъ сынъ Шеннъ, князь Иванъ князь Дмитриевъ сынъ Хворостининъ, князь Ондрей князь Васильевъ сынъ Сицкой, князь Данило князь Ивановъ сынъ Мезецкой, князь Юрьи князь Петровъ сынъ Ушатой, Петръ Дмитриевъ сынъ Вельяминовъ, князь Романъ князь Оедоровъ сынъ

Троекуровъ, князь Борисъ князь Михайловъ сынъ Лыковъ, князь Юрьи князь Даниловъ сынъ Прїимковъ, Петръ Григорьевъ сынъ Сабуровъ, Григорей Семеновъ сынъ Сабуровъ, князь Иванъ меншой князь Ондреевъ сынъ Хованской, князь Иванъ князь Петровъ сынъ Буйносовъ, князь Ондрей князь Ондреевъ сынъ Хованской, князь Ондрей князь Даниловъ сынъ Сицкой, князь Василей князь Петровъ сынъ Тростенской, князь Олексій князь Юрьевъ сынъ Сицкого, Семень Дмитреевъ сынъ Вельяминовъ, князь Иванъ князь Оедоровъ сынъ Хованской. Оедоръ Савиновъ сынъ Плещеевъ, князь Борисъ князь Ондреевъ сынъ Хилковъ, князь Микита князь Михайловъ сынъ Мезецкой, князь Иванъ князь Васильевъ сынъ Хилковъ, Сила да Борисъ Михайловы дѣти Вельяминова, Оедоръ Тулуповъ сынъ Вельяминовъ; діяки по приказомъ : Ондрей Арцыбашевъ, Григорей Клобуковъ, Иванъ Вахромеевъ, Семень Косткинъ, Ондрей Татлянинъ, Иванъ Невловъ, Петръ Невловъ, Истома Ъвской, Смирной Васильевъ, Государыни Царицы и великіе Княгини Марьи дьякъ Тимошей Чириковъ; дворяне: Степанъ Александровъ сынъ Волоской, князь Иванъ да князь Ондрей князь Васильевы дѣти Голицына, Петръ Васильевъ сынъ Годуновъ, князь Иванъ меншой князь Никитинъ сынъ Одоевской, Василей Петровъ сынъ Морозовъ, Верига Петровъ сынъ Сабуровъ, князь Семень да князь Михайло князь Ондреевы дѣти Куракины, князь Ондрей князь Дмитреевъ сынъ Хилковъ, князь Борисъ князь Пстровъ сынъ Татевъ, Оедоръ Ивановъ сынъ Шереметевъ, Михайло Богдановъ сынъ Сабуровъ, Иванъ Оедоровъ сынъ Басмановъ, князь Иванъ князь Петровъ сынъ Ромодановской, князь Иванъ да князь Оедоръ да князь Семень князь Ондреевы дѣти Татева, князь Василей князь Михайловъ сынъ Лыковъ, князь Романъ князь Васильевъ сынъ Олхлбининъ, князь Михайло князь Оедоровъ сынъ Гвоздевъ, князь Данило князь Борисовъ сынъ Прїимковъ, Елизарей да Тимошей Ивановы дѣти Сабурова, князь Василей князь Петровъ сынъ Туренинъ, Михайло да Юрьи Михайловы дѣти Вельяминова, Иванъ да Микита Михайловы дѣти Пушкина, Иванъ да Никифоръ Васильевы дѣти Траханіотова, князь Александро князь

Федоровъ сынъ Жирово Засѣкинъ, Василей Яковлевъ сынъ
Волынской, Леонтей Ивановъ сынъ Аксаковъ, Максимъ Кирь-
ляновъ сынъ Сабуровъ, князь Федоръ да князь Дмитрей княжъ
Васильевы дѣти Ноздроватого, князь Михайло княжъ Василь-
евъ сынъ Ноздроватой, Иванъ Степановъ Злобинъ, Василей
Яковлевъ сынъ Кузминъ, князь Александръ княжъ Василь-
евъ сынъ Репнинъ, князь Григорей княжъ Ивановъ сынъ
Долгорукой, князь Михайло княжъ Григорьевъ сынъ Тем-
кинъ, князь Володимеръ да князь Федоръ да князь Григо-
рей княжъ Тимоѣевы дѣти Долгоруково, князь Петръ княжъ
Ивановъ сынъ Борятинскаго, князь Ондрей княжъ Василь-
евъ сынъ Хилковъ, князь Петръ да князь Лаврентей княжъ
Борисовы дѣти Засѣкина, князь Володимеръ княжъ Василь-
евъ сынъ Солнцовъ Масалской, Богданъ Ивановъ сынъ По-
левъ, Олекстй Ѧоминъ сынъ Третьяковъ, Иванъ Осиповъ
сынъ Полевъ, князь Лука княжъ Осиповъ сынъ Щербатого,
Ондрей Яковлевъ сынъ Измайловъ, князь Иванъ княжъ Он-
дреевъ сынъ Солнцовъ Засѣкинъ, князь Володимеръ княжъ
Дмитреевъ сынъ Шестуновъ, Иванъ Григорьевъ сынъ Во-
лынской, князь Петръ да князь Миронъ княжъ Михайловы
дѣти Шаховскіе, князь Федоръ княжъ Ондреевъ сынъ Звени-
городской, Василей Борисовъ сынъ Сукинъ, Ондрей Василь-
евъ сынъ Замыцкой, князь Иванъ да князь Семень княжъ
Григорьевы дѣти Звенигородскаго, Тихонъ Ивановъ сынъ
Траханіотовъ, Семень да Василей Романовы дѣти Олферьева,
Володимеръ Ивановъ сынъ Вельяминовъ, Третьякъ Григорь-
евъ сынъ Вельяминовъ, князь Володимеръ княжъ Ивановъ
сынъ Клобуковъ Масалской, князь Иванъ княжъ Даниловъ
сынъ Клобуковъ Мосалской, князь Федоръ княжъ Семеновъ
сынъ Друцкой, Семень Федоровъ сынъ Блудовъ, князь Ми-
хайло да князь Иванъ княжъ Ондреевы дѣти Щербатого,
Григорей Игнатъевъ сынъ Вельяминовъ, князь Иванъ княжъ
Даниловъ сынъ Мосалской, князь Ондрей княжъ Романовъ
сынъ Волконской, Василей ОѦонасѣвъ сынъ Вельяминовъ,
князь Василей Михайловъ сынъ Тюфякинъ, Степанъ Осиповъ
сынъ Безобразовъ, Яковъ Ивановъ сынъ Старковъ, Тимоѣей
Васильевъ сынъ Грязной, Данило Меншого сынъ Истмень-

евъ, Григорей Ооонасьевъ сынъ Нащокинъ, князь Борисъ да князь Семень княжь Семеновы дѣти Бѣлоголова Лыкова, Матвѣй Васильевъ сынъ Бутурлинъ, князь Василей да князь Олексѣй княжь Григорьевы дѣти Долгорукаго; у жильцовъ: Ондрей Васильевъ сынъ Безобразовъ, князь Фѣдоръ да князь Яковъ да князь Иванъ да князь Михайло княжь Петровы дѣти Борятинского, Иванъ Микитинъ сынъ Салтыковъ, князь Иванъ княжь Львовъ сынъ Масалской, Иванъ Шестого сынъ Бибииковъ, Олексѣй Остафьевъ сынъ Пушкинъ, Фѣдоръ Ивановъ сынъ Козминъ, Михайло Фѣдоровъ сынъ Аксаковъ, Михайло Самсоновъ сынъ Дмитреевъ, Петръ Григорьевъ сынъ Совинъ; стряпчіе съ платьемъ: Яковъ Васильевъ сынъ Зюзинъ, Гаврило Григорьевъ сынъ Вельминовъ, Юрьи Григорьевъ сынъ Пилѣемовъ, Григорей Ондреевъ сынъ Плещеевъ, Бахтеяръ Образцовъ сынъ Клешнинъ, Григорей да Юрьи Игнатьевы дѣти Татищева, Михайло да Иванъ Остафьевы дѣти Пушкина, Ооонасей Ивановъ сынъ Пушкинъ, Петръ Васильевъ сынъ Щепина Волинской, Иванъ Васильевъ сынъ Щелкаловъ, Фѣдоръ Васильевъ сынъ Щепина Волинской, Василей да Михайло Игнатьевы дѣти Вельминова, князь Микита княжь Петровъ сынъ Борятинской, Василей Савиновъ сынъ Плещеевъ, Ондрей Богдановъ сынъ Полевъ, князь Дмитрей княжь Михайловъ сынъ Пожарской; изъ городовъ выборъ: князь Иванъ княжь Юрьевъ сынъ Морткинъ, Семень Ивановъ сынъ Чемодановъ, князь Иванъ княжь Михайловъ сынъ Борятинской, Ондрей Игнатьевъ сынъ Вельминовъ, Микифоръ Семеновъ сынъ Вельминовъ, Иванъ Ондреевъ сынъ Татищевъ, Кирило Семеновъ сынъ Вельминовъ, Ортемей Васильевъ сынъ Измайловъ, Игнатей Ондреевъ сынъ Измайловъ, Григорей Микитинъ сынъ Ржевской, Калинникъ да Олексѣй Ивановы дѣти Зюзина, Яковъ Ондреевъ сынъ Охотинъ Плещеевъ, Леонтей да Ивашко Михайловы дѣти Пушкина, Иванъ да Степанъ Микифоровы дѣти Чепчугова, князь Григорей княжь Леонтьевъ сынъ Болговской; головы стрѣльцкіе: Посникъ Огаревъ, Смирной Маматовъ, Леонтей Лодыжинской, Ратманъ Дуровъ, Темиръ Засыцкой; изъ городовъ же выборъ: Ондрей Михай-

ловъ сынъ Окинфовъ, Костянтинъ Тимоѳеевъ сынъ За-
мыцкой, Наумъ Михайловъ сынъ Плещеевъ, Долмать
Ивановъ сынъ Милоковъ, Алексѣй Ондრѣевъ сынъ Писем-
ской, Судокъ Ондреевъ Мясной, Володимеръ Игнатѣевъ сынъ
Вешняковъ, Тимоѳей да Ѳедоръ Петровы дѣти Совина, И-
ванъ Ѳедоровъ сынъ Хрулевъ Наумовъ, Семень Борисовъ
сынъ Погожево, Семень Ооонасѣевъ Отяевъ, Юрьи Григорь-
евъ сынъ Ловчиковъ, Юрьи Григорьевъ сынъ Тутолминъ,
Борисъ Микифоровъ сынъ Давыдовъ, Семень Васильевъ сынъ
Чередовъ; бараши: Ооонасей Александровъ сынъ Жеребля-
тичевъ, Верига Ѳедоровъ сынъ Давыдовъ; ключники двор-
цовые: погребной ключникъ Иванъ Омельянской, кормоваго
дворца Кузма Урпеневъ, Пантелей Усовъ, князь Василей
князь Юрьевъ сынъ Мезецкой, Замятня Ондреевъ сынъ Без-
стужевъ, Юрьи Яковлевъ сынъ Стромилловъ, Леонтей Ива-
новъ сынъ Застолбской, Тимоѳей Меншого сынъ Зміевъ, Се-
мень Ивановъ сынъ Жеребцовъ, Ѳедоръ Яковлевъ сынъ Ши-
шмаревъ, Кирило Ѳедоровъ сынъ Шишмаревъ, Дмитрей
Юрьевъ сынъ Пушечниковъ, Матвѣй Юрьевъ сынъ Пушеч-
никовъ; жилцы: князь Иванъ князь Микитинъ сынъ Прим-
ковъ Ростовской, князь Борисъ князь Микитинъ сынъ При-
имковъ Ростовской, князь Иванъ князь Володимеровъ сынъ
Колцовъ Мосалской, Иванъ Елѣсеевъ сынъ Плещеевъ, Ла-
заръ Семеновъ сынъ Безобразовъ, Ѳедоръ Семеновъ сынъ
Вельяминовъ, князь Василей князь Ахамашуковъ сынъ Чер-
каской, Михайло Семеновъ сынъ Вельяминовъ, Миронъ Он-
дреевъ сынъ Вельяминовъ, Иванъ Юрьевъ сынъ Меледин-
ской, князь Ѳедоръ князь Ѳедоровъ сынъ Мещерской, Дми-
трей Семеновъ сынъ Погожево, Григорей Ивановъ сынъ Зу-
бовъ, Тимоѳей Микифоровъ сынъ Безобразовъ, Иванъ Ива-
новъ сынъ Волицкой, Яковъ Яковлевъ сынъ Вельяминовъ,
Степанъ Степановъ сынъ Истленевъ, Сергѣй Ивановъ
сынъ Мятлевъ, Ѳедоръ Ивановъ сынъ Погожево, Василей
Ивановъ сынъ Волинской, Бяляница Мирославовъ сынъ Зю-
зинъ, Игнатей Дружининъ сынъ Петелинъ, Степанъ Ондре-
евъ сынъ Татьянинъ, князь Лука князь Матвѣевъ сынъ
Лвовъ, князь Иванъ князь Ивановъ сынъ Козловской, князь

Петръ князь Ондреевъ сынъ Козловской, Малюга Семеновъ сынъ Тургеневъ, Иванъ Ивановъ сынъ Милюковъ, Ѳедоръ Ивановъ сынъ Милюковъ, Обросимъ Ивановъ сынъ Лодыженской, Леонтей Леонтьевъ сынъ Лодыженской, Михайло Микитицъ сынъ Пушкинъ, Василей Ондреевъ сынъ Измайловъ, Тимоѳеѳъ Васильевъ сынъ Измайловъ, Микита Васильевъ сынъ Измайловъ, Петръ Ивановъ сынъ Внуковъ, Иванъ Костянтиновъ сынъ Наумовъ, Василей Петровъ сынъ Наумовъ, Ѳедоръ Ратмановъ сынъ Дуровъ, Степанъ Меншого сынъ Волинской, Леонтей Ивановъ сынъ Мятлевъ, Иванъ Ондреевъ сынъ Сербинъ; ділки по приказомъ: Иванъ Карповъ, Игнатей Софоновъ, Василей Нелобовъ, Дороеѳъ Бохинъ, Богданъ Власьевъ, Нечай Ѳедоровъ, Второй Поздѳевъ, Иванъ Тимоѳеевъ, Семейка Сумороковъ, Истома Карташевъ, Шеметь Ивановъ, Нечай Перфирьевъ, Михайло Унковской, Иванъ Ефановъ, Тимоѳеѳъ Осиповъ, Степанъ Твердиковъ, у Государыни Царицы и Великіе Княгини Марьи Григорьевны всеа Русіи ділкъ Иванъ Ѳедоровъ; гости: Иванъ Михайловъ сынъ Чюркинъ, Петръ Васильевъ сынъ Мякотинъ, Григорей Ивановъ сынъ Твердиковъ, Оѳонасей Ивановъ сынъ Юдинъ, Иванъ Юрьевъ, Меншой Семеновъ сынъ Булгаковъ, Богданъ Семеновъ сынъ Булгаковъ, Степанъ Ивановъ сынъ Котовъ, Олексѳй Костянтиновъ сынъ Патрушинъ, Бажень Ивановъ, Иванъ Ѳалелеевъ, Богданъ Трофимовъ сынъ Порыкинъ, Иванъ Семеновъ сынъ Кошуринъ, Василей Дмитреевъ сынъ Чулковъ, Ѳедоръ Созоновъ сынъ Скробовицкого, Кирило Созоновъ сынъ Скробовицкой, Сотникъ Игнатьевъ, Василей Коптевъ, Юрьѳ Болотниковъ, Тимоѳеѳъ Выходецъ, Третьякъ Фаворовъ; гостиные сотни староста Селивестръ Онаньинъ; суконные сотни староста Третьякъ Герасимовъ сынъ Косаткинъ; черныхъ согенъ соцкіе: Дмитровскіе сотни соцкой Иванъ Онаньинъ сынъ Коробановъ, Покровскіе сотни соцкой Митя Семеновъ сынъ Оконкинъ, Ординскіе сотни сотникъ Степанъ Григорьевъ сынъ Морсочникъ, Ростовскіе сотни соцкой Филиппъ Патракьевъ сынъ Красилникъ, Ржевскіе сотни сотникъ Нечай Васильевъ сынъ Рыбкинъ, Новгородскіе сотни соцкой Петръ Ѳедоровъ сынъ Масленикъ,

Стрътенскіе сотни соцкой Кузма Васильевъ Сухой, Устюжскіе полусотни соцкой Ѳедоръ Ларіоновъ сынъ Рыбникъ, прибылые полусотни соцкой Первой Дороеевъ сынъ Пищалникъ, Кожевницкой полусотни соцкой Григорей Гавриловъ сынъ Кожевникъ, четверти митрополи сотни соцкой Васка Ооонасьевъ сынъ Житниковъ, Арбацкой четверти сотни соцкой Осипъ Семеновъ сынъ Ноздринъ, Черторьскіе четверти сотни соцкой Ѳедоръ Ивановъ сынъ Подпружникъ. А уложена бысть и написана сія утвержденная грамота, за руками и за печатми великого Государя нашего Царя и Великого Князя Бориса Ѳедоровича, всеа Русіи Самодержца, и сына его Государя нашего Ѳедора Борисовича всеа Русіи, въ царствующемъ градъ Москвъ, въ первое лѣто царства ихъ, отъ созданія міру лѣта 7106, индикта 11, мѣсяца Августа въ 1 день.

А назади у обвихъ утвержденныхъ грамотъ, что у Государя Царя и Великого Князя Бориса Ѳедоровича всеа Русіи Самодержца въ его царской казнѣ, и что въ патріарховъ ризницѣ, руки приложили:

«Великій господинъ Іевъ Патріархъ руку приложилъ.

Варлама Митрополита Новгородскаго.

Гермогена Митрополита Казанскаго.

Варлама Митрополита Ростовскаго.

Геласви Митрополита Сарскаго.

Іоны Архіепископа Вологодскаго.

Галактіона Архіепископа Суждальскаго.

Ѳеодосья Архіепископа Смоленскаго.

Варлама Архіепископа Резанскаго.

Захарья Архіепископа Тверьскаго.

Арсенія Архіепископа Геласонскаго.

Генадья Епископа Псковскаго.

Іосифа Епископа Коломенскаго.

Селивестра Епископа Корелскаго.»

Великого жъ господина Іева Патріарха и митрополи чьи и архіепископли и епископли, у товъ утвержденные грамоты 14 печатей: патріархова печать золотая, а митрополи чьи 4 печати, да архіепископа Вологодскаго, и тѣхъ 5 печатей, се-

ребряны позолочены, а 8 печатей архіепископли и епископли серебряныя печати непозолочены. А у меншіе грамоты, что у Патріарха въ ризницѣ, у товъ грамоты Патріархова печать и митрополичьи печати воскъ красной, архіепископли и епископли печати черныя.

Да у утвержденныхъ же грамотъ руки :

«Троецкого Сергьева монастыря Архимарита Кирила.

Изъ Володимеря Рожественского монастыря Архимарита Елеазара.

Спаского Новаго монастыря Архимарита Закхел.

Чюдовскаго Архимарита Паенотья.

Изъ Великого Новагорода Юрьева монастыря Архимарита Іоакима.

Симанова монастыря Архимарита Іоны.

Изъ Свіяжска Богородичина монастыря Архимарита Сергья.

Ондронникова монастыря Архимарита Васьяна.

Изъ Казани Спаского монастыря Архимарита Арсенья.

Изъ Нижняго Печерского монастыря Архимарита Трифона.

Спаса Хутины монастыря Ігумена Аркадыя.

Вмѣсто Кириловскаго Ігумена Корнилья Кириловскаго соборнаго старца Леонида Ширшова.

Изъ Переславля Горицкаго Архимарита Феодосья.

Съ Костромы Іпацкаго Архимарита Іоакима.

Изъ Можайска Лужецкаго монастыря Архимарита Селивестра.

Изъ Ростова Богоявленскаго монастыря Архимарита Феодосья.

Спаского монастыря изъ Ярославля Архимарита Феофана.

Богоявленскаго монастыря изъ-за торгу Ігумена Іева.

Изъ Боровска Пахнотьева монастыря Ігумена Іасафа.

Іосифова монастыря Ігумена Галасеи.

Изъ Суждаля Спаса Еуѡимьева монастыря Архимарита Левкеи.

Вмѣсто Антоньевскаго Ігумена Трифона изъ Великаго Новагорода Вежицкой Ігумень Закхей.

Вмѣсто Печерскаго Ігумена изъ Пскова Іакима Генадья Епископа Псковскаго.

Изъ Смоленска Борисоглѣбскаго монастыря Архимарита Деонисья.

Съ Резани Спаскаго монастыря Архимарита Ионы.

Изъ Твери Отроча монастыря Архимарита Θεодосья.

Вмѣсто Тихвинскаго Игумена Юсифа изъ Великаго Новгорода Вяжицкой Игумень Закхей.

Изъ Переславля Даниловскаго монастыря Архимарита Ионы.

Изъ Ростова Борисоглѣбскаго монастыря съ устья Игумена Петра.

Съ Резани Солочинскаго монастыря Архимарита Андреяна.

Изъ Великаго Новгорода Вяжицкаго монастыря Игумена Закхей.

Волока Ламскаго Возмицкаго Архимарита Васьяна.

Изъ Великаго Новгорода Духова монастыря Игумена Θεодоста.

Сторожевскаго монастыря Игумена Боголѣва.

Съ Вологды Прилуцкаго монастыря Игумена Гурья.

Павлова монастыря Игумена Юиля.

Вмѣсто Болдинскаго Игумена Θεоктиста того жъ Болдина монастыря старца Герасима.

Колязина монастыря старца Левкѣи.

Съ Вологды Корнильева монастыря Игумена Юсифа.

Изъ Переславля Зальскаго Никицкаго Игумена Никона.

Колоцкаго Игумена Никандра.

Селижарова монастыря Игумена Марка.

Угрѣвскаго монастыря Игумена Тихона.

Николы чудотворца Пѣсношскаго монастыря Игумена.....

Соборные старцы :

Троецкаго Сергѣева монастыря старца Варсоноѣя Якимова.

Казначей старца Ильи.

Старца Акакїя.

Старца Мисаила Безнина.

Старца Еустафья Головкина.

Чюдова монастыря келаря старца Θεодосья.

Ипацкаго монастыря строителя старца Гурья.

- Патріархова архидьякона Алимпія.
Іосифова монастыря старца Моисей Нплюева.
Изъ Дмитрова Медвѣдевы пустыни Игумена Арсенья.
Патріархова казначея старца Арсенья.
Старицкого Архимарита . . . . .
Кирилова монастыря старца Леонида Ширшова.
Старца Іосифа.
Чюдова монастыря старца Васьяна Ржевского.
Кириловского подворья строителя старца Елеуферья Братцова.
Соловецкого старца Васьяна Наполского.
Изъ Переславля Залѣсского Борисоглѣбского монастыря строителя Гермогена.
Паенотьева монастыря келаря старца Галаси.
Казначея старца Іоны Наумова.
Патріарша чашника старца Еуѡимья Лазарева.
Спаской строитель изъ Ярославля старца Мисаила.
Чюдова монастыря старца Германа Щербатово.
Протопопы :
Богородицкого протопопа Еуѡимья.
Благовѣщенского протопопа Семіона.
Арханьилского протопопа Дмитрія.
Спаского протопопа съ дворца Пантелеймона.
Стрътенского протопопа Григорья.
Вознесенского протопопа Семіона.
Николского протопопа Гостунского Степана.
Рождественского протопопа Прохора , что подъ колоколы бывшешого.
Покровского протопопа Дмитрея, и въ сына своего протопопово Гаврилово мѣсто.
Черниговского протопопа Ивана.
Пречистые Донскіе Игумена Гурья.
Даниловского Игумена Діонисья.
Николы Старого Игумена Варлама.
Стрътенского Игумена Маркела.
Съ Костромы Богоявленского монастыря Игумена Ісаія.
Изъ Казани Илантова монастыря Игумена Антонья.

Изъ Нижнего Амбросьева монастыря Дудина Игумена Еуоимья.

Изъ Вязмы Федоровскаго монастыря вмѣсто Игумена Георгія, Болдинскаго монастыря старца Герасима.

Бояре :

Князь Федоръ Ивановичъ Мстиславской.

Князя Василья Ивановича Шуйскаго.

Ковяющаго Дмитрея Ивановича Годунова.

Во княжь Федорово мѣсто Михайловича Трубецкаго, брата его князя Никиты Романовича Трубецкаго.

Дворецкаго Степана Васильевича Годунова.

Ивана Васильевича Годунова.

Князя Дмитрея Ивановича Шуйскаго.

Богдана Юрьевича Сабурова.

Князя Никиты Романовича Трубецкаго.

Князя Тимофея Романовича Трубецкаго.

Федора Никитича Романова.

Князя Михаила Петровича Катырева.

Александра Никитича Романова.

Князя Александра Ивановича Шуйскаго.

Князя Бориса Канбулатовича Черкаскаго.

Въ бояриново мѣсто князя Ивана Ивановича Голицына, брата его князя Ондreja Ивановича Голицына.

Князь Федоръ Ивановичъ Ноготковъ.

Въ брата своего боярина князя Ондreja Васильевича Трубецкаго мѣсто, князя Никиты Романовича Трубецкаго.

Князя Ивана Ивановича Шуйскаго.

Князя Федора Ивановича Хворостинина.

Князя Ондreja Петровича Куракина.

Въ бояриново князя Василья Кардануковича Черкаскаго мѣсто, околничаго Дмитрея Ивановича Вельяминова.

Околничіе: въ околничево мѣсто Якова Михайловича Годунова, околничаго Дмитрея Ивановича Вельяминова.

Семена Никитича Годунова.

Михайла Никитича Романова.

Дмитрея Ивановича Вельяминова.

Ч. I. Прилож.

Околничего Матвея Михайловича Годунова.

Околничего Семена Федоровича Сабурова.

Степанъ Степановичъ Годуновъ.

Кравчей Иванъ Ивановичъ Годуновъ.

Михайло Глѣбовичъ Салтыковъ.

Фомы Оеонасьевича Бутурлина.

Ондрея Петровича Клешнина.

Семена Федоровича Сабурова.

Въ отца своего мѣсто околничего князя Василья Дмитреевича Хилкова, сына его князя Ондрея.

Михайла Михайловича Салтыкова.

Богдана Яковлевича Бѣлского.

Государыни Царицы и Великіе Княгини Марьи Григорьевны дворецкого князя Ондрея Ивановича Гундурова.

Казначей Игнатія Петровича Татищева.

Печатника и посолского ділка Василья Яковлича Щолкалова.

Думного дворянина Остафья Михайловича Пушкина.

Постелничево намѣстничево трети Московскіе Истомы Осиповича Безобразова.

Стрѣпчево съ ключемъ Кузмы Безобразова.

Земского двора боярина Григорья Борисовича Василчикова.

Въ соколничево въ отца своего мѣсто Ивана Олексѣева сына Жеребцова, сына его Семена.

Яселничево Михайла Игнатѣева сына Татищева.

Думного дѣяка Елизарья Данилова сына Вылузгина.

Думного ділка Сапуна Аврамова.

Думного ділка Ивана Олексѣева сына Нармацкого.

Думного ділка Оеонасья Власѣева.

Стольники :

Князя Юрья князь Никитина сына Трубецкого.

Ивана Микитина сына Годунова.

Въ столниково мѣсто брата своего князя Ивана князь Микитина сына Одоевского, братъ его князь Иванъ.

Стольника Ивана Никитича Романова.

Стольника князя Ондreja князь Никитина сына Телятевского.

Въ столниково мѣсто брата своего Василья Никитина Романова брата его Ивана.

Петра Федорова сына Басманова.

Князя Ивана Михайлова сына Катырева Ростовского.

Въ столниково мѣсто Ивана Михайлова сына Годунова столника Силы Михайлова сына Вельяминова.

Въ столниково мѣсто Алексѣя Иванова сына Годунова, Силы Михайлова сына Вельяминова.

Стольника князя Иванова сына Куракина.

Олексѣя Романова сына Плещеева.

Въ столниково мѣсто брата своего князя Ивана князь Ондреева сына Хованского, князь Никиты Ондреева сына Хованского.

Замятни Яковлева сына Сабурова.

Князя Федора князь Иванова сына Лыкова.

Князя Ивана князь Иванова сына Курлетева.

Князя Ивана князь Борисова сына.

Михайла Борисова сына Шеина.

Князя Ивана князь Дмитреева сына Хворостинина.

Въ столниково дяди своего мѣсто князя Ондreja князь Васильева сына Сицкого, князя Олексѣя Сицкого.

Князя Данила князь Иванова сына Мезецкого.

Князя Юрья князь Петрова сына Ушатого.

Петра Дмитреева сына Вельяминова.

Стольника князь Бориса князь Михайлова сына Лыкова.

Князя Юрья князь Данилова сына Пріимкова.

Петра Григорьева сына Сабурова.

Въ столниково князь Иваново мѣсто князь Ондреева сына Хованского, брата его князя Ивана князь Федорова сына Хованского.

Князя Ивана князь Петрова сына Буйсцова Ростовского.

Князя Ондreja князь Ондреева сына Хованского.

Князя Ондreja князь Данилова сына Сицкого.

Князь Василья князь Петрова сына Ростовского.

Князя Олексѣя князь Юрьева сына Сицкого.

Семена Дмитрева сына Вельяминова.

Князя Ивана князь Федорова сына Хованского.

Федора Савинова сына Плещеева.

Въ столниково мѣсто Ивана Дмитрева сына Полева, Федора Плещеева.

Князя Бориса князь Ондреева сына Хилкова.

Князя Микиты князь Михайлова сына Мезецкого.

Князя Ивана князь Васильева сына Хилкова.

Силы да Бориса Михайловыхъ дѣтей Вельяминова.

Федора Тулупова сына Вельяминова.

Дѣяки по приказомъ :

Дѣлка Ондreja Арцыбашева.

Дѣлка Григорья Клобукова.

Дѣлка Ивана Вахромеева.

Дѣлка Ондreja Татлянина.

Государыни Царицы и Великіе Княгини Марьи Григорьевны дѣлка Тимоѳея Чирикова.

Дѣлка Петра Неѣлова.

Дѣлка Истома Евского.

Дѣлка Семена Косткина.

Дѣлка Ивана Неѣлова.

Дворяне :

Степана Олександрова сына Волоского.

Князя Ивана князь Васильева сына Голицына.

Князя Ондreja князь Васильева сына Голицына.

Вмѣсто Петра Васильева сына Годунова, Елизарья Сабурова.

Въ Дмитреево мѣсто Иванова сына Волоского, князя Михайла Мезецкого.

Василья Петрова сына Морозова.

Въ Веригино мѣсто Сабурова, Михайла Сабурова.

Боярина князя Ондreja Петровича Куракина, и въ дѣтей своихъ мѣсто князь Семеново да князь Михайлово.

Въ отца своего мѣсто князя Ондreja князь Дмитрева сына Хилкова, сына его князя Бориса.

Князя Бориса князь Петрова сына Татеева.

Федора Иванова сына Шереметева.

Михайла Богданова сына Сабурова.

- Ивана Оседорова сына Басманова.
Князя Ивана князь Петрова сына Ромодановского.
Князя Василья Буйносова Ростовского.
Князя Ивана князь Тимоеева сына Татева.
Князя Федора Татева.
Князя Семена князь Ондреева сына Татева.
Князя Василья князь Михайлова сына Лобанова.
Во княже Романово мѣсто Охлябинина, князя Данила.
Во княже Михайлово мѣсто, князя Данила.
Елизарья Сабурова.
Тимоея Сабурова.
Во Жданово мѣсто Сабурова, Тимоея Сабурова.
Богдана Степанова сына Сабурова.
Князя Василья Петрова Туренина.
Михайла Вельяминова.
Ильи Вельяминова.
Ивана Михайлова сына Пушкина, и въ брата своего Никитино мѣсто.
Ивана Траханіотова.
Никифора Траханіотова.
Василья Яковлева сына Волинского.
Сына его Федора.
Леонтья Аксакова.
Въ Максимова мѣсто Сабурова, Тимоея Сабурова.
Князя Василья Туренина, и въ дѣтей своихъ мѣсто во княже Оседорово да во князь Дмитреево.
Во князь Михайлово мѣсто Ноздроватого, князя Семсна Звенигороцкого.
Въ Иваново мѣсто Злобина, Тихона Траханіотова.
Василья Яковлева сына Кузмина.
Во князь Олександрово мѣсто Рѣпина, князя Володимера Долгорукого.
Въ отца своего князя Григорьево мѣсто Долгорукого сына его князя Олекся.
Князя Володимера Долгорукого, и въ брата своего во княже Оседорово мѣсто князь Григорьева сына.
Во князь Михайлово мѣсто Темкина, князя Ондreja Хилкова.

Князя Петра Борятинского.

Князя Ивана князь Васильева сына Хилкова.

Во князь Петрово мѣсто да во князь Лаврентьево Засѣ-
кинскихъ, Богдана Полева.

Во князь Володимерово мѣсто Мосалского, князи Луки
Щербатого.

Богдана Полева.

Алексѣя Омина Третьяка.

Ивана Полева.

Князи Луки Щербатого.

Ондрей Измайлова.

Во князь Иваново мѣсто Солнцева Засѣкина, князя Ники-
ты Засѣкина.

Ивана Вросланского.

Во князь Петрово да во князь Смирного мѣсто Шахов-
скихъ, племянника ихъ князи Ивана Солнцева.

Во князь Федорово мѣсто Звенигородского, князи Семена
Звенигородского.

Тихона Траханіотова.

Семена Олферьева.

Василья Олферьева.

Третьяка Вельяминова, и въ брата своего мѣсто Володими-
рово.

Князи Володимера Клобукова Мосалского, и въ племянни-
ка своего мѣсто во князь Иваново.

Князи Федора Друцкого.

Семена Блудова.

Во князь Михайлово да во князь Иваново обоихъ мѣсто,
князи Олексѣя.

Григорья Вельяминова.

Во князь Ондреево мѣсто Волконского, князи Никиты За-
сѣкина.

Василья Вельяминова.

Въ Яковлево мѣсто Старкова, Василья Кузмина.

Въ Степаново мѣсто Безобразова, князи Василья Тюфя-
кина.

Въ Данилово мѣсто Исленьева, князи Федора Борятинского.

Въ Григорьево мѣсто Нащокина, Ивана Бибикова.
Во князь Борисово мѣсто князь Семеновъ сына, Матвѣя
Бутурлина.

Въ Тимошеево мѣсто Грязного, Василья Кузмина.

Князя Олексѣя Долгорукого, и въ брата своего во князь
Васильево мѣсто.

Ондрей Безобразова.

Князя Ѳедора Борятинского, и въ брата своей мѣсто во
князь Яковлево да во князь Иванова да во князь Михай-
лово.

Ивана Салтыкова.

Во князь Иваново мѣсто Мосалского, Василья Кузмина.

Ивана Бибикова.

Олексѣя Пушкина.

Въ Ѳедорово мѣсто Кузмина, дяди его Василья Кузмина.

Михайла Аксакова.

Стряпчіе съ платьемъ :

Якова Васильева сына Зюзина.

Гаврила Вельяминова.

Въ Юрьево мѣсто Пилъмова, Гаврила Вельяминова.

Григорья Плещеева.

Въ Бахтеярово мѣсто Клешнина Григорья Плещеева.

Григорья Татищева.

Юрья Татищева.

Михайла Пушкина.

Ивана Пушкина.

Оеонасья Иванова сына Пушкина.

Петра Вольнского.

Печатника и посолского дѣяка Василья Яковлича Щолка-
лова, въ сына своего Ивана мѣсто.

Ѳедора Вольнского.

Михайла Вельяминова, и въ брата своего Васильево мѣсто.

Князя Никиты Борятинского.

Василья Савинова сына Плещеева.

Князя Михайла Мезецкого.

Князя Дмитрея Пожарского.

Данила Вельяминова, и въ брата своего Степаново мѣсто.

Изъ городовъ выборъ :

Во князь Иваново мѣсто Мурткина, Семена Погожево.

Въ Семеново мѣсто Чемоданова, Темира Засыцкого.

Князя Ивана Борятинского.

Ондreja Вельяминова.

Ивана Татищева.

Въ Кирилово мѣсто Вельяминова, Ивана . . . . .

Ортема Измайлова.

Въ брата своего мѣсто Калининково, Олексѣя Зюзина.

Яковъ Плещеевъ.

Въ Леонтьево да въ Иваново мѣсто, Яковъ Плещеевъ.

Во князь Олександрово мѣсто Засыкина, Ивана Чепчюгова.

Ивана Чепчюгова.

Степана Чепчюгова.

Князя Юрья Болховского.

Михайла Дмитріева.

Головы Стрѣльцкіе :

Посникъ Огаревъ, и въ Смирного Маматова и въ Левонтьево мѣсто Лодыженского.

Ратмана Дурова.

Темира Засыцкого.

Въ Михайлово мѣсто Косицкого, Ратмана Дурова.

Ондreja Никифорова.

Выборъ изъ городовъ :

Наума Плещеева.

Игнатѣя Измайлова.

Въ Долматово мѣсто Милокова, Иванъ Чепчюговъ.

Олексѣя Писемского.

Костянтина Замыцкого.

Въ Володимерово мѣсто Вешнякова, Павла Морышкина.

Алексѣя Совина.

Семена Погожево.

Въ Юрьево мѣсто Ловчикова, Семена Погожево.

Федора Совина.

Въ Семеново мѣсто Огяева, Ивана Богданова.

Григорья Ржевского.

Ивана Федорова сына Наумова.

- Юрья Туголкина.
Петра Совина.
Бориса Богданова.
Семена Чередова.
Судока Мясного.
Бараши :
Ооонася Жеребтичева.
Вериги Давыдова.
Князя Юрья Пріимкова.
Въ Пантелеймоново мѣсто Усова, Федора Шишмарева.
Ключникъ Иванъ Омелянской.
Кормового дворца ключника Кузмы Урпенева.
Во княжъ Иваново мѣсто княжъ Юрьева сына Мезецкого,
братъ его княжъ Данило Мезецкой.
Ивана Внукова.
Давыда Жеребцова.
Кирила Шишмарева.
Семена Жеребцова.
Тимоея Змѣва.
Въ Леонтьево мѣсто Застолбского, князя Федора Мезецкого.
Въ Юрьево мѣсто Строилова, Третьяка Карсакова.
Дмитрей Пушечникова.
Жилцы :
Князя Бориса княжъ Никитина Пріимкова и въ брата сво-
его мѣсто княжъ Иваново.
Князя Федора княжъ Федорова сына Мещерского.
Князя Ивана княжъ Володимерова сына Солнцева Мосал-
ского, и въ брата своего родного мѣсто княжъ Ондреево.
Ивана Елистева сына Плещеева.
Михайла Вельяминова.
Мирона Ондреса сына Вельяминова.
Князя Ивана княжъ Иванова сына Козловского.
Василья Иванова сына Волинского.
Якова Вельяминова.
Князя Луки княжъ Матѣева сына Льова.
Ивана Милюкова.
Федора Милюкова.

Лазаря Семенова сына Безобразова.
Князя Петра Ахамашукова сына Черкасского.
Федора Семенова сына Вельяминова.
Ивана Иванова сына Волынского.
Тимофея Никифорова сына Безобразова.
Василья Ондრѣва сына Измайлова.
Михайла Пушкина.
Тимофея Васильева сына Измайлова.
Микиты Васильева сына Измайлова.
Князя Петра князь Ондреева сына Козловского.
Григорья Зубова.
Степана Иванова сына Исленьева.
Дмитрея Погожево.
Бѣляницы Зюзина.
Федора Погожево.
Игнатья Пелина.
Степана Татьянина.
Малюты Тургенева.
Обросима Лодыжинского.
Левонтья Левонтьева сына Лодыжинского.
Петра Внукова.
Ивана Наумова.
Василья Наумова.
Федора Дурова.
Ивана Сербина.
Степана Волынского.
Дѣяки по приказомъ :
Дѣякъ Иванъ Карповъ.
Дѣякъ Игнатей Софоновъ.
Дѣякъ Василей Нелюбовъ.
Дѣякъ Нечай Федоровъ.
Дѣякъ Дороеей Бохинъ.
Дѣякъ Богданъ Власевъ.
Дѣякъ Иванъ Тимоеевъ.
Дѣякъ Второй Поздѣвъ.
Дѣякъ Семейка Сумороковъ.
Дѣякъ Михайло Унковской.

Діакъ Истома Каргашевъ.

Діака Василья Тороканова.

Діака Матвѣя Коробейникова.

Діака Тимоѳея Петрова.

Діака Шемета Иванова.

Діака Нечая Перфирьева.

Діака Тимоѳея Осипова.

Гости :

Ивана Михайлова сына Чюркина.

Петра Васильева сына Мякотина.

Григорья Иванова сына Твердикова.

Оеонася Иванова сына Юдина.

Ивана Юрьева меншего Семенова сына Булгакова , и въ брата своего въ Богданово мѣсто.

Степана Иванова сына Котова.

Олексѣя Костянтинова сына Патрушина.

Въ Баженово мѣсто Иванова, Ивана Кошурина.

Ивана Фалелѣва.

Богдана Трофимова сына Порывкина.

Ивана Кошурина.

Василья Дмитреева Чюлкова.

Федора Созонова сына Скробовицкого, и въ брата своего Кирилово мѣсто.

Въ Игнатьево мѣсто въ Сотниково, Федора Скробовицкого.

Въ Васильево мѣсто Коптева, Ивана Фалелѣва.

Въ Юрьево мѣсто Болотниково, Василья Чюлкова.

Въ Тимоѳеево мѣсто Выходца, Третьяка Фаворова.

Третьяка Фаворова.

Ивана Кобелева.

Втораго Тыртова, во всей Шоломенскіе пятины.

Гостиные сотни :

Ивана Чихачова, и въ старожилцовъ мѣсто и во всей гостиные сотни мѣсто.

Микита Лвовъ, и въ Вотцкіе пятины мѣсто.

Суконные сотни тяглець Ларивонъ Мининъ, и въ старостино въ Третьяково мѣсто Косаткина.

Даргуша Дивовъ, и во всѣхъ Ржевичъ мѣсто.

Черные сотни соцкіе :

Дмитровскіе сотни тяглець Оома Лазаревъ, въ соцкого въ Иваново мѣсто Козобаново и во всей сотни.

Микита Мотоловъ, и во всѣхъ Ярославля Малаго сотни.

Ондрей Ивановъ, и во всѣхъ Бѣлянъ мѣсто.

Покровскіе сотни тяглець Семень Шоринъ, въ соцкого Микиты Иконникова и во всей сотни мѣсто.

Ордынскіе сотни соцкой Степанъ Григорьевъ, и во всей сотни мѣсто.

Ростовскіе тяглець Іевъ Ѳедоровъ, въ соцкого въ Филипово мѣсто Красилникова и во всей сотни мѣсто.

Ржевскіе сотни соцкой Нечай Рябъ, и во всей сотни мѣсто.

Ноугороцкіе сотни тяглець Ондрей Насоновъ, въ соцкого мѣсто Петрово Масленика и во всей сотни мѣсто.

Стрътенскіе сотни тяглець Василей Юрьевъ, въ соцкого отца своего Юрьево мѣсто Ножевниково и во всей сотни мѣсто.

Мясницкіе сотни тяглець Максимъ Филатьевъ, въ соцкого въ Кузино мѣсто Сухово и во всей сотни Мясницкіе мѣсто.

Устюжскіе полусотни тяглець Иванъ Обросьевъ, и во всей полусотни мѣсто.

Прибылые полусотни въ соцкого Первово Пицалникова и во всей полусотни мѣсто, тоъ же полусотни тяглець Дружина Шлесянинъ.

Кожевницкой полусотни въ соцкого Григорья Кожевника и во всей полусотни мѣсто, Ордынскіе сотни тяглець Степанъ Григорьевъ.

Четверти митрополюи сотни въ соцкого Василья Житникова и во всей четверти мѣсто, тоъ жъ четверти сотни тяглець Василей Трофимовъ сынъ Серебряникъ.

Арбацкіе сотни четверти въ соцкого Осипа Семенова сына Ноздрина, тоъ же Арбацкіе четверти сотни тяглець Бажень Ивановъ Замочниковъ.

Черторьскіе четверти въ соцкого Ѳедорова Иванова сына мѣсто Подпужникова, тоъ же Черторьскіе четверти тяглець Сидоръ Григорьевъ сынъ Папинъ.

№ IV.

У К А З Ъ

ОБЪ ИЗЪЯТІИ ОТЬ ЗАПРЕЩЕНІЯ ПЕРЕХОДА КРЕСТЬЯНЪ.

Лѣто 7110 Ноемврѣя въ 21 день, по Государеву Цареву и Великаго Князя Бориса Ѳеодоровича всея Русіи указу, память Окольничему Василю Петровичу Морозову: Въ нынѣшнемъ во сто десятомъ году Великій Государь Царь и Великій Князь Борисъ Ѳеодоровичъ и сынъ его Государь Царевичъ Князь Ѳеодоръ Борисовичъ пожаловали во всемъ своемъ Московскомъ Государствѣ отъ налоговъ и отъ продаж охраняя, велѣли крестьяномъ дати выходъ, и возити крестьянъ Дворяномъ, которые служатъ изъ выбора, и Жильцомъ, которые у Государя Царя и Великаго Князя Бориса Ѳеодоровича, и которые у Государя Царевича Князя Ѳеодора Борисовича, и дѣтемъ Болрскимъ, дворовымъ и городовымъ прикащикамъ, всѣхъ же городовъ иноземцамъ всякимъ, и большаго двора дворовымъ людѣмъ всѣхъ чиновъ, степеннымъ и путнымъ ключникамъ, стряпчимъ, сытникамъ и подключникамъ, Конюшеннаго приказа столповымъ прикащикамъ, конюшеннымъ, конюхомъ, стремяннымъ и стряпчимъ, ловчаго пути корытникомъ, охотникомъ и коннымъ псаремъ, сокольнича пути кречетникомъ, сокольникомъ, ястребинникомъ, трубникомъ (трубачамъ) и сурначеемъ, и Государыни Царицы Маріи Григорьевны всея Русіи дѣтѣмъ Боярскимъ, и всѣхъ приказовъ преднимъ подъячимъ канцеляристамъ), стрѣлецкаго приказа сотникомъ стрѣleckимъ и головамъ козачьимъ, Посольскаго приказа переводчикомъ и толмачамъ, Патріаршимъ и Митрополитимъ и

Архиепископимъ приказнымъ людѣмъ и дѣтѣмъ Боярскимъ промежъ себя. — А срокъ крестьяномъ отписывати Юріевъ день осенній, да послѣ Юріева дни въ двѣ седмицы; а пожилова крестьяномъ платити положено за дворъ рубль и 6 копеекъ; а въ дворцовыя волости и лѣса, и въ черныя волости, и за Патріарха и Митрополитовъ, и за Архиепископы и Епископы и за монастыри, и за Бояръ, и за Окольныхъ и за Дворянъ большихъ и за приказныхъ людей и Дьяковъ, и за Стольниковъ и за Стряпчихъ и за Головъ стрѣлецкихъ и за иныхъ возити крестьянъ въ нынѣшнемъ 110 году не велено; а въ Московскомъ уѣздѣ всѣмъ людемъ промежъ собою, да изъ иныхъ городовъ въ Московской уѣздѣ по тому жъ крестьяномъ не отказывати и не возити; а которымъ людѣмъ промежъ собою въ нынѣшнемъ 110 году крестьянъ срокъ возити, и тѣмъ по Государеву Цареву и Великаго Князя указу возити одному челоуѣку изъ за одного челоуѣка одного крестьянина, или двухъ, а трехъ и четырехъ одному изъ за одного ни кому не возити.

№ V.

З А П И С Ъ

ЛЖЕДИМИТРІЯ ГРИШКИ ОТРЕПЬЕВА ДАННАЯ ЮРЬЮ МНИШКЪ О БРА-
КОСОЧЕТАНІИ СЪ ДОЧЕРЬЮ ЕГО МАРИНОЮ И О ПРЕДОСТАВЛЕНІИ ЕЙ
ГОСУДАРСТВЪ НОВГОРОДСКАГО И ПСКОВСКАГО.

Мы Дмитрей Ивановичъ, Божею милостію, Царевичъ вели-
кой Русіи, Углетцкии, Дмитровскии и иныхъ, Князь отъ ко-
льна предковъ своихъ, и всѣхъ Государствъ Московскихъ
Государь и дѣдичь.

Разсуждая о будущемъ состояніи житія нашего не только
по примѣру иныхъ Монарховъ и предковъ нашихъ, но и
всѣхъ Христіански живущихъ, за призрѣніемъ Господа Бога
всемогущаго, отъ котораго живетъ начало и конецъ, а жена
и смерть бываетъ отъ негожь, усмотрили есмь и улюбили
себѣ, будучи в Королевствѣ в Полскомъ, в дому честнемъ,
великого роду, житія честного и побожного приятеля и то-
варыщи, с которымъ бы мнѣ, за помощію Божию, в мило-
сти и въ любви непремѣняемой житіе свое проводить ясне-
велеможную панну Марину с Великихъ Кончиць Мнишков-
ну, воеводенку Сендомирскую, старостенку Львовскую, Сам-
борскую, Меденицкую и проч., дочь ясневелеможного пана
Юрья Мнишка съ Великихъ Кончиць, воеводы Сендомир-
скаго, Львовскаго, Самборскаго, Меденицкаго и проч. старо-
сты жупъ Рускихъ жупника, котораго мы испытавши чест-
ность, любовь и доброжелательство (для чего мы взяли его
себѣ за отца); и о томъ мы убѣдительно его просили, для
большаго утвержденія взаимной нашей любви, чтобы выше-
реченную дочь свою панну Марину за насъ выдалъ въ за-
мужество. А что тепере мы есть не на Государствахъ своихъ,

и то теперс до часу: а какъ дасть Богъ, буду на своихъ Государствахъ жити, и емубъ попомнити слово свое прямое, вмѣсте с панною Мариною, за присягою; а язъ помню свою присягу, и намъ бы то прямо объма здержати, и любовь бы была межъ насъ, а на томъ мы писаньемъ своимъ укрѣпляемся. А впредъ, во имя пресвятые Троицы, даю ему слово свое прямое Царское: что женюсь на панне Марине; а не женюсь, и язъ проклятво на себя даю, утверждая сіе слѣдующими условіями. Первое: кои часть доступлю наследственнаго нашего Московскаго Государства, язъ пану отцу его милости дамъ десять сотъ тысячъ злотыхъ Польскихъ, какъ его милости самому для ускоренія подъема и заплаты долговъ, такъ и для препровожденія къ намъ ся панны Марины, будущей жены нашей, изъ казны нашей Московской выдамъ кленнотовъ драгоцѣннѣшихъ, а равно и серебра столоваго къ снаряду ея; буде не самому ея панни отцу, въ небытность его по какой либо причинѣ, то посламъ, которыхъ его милость пришлетъ, или нами отправленнымъ, какъ выше сказано, безъ замедленія дать, даровать нашимъ Царскимъ словомъ общаемъ. Другое то: какъ вступимъ на нашъ Царскій престолъ отца нашего; и мы тотъ часъ пословъ своихъ пришлемъ до наяснѣишаго Короля Польского, извѣщаючи ему и быючи челомъ, чтобъ то наше дѣло, которое ныне промежъ насъ, было ему вѣдомо и позволилъ бы то намъ здѣлати безъ убытка. Третье то: той же прежь реченной панне женѣ нашей дамъ два Государства великіе, Великіи Новгородъ да Псковъ, со всеми уязды, і з думными людьми, и з дворяны, и з детми боярскими, и с попы и со всеми приходы, и с пригородки, и с мѣсты и с селы, со всякимъ владѣньемъ, и с поволностью, со всемъ с тѣмъ, какъ мы и отецъ нашъ тѣми государствы владѣли и указывали; а мнѣ в тѣхъ в обѣихъ Государствахъ, въ Новѣгородѣ і во Псковѣ, ничѣмъ не владѣти, и в нихъ ни во что не вступатися; тѣмъ нашимъ писаньемъ укрѣпляемъ, и даруемъ еі панне то за тѣмъ своимъ словомъ прямо. А какъ, за помощю Божию, с нею венчаемся; и мы то все, что въ нынешнемъ нашемъ писмѣ написано, отдадимъ еи, и въ Канцѣрїи нашей

еі то въ вѣки напишемъ, и печать свою Царскую къ тому приложимъ. А будетъ у нашей жены, по грѣхомъ, с нами дѣтеі не будетъ, и тѣ обои Государства си, приказати на чмѣстникомъ своимъ владычи ими и судити, і волно еі, будетъ своимъ служилымъ людемъ помѣстья и вотчины давати, и купити і продавати; также волно еи, какъ ся еи полюбитъ, что въ своихъ въ прямыхъ удѣльныхъ Государствахъ монастыри і костелы ставити Римские, і Бискупы и попы Латинские, и школы поставляти и ихъ наполняти, какъ имъ впередъ жити; а самой житі с нами; а попы свои себѣ держати, сколько еі надобе, также набоженство свои Римские вѣры держати безо всякие забороны, якожь и мы сами, з Божиею милостию, соединеніе сіе приняли; и станемъ о томъ накрѣпко промыслиати, чтобъ все Государство Московское в одну вѣру Римскую всѣхъ привести, и костельбъ Римские устроити. А того Боже намъ не даи, будетъ тѣ наши рѣчи въ Государствахъ нашихъ не полюбяцца, і в годъ того не здѣлаемъ: ино будетъ вольно пану отцу и панне Марине со мною развестися, или пожалуютъ побольши того подождутъ до другого году. А язъ тепере в томъ во всемъ даю на себя запись своею рукою, с крестнымъ цѣлованьсмъ, что мнѣ то все здѣлати по сему писму, и присягою на томъ на всемъ при святкомъ чину, при попѣхъ, что мнѣ все по сеі записи здержати крѣпко, і всѣхъ Рускихъ людеи въ вѣру Латинскую привести. Писана в Самборе, мѣсяца Маія 25 дня, лѣта 1604.

Царевичъ Димитрій.

На подлинной Записи приложена печать подъ кустодією восковая. Бумага сія, равно и слѣдующія Польскія, сложена пакецомъ.

На оборотъ написано :

Постановленіе и ассекурація Димитрія Царя Московскаго данная господину Мнишкѣ, воеводу Сендомирскому.

Къ сему присоединена послѣ уменьшая приписка:

Въ Пятницу, на другой день праздника Успенія пресвятыя Дѣвы Маріи, лѣта Господня 1668.

Ч. I. Прилож.

Рукопись сію провінціальний Королевскій главный надзиратель Лаврентій Каткевич Соноклескій представилъ для приобщенія къ дѣламъ староства.

Принято и записано.

№ VI.

Г Р А М О Т А

ДЖЕДИМИТРІЯ ОТРЕПЬЕВА, ДАННАЯ ЮРЬЪ МНИШКЪ НА УСТУПКУ ЕМУ
И КОРОНЪ ПОЛЬСКОЙ, СМОЛЕНСКОЙ И СЪВЕРСКОЙ ЗЕМЛИ.

Димитрій Ивановичъ, Божією милостію, Царевичъ великой Россіи, Углицкій, Дмитровскій, Городецкій, и проч. и проч., Князь отъ колѣна предковъ своихъ, всѣхъ Государствъ, къ Московской Монархіи принадлежащихъ, Государь и дѣдичъ. Объявляемъ, кому о семъ вѣдать надлежитъ, что мы ясне-вельможному господину Юрью изъ Великихъ Кончицъ Мнишкови, воеводѣ Сендомирскому, Львовскому, Самборскому, Меденицкому и проч. старостѣ, жупникови жупь Рускихъ, за любовь, милость, доброжелательство и склонность, которую намъ явилъ и являть не престаеть, въ вѣчныя времена дали мы ему и наследникамъ его Смоленское и Съверское Княжество въ Государствъ нашемъ Московскомъ со всѣмъ, что къ онымъ Княжествамъ принадлежить, съ городами, замками, селами, подданными и со всѣми обоого полу жителями, какъ о томъ въ данномъ отъ насъ его милости особливомъ привиліи ясно изображено и написано, дали, подарили и записали. А для извѣстныхъ и важныхъ причинъ, и для самой нашей любви и доброжелательства къ пресвѣтлѣйшему Королю Польскому и всему Королевству, въ предбудущія вѣчныя времена, для согласія и миру между народомъ Польскимъ и Московскимъ, Смоленской земли другую половину съ замками, городами, городками, уздами, селами, рѣками, озерами, прудами (оставляя при его милости господинъ воеводѣ самой замокъ съ городомъ Смоленскомъ и со всѣмъ что къ половинѣ онаго принадлежить)

дали, подарили и записали, какъ о томъ въ особомъ привиліи изображено, Королямъ Польскимъ и Рѣчи Посполитой Польской шесть городовъ въ Княжествѣ Сѣверскомъ со всѣмъ, что къ онимъ принадлежить, съ доходами и прибытками, и на все сіе уже совершенной отъ насъ привиліи данъ есть; и дабы о исполненіи всего того его милость господинъ воевода былъ благонадеженъ, присягою тѣлесною подтвердили мы. И изъ другова Государства, близъ Смоленской земли, еще много городовъ, городковъ, замковъ, земель и прибитковъ опредѣляемъ ему господину воеводѣ даровать, присовокупить, записать въ вѣчныя времена, какъ скоро насъ Господь на престолѣ предковъ нашихъ посадить, дабы равные и неменьшіе какъ съ Смоленскаго, такъ и съ Сѣверскаго Княжества, съ городовъ, замковъ, городковъ, сель, боровъ, лѣсовъ, рѣкъ, озеръ, прудовъ всякіе имѣлъ доходы, то мы ему объщаемъ и ручаемъ; и что уже мы однажды присягою подтвердили, то и нынѣ ни въ чемъ неотмѣнно и ненарушимо подтверждаемъ все вышеписанное его милости господину воеводѣ содержать и исполнить. А для большаго увѣренія и важности, сей листъ нашъ, при подписаніи собственною рукою нашею, печатью утвердить повѣляли. Данъ въ Самборѣ, Іюня 12 дня, 1604 года.

Димитрій Царевичъ.

Къ сей грамотѣ, писанной на пергаментѣ, прилеплены на голубомъ шелковомъ сурикѣ изъ желтаго воску круглый ковчегъ, съ коимъ втиснута восковая красная печать.

На оборотѣ написано:

Привилегія, данная в. Сандомирскому на владѣніе половиною земли Сѣверской.... Р. П. шестью город....

№ VII.

Г Р А М О Т А

ЛЖЕДИМИТРІЯ КЪ МОСКОВСКИМЪ ОБЫВАТЕЛЯМЪ О ПРАВАХЪ ЕГО НА
ПРЕСТОЛЪ РОССІЙСКІЙ.

Отъ Царя и Великого Князя Дмитрея Ивановича всеа Русіи, бояромъ нашимъ, Князю Федору Ивановичу Метиславскому, да Князю Василью да Князю Дмитрею Ивановичемъ Шуйскимъ, и всѣмъ бояромъ, и околничимъ, и дворяномъ большимъ, и столникомъ, и стряпчимъ, и жильцомъ, и приказнымъ людемъ, и дьякомъ, и дворяномъ изъ городовъ, и дѣтемъ боярскимъ, и гостемъ и торговымъ лутчимъ людемъ, и среднимъ, и всякимъ чернымъ людемъ. Цѣловали есте крестъ блаженный памлти отцу нашему, великому Государю Царюи Великому Князю Ивану Васильевичу всеа Русіи, и намъ чадомъ его, что было опричь нашего государьского роду на Московское государство много Государя никого не хотѣти не искати; и какъ, судомъ Божиимъ, отца нашего великого Государя Царя и Великого Князя Ивана Васильевича всеа Русіи не стало, а на Російскомъ государствѣ учинился братъ нашъ, великій Государь Царь и Великій Князь Федоръ Ивановичъ всеа Русіи, и насъ великого Государя, измѣнники наши послали на Угмечь и толикое утѣсненіе нашему Царьскому Величеству дѣлали, чего и подданнымъ дѣлати было негодно, присылали многихъ воровъ и велѣли насъ портити и убити: и милосердый Богъ насъ великого Государя отъ ихъ злодѣйскихъ умысловъ укрывъ, отголь даже до лѣтъ возраста нашего въ судахъ своихъ сохранилъ; а вамъ, бояромъ нашимъ, и околничимъ,

и дворяномъ, и приказнымъ людямъ, и гостемъ, и торговымъ и всякимъ людямъ, измѣнники наши вмѣщали, будто насъ великого Государя не стало и похоронили будто насъ великого Государя на Угличъ въ соборной церкви у всемилостиваго Спаса. И какъ, судомъ Божиимъ, брата нашего великого Государя Царя и Великого Князя Ѳедора Ивановича всеа Русіи не стало, и вы, не выдаючи про насъ, прироженнаго Государя своего, цѣловали крестъ измѣннику нашему Борису Годунову, не выдаючи его злокозненнаго нрава и бояся того, что онъ блаженный памяти при братъ нашемъ Царь и Великомъ Князь Ѳедоръ Ивановичъ всеа Русіи владѣлъ всѣмъ государствомъ Московскимъ, и жаловалъ и казнилъ кого хотѣлъ; а про насъ есте прироженнаго Государя своего не выдали, а чаяли насъ отъ измѣнниковъ нашихъ убитого. А какъ про насъ великого Государя учалъ быти слухъ во всемъ Російскомъ государствѣ, что съ Божіею помощію, мы великій Государь идемъ на православный престолъ прародитетей нашихъ, великихъ Государей Царей Російскихъ и хотѣли есмя государства нашего достигати безъ крови, и вы, бояре наши и воеводы и всякіе служилые люди, противъ насъ великого Государя стояли невѣдомостію и бояся отъ измѣнника нашего смертныя казни; а про насъ великого Государя говорити не смѣли: и лъзъ христіанскій Государь, по своему Государьскому милосердому обычаю, въ томъ на васъ нашего гнѣву и опалы не держимъ, потому что есте учинили невѣдомостію и бояся казни. А нынѣ мы великій Государь на престолъ прародителей нашихъ, великихъ Государей Царей Російскихъ, идемъ съ Божіею помощію вскорѣ, а съ нами многія рати Рускія и Литовскія и Татарскія; а города нашего государства нашему Царьскому Величеству добили челомъ и противо насъ не стояли, и крестъ цѣловали, помни свои души и крестное цѣлованье, намъ Великому Государю служатъ и противъ измѣнниковъ нашихъ храбръ и мужественно стоити хотять, а о томъ и сами подлинно въдаете. А Повольскіе города намъ великому Государю добилизъ челомъ и воеводъ къ намъ привели; и Астороханскихъ воеводъ Михайла Сабурова съ товарищи, къ нашему Царьскому Вс-

личеству ведутъ, а нынѣ они въ дорогѣ на Воронежъ. Да къ намъ же писалъ Большихъ Нагай Ищерекъ Князь и изъ Казыева улусу мурза, что они нашему Царьскому Величеству помогати хотятъ: и мы, христіяньскій Царь, не хотя видѣти во христіяньствѣ разоренія, Нагайскимъ людемъ до нашего указу ходити не вѣдали, жалѣя нашего государства, и вѣдали кочевати Нагайскимъ людемъ близко Царева города. А измѣнники наши, Марья Борисова жена Годунова да сынъ ея Ѳедоръ, о нашей земли не жалуютъ, да и жалти было имъ нѣчего, потому что чужимъ владѣли, и отчину нашу Сиверскую землю и иные многіе города и уѣзды разорили и православныхъ христіянь не въ винѣ побили: толко того мы, христіяньскій Государь, въ вину вамъ бояромъ нашимъ и служилымъ людемъ не ставимъ, для того, что есте учинили невѣдомостію и бояся отъ измѣнниковъ нашихъ смертныя казни. А и то было вамъ пригоже знати, какое утѣшеніе отъ измѣнника нашего Бориса Годунова было вамъ бояромъ нашимъ, и родству нашему укоръ и поношеніе и безчестіе, и наносимыя вамъ, чего и отъ инороднаго терпѣти было невозможно; и вамъ дворяномъ и дѣтемъ боярскимъ разореніе и ссылки и муки не стерпимыя были, чего и пльннымъ дѣлати негодно; а вамъ гостемъ и торговымъ людемъ, и въ торговлѣ вашей, волности не было и въ пошлинахъ у васъ, что треть животовъ вашихъ, а мало не всѣ иманы, а тѣмъ есте злокозненнаго нрава его укротити не могли; и вы въ винахъ своихъ посямѣсть не познаетесь и насъ, прирожденнаго Государя своего, знати не можете, а праведнаго суда Божія не помните, и хотите проливать кровь неповинныхъ христіянь, чего не токмо намъ дѣлати не годится, и иноземцы о вашемъ разореніи скорбятъ и бользнують, и узнавъ насъ, христіяньскаго, кроткаго, милосердаго Государя, намъ служатъ и крови своея за насъ не щадятъ. И мы, христіяньскій Государь, не хотя видѣти въ христіяньствѣ кроворазлитія, пишемъ вамъ, жалѣя васъ и о душахъ вашихъ, чтобъ вы, помня Бога и православную вѣру и свои души, на чемъ есте блаженныя памяти отцу нашему великому Государю Царю и Великому Кня-

зю, Ивану Васильевичу, всея Русии, и намъ чадомъ его крестъ цѣловали; намъ прироженному Государю своему Царю и Великому Князю Дмитрею Ивановичу, всея Русии добили челомъ и милости просити къ нашему Царьскому Величеству прислати Митрополитовъ и Архіепископовъ; и бояръ, и околничихъ; и дворянъ большихъ, и дѣяковъ думныхъ, и дѣтей боярскихъ, и гостей, и дутчихъ людей; а мы великій Государь по своему царьскому милосердому обычаю, всѣхъ васъ пожалуемъ: и вамъ, болромъ нашимъ, честь и повышение учинимъ, а отчинами вашими прежними васъ пожалуемъ, къ тому и еще прибавимъ и въ чести васъ держати будемъ; а васъ, дворянъ и приказныхъ людей, въ нашей царской милости держати хотимъ; а васъ, гостей и торговыхъ людей всего Московского государства, пожалуемъ, въ пошлинахъ и въ податяхъ велимъ воиготь и во облегченіи учинити, и все православное христіянство въ тишинѣ и въ покоѣ и во благоденственномъ житіи учинити хотимъ. А не добьете челомъ нашему Царьскому Величеству и милости просити не пошлете, и вы то можете разсудити, что вамъ въ томъ дати отвѣтъ въ день праведнаго суда Божіа, иже воздасть кому-ждо по дѣломъ его, и отъ Божіа праведнаго гнѣва и отъ нашихъ царскихъ руки нигдѣ не избыти. А съ Божіею помощію намъ великому Государю преславныхъ государствъ своихъ достигати.

На концѣ грамоты ѿходитсѣ отъ грамоты: Привезли на Москову Гаврило Пушкинъ да Наумъ Плесціевъ, Іюля въ 1 день.

№ VIII.

Г Р А М О Т А

Лжедмитрия Отрепьева въ Пелымъ о возшествіи его на Всероссийскій престолъ.

Отъ Царя і Великого Князя Дмитрея Ивановича всеа Русіи в Сибирь в Пелымской городъ Олексю Ивановичю Зузину, да Максиму Ивановичю Радилову. Богъ намъ, Великому Государю, наше Московское Государство поручилъ, и Иевъ Патриархъ Московскіи і всеа Русіи, и Митрополиты, и Архиепископы, и Епископы і весь освященный соборъ, и бояре, и околничие, и дворяне болшие, и столники, и стряпчие, и жилцы, и приказные люди, и дворянежь, и дѣти боярские всего Російского Государства, и гости и торговые всякие люди, узнавъ прироженнаго намъ Государя своего Царя і Великого Князя Дмитрея Ивановича всеа Русіи, в своихъ винахъ добили челомъ; выбъ о нашей матери Великой Государине Царице і Великой Княгине иноке Марее Оедоровне всеа Русіи, и о нашемъ многолѣтномъ здравье, в Пелымскомъ городе по всемъ церквамъ, вѣли Бога молить, и намъ служили и прямили во всемъ, и того берегли накрепко, чтобъ в людехъ шатости и грабежю и убивства не было никоторыми дѣлы, и жили бы есте съ великимъ береженьемъ, и нашимъ дѣломъ промышляли и вестей провѣдывали; а каковы встечи у васъ будутъ, и выбъ о всякихъ встехъ писали к намъ почасту. Писана на Москвѣ, лета зргі, Іюня въ аі день.

На оборотъ надпись:

В Сибирь в Пелымской городъ Алексю Ивановичю Зузину, да головъ Максиму Ивановичю Радилову.

№ IX.

ОКРУЖНАЯ ГРАМОТА

Лжедмитрія къ Сибирскимъ воеводамъ , о приводѣ ему къ присягѣ всякаго званія людей, съ приложеніемъ образца присяги.

Отъ Царя и Великого Князя Дмитрея Ивановича вся Русіи въ Сибирь на Верхотурь Неудачъ Остафьевичу Плещеву, да головъ Матвѣю Степановичу Хлопову. Божіимъ произволеніемъ и Его крѣпкою десницею покровеннаго насъ отъ нашего измѣнника, отъ Бориса Годунова, хотящаго насъ злой смерти предати, и Богъ милосердый, не хотя его злокозненнаго промысла исполнити, и меня, Государя вашего прироженнаго, Богъ невидимою силою укрывъ и много лтъ въ судьбахъ Своихъ сохранилъ. И я Царь и Великій Князь Дмитрей Ивановичъ всея Русіи нынѣ приспѣлъ въ мужество, съ Божією помощію, сълъ на престолъ прародителей своихъ, на Московскомъ Царствѣ и на всѣхъ Государствахъ Россійскаго Царствія; и на Москвѣ и во всѣхъ городѣхъ бояре наши, и окольнічіе, и приказные люди, и дѣяки, и дворяне, и дѣти боярскіе, и всякіе приказные люди всего нашего Государства, и иноземцы намъ, прироженному Государю своему, крестъ цѣловали; и мы ихъ пожаловали, вины ихъ имъ отдали. И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, и выбѣ, наши прирожденные Неудача и Матвѣй, помня православную Христіанскую истинную вѣру и крестное цѣлованье, на чмѣ есте крестъ цѣловали отцу нашему, блаженныя памяти Государю Царю и Великому Князю Ивану Васильевичу всея Русіи, и намъ чадамъ его, прироженному

Государю своему, крестъ цѣловали, и дѣтей боярскихъ, и сотниковъ, и стрѣльцовъ, и казаковъ, и пушкарей, и воротниковъ, и посадскихъ и всякихъ людей и пашенныхъ крестьянъ къ крестному цѣлованью привели по записи, какова къ вамъ послана; а Татаръ и всякихъ иноземцовъ привели къ шерти, примѣрясь къ той же записи и къ прежнимъ шертовальнымъ записямъ. А какъ къ крестному цѣлованью приведете, и мы васъ и ихъ пожалуемъ великимъ своимъ Царскимъ жалованьемъ, чего у васъ на разумъ нѣтъ. А кого именемъ ко кресту, и Татаръ и всякихъ иноземцовъ къ шерти приведете, и выбъ о томъ отписали, и книги именныя прислали къ намъ къ Москвѣ, а велели отдать въ приказъ Казанскаго дворца дьяку нашему Нечаю Федорову. Писана на Москвѣ, лѣта зргі, Іюня въ аі день. За скръпою дьяка Нечая Федорова.

Образецъ присяги :

Цѣлую крестъ Государине своей Царице і Великой Княгини иноке Марфе Федоровне всеа Русии, і прироженному Государю своему Царю и Великому Князю Дмитрею Ивановичю всеа Русии, на томъ: служити мнѣ имъ, Государемъ своимъ, і прямити і добра хотѣти во всемъ в правду, безо всякие хитрости; лиха мнѣ Государине своей Царице і Великой Княгини иноке Марфе Федоровне всеа Русии і Государю своему Царю і Великому Князю Дмитрею Ивановичю всеа Русии не хотѣти никакова, ни мыслити, ни думати которыми дѣлы. Также мнѣ надъ Государинею своею Царицею і Великою Княгинею инокою Марфою Федоровною всеа Русии и надъ Государемъ Царемъ і Великимъ Княземъ Дмитреемъ Ивановичемъ всеа Русии въ естве і в питье, ни в платьѣ и в ѳномъ ни в чемъ лиха никакого не учинити и не испортити, ни зелья лихово и коренья не давати: а хто мнѣ учнетъ зелье и коренье лихое давати, или мнѣ учнетъ хто говорити, чтобъ мнѣ надъ ними, Государи своими, какое лихо учинити, или хто похочетъ портити, и мнѣ того чловѣка не слушати, и зелья лихово и коренья у того чловѣка не имати. Также мнѣ, опрочъ еъ Государини своей Царицы і Великой Княгини иноки Марфы Федоровны всеа

Русии і Государя своего Царя і Великого Князя Дмитрея Ивановича всеа Русии, на Московское Государство иного Государя не искати, и не хотѣти и не мыслити, и не измѣнити имъ Государемъ ни въ чемъ; и с-ызмѣнники ихъ, с Ѳедкою Борисовымъ сыномъ Годунова, и съ его матерью, и съ ихъ родствомъ и с совѣтники не ссылатися писмомъ никакими мѣрами, и не измѣнити Государине своей Царице і Великой Княгине иноке Марѣе Ѳедоровне всеа Русии і Государю своему Царю і Великому Князю Дмитрею Ивановичю всеа Русии ни въ чемъ, и Государства подъ ними Государи не подыскивати. А гдѣ Государиня Царица і Великая Княгиня Марѣа Ѳедоровна всеа Русии і Государь Царь і Великій Князь Дмитрей Ивановичъ всеа Русии велѣтъ быти на свои Царской службѣ, и мнѣ: будучи на ихъ Государевыхъ службахъ, имъ, Государемъ своимъ, служить и прямили безо всякие хитрости, и измѣны некоторые не учинити, и ис походовъ и ис полковъ никуда не отъѣхати и не измѣнити, и скопомъ и заговоромъ і всякимъ умышленьемъ ни на кого не приходити, и недружбы своей никому не мстити и никою, безъ ихъ Государева вѣдома, не убити; а у кого свѣдаю скопъ, или злое которое умышленье и совѣтъ на Государыню свою Царицу і Великую Княгиню Марѣу Ѳедоровну всеа Русии і на Государя своего Царя і Великого Князя Дмитрея Ивановича всеа Русии, какое лихое умышленье, и с тѣми людьми, хто будетъ в скопе и во всякомъ зломъ умышленьѣ, и мнѣ за нихъ Государей своихъ стояти и с-ызмѣнники ихъ битись до смерти. Такъ же мнѣ, отъ Государыни своей Царицы і Великие Княгини Марѣы Ѳедоровны всеа Русии і отъ Государя Царя і Великого Князя Дмитрея Ивановича всеа Русии, къ Турскому, и къ Цысарю, і к Литовскому Королю, і к Шпанскому, і ко Фрянцовскому, ни к Аглинскому, ни к Дацкому, ни к Свѣискому Королю, ни в Крымъ, ни въ Нагаи, ни в-ыные ни в которые Государства не отъѣхати, и не измѣнити имъ Государемъ ни в чемъ отнюдь никакими мѣрами.

Цѣлую сеи святыи і животворящии крестъ Господень на томъ: что мнѣ Государыне своей Царице і Великой Княгине

інокс Марѳе Федоровне всеа Русіі і Государю своєму Царю і Великому Князю Дмитрѳю Ивановичю всеа Русіі служити, і прямити і добра хотѳти во всемъ в правду, безо всякіе хитрости, по тому, какъ в сіи записе писано, и до своего живота, по сему крестному цѳлованью; а не учну язъ Государыне своей Царице і Великой Княгини інокс Марѳе Федоровне всеа Русіі і Государю своєму Царю і Великому Князю Дмитрѳю Ивановичю всеа Русіі по сему крестному цѳлованью, служити и прямити, или учну имъ Государемъ измѳнѳти, и не буди на мнѳ милость Божья и пречистыя Богородицы и великихъ чудотворцовъ Московскихъ и благословение и прощение всѳхъ вселенскихъ седми соборовъ.

А се припись дворляномъ :

А которые рѳчи услышу у своей Государыни Царицы и Великіе Княгини інокс Марѳы Федоровны всеа Русіі и у сына еѳ, Государя своего Царя и Великого Князя Дмитрѳя Ивановича всеа Русіі, и мнѳ тѳхъ рѳчей ихъ думы не приносити никому и до живота своего, и служити мнѳ своей Государынь Царицъ и Великой Княгинь інокс Марѳѳ Федоровнь всеа Русіі и сыну еѳ, Государю своему Царю и Великому Князю Дмитрѳю Ивановичю всеа Русіі, и ихъ землямъ добра хотѳти во всемъ в правду, безо всякіе хитрости, по сему крестному цѳлованью.

А се припись подъячимъ :

Такъ же мнѳ, будучи у Государыни Царицы и Великіе Княгини інокс Марѳы Федоровны всеа Русіі и сына еѳ, Государя своего, Царя и Великого Князя Дмитрѳя Ивановича всеа Русіі, дѳла всякіе дѳлати в правду и тайныхъ и всякихъ Государевыхъ дѳлъ и вѳстей никакихъ никому не сказывати, и Государевы казны всякіе и денегъ не красти, изъ книгъ изъ писцовыхъ и изъ отдѳльныхъ и изъ дачъ выписывать прямо, и мимо книгъ вѳ выписи ничего не написать которыми дѳлы, по сему крестному цѳлованью.

№ X.

РОСПИСЬ

Московскимъ Сенаторамъ :

СОВѢТЬ ЕГО ЦЕСАРСКОЙ МИЛОСТИ ДУХОВНЫХЪ И СВѢТСКИХЪ ПЕРСОНЪ.

Совѣтъ Духовныхъ :

Святѣйшій отецъ Патріархъ, который сидитъ по правую руку его Цесарской милости, самъ одинъ.

По немъ засѣдаетъ въ первомъ мѣстѣ Митрополитъ Великаго Новагорода и Великихъ Лукъ.

Митрополитъ Казанскій и Свѣжскій.

Митрополитъ Ростовскій и Ярославскій.

Митрополитъ Сарскій и Подонскій.

Архіепископъ Вологодскій и Велико-Пермскій.

Архіепископъ Суздальскій и Тарусскій.

Архіепископъ Рязанскій и Муромскій.

Архіепископъ Смоленскій и Брянскій.

Архіепископъ Тверскій и Кашинскій.

Архіепископъ Архангельскій.

Архіепископъ Астраханскій и Терскій.

Епископъ Коломенскій и Коширскій.

Епископъ Псковскій и Изборскій.

Епископъ Корельскій и Орѣшскій.

Совѣтъ свѣтскихъ :

Перваго класса болре :

Князь Оедоръ Ивановичъ Мстиславскій.

Князья Василій и Дмитрій Ивановичи Шуйскіе, братья.

Князь Иванъ Михайловичъ Воротынскій.

Михайло Оедоровичъ Нагой, конюшій великій.

Князь Никита Романовичъ Трубецкій.

Андрей, Михайло и Аванасій Александровичи Нагіе, братья.

Князь Василій Михайлович Мосальскій, дворецкій великій.

Князь Иванъ Ивановичъ Пуговка-Шуйскій.

Князь Андрей Романовичъ Трубецкій.

Григорій Оедоровичъ Нагой.

Князь Иванъ Ивановичъ Шпакъ-Голицынъ.

Князья Василій, Иванъ и Андрей Васильевичи Голицыны,
братья.

Петръ Оедоровичъ Басмановъ.

Петръ Никитичъ Шереметевъ.

Князь Василій Кардануговичъ Черкасскій-Кабардинскій.

Оедоръ Ивановичъ Шереметевъ.

Князь Андрей Петровичъ Куракинъ.

Князь Борисъ Петровичъ Татевъ Стародубскій-Ряполов-
скій.

Князь Иванъ Семеновичъ Куракинъ.

Иванъ Никитичъ Романовъ.

Князь Оедоръ Ивановичъ Хворостинъ-Ярославскій.

Михайло Гльбовичъ Солтыковъ.

Князь Иванъ Никитичъ Большой Одоевскій.

Богданъ Яковлевичъ Бьльскій, оружейничій великій.

Князь Андрей Андреевичъ Телтевскій.

Михайло Богдановичъ Сабуровъ.

Князь Семень Андреевичъ Куракинъ.

Князь Владиміръ Васильевичъ Кольцовъ-Мосальскій.

Князь Данило Борисовичъ Пріимковъ-Ростовскій.

Князь Оедоръ Тимоѳеевичъ Долгорукій.

Князь Михайло Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій, мечникъ
великій.

Составъ другихъ окольныхъ :

Михайло Борисовичъ Шеннъ.

Василій Петровичъ Морозовъ.

Князь Иванъ Дмитріевичъ Хворостининъ-Ярославскій.

Михайло Михайловичъ Салтыковъ.

Василій Яковлевичъ Щелкаловъ.

Князь Владиміръ Ивановичъ Клубковъ-Мосальскій.

Князь Григорій Борисовичъ Долгорукій.

Князь Александръ Оедоровичъ Жировый-Засѣкинъ.

Иванъ и Василій Петровичи Головины, братья.

Князь Григорій Петровичъ Ромодановскій.

Иванъ Оедоровичъ Колычевъ.

Князь Иванъ Ивановичъ Курлятевъ-Оболенскій, подчашій великій.

Алексій Романовичъ Плещеевъ.

Князь Борисъ Михайловичъ Лыковъ-Оболенскій, кравчій великій.

Богданъ Ивановичъ Сутуповъ, печатникъ и секретарь великій.

Аѳанасій Ивановичъ Власевъ, подскарбій надворный и секретарь великій.

Дворяне, которые также въ Соборъ застѣдали :

Гаврило Григорьевичъ Бобрищевъ-Пушкинъ, Сокольничій великій.

Яковъ Васильевичъ Зюзинъ.

Василій Борисовичъ Сукинъ.

Григорій Ивановичъ Микулинъ.

Артемій Васильевичъ Измайловъ.

Андрей Матвѣевичъ Воейковъ ясльничій.

Роспись сія, по Польски, писана рукою Салозванцева Секретаря Яна Бугинскаго.

№ XI.

БОЯРСКІЙ ПРИГОВОРЪ

О БѢГЛЫХЪ КРЕСТЬЯНАХЪ.

Лѣта 7114 Февраля въ 21 день, по Государеву Цареву и Великому Князю Дмитрею Ивановичу всеа Русіи слову, бояре приговорили: которые бояре и дворяне и дѣти боярскіе, и владычныхъ и монастырскихъ вотчинъ, бьютъ челомъ Государю о судѣ въ бѣглыхъ крестьянѣхъ, до 110 году, до голодныхъ годовъ за годъ, на посады и въ Государевы въ дворцовыя села и въ черныя волости, и за помѣщиковъ и за вотчинниковъ, во крестьяне и въ холопи, и тѣхъ приговорили сыскивал отдавати старымъ помѣщикомъ. А которые крестьяне бѣжали во 110 и во 111 году, въ голодные годы, съ животы, а прожити было имъ мочно, а пришли за иныхъ помѣщиковъ или за вотчинниковъ жити во крестьяне и въ холопи, и тѣхъ сыскивал отдавати старымъ помѣщикомъ и вотчинникомъ. А которые бѣжали съ животы въ далныя мѣста изъ - за Московскихъ городовъ на Украйны, а съ Украйны въ Московскіе города, или изъ города въ городъ, верстѣ за двѣсти и за триста и болши, а пошли отъ старыхъ своихъ помѣщиковъ съ животы и ростерявъ животы пришли къ инымъ помѣщикомъ въ бѣдности, и про то сыскати около тѣхъ помѣстей, откуда тотъ крестьянинъ пошелъ: да будетъ въ сыску околніе люди скажутъ, что онъ былъ не бѣденъ и сбѣжалъ отъ своего помѣщика или отъ вотчинника съ животы, а прокормитися было ему мочно, а нынѣ за кѣмъ во крестьянѣхъ или у кого служить по кабаль, и того по сыску отдать старому помѣщику или вотчиннику, изъ за кого онъ сбѣжалъ, каковъ есть; а про котораго крестьянина скажутъ, что онъ, въ тѣ голодные лѣта,

отъ помѣщика или отъ вотчинника сбрелъ отъ бѣдности , что было ему прокормиться не мочно , и тому крестьянину жити за тѣмъ , кто его голодные лѣта прокормилъ , а исцу отказати : не умѣлъ онъ крестьянина своего кормити въ тѣ голодные лѣта , а нынѣ его не пытай. А которые крестьяне , въ голодные лѣта , во 110 и во 111 году , и до 112 году , пришли въ холопи къ своимъ или къ стороннимъ помѣщикамъ и вотчинникомъ , и кабалы служилыя на себя подавали , а старыя ихъ помѣщики или вотчинники учнутъ ихъ вытягивати изъ холопства по крестьянству , и того сыскивати накрѣпко : будетъ шель отъ бѣдности и животовъ у него не было ничего , и тѣмъ исцамъ отказывати : въ голодные лѣта тотъ помѣщикъ или вотчинникъ прокормитъ его не умѣлъ , а собою онъ прокормится не въ мочь , и отъ бѣдности , не хотя голодною смертью умереть , билъ челомъ въ холопи , а тотъ его принявъ , въ голодные годы прокормилъ и себя истощилъ , проча себя , и нынѣ того крестьянина изъ холопства во крестьяне не отдавати , а быти ему у того , кто его голодные лѣта прокормилъ , а не отъ самыя бы нужи въ холопи онъ не пошелъ. А которые кабалныя люди учнутъ оттягиватися , а учнутъ говорити , взявъ его помѣщикъ во дворъ съ пашни сильно и взявъ кабалу , а ему было самому прокормиться не мочно , и о томъ сыскивати крепостями , въ которое время и въ которыхъ годѣхъ кабалы писаны : будетъ на Москвѣ или въ городѣхъ въ книги писаны , и по тѣмъ кабаламъ въ холопи выдавати , потому , ималъ бы на него кабалу сильно , и онъ бы о томъ у записки билъ челомъ , а которыя кабалы въ книги не записаны , и тѣмъ вѣрити не чего. А которые крестьяне изъ за кого бѣжали до 110 году , голодныхъ лѣтъ за годъ , и которые послѣ голодныхъ лѣтъ за годъ , во 113 году и въ нынѣшнемъ во 114 году , и про тѣхъ крестьянъ сыскивая , отдавати прежнимъ помѣщикомъ и вотчинникомъ ; а въ чемъ будетъ споръ , и въ томъ давати судъ. А которые крестьяне пошли въ холопи до голодныхъ лѣтъ , и тѣхъ сыскивая по крестьянству изъ холопей выдавати. А на бѣглыхъ крестьянъ , по старому приговору , далъ пяти лѣтъ суда не давати.

№ XII.

П И С Ь М О

Польскаго Короля Сигизмунда III къ Самозванцу Отрепьеву, привезенное Паномъ Гонсьвскимъ.

Отъ Найяснѣйшаго, Великаго, Божьею милостию Короля Польскаго, Великаго Князя Литовскаго, Рускаго, Прускаго, Жмудскаго, Мазовецкаго, Подольскаго, Кіевскаго, Вольшинскаго, Инфляндскаго, Эстляндскаго, и наслѣдственнаго Короля Шведскаго, Готскаго, Вандальскаго, Князя Финляндскаго.

Великому Государю, Божьею милостию и Великому Князю Дмитрію Ивановичу Владимірскому, Московскому, Новгородскому, Казанскому, Астраханскому, Псковскому, Вятскому, Югорскому, Болгарскому и другихъ государствъ Государю поздравленіе и желаніе всѣхъ утѣшеній отъ Господа Бога на долгія лѣта при добромъ здравіи, къ пользѣ и утѣшенію всего христіанства и нашихъ государствъ.

Мы всегда оказывали доброе наше расположеніе къ Вамъ Великому Государю и желали, дабы Всевышній благополучно окончилъ начатое дѣло, наипаче когда находился въ угнетеніи, какъ Великій Государь увѣдомлялъ насъ, и какъ о томъ изъ другихъ мѣстъ доходили къ намъ извѣстія. Теперь слыша о благополучномъ ходѣ дѣлъ Вашихъ въ отчинномъ Вашемъ Государствѣ, мы не можемъ, какъ только очень тому радоваться и благодарить Бога. Желая же имѣть о томъ успѣхъ вѣрнѣйшее извѣстіе, посылаемъ нарочно Посла, дворянина и Секретаря Нашего Старосту Велижскаго Дворянина Александра Корвина Гонсьвскаго, которому Великій Государь дай вѣру, что скажетъ отъ нашего имени, и черезъ него увѣдомъ насъ о своемъ здравіи и о своихъ дѣлахъ. Писано въ Краковъ 23 Августа 1605 года.

№ XIII.

Н А К А З Ъ ,

ДАВНИЙ ОТЬ ЛжеДМИТРИЯ ОГРЕПЬЕВА Папскому посланнику
Графу Рангони для донесенія Польскому Королю.

Первое сказати то наяснѣйшему Королю , что со многихъ мѣрь , также із грамотъ , которые к намъ ис Полши приходятъ , вѣдомо то , что его Королевская милость о нашей любви к себѣ і ко всему Королевскому Полскому и Великому Княжеству Литовскому нѣкакую невѣрность имѣеть ; а того невѣдаю , для какихъ причинъ то дѣлаецца , добръ тому дивимся .

в е. Укажи и то его Королевской милости , что противъ нашего наказу не хочетъ намъ писати титлы Цесарские его Королевская милость , и мнѣ то недобръ надобно . А не есть іная мѣра , толко нелюбовь і измѣна подданныхъ нашихъ , і догадываюцца , с нѣкоторые потайныя ссылки нашей съ его Королевскою милостью , что мы хотѣли отдать х Королевству нѣкоторые часті земли Государствъ ншихъ , і то , что хотѣли мы прилучитись х корунѣ Полской ; а такого умысленья і измѣны не возможно ныне оберегаться , доколѣ усмиримъ еще Государство то , і для нужи и измѣны подданныхъ такимъ обычаемъ являлся лзъ Королю его милости , и въ сердце ничего іного нелюбовнаго не имѣли есмя , толко великую милость і любовь противъ его Королевские милости .

г е. Скажи то всему Королевству Полскому и Великому Княжеству Литовскому , а болші всѣхъ Королю его милости ,

что мы в добродѣтели его і в любви, которую намъ являлъ і в нашей потребе пособлялъ, не забыли, чтимъ его Королевскую милость не токмо въ брата мѣсто, за отца себѣ имѣю і почитаю, и ни в чемъ намъ такого не будетъ, чегобъ мы для его Королевские милости не учинили. А изменникъ Королевской Карлусъ Судерманъ вскорѣ над собою увидитъ, только жду подлинныя вѣсти отъ его Королевские милости, какъ с нимъ дѣлати похочетъ.

д е. А о титулѣ нашемъ объявляю его Королевской милости, что мы о немъ говорить не перестанемъ, потому что намъ подобаетъ, а никакие не любви или войны для того титула съ его Королевскою милостью і с Великимъ Княжествомъ Литовскимъ начинати не хотимъ; а чаю того отъ Короля его милости і жду, что ко мнѣ, по своей братской любви і милости, в такомъ праведномъ дѣле намъ і самъ еще пособитъ.

з. е. О послѣхъ нашихъ великихъ, которыхъ хотѣли мы послати на большой соимъ; і прежь сего о томъ писали до Короля его милости; а ине то отсрочили на иное время, чтобъ намъ прежь с. велможнымъ паномъ съ Юрьемъ Мнішкомъ с воеводою Сендамирскимъ і с тѣми, которыхъ отъ Короля его милости ждемъ, о дѣлехъ поговорити о вѣчномъ перемирье и покое с Королевствомъ Полскимъ і с Великимъ Княжествомъ Литовскимъ, толко отъ Короля его милости будетъ с нимі о томъ наказъ.

с. е. Просилъ насъ прежь сего неодинова Король его милость, чтобъ мы Густава, которой именуеъ себя сыномъ Короля Шведцкаго Ирика, задержали не какъ Королевича, но такъ какъ его уроженъ есть; и то мы являемъ его Королевской милости, что мы его, по его Королевской воле, держимъ и ждемъ, что болші того надъ нимъ велитъ его Королевская милость дѣлати.

А у сего писма, что послано с посланникомъ с Олександромъ, в низу приписъ ростригина по Полску: Дмитрей Царь.

А печать у писма тайная.

№ XIV.

РОСПИСЬ

ПОДАРКАМЪ ВРУЧЕННЫМЪ ВЛАСЬЕВЫМЪ ВЪ КРАКОВЪ МАРИНЪ МНИШКОВОЙ И ЕЯ ОЦУ.

Маринъ:

Во первыхъ отъ Государыни матери, Царицы и Великія Княгини всея Руссіи, Инокини Марѣы Ѳеодоровны, благословеніе, Образъ пресвятыя Троицы, богато оправленный въ золоть и съ камнями.

Отъ Государя Царя и Великаго Князя Димитрія:

1. Перстень золотой съ алмазомъ.
2. Крестъ съ немалыми алмазами и двумя большими жемчужинами, на ономъ лаловая змѣя, а подъ нею Моисей изпещренный разными каменьями.
3. Перо не малое оправленное въ золоть съ лалами, на коемъ висѣли три весьма большія и драгоценныя жемчужины.
4. Запона съ алмазами, лалами и крупнымъ жемчугомъ величиною съ малую грушу.
5. Сосудъ изъ чистаго драгоценнаго камня, изображающій птицу съ крыльями.
6. Чарка гіяцинтовая, оправленная въ золоть.
7. Волъ золотый съ каменьями стоящій на ногахъ, во внутренности коего находился разный домашній приборъ.
8. Крестикъ унизанный лалами и семью большими жемчужинами.
9. Чара большая золотая съ каменьями и жемчугомъ.
10. Золотой пеликанъ.

11. Сосудъ серебряный золоченый, изображающій человека на оленѣ, у коего высокія рога изъ коралла.

12. Корабль многоцвѣтный изъ каменьева, золота и жемчуга; вещь пріятная и удивленія достойная.

13. Пава золотая съ красиво распущеннымъ и раззолоченнымъ хвостомъ, коего перья тряслись какъ на живой птицѣ.

14. Часы, на коихъ слонъ съ башнею, золотые, и кои можно почестъ за диво. Играли по Московскому обычаю, разные штуки громко и внятно, били въ бубны, трубили изъ двѣнадцати трубъ и долго оглушали уши слушателей; потомъ играли на флейтахъ и наконецъ били часа два.

15. Чарка коралловая.

16. Шестнадцать сороковъ соболей, коихъ въ такомъ количествѣ не часто случается людямъ видѣть.

17. Нѣсколько штукъ Венеціанскаго бархату, алаго съ золотомъ.

18. Большая штука бѣлаго глазета, въ коей до ста локтей.

19. Одна штука парчи золотой и другая серебряной.

20. Атласу желтаго съ каймою изъ золота и алаго и бѣлаго шелку.

21. Нѣсколько штукъ Турецкаго атласу, по серебряному дну, шелковыя узоры изображающія короны и мѣсяцы.

22. Нѣсколько штукъ Турецкаго атласу по лазоревому дну съ узорами шелковыми съ золотомъ.

23. Атласу желтаго на бѣюмъ шелковомъ днѣ съ золотомъ и серебромъ.

24. Глазету бѣлаго съ серебромъ гладкаго.

25. Глазету вишневаго съ золотомъ.

26. Бархату алаго гладкаго.

27. Бархату лазореваго гладкаго.

28. Бархату зеленаго узорчистаго.

29. Четыре тысячи осмнадцать лотовъ жемчугу.

Отъ Посла Московскаго:

Золототканый персидскій коверъ съ узорами съ обѣихъ сторонъ.

Одинъ сорокъ соболей.

Папу Восвѣди

отъ Царя:

Конь въ яблокахъ; сѣдло алаго бархата въ золотой оправѣ съ каменьями; при ономъ стремяна стальные позолоченныя; оголовокъ алаго бархата съ оправою золотою и перломутробою, также и нашейникъ, наперсье и пахви.

Бунчукъ съ золотой головкой.

Булава золотая съ каменьями.

Чарка изъ золота съ каменьями.

Четыре Персидскихъ ковра.

Шуба чернолисыя.

Шалка чернолисыя.

Шесть сороковъ соболей.

Три кречета съ золотыми колокольчиками и жемчужными наголовками; для держанія ихъ рукавицы золотыя Турецкія.

Отъ Посла самаго:

Два сорока соболей.

№ XV.

Г Р А М О Т А

Царя Василья Іоанновича въ Пермь Великую, о возшествіи его на престолъ, съ приложениемъ двухъ подкрестныхъ записей.

І. Отъ Царя и Великаго Князя Василья Івановича всеа Русіи, въ Пермь Великую, Князю Семену Юрьевичу Вяземскому да подъячому Івану Ѳедорову. Праведнымъ судомъ Божиимъ, а за нашъ грѣхъ и всего православнаго крестьянства, богоотступникъ, еретикъ, рострига, воръ Гришка Богдановъ сынъ Отрепьевъ, своимъ воровствомъ и чернокнижствомъ назвавъ себя Царевичемъ Димитріемъ Івановичемъ Углецкимъ, омраченъ бѣсовскимъ прелестилъ многихъ людей, а иныхъ устрашалъ смертнымъ убійствомъ, былъ на Московскомъ государствѣ Государемъ, и церкви Божіи осквернилъ, и хотѣлъ истинную крестьянскую вѣру попати и учинить Люторскую и Латынскую вѣру, и по своему злокозненному умыслу всѣхъ крестьянъ хотѣлъ отъ Бога отвести: и Богъ милосердый, нехотя злокозненного помысла исполнить, всѣмъ людямъ его воровство и еретичество объявилъ, и за то Гришка, противъ своего злодѣйственнаго дѣла принялъ отъ Бога возмездіе, злъ животь свой скончалъ; а насъ всѣхъ православныхъ крестьянъ милосердый Богъ, по своей неизреченной милости, отъ его злодѣйственнаго умысла и отъ оскверненія избавилъ. А умыслъ его бѣсовской былъ таковъ: взты въ хоромъхъ его грамоты многія ссылочныя, воровскія, съ Полшею и Литвою, о разорень Москвскаго го-

сударства, да тутожь грамота къ нему къ вору отъ Римско-го Папы, а въ грамоть писано, чтобъ онъ держалъ крѣпко свою Латынскую вѣру и дѣти бѣ его, которые будутъ впредь по немъ, также въ той вѣрѣ были; а для укрѣпленія Римскія вѣры прислалъ къ нему законника своего попа, а писалъ объ немъ, что онъ его вѣру утвердить, и тотъ Папинъ попъ, по своимъ дѣломъ, также злую смерть припалъ. Да послѣ смерти жъ того вора Гришки, объявилъ Полякъ, которой жилъ у него близко, что было тому вору ростригъ вести нарядъ пупечной болшой съ города и изъ казны весь, для стрѣлбы, и вхатъ было ему за посадъ, а болромъ и дворяномъ и всякимъ людемъ быти было съ нимъ же на стрѣлбѣ, а Литовскимъ людемъ всѣмъ, коннымъ и пѣшимъ, быти было съ нимъ же всѣмъ вооруженнымъ, съ копыи и съ пицалми, будто для потѣхи, и прѣхавъ было къ наряду всѣхъ бояръ и думныхъ людей и болшихъ дворянъ побить, и росписано было у него имена всѣмъ, кому кого побить указано; а побивъ и прѣхавъ въ городъ роздавати было ему тестю своему, воеводѣ Сандомирскому, и его родству многіе города и наша царская казна, что осталась за его воровскимъ расточеньемъ, и всѣхъ было православныхъ крестьянъ приводити въ Люгорскую и въ Латынскую вѣру; да по своему злодѣйскому умыслу, нарядъ весь пупечной вывезъ, и то знатно, что было такъ ему чинити. Да намъ же и Болромъ нашимъ сказывалъ Золотой Кваниненъ, которой измѣнилъ, отъѣхалъ отъ великаго Государя Царя и Великаго Князя Ивана Васильевича всеа Русіи въ Литву, умыслъ того вора Гришки, что онъ, будучи въ Литвѣ, поступился Королю Смоленска и Сѣверскія земли всея, а тестю своему воеводѣ Сандомирскому и родству его многіе города въ вотчину, и на томъ на всемъ ему присягалъ, и хотѣлъ разорити Московское государство. И мы, слыша и видя то, всесилному Богу хвалу воздаемъ, что отъ такого злодѣйства избыли. И послѣ того, прося у Бога милости, Митрополиты, и Архіепискупы, и Епискупы, и весь освященный соборъ, также и бояре, и дворяне и дѣти боярскіе, и всякіе люди Московскаго государства, избирали всѣмъ Московскимъ государст-

вомъ, кому Богъ изволить быти на Московскомъ государствѣ Государемъ: и били намъ челомъ Митрополиты, и Архіепискупы, и Епискупы, и весь освященный соборъ, и бояря, и околничіе, и дворяне, и приказные люди, и столники, и стряпчіе, и дѣти боярскіе, и гости, и торговые и всякіе люди Московскаго государства, чтобъ намъ быти на Московскомъ государствѣ Государемъ, Царемъ и Великимъ Княземъ, по степени прародителей нашихъ, его жъ дарова Богъ великому Государю Рюрику, иже бѣ отъ Римскаго Кесаря, и потомъ многими лѣты и до прародителя нашего великаго Государя Александра Ярославича Невскаго, отъ него же прародители наши на Суздальской удѣль по родству раздѣлишася. И мы великій Государь Царь и Великій Князь Василей Ивановичъ всеа Русіи, за волею Божіею и за прошеніемъ богомолцовъ нашихъ Митрополитовъ, и Архіепискуповъ, и Епискуповъ, и всего освященнаго собора, и за челобитѣемъ бояръ и околничихъ, и дворянъ, и всякихъ людей Московскаго государства, и по колѣнству нашему, учинились есмь на Московскомъ государствѣ Государемъ, Царемъ и Великимъ Княземъ всеа Русіи, и съ Божіею помощію хотимъ держати Московское государство потому жъ, какъ прародители наши великіе Государи Російскіи Цари, а васъ всѣхъ хотимъ жаловати и любити свѣше прежнего и смотря по вашей службѣ; на томъ на всемъ язь Царь и Великій Князь Василей Ивановичъ всеа Русіи, въ соборной церкви Пречистыя Богородицы, предо всеми людьми цѣловаль Животворящій крестъ всѣмъ людямъ Московскаго государства, а бояре наши, и дворяне, и дѣти боярскіе, и гости, цѣловали намъ крестъ по записи; а по которой записи цѣловаль язь Царь и Великій Князь, и по которой записи цѣловали бояре и вся земля, и мы тѣ записи послали къ вамъ. — И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, и вы бѣ тогъ часъ велѣли быти въ соборную церковь игуменомъ и всему освященному собору, и дворяномъ, и дѣтемъ боярскимъ, и приказнымъ людямъ, и гостемъ, и торговымъ и всякимъ людямъ, и сю нашу грамоту велѣли бѣ естя вычесть всѣмъ людямъ въ слухъ, и о такомъ великомъ неизре-

ченномъ милосердѣ Божіи воздали бѣ естя хвалу всесилому въ Троицѣ славимому Богу, что насъ и васъ всѣхъ православныхъ крестьянъ не предалъ въ руку врагу и богоотступнику и что непорочная истинная наша крестьянская вѣра не порушилась; и пѣли бѣ естя молебны въ соборной церкви и по всему граду по три дни, съ звономъ, и молили бѣ естя всесилоного и челолюбивого въ Троицѣ славимаго Бога нашего и Пречистую Богородицу, нашу крестьянскую надежу и заступницу, и великихъ чудотворцовъ и всѣхъ святыхъ о устроеніи всего міра и о благосостояніи святыхъ Божіихъ церквей, и о нашемъ о многолѣтнемъ здравіи, и о всемъ православномъ крестіанствѣ, чтобъ Господь Богъ отвратилъ свой праведной гнѣвъ и подаровалъ миръ и тишину, и устроилъ бы всему православному крестіанству полезная, чтобъ церкви Божіи впрѣдъ стояли неподвижно и истинная православная крестіанская вѣра была нерушима; и вычеччи наши грамоты всѣмъ въ слухъ, цѣловали бѣ естя намъ крестъ по той записи, по которой цѣловали бояре и вся земля, и впередъ бы естя намъ великому Государю служили и прямили и добра хотѣли такъ же, какъ естя обykle служити прежнимъ великимъ Государемъ Царемъ Російскимъ, прародителемъ нашимъ; а мы великій Государь Царь и Великій Князь Василей Ивановичъ, всеа Русіи Самодержецъ, хотимъ васъ жаловать и любить свѣше прежнего. Писанъ на Москвѣ, лѣта 7114 Маія въ 20 день.

II. «Божією милостію мы великій Государь Царь и Великій Князь Василей Ивановичъ всеа Русіи, щедрогами и челолюбіемъ славимаго Бога, и за моленіемъ всего освященного Російского собора, и по челобитію и прошенію всего православнаго христіанства, учинилися есмь на отчинъ прародителъ нашихъ, на Російскомъ государствѣ Царемъ и Великимъ Княземъ, его же дарова Богъ прародителю нашему Рюрику, иже бѣ отъ Римского Кесаря, и потомъ многими лѣты и до прародителя нашего Великого Князя Александра Ярославича Невского на семъ Російскомъ государствѣ быша прародители мои, и по семъ на Суздальской удѣль роздѣлишась, не отнятіемъ и не отъ неволи, но по

родству, яко же обькли бошая братья на бошая мѣста сѣдати: и нынѣ мы великій Государь, будучи на престолѣ Російского царствія, хотимъ того, чтобъ православное христіанство было нашимъ царьскимъ доброопаснымъ правительствомъ въ тишинѣ и въ покоѣ и благоденствѣ, и поволѣлъ есми язь Царь и Великій Князь Василей Ивановичъ всеа Русіи цѣловати крестъ на томъ, что мнѣ великому Государю всякого челоуѣка, не осудя истиннымъ судомъ съ бояры своими, смерти не предати и вотчинъ и дворовъ и животовъ у братьи ихъ и у женъ и у дѣтей не отымати, будетъ которые съ ними въ мысли не были; также у гостей и у торговыхъ и у черныхъ людей, хоти которой по суду и по сыску дойдетъ и до смертныя вины, и послѣ ихъ у женъ и у дѣтей дворовъ и лавокъ и животовъ не отымати, будетъ съ ними они въ той винѣ невинны; да и доводовъ ложныхъ мнѣ великому Государю не слушати, а сыскивати всякими сыски накрѣпко и ставити съ очей на очи, чтобъ въ томъ православное христіанство безвинно не гибли; а кто на кого солжетъ, и сыскавъ того казнити, смотря по винѣ его, что былъ взвелъ неподѣлно, тѣмъ самъ осудится. На томъ на всемъ что въ сей записи писано, и язь Царь и Великій Князь Василей Ивановичъ всеа Русіи цѣлую крестъ всемъ православнымъ крестьяномъ, что мнѣ ихъ, жалуя, судити истиннымъ праведнымъ судомъ, и безъ вины ни на кого опалы своей не класти, и недругомъ никому никого въ неправдѣ не подавати, и ото всякого насилства оберегати.»

III. «Я имярекъ цѣлую крестъ Государю своему Царю и Великому Князю Василью Ивановичу, всеа Русіи Самодержцу, и его Царицѣ и Великой Княгинѣ, и ихъ Царьскимъ дѣтемъ, которыхъ имѣ Государемъ впредѣ Богъ дастъ, на томъ: служити мнѣ ему, Государю своему, и прямити и добра хотѣти во всемъ выравду, безо всякія хитрости; а лихо мнѣ Государю своему, Царю и Великому Князю Василью Ивановичу всеа Русіи никакова не хотѣти, ни мысли, ни думати, ни которыми дѣлы, ни которою хитростью; и въ ѣствѣ и въ питѣ, ни въ платѣ, ни въ иномъ въ чемъ лиха никакова не учинити и не испортити, ни зелья лихого и

коренья не давати. А кто мнѣ учнетъ о какомъ лихѣ говорить на нихъ Государей, и мнѣ того челоуька не слушати, и зелья лихого и коренья у того челоуька не имати, и поймавъ того челоуька сказати про него Государю или его ближнимъ людемъ; а будетъ за которыми мѣрами понимать не лучится и мнѣ про того челоуька тотъ-часъ сказати Государю. Также мнѣ, опрочъ Государя своего Царя и Великого Князя Василья Ивановича всеа Русіи, на Московское государство иного Государя и изъ иныхъ Государствъ и изъ своихъ ни кого не искати, и не хотѣти, и не мыслити, и не измѣнити ему Государю ни въ чемъ; и съ измѣнники его, которые ему Государю служити не учнутъ, а учнутъ измѣняти, и съ ихъ родствомъ и совѣтники ни на какое лихо не ссылатись писмомъ и иными никакими мѣры, и не измѣнити мнѣ Государю своему Царю и Великому Князю Василью Ивановичу всеа Русіи ни въ чемъ, и государства подъ нимъ Государемъ не подыскивати, и скопомъ и заговоромъ и всякимъ умышленьемъ ни на кого не приходити, и недружбы своей никому не мстити, и никого безъ Государева вѣдома не убити; а у кого свѣдаю скопы, или злое которое умышленье и совѣтъ, на Государя своего Царя и Великого Князя Василья Ивановича всеа Русіи какое лихое умышленье, и съ тѣми людьми, кто будетъ въ томъ скопъ и во всякомъ зломъ умышленьѣ; и мнѣ за него Государя своего стояти и съ измѣнники ихъ битися до смерти. Также мнѣ отъ Государя своего Царя и Великого Князя Василья Ивановича всеа Русіи ни въ которое государство не отъѣхати и не измѣнити ему Государю ни въ чемъ, отнюдь, никакими мѣрами, по сему крестному цѣлованью.»

«Цѣлую сей святый и Животворящій крестъ Господень на томъ, что мнѣ Государю своему, Царю и Великому Князю Василью Ивановичу всеа Русіи, служити и прями и добра хотѣти во всемъ вправду, безо всякія хитрости, по тому, какъ въ сей записи писано, и до своего живота, по сему крестному цѣлованью.»

№ XVI.

ОКРУЖНАЯ ГРАМОТА

отъ Царицы Марѣи Фѣдоровны къ воеводамъ Сибирскихъ городовъ, о убѣненіи Лжедмитрія и о избраніи Царя Василія Іоанновича.

Отъ Царицы и Великія Княгини иноки Марѣи Фѣдоровны всея Русіи, въ Сибирь, въ Туринской острогъ воеводу нашему Ивану Никитичу Годунову, и служивымъ и торговымъ и всякимъ людямъ. Судомъ Божиимъ, а за нашъ грѣхъ и всего православнаго Христіанства, богоотступникъ, еретикъ, рострига, воръ Гришка Богдановъ сынъ Отрепьевъ, своимъ вѣдовствомъ и чернокнижствомъ, назвалъ себѣ сыномъ Великаго Государя Царя и Великаго Князя Ивана Васильевича всея Русіи, нашимъ Царевичемъ Дмитремъ Ивановичемъ, и омраченіемъ бѣсовскимъ прельстилъ въ Польшу и въ Литву многихъ людей, и съ ними пришедъ въ нашу Сѣверскую землю; въ Митревскомъ и въ Черниговъ прельстилъ всѣхъ людей, а иныхъ устрасилъ смертнымъ убивствомъ, да и не токмо васъ и бояръ нашихъ, и дворянъ, и дѣтей боярскихъ, и служивыхъ и жилецкихъ людей, и насъ самихъ и съ родители нашими устрасилъ смертію; былъ на Московскомъ Государствѣ и церкви Божіи осквернилъ, и вѣру Христіанскую хотѣлъ поupati, взялъ дѣвку изъ Польши Латынскія вѣры, и не крестилъ ее, вѣнчался съ нею въ соборной церкви пречистыя Богородицы, и помазалъ ее муромъ и вѣнчалъ ее Царскимъ вѣнцомъ, и учинити хотѣлъ въ Россійскомъ Государствѣ Люторскую и Латынскую вѣру, и по своему злокозненному умыслу, всѣхъ хотѣлъ отъ Бога отвести; и Богъ милосердый, не хотя его злокозненнаго по-

мысла исполнити всемъ людямъ его воровство и еретичество объявилъ, и язъ болярюмъ и дворяномъ и всемъ людямъ о томъ объявила прежь сего тайно, а нынѣ всемъ явно, что онъ не нашъ сынъ Царевичъ Дмитрей, воръ, богоотступникъ, еретикъ; а сынъ нашъ Царевичъ Дмитрей Ивановичъ убитъ на Угличѣ передо мною и передъ братьею моею, отъ Бориса Годунова, а нынѣ онъ лежитъ на Угличѣ; и бояре и дворяне многіе про него вѣдаютъ, а того вора и богоотступника Гришку многіежъ люди знали, только боялись смертнаго убивства. А нынѣ, по Божіей милости и Его праведными судьбами, тотъ воръ Гришка, по своимъ злодѣйственнымъ дѣламъ, возмездіе отъ Бога и казнь пріимъ, а какъ надъ нимъ по его дѣламъ учинилося, и я съ братьями всемъ людямъ Московскаго Государства подлинно сказывали, что сынъ нашъ Царевичъ Дмитрей Ивановичъ убитъ отъ Бориса и погребенъ на Угличѣ, а тотъ воръ назывался Царевичемъ Дмитриемъ ложно; а какъ онъ своимъ вѣдовствомъ и чернокнижествомъ пріѣхалъ изъ Путимля къ Москвѣ, на Московское Государство, и онъ, вѣдалъ свое воровство, по насъ Великую Государыню не послалъ многое время, а прислалъ къ намъ своихъ совѣтниковъ, а велѣлъ того беречи накрѣпко, чтобъ къ намъ ни кто не приходилъ, и съ намибъ объ немъ никто не разговаривалъ; а какъ велѣлъ насъ къ Москвѣ привести, и онъ на встрѣчѣ былъ у насъ одинъ, а бояръ и иныхъ никакихъ людей съ собою пускать къ намъ не велѣлъ, и говорилъ намъ съ великимъ прещеньемъ, чтобъ мнѣ его не обличити, претя намъ и всему нашему роду смертнымъ убивствомъ, чтобъ намъ тѣмъ на себя и на весь родъ свой злая смерти не навести, и посадилъ меня въ монастырь, и приставилъ ко мнѣ по томужъ своихъ совѣтниковъ, и остерегати того велѣлъ накрѣпко, чтобъ его воровство было не явно, а я для его пристрастья, объявити въ народъ его воровство явно не смѣла; а нынѣ насъ и васъ православныхъ Христіанъ всехъ милосердый Богъ, по Своей неизреченной милости, отъ его злодѣйственнаго умысла и отъ оскверненія избавилъ, и по своимъ сквернымъ дѣламъ онъ и возмездіе отъ Бога и казнь пріимъ. И послѣ того, прося у Бога милости, язъ,

и Митрополиты, и Архіепископы, и Епископы и весь освященный соборъ, также и бояре, и дворяне, и дѣти боярскіе и всякіе люди Московскаго Государства избирали вѣсмъ Московскимъ Государствомъ, кому Богъ изволитъ быти на Московскомъ Государствѣ Государемъ; и всесильный и въ Троицы славимый Богъ нашъ на насъ и на васъ милость Свою показалъ, объявилъ Государя на Московское Государство Великаго Государя Царя и Великаго Князя Василья Ивановича всея Русіи Самодержца, Государя благочестиваго, и по Божіей церкви и по православной Христіанской вѣрѣ поборателя, и отъ корени Великихъ Государей Россійскихъ, отъ Великаго Государя Александра Ярославича Невскаго, и многое смертное изгнаніе за православную вѣру съ братьею своею во многія лѣта претерпѣли, а наипаче всѣхъ отъ того вора и богоотступника и еретика смертію пострадали. И какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ, и тыбѣ тотъ часъ велѣлъ попомъ и дьякономъ, и всякимъ служивымъ и чернымъ людямъ быти къ соборной церкви; а какъ сберутся всѣ люди, и тыбѣ сю нашу грамоту велѣлъ вычестъ вѣсмъ людямъ въ слухъ, и о такомъ великомъ милосердѣ Божьемъ воздали хвалу Богу, и молили о Царскомъ здравь и о всемъ православномъ Христіанствѣ, чтобъ Богъ устроилъ полезная, и жилъ бы еси Туринскомъ острогѣ съ великимъ береженьемъ, и сумняньбъ еси себѣ въ томъ никакого не держалъ, что по грѣхомъ насъ и васъ всѣхъ прельстилъ, то сдѣлалось по грѣхомъ по нашимъ, судомъ Божиимъ: а я и Государь Царь и Великій Князь Василій Ивановичъ всея Русіи Самодержецъ хотимъ васъ жаловати нашимъ Царскимъ жалованьемъ свѣше прежняго. Писана на Москвѣ, лѣта зрді, Маія въ ка день. Подлинная грамота за подписью дьяка Алексѣя Шпилова.

№ XVII.

Походъ Московскаго Царя Димитрія въ Москву съ Юріемъ Мнишкомъ Воеводою Сендомирскимъ и прочимъ рыцарствомъ.
1604 г.

Смотръ войска подъ Глинянами. Съѣхавшееся туда рыцарство составило Коло и избрало изъ среди себя Гетманомъ Пана Воеводу Сендомирскаго, а Полковниками Пана Адама Жулицкаго и Пана Адама Дворжицкаго. На Колъ постановили также статьи о походѣ. Потомъ съ Царевичемъ двинулись три роты: Пана старосты Саноцкаго, Пана Фредро и Царская. Пѣшихъ же 400 человекъ. Другія же роты направились сбоку и сзади и не прежде всѣ совокупились, какъ надъ Днѣпромъ за 2 мили отъ Кіева у Остржа при Московской границѣ. Идя къ Кіеву, мы опасались войска Князя Острожскаго Каштеляна Краковскаго, состоящаго изъ нѣсколькихъ тысячъ человекъ. Оно протягивалось надъ нами до самаго Днѣпра, и потому мы были въ осторожности; цѣлыя ночи не спали, и держали лошадей въ готовности.

Потомъ пришли къ Днѣпру. Панъ Краковскій приказалъ уничтожить всѣ перевозы, и потому мы оставались нѣсколько дней надъ Днѣпромъ, ожидая поромовъ, и по милости Божьей переправились чрезъ Днѣпръ благополучно. Одинъ только товарищъ, бывъ долго боленъ лихорадкою, соскучился недугомъ, бросился съ порома въ воду и потонулъ.

Пройдя Днѣпръ, мы шли чрезъ дубровы, красивыя поля и луга, густою травою покрытыя. Погода была хороша. Дорогою мы снабжали себя живностию.

Миновавъ Остеръ, граничный замокъ нашего Короля, шли мы къ Московскому замку Моравску. Въ 5 миляхъ отъ Моравска рыцарство уговорилось съ Паномъ Гетманомъ, дабы отправить впередъ нѣсколько Козацкихъ полковъ, а именно Белешка, который имѣлъ при себѣ 2000 Украинскихъ Козаковъ, Куцка и Швайковского.

Москали, узнавъ въ Моравскѣ, что Царь вступаетъ въ землю съ Польскимъ войскомъ, начали тревожиться и совѣтоваться; и болѣе отъ страха, чѣмъ по доброй волѣ, отправили пословъ къ Царю объявляя, что готовы сдаться. Мы подступили къ замку съ войскомъ въ порядкъ, и расположились обозомъ. Царь же съ Паномъ Воеводою въѣхалъ въ замокъ, и принялъ оный съ находящимися въ ономъ орудіями, а Москва тутъ же выполнила присягу на подданство. Снабдивъ какъ слѣдовало замокъ, двинулись мы къ Чернигову, лежащему въ 12 миляхъ отъ Моравска, надъ рѣкою Десною, которая течетъ и подъ Моравскомъ. Черниговъ замокъ весьма крѣпкій, и городъ очень достаточно снабженный орудіями. Козаки шли къ Чернигову передъ войскомъ и подъѣхавъ къ замку и къ городу, требовали, чтобы сдались Царю Дмитрію Ивановичу. Но ихъ не слушали: напротивъ того, стрѣляли въ нихъ и многихъ изъ нихъ убили. Узнавъ однакожь, что Моравскъ сдался, Черниговцы собрались на совѣтъ, и положили поддаться Царевичу: одинъ только Воевода, Князь Иванъ, тому противился, но Москва его связала. Между тѣмъ Козаки штурмовали городъ, желая обогатиться грабежемъ, прежде чѣмъ войско подоспѣтъ. Тогда Москали послали къ Царевичу изъ Чернигова, прося его послать къ Козакамъ, дабы не грабили города, ибо они сдались добровольно. Извѣстіе сіе было прискорбно Царю и войску, и онъ отправилъ къ Козакамъ Пана Станислава Борщу, а Пана Пржедровскаго, дворянъ и рыцарей своей роты: но до пріѣзда посланныхъ, Козаки городъ разграбили, и только пустыя каробы стояли передъ домами. На другой день Царь съ войскомъ стройно вошелъ въ Черниговъ, и увидѣвъ зло, учиненное Козаками, послалъ въ ихъ лагерь, весьма на нихъ досадуя, и приказалъ, чтобы возвратили взятое, въ особенно-

сти частное имущество. Въ противномъ случаѣ имъ угрожали, что Царь и прочее рыцарство раздѣлаются съ ними съ оружіемъ въ рукахъ. Тогда Козаки прислали къ Царю и къ рыцарству просьбу, представляя, что у нихъ много убитыхъ и раненыхъ, и что они поспѣшили завладѣть городомъ, единственно имѣя въ виду услужить Царю, ибо опасались, чтобы Москва, усилившись, не вздумала противиться. Царь остановился у Чернигова на нѣсколько дней, и приказалъ возвратить отнятое. Козаки хотя и не все, но возвратили часть. Царь же съ Паномъ Воеводою стоялъ лагеремъ близъ самаго Чернигова.

Тутъ рыцарство просило у Царя денегъ, жалуясь на недостатокъ въ платѣ и продовольствіи. Царь, взявъ 10,000 зл. изъ Черниговскаго замка, роздалъ ихъ рыцарству. Подъ Черниговымъ мы отдыхали недѣлю.

Оттуда мы двинулись къ Новгородку, за 36 миль отъ Чернигова. Лѣса по всей дорогѣ.

Козаки, подойдя къ Новгородку, надъ тою же рѣкою Десною, хотѣли тотъ часъ же сдѣлать приступъ; но опасались такого же гнѣва отъ Царя, какъ и въ Черниговѣ. А между тѣмъ Басмановъ, начальникъ замка, сжегъ городъ, а самъ заперся въ замкѣ.

Царевичъ, подойдя съ войскомъ въ порядкѣ, отправилъ къ замку для переговоровъ Пана Матвѣя Доморацкаго, Станислава Боршу, Блоскурскаго, Старосту Остерскаго и пр., и съ ними вмѣстѣ и Моравскихъ Москалей. Москва однакожь не хотѣла вступать въ переговоры; напротивъ стрѣляла по насъ еще сильнѣе и кричала. *а вы, блѣдныя дѣти, вы приѣхали съ воромъ за нашими деньгами.*

Когда войско стало лагеремъ надъ рѣкою Десною, въ четверти или полумили, отъ замка, вѣрно было тотъ часъ, копать траншеи и плестъ туры. Выставивъ 8 небольшихъ полевыхъ пушекъ и 6 фалконетовъ, на колесахъ и винтахъ, стрѣляли по замку, испытывая, не сдадутся ли? Наши Гусары, покинувъ лошадей, кто хотѣлъ, шли на приступъ; другія же роты стояли въ полѣ; но Москва дважды, стрѣльбою своею, отразила нашихъ отъ замка. Въ третій разъ, подѣлавъ

деревянные на санях срубы, и подвигая ихъ передъ собою, мы въ ночное время тихо пошли за ними, а еще позади насъ слѣдовали 300 человекъ съ соломою и хворостомъ, дабы потомъ зажечь солому и хворостъ подъ замкомъ. Дойдя къ замку, бросали хворостъ въ ровъ. Москали, увидѣвъ, стрѣляли изъ пушекъ и много нашимъ повредили. Штурмъ продолжался съ вечера до утра. Наши увидѣвъ, что не имѣя большихъ орудій, которыми бы можно сдѣлать проломъ, не лѣзя взять замка, отступили, потерявъ немалое число людей. Царевичъ былъ отъ того весьма смущенъ, такъ что отъ печали почти падалъ въ обморокъ, и негодуя на свое злополучіе и на Поляковъ, говорилъ: *я лучше судилъ о Полкахъ, но вижу они такіе же люди, какъ и другіе.* Услышавъ сіе, бывшіе тогда при Царевичѣ отвѣчали: *не забавляй нашей доброй славы, ибо то всѣмъ народамъ извѣстно, что намъ не повось брать штурмомъ крѣпкіе замки. Хотя мы и не обязаны ходить на приступъ; однако мы поддерживая славу предковъ нашихъ отъ того по нынѣ не отказывались, и отказываться не хотимъ; прикажите только сдѣлать проломъ, а когда намъ доведется сразиться съ врагами въ открытомъ полѣ, тогда Милостивый Царь увидишь храбрость и мужество Поляковъ, о которыхъ нынѣ отзываетесь такъ легко.* Малое время спустя наглядѣлся онъ на Польскую храбрость, и иначе сталъ судить о нихъ. Довелось нашимъ до того, что стали сомнѣваться подлинный ли онъ? Но на другой же день, по милости Всевышняго, получено утѣшительное извѣстіе, что идутъ посланные отъ города Путивля, лежащаго въ 15 миляхъ отъ Новогродка, съ объявленіемъ, что Путивляне готовы поддаться Царю. Сіе, при чудесной помощи Божіей, произошло слѣдующимъ образомъ: Москали Царскіе аллебардѣйки, пришедшіе съ Царемъ еще изъ Самбора, ѣздили за продовольствіемъ къ Путивлю. Вышедшіе Путивляне поймали ихъ и спрашивали: *Какіе вы люди?* Они отвѣчали: *мы братья ваши, идемъ въ отъѣздъ съ Дмитріемъ Ивановичемъ, Государемъ нашимъ природнымъ.* Не довѣряя разсказу, хотѣли было пытать ихъ, тогда они сказали: *Головы наши въ рукахъ вашихъ, можете дѣлать съ нами, что хотите, но мы не можемъ сказать ничего больше кромъ того, что*

знаемъ, и что удостоверились, что онъ есть истинный дьяволъ, и вамъ советуюемъ, ему поклониться. Они разсудивъ о томъ хорошо и посовѣтовавшись вмѣстѣ, связали Воеводу и привели ихъ въ лагерь подъ Новоградкомъ. Царевичъ и все рыцарство были тѣмъ весьма довольны, тѣмъ болѣе, что на третій или четвертый день послѣ того поддались замкъ Рыльскъ и Комарицкая волость.

Привезено потомъ изъ Путивля осадныхъ орудій 5, и по меньше 8. Наши выставили ихъ въ траншеяхъ, приискавъ выгоднѣйшее мѣсто для дѣйствія и стрѣляли изъ нихъ по Новограду весьма сильно. Въ первый день убили до 60 людей въ замкъ, ибо ядра пробивали стѣну насквозь. Стрѣльба сія продолжалась почти цѣлую недѣлю днемъ и ночью.

Потомъ дошли до насъ слухи, что великое войско Бориса, какъ сказывали до 200,000 человекъ, идетъ на насъ. Наши, по Божіей милости, того не побоялись. Изъ разныхъ ротъ собрались охотники, которые избравъ изъ среди себя начальниковъ, и взявъ съ собою Московскихъ провожатыхъ, пошли на встрѣчу Борисова войска, для наблюденія за движеніями онаго.

Москали также изъ войска Бориса отрядили передъ собою для открытія нѣсколько тысячъ Татаръ. Нашихъ не было болѣе 800. Встрѣтившись съ непріятелемъ нечаянно ночью, мы сразились. По Божьей милости, Татары побѣжали, и мы гнали ихъ въ болото, гдѣ много ихъ потонуло. Пльнныхъ досталось намъ нѣсколько десятковъ; пытая ихъ, мы узнали, что войско превеликое.

Чрезъ недѣлю потомъ, оное войско Борисово подошло къ намъ подъ Новоградокъ, къ самому почти лагерю, такъ что передовая стража наша убралась въ лагерь, давая знать, что народу много идетъ.

Панъ Воевода, въ качествѣ Гетмана, отправилъ свѣжую стражу изъ лагеря, дабы стереглись до разсвѣта. На другой день, призвавъ въ помощь Господа Бога, и затрубивъ тихо подъ сурдиною, войско выступило изъ лагеря. Москва укрѣпилась и стояла охорашиваясь и гарцуя. Басмановъ не переставалъ дѣлать частыя вылазки изъ замка, стрѣлая въ на-

шихъ. Потому наши отрядили нѣсколько сотъ Козаковъ, приказавъ имъ удерживать его. Нѣсколько разъ Козаки по пятамъ его врубивались въ самый замокъ. Наступилъ вечеръ: сраженіе не было дано, потому что время прошло въ переговорахъ Царевича съ Москвою.

На другой день, когда переговоры не имѣли успѣха, войско Московское, весьма многочисленное, подступило къ самому лагерю. Наши, будучи готовы, вышли изъ лагеря въ порядкъ. Устроили войско какъ умѣли лучше, и потомъ вели вступить въ сраженіе ротъ Пана Неборскаго, состоящей изъ 200 лошадей. Неборскій дрался хорошо, но былъ опрокинутъ Москвою. Отведя роту, онъ скоро опять возвратился на бой, и поскакалъ съ двумя ротами съ Крушиною и Былинскимъ. Въ то же время Дворжицкій такъ мужественно наступилъ съ своею Петигорскою ротою, что почти успѣлъ привести Москву въ замѣшательство. Потомъ бросились на непріятеля двѣ роты Гусарскія, Пана Старосты Саноцкаго и Пана Фредро. Третья Пана Шуки хорошо поддерживала. Наконецъ сразилась и четвертая Царская рота, изъ 200 лошадей состоящая, и много пособила, ибо тотъ часъ же большое Московское войско начало отступать. Были однакъ еще запасныя роты, которыя не сражались, ибо не было въ томъ надобности. Нѣсколько тысячъ стрѣльцевъ Борисовыхъ были такъ укрыты въ долу, что не скоро наши открыли ихъ. Польская пѣхота наша наступила на нихъ и съ помощью Божьею всѣхъ ихъ разбила. Такимъ образомъ, при помощи Божьей, мы отстояли поле и одержали побѣду. Войско Борисово отступило отъ насъ за двѣ мили, и подѣлало засыки и прокопы въ лѣсу. Наши чуть чуть не взяли богатую хоругвь главнаго Московскаго войска.

На другой день, по Христіанскому обычаю, погребали тѣла убитыхъ Москалей. Три огромныя могилы вырыты были на полѣ сраженія, и тамъ схоронено до 6,000 труповъ. Царь, провзжая между мертвыми тѣлами, и видя столь много своихъ земляковъ убитыхъ, очень сожалѣлъ и плакалъ. Поляковъ же убитыхъ, изъ значительныхъ, было не болѣе 20, и они похоронены съ великою честью при церквѣ, бывшей по-

среди лагеря; другихъ же простыхъ людей нашихъ погибло до 100, и ихъ похоронили возлѣ Москалей, въ малой могилѣ. Между мертвыми найденъ Мстиславскій, весьма изрубленный.

Послѣ перваго сраженія рыцарство наше размыслило, что претерпѣваютъ недостатокъ, какъ сами, такъ и челядь ихъ. Иныхъ же, кажется, приводилъ къ смятенію страхъ ожидаемой большей опасности. Всѣ стали требовать отъ Царя денегъ, говоря, что если не получатъ оныхъ, то тотъ-часъ же уѣдутъ въ Польшу. Царевичъ убедительно просилъ, дабы обождали, и не отказывались довершить побѣды надъ сильно-разстроеннымъ непріателемъ. Рыцарство ничего не слушало, и отвѣчало, что всѣ возвратятся въ Польшу, если не получатъ денегъ. Царевичъ, видя, что дѣло плохо, не зналъ на что рѣшиться, немнѣя, кажется, достаточно денегъ, чтобы всѣхъ удовлетворить. Тогда товарищи 3-ей роты Пана Фредро стали тайно говорить Царю: *Дай намъ однихъ деньги, такъ чтобы другія роты о томъ не знали: ибо роты сіи на насъ оглядываются; ежели мы останемся, то и онъ останется.* Несчастный Царевичъ дался въ обманъ, и въ ночное время послалъ къ нимъ деньги. Узнавъ о томъ, другія роты явно взбунтовались, упрекая Царевича, что одной ротѣ далъ деньги, а другія ничего не получили.

Панъ Воевода, который находился тогда въ болѣзненномъ состояніи, объявилъ, что дѣла его требуютъ присутствія его на Сеймъ, и въ слѣдствіе сего онъ оставилъ лагерь Царевича, а съ нимъ и большая часть рыцарства. Царевичъ былъ очень огорченъ претерпѣнными имъ отъ рыцарства разными непріятностями. У него отняли было и хоругвь его, и сорвали даже съ него соболью шубу, которую потомъ однакъ-жъ Москва выкупила за 300 злотыхъ. Многіе ругали его, и одинъ Полякъ сказалъ *«Ей ей, быть тебѣ на столбъ,»* Царевичъ за сіе далъ ему пощечину. Несчастный Царевичъ скакалъ отъ одной роты къ другой, умоляя именемъ Бога не покидать его. Но онъ никоимъ образомъ не хотѣли оставаться, кромѣ нѣсколькихъ товарищей изъ разныхъ ротъ, такъ что при Царевичѣ всего Польскихъ людей осталось не болѣе 1500.

Отправившееся съ Паномъ Воеводою войско испыгало великія бѣдствія: холодъ и голодъ, какъ сами люди, такъ и лошади ихъ. И потому между ими одинъ на другаго слагалъ вину отъѣзда. Въ самомъ дѣлѣ имъ довелось переносить болѣе трудовъ, чѣмъ оставшимся при Царевичъ людямъ.

Послѣ отъѣзда Пана Воеводы и отправившагося съ нимъ рыцарства, пришло 12,000 Козаковъ Запорожскихъ, конимъ Царевичъ давно послалъ хоругвь. Они имѣли при себѣ болѣе десяти малыхъ пушекъ. Царевичъ принялъ ихъ съ радостію, полагаясь много на ихъ мужество, ибо войско было значительное.

Собравшись съ ними и со всеми Поляками своими, онъ двинулся далѣе въ Московскую землю къ Комарицкой волости. Тамъ рыцарство, послѣ многихъ трудовъ, отдохнуло порядочно — 2 недѣли. Не хотя оставаться совсѣмъ въ бездѣйствіи, отряды дѣлали разъѣзды на 8 миль — Прежде еще, чѣмъ войско двинулось отъ Новогродка къ Комарицкой волости, Рылъскіе обыватели прислали къ Царевичу съ просьбою, дабы имъ далъ въ Рылъскъ Поляка, челоуѣка, къ коему бы самъ имѣлъ довѣріе: что и самому Царевичу показалось справедливымъ и нужнымъ. Онъ приказалъ немедленно Пану Боршу, своему Дворянину и Ротмистру, отправиться туда и осмотрѣвъ и снабдивъ замокъ продовольствіемъ и всѣмъ нужнымъ, возвратиться къ Царю. Боршъ, поднявъ хоругвь, набралъ до 200 товарищей. Борисово войско, узнавъ объ отъѣздѣ Пана Воеводы съ большею частію рыцарства, возымло отъ того великую противъ насъ отвагу, и придвинулось къ намъ на 6 миль. Царевичъ совѣтовался, что дѣлать, преимущественно съ Козаками, ибо на нихъ полагалъ всю свою надежду. Атаманъ и Полковники ихъ представляли, что должно наступать, не ожидая непріятельскаго нападенія. Нѣкоторые же изъ Поляковъ были того мнѣнія, что лучше выжидать непріятеля, избравъ выгодное для сраженія мѣсто; и стараться вести съ нимъ переговоры и медлить, не торопясь битвою. Послѣдствіе доказало, что сей совѣтъ былъ хорошъ. Сами Москвали потомъ говорили, что, видя значительное войско, наклонны были къ миру. Козаки однакожъ, упорствуя въ сво-

емъ мнѣніи, совѣтовали наступать непременно. Царевичъ послушался ихъ и двинулся со всеѣмъ войскомъ изъ Сѣвска, назначивъ себѣ въ Гетманы Поляка Пана Адама Дворжицкаго, что прежде былъ Полковникомъ. Подошли близко къ непріятельскому лагерю. Московское войско стояло въ порядкѣ, ожидая насъ : было его 30,000, болѣе чѣмъ подѣ Новгородкомъ. Начальниками онаго были двоюродный братъ Годунова, Семень Годуновъ и два брата Шуйскихъ. Поляки выстроившись въ порядкѣ, двинулись противъ праваго крыла Московскаго войска. Козаки стали на нашемъ правомъ крылѣ. Поляки построили въ одинъ рядъ 7 ротъ копейщиковъ, смѣшанныхъ съ Пятигорцами, и оставили въ запасъ 200 Гусаръ подѣ начальствомъ Пана Блоскорскаго. Тогда, призвавъ Бога на помощь, роты сразились: Пана Дворжицкаго Гетмана, Пана Станислава Борши, Пана Вержбицкаго, П. Билинскаго, П. Тышкевича, и П. Микулинскаго, и бились такъ мужественно, что прогнали Москву въ лагерь. Тамъ приняли нашихъ очень сильнымъ огнемъ: пули Московскія летѣли на насъ градомъ, но по Божьей милости вредили немного, ибо перелетали черезъ головы. Дымъ отъ сей стрѣльбы повѣялъ на занимавшихъ правое крыло Козаковъ, которые, не сражавшись, побѣжали отъ одного дыма сего. Поляки, думая, что Козаки такъ же съ ними сражаются, сильнѣе еще тѣснили Москву. За дымомъ не видно было, что дѣлается у Козаковъ. Но тутъ нѣсколько Поляковъ побѣжало съ извѣстіемъ, что Козаки уже утѣкли; тогда и мы стали отступать въ порядкѣ, отбиваясь и отражая Москву. Однакожь Козацкая пѣхота, бывшая при пушкахъ, сильно стояла противъ Москалей. Но мы, не будучи въ возможности противустоять столь превосходному числомъ непріятелю, все отступали въ ожиданіи, не возвратятся ли Козаки, и никакъ не могли спасти Козачьей пѣхоты, которую Москали разбили и пушки взяли. Тогда тѣ изъ насъ, которые имѣли лучшихъ лошадей, поскакали за Козаками, уговаривая и умоляя ихъ, дабы не навлекали на себя такого безчестія. Но они, не внимая ни чему, постыдно разбѣгались въ разныя стороны. Царевичъ срубилъ нѣкоторымъ головы, нагоняя ихъ

въ сопровожденіи другихъ Поляковъ : и такъ мы слѣдовали за Козаками 18 миль безъ отдыха до самаго Рыльска. Прійдя въ Рыльскъ, мы отдохнули два дня.

Потомъ двинулись къ Путивлю, 12 миль отъ Рыльска къ Польской границѣ. Войско Борисово слѣдовало за нами, надеясь настигнуть насъ въ Рыльскъ. Они пришли къ Рыльску на другой день послѣ насъ, и расположились лагеремъ. Москаля тутъ же приказали плести туры и копать траншеи, которые подведя къ городу, выставили пушки и сильно стрѣляли по Рыльску. Рыльскіе обыватели такъ же упорно защищались, будучи обнадежены Царевичемъ, что прилетѣть имъ войско на помощь. Въ самомъ дѣлѣ онъ послалъ 2,000 Москалей и 500 Поляковъ, которые вошли ночью въ городъ такъ удачно, что ихъ Москва не примѣтила, и узнала объ нихъ тогда, когда они уже вошли. Царевичъ же еще увѣрялъ Рылянь, что скоро прійдетъ на выручку ихъ съ значительнымъ войскомъ. Извѣстившись о томъ, рать Годунова очень испугалась, а мы еще болѣе трепетали опасаясь, чтобы они на насъ не наступили, ибо насъ было весьма немного, такъ какъ послѣ сраженія подъ Сѣвскомъ нашихъ не только что много, но даже почти и всѣ отправились въ Польшу не распроставшись. Тогда Царевичъ сталъ упрашивать Пана Ермолая Бялоскорскаго и Пана Станислава Боршу, дабы вѣхали за ними и ради Бога убѣждали ихъ возвратиться. Съ помощію Божіею, по ихъ увѣщанію, многіе возвратились, и малое только число отправилось въ Польшу. Возвратившись въ Путивль, мы опять размѣстили товарищей по хоругвямъ, ибо разбѣрелись было всѣ въ рознь. Паны Ротмистры снова устроили роты свои, приказавъ подымать какъ можно болѣе копій, въ которыхъ рыцарство терпѣло большой недостатокъ, ибо нѣкоторые были переломаны въ сраженіи, а другія утрачены при отступленіи. Потомъ мы разнесли слухъ, что намъ въ помощь идетъ значительное Польское войско, а именно Панъ Жолкъвскій, Гетманъ Полѣвой, хотя сіе было вовсе невѣроятно.

Москва Борисова, поймавъ Москаля изъ Путивля допрашивала его, что думаетъ Царевичъ и его войско? и онъ имъ

сказалъ: въ Путивль говорятъ, что большое войско идетъ въ помощь Полякамъ. Повѣривъ тому, весьма встревоженные Москаля, отошли отъ Рыльска, и какъ будто гонимые, отступили отъ насъ на 40 миль отъ Рыльска къ Кромамъ, что насъ весьма обрадовало.

Потомъ Царевичъ отрядилъ изъ Путивля и Рыльска 4,000 Козаковъ Донскихъ и Москалей, на помощь Кромскимъ жителямъ. Сіи такъ же вошли скрытно ночью въ городъ, Москва замѣтила ихъ тогда уже, когда послѣдніе входили, и дрались съ ними до тѣхъ поръ, пока и тѣ послѣдніе успѣли вступить въ городъ. Послѣ прибытія сего отряда въ Кромы, Борисово войско открыло жестокую пальбу изъ пушекъ и большихъ мортиръ, слѣдствіемъ коей было сожженіе Кромскаго замка. Но Кромскіе жители защищались неослабно. Войско отъ 7 до 8 недѣль стояло у Кромъ, сильно добывая городъ.

Между тѣмъ доходили до насъ въ Путивль частыя слухи, что городъ Кромы взятъ приступомъ. Слухи сіи тѣмъ болѣе тревожили насъ, что въ Путивль причиняли сильное негодованіе. Жены оплакивали мужей и сыновей своихъ: отъ того мы были въ опасеніи, не измѣнятъ ли намъ Путивляне, чтобы угодить Борису?

Въ сіе время пришло 500 стрѣльцевъ изъ Борисгорода и изъ Царяграда, которые передались Царю. Они имѣли красное платье, ибо находились прежде въ службѣ Бориса.

Скоро потомъ дошло до насъ несомнѣнное и для всѣхъ насъ весьма утѣшительное извѣстіе, о смерти Бориса. Тотъ же часъ жена Борисова изъ города Москвы послала къ войску, стоявшему подъ Кромами, чтобы присягали сыну ея Федору. Многіе присягнули. Однакожъ отъ того произошло не малое замѣшательство.

Мы же, имѣя о всемъ достаточное свѣдѣніе, не дождавшись изъ Польши ни одного живаго челоука въ помощь, двинулись противъ того войска съ Царевичемъ. У насъ было всего не болѣе 2,000 копѣйщиковъ, да Москалей могло быть, до 10,000.

Двинувшись изъ Путивля, отправили впередъ 3 роты По-

ляковъ, давъ имъ въ начальники Пана Запорскаго, съ ними было также нѣсколько тысячъ Москалей.

Подходя уже близко къ Кромамъ, Панъ Запорскій придумалъ такую хитрость: написалъ письмо къ Кромскимъ обывателямъ слѣдующаго содержания: *Извѣщаю васъ, что идемъ къ вамъ на выручку съ сильными Польскими войсками*, и съ тѣмъ письмомъ отправилъ Москала, взявъ его изъ Борисовой деревни Бильзовы. Показалъ ему нѣсколько ротъ и далъ рубль, дабы снесъ письмо къ Кромскимъ обывателямъ. Онъ былъ схваченъ людьми Борисовыми, и отведенъ въ лагерь. Читали письмо, отправленное въ Кромы, и весьма встревожились. Въ то же время Московская передовая стража, Татары, разбитые Паномъ Запорскимъ, прибѣжали въ лагерь, сказывал, что народу очень много, ибо наши тогда выступали изъ лѣса, и Татарамъ число нашихъ показалось велико: Москва испугалась, ибо донесеніе ихъ согласовалось съ письмомъ, которое Панъ Запорскій отправилъ нарочно, дабы оно было перехвачено.

Тогда отъ страха, Москва отправила посланныхъ къ Пану Запорскому, объявляя, что всѣ хотятъ бить челомъ Дмитрію Ивановичу, и что цѣлое войско уже ему крестъ цѣлуетъ.

Панъ Запорскій увѣдомилъ немедленно Царевича, и Москва сама вскорѣ прибѣжала къ нему, сказывал, что цѣлое войско цѣлуетъ крестъ тебѣ, а измѣнниковъ твоихъ мы связали. Царь и мы всѣ, находившіеся тогда съ нимъ въ большой опасности, весьма обрадованы были всѣмъ случившимся.

Потомъ пріѣхалъ Князь Голицынъ, бывшій между прочими начальникомъ и съ нимъ нѣсколько сотъ людей, которые донесли Царевичу, что цѣлое войско и вся земля въ его послушаніи. Рота Пана Борши стояла тогда на стражѣ и Поручикъ Пана Борши прислалъ ему сіе извѣстіе.

Мы, будучи уже тогда въ дорогъ съ Царевичемъ, двинулись далѣе къ столицѣ. А къ Московскому войску послалъ Царевичъ, дабы развѣхались, ибо были изнурены; только знатнѣйшимъ приказалъ ожидать себя у замка Орла.

Потомъ пришли мы съ Царевичемъ подъ замокъ Орель.

Тутъ противъ насъ выехало войско Московское, числомъ, какъ сказывали, до 80,000 человекъ; и такъ мы провожали его, съ Божьею помощію, благополучно къ столицѣ. Царевичъ однакожь, не довѣряя Московскому войску, приказывалъ располагать оное за полъ мили, а иногда и за милю отъ себя. Мы же, Поляки, были всегда при немъ на квартирахъ и въ походѣ, до самой столицы, содержа около него ночную стражу изъ ста человекъ.

Потомъ въ 15 миляхъ отъ Москвы, подъ замкомъ Серпуховомъ, учрежденъ былъ лагерь изъ шатровъ. Присланный изъ Москвы, для принятія Царевича, огромный и многоцвѣтный шатеръ, снабженъ былъ четырьмя воротами съ раскатами, такъ что походилъ на каменный замокъ. Комнаты въ немъ были богатыя и красиво вышитыя золотомъ: особенно столовая, въ коей Царь угощалъ насъ и Болръ. Сидѣло за столомъ до 500 человекъ. Угощеніе было роскошное, ибо повара пріѣхали изъ Москвы со всемъ нужнымъ, а такъ же и другіе служители и ключники. Двѣсти лошадей вели въ поводу: оныхъ всегда до 500 находится въ Царской конюшнѣ, и также нѣсколько каретъ съ весьма красивыми шестернями. Такимъ образомъ мы шли къ Москвѣ; ежедневно Царя встрѣчали Болре, принося подарки, соболи, золото, серебро.

Съ помощію Всевышняго, вошли въ столицу при благопріятствующей погодѣ. Народу много стояло на крышахъ, смотря на Поляковъ.

Мы ввели его на самый дворъ въ замокъ, и стояли въ порядкѣ при хоругвяхъ, пока онъ не слѣзъ съ лошади и не ушелъ въ палаты.

Квартиры для всѣхъ нашихъ хоругвей отведены были на одномъ Посольскомъ дворѣ: тамъ было намъ очень тѣсно. Однакожь потомъ нѣкоторые перешли на другія квартиры.

Короноваться Царь не хотѣлъ до пріѣзда матери, которая была въ дорогѣ. Ожидалъ ее 4 недѣли.

Тогда Шуйскіе, знатные люди, хотѣли ему и намъ учинить измѣну, подложивъ огонь ночью. Мы однакожь смѣкнули, и Царевичъ приказалъ схватить ихъ и вывести на пло-

щадь. Однакожь по ходатайству нѣкоторыхъ сенаторовъ, Царь даровалъ имъ жизнь, и отослалъ куда-то далеко отъ Москвы: но уже теперь опять въ милости.

Чрезъ нѣсколько дней послѣ прїезда его матери коронованіе совершилось. На встрѣчу матери онъ шелъ пѣшкомъ полъ мили, выйдя изъ кареты, съ другими Поляками. А когда она ѣхала городомъ Москвою, то онъ шелъ пѣшкомъ при каретѣ.

Вскорѣ послѣ коронованія произошло большое замѣшательство между Москвою и Поляками, по той причинѣ, что Москва, по маловажному поводу товарища нашего, Шляхтича Польскаго Липскаго, приказала палачамъ бить кнутомъ и водить по улицамъ по своему обыкновенію. Увидѣвъ то, наши бросились на нихъ. Много было убитыхъ и много раненыхъ. Царь былъ весьма недоволенъ, и послалъ сказать Полякамъ, чтобы ему выдали виновныхъ, а не то велить вывестъ пушки, разбить занимаемый нами дворъ до основанія, и потомъ ни малѣйшаго ребенка изъ нашихъ кормить не будетъ. Поляки такъ отвѣчали на сіе посланіе: *Такую пользуаемъ награду за кровавыя услуги наши, которыхъ мы для Царя не щадимъ: мы того не побоимся! пусть умремъ мучениками! Будетъ однакожь о томъ знать Пани нашъ Король и братья наши. А мы покаместъ хотимъ погибнуть, какъ Рыцарскіе люди, и пока не умремъ, много вреда надѣлаемъ!* Намѣреніе рыцарства, было броситься на Москалей, коихъ было въ сборѣ нѣсколько десятковъ тысячъ; искали только священника, чтобы прежде исповѣдаться. Донесено было Царю, на что Поляки рѣшаются, и онъ, удивляясь великодушію ихъ, послалъ къ нимъ вторично, дабы не отказывались выдать виновныхъ, обещалъ, что имъ ничего не будетъ сдѣлано, лишь только бы оказали покорность для успокоенія Москалей. И такъ Рыцарство, получивъ отъ него сіе удостовѣреніе, выдало трехъ человекъ съ условіемъ, дабы не были наказываемы, такъ какъ они не болѣе прочихъ были виновны, ибо все били, а что выдаются они только въ угожденіе Царской милости. Выданы были изъ роты Пана Борши одинъ товарищъ, Павелъ Держбицкій, изъ роты Пана

Вержбицкаго Щигельскій, изъ роты Пана Богухвала Шелиборскій, коихъ Царь обещалъ возвратити безвредно. Однакожь они были въ большомъ страхѣ, ибо ихъ посадили въ тѣсную темницу, гдѣ около стѣнъ находились узкія скамейки, а подъ скамейками разные, желѣзные, острые крючки, лишь бы только который изъ нихъ сдремалъ, то погибъ бы лютою смертію, и они намѣревались уже бѣжать, если бы имъ пришлось оставаться тамъ долѣе, но ихъ продержали только однѣ сутки.

Ротмистры, провожавшіе Царя до столицы, были Паны Дворжицкій Гетманъ, Станиславъ Борша, Иваницкій, Блоскорскій, Вержбицкій, Запорскій и Богухвалъ.

Сію Московскую исторію сочинилъ Панъ Станиславъ Борша, Ротмистръ и дворянинъ Великаго Царя Московскаго, Дмитрія Ивановича. Лѣта Божьяго 1606.

КОНЕЦЪ ПРИЛОЖЕНІЯМЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.